

ИСТОРИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ИНДИЯ,
ЦЕЙЛОН,
ИНДОКИТАЙ

*Индия, Цейлон
и Индокитай —
с древнейших эпох
и до начала XX века!*

снова и снова и наполняешь опять свежей жизнью...

Р. Тагор

Знаем ли мы что-либо доподлинно о далекой и таинственной Индии?.. Если спросить западного человека, какие ассоциации у него вызывает слово «Индия», он, не задумываясь, воскликнет: «Благовония, блаженство, Бог!..» А восточный житель на такой же вопрос, помолчав, ответит: «Бог, блаженство, благовония...» И в этом-то и есть главное, сущностное, отличие Востока от Запада. Лишь вникнув в суть метафизических учений иного, экзотерического, мироощущения, ощутив горячую мягкую пыль под ногами, вдохнув полной грудью раскаленный благоухающий сладостью воздух, напоенный блаженством, европеец начинает понимать, что Индия — это прежде всего философия.

Пребывая в Вечности под баньяновым деревом Маха-калы — безграничного времени, душа Индии остается погруженной в глубокую медитацию. И из этой медитации выходят во внешний мир великие идеи и идеалы, которые дают человеку возможность выйти за пределы земного и эфемерного и достичь осознания единства всего сущего, где только и возможны бессмертие и абсолютная свобода от всех оков.

За пять тысячелетий, на протяжении которых можно проследить историю Индии, в каждом веке и в любом уголке многонациональной страны стремление реализовать эти идеи и идеалы вновь и вновь зажигало сердца миллионов мужчин и женщин, и множество из них посвящало себя их осуществлению. Воплощенные в жизнях выдающихся личностей, эти идеи сформировали неповторимую индивидуальность индийской культуры. Вглядевшись в панораму истории, мы обнаружим, что на всем ее протяжении женщины Индии не уступали мужчинам, внося свой вклад в сокровищницу духовных достижений, несмотря на постепенное искажение древней традиции и унижение женщин в позднейшие, ближайšie к нам века. Однако тема и проблема положения индийской женщины остается наиболее спекулятивно болезненной до наших дней и, к сожалению, скудно и весьма пристрастно освещенной в печати, поэтому мы решили уделить этому особое внимание.

Больше всего нареканий, как правило, вызывает существовавшая и широко распространенная до XX в. традиция ранних и даже детских браков. Этот обычай может выглядеть для европейцев странным и даже жестоким, но все не так однозначно^ как кажется на первый взгляд. Все дело в традиции индийского воспитания, но с течением времени люди исказили древнюю мудрость (и так происходило, согласитесь, не только в Индии).

В ранний ведический период эта традиция выглядела совсем иначе. Девочки из высших каст, как и мальчики, изучали Веда и, достигнув надлежащего возраста, получали священный браминский шнур. Облечение священным шнуром в древнеарийской традиции означало для подростка начало периода брахмачарья — обучения. Ученику предписывалось жить в доме учителя до завершения образования. В брак могли вступать только взрослые юноши и девушки.

Согласно древним литературным источникам, до начала христианской эры женщины в Индии исполняли ведические обряды наравне с мужчинами и получали более или менее полноценное образование. Но постепенно, растворяясь в веках, древние заветы трансформировались в пристрастных умах людей, — и эту традицию сменяла другая, искаженная, по которой те знания, которые ученик получал от гуру, женщина должна была получать от

своего мужа, а брачная церемония для нее приравнивалась к облечению священным шнуром. Подобное нарушение ритуала внесло существенные изменения в женское образование и семейный уклад, поскольку молодые люди получали право изучать Веда и выполнять религиозную практику только после церемонии облечения священным шнуром. Все образование строилось тогда на религиозной основе, и таким образом женщины были лишены доступа к знаниям.

Предполагалось, что подобная практика создаст особенно гармоничную атмосферу в семьях, поскольку женщина будет полностью разделять возвышенные устремления своего супруга. Церемония облечения священным шнуром для мальчиков проводилась в детские годы (как правило, в 7—8 лет), поэтому и вступление в брак для девочек после этого нововведения также стало осуществляться в раннем возрасте. Мальчик должен был получать знания, воспринимать основы духовной этики и проходить серьезную религиозную практику под руководством своего учителя в детские и юношеские годы, когда формируется характер. В брачные отношения как таковые он вступал уже взрослым человеком, а до того — воспитание и образование жены становилось его первой обязанностью, которую он должен был выполнить задолго до того, как в семье начинали рождаться дети.

Таков был индийский идеал отношений между мужчиной и женщиной. Но со временем эту возвышенную традицию постигла та же участь, что и многие другие, — постепенно она утратила свой первоначальный смысл и превратилась в социальный предрассудок, развращающий мужчину и калечащий жизнь женщины с самого юнб-го возраста. Мало того, что девочки были закрыты все возможности образования, но зачастую это приводило к тому, что она становилась матерью еще подростком.

Разумеется, молодые люди из интеллигентных семей не злоупотребляли системой ранних браков, и после совершения формальных свадебных церемоний невеста брамина возвращалась в родительский дом и жила там,

5

пока не становилась взрослой. Но в целом до начала XX в. ситуация в этой сфере индийской жизни была удручающей, потому что девочка, не прошедшая брачных церемоний до десятилетнего возраста,

становилась объектом травли со стороны общества. Дочь, которую любили и лелеяли, становилась тяжким бременем для родителей, пока она не была выдана замуж.

Но все же идеал осуществим, и при надлежащих условиях он приносит свои плоды. Его реализацию мы находим в жизни великих женщин Индии. Так, например, Шри Сарада Деви (1853—1920 гг.) была выдана замуж за Шри Рамакришну (точнее говоря, помолвлена), когда ей было 5 лет, а ему — 23 года. Но ее муж был мудрецом и великим Учителем, а она — чистейшей восприимчивой его возвышенного учения и преданной сподвижницей в дальнейшем.

Возвращаясь к истокам этой традиции, мы должны признать, что до сих пор нам немного известно о ранней культуре ведического периода (к XII—VII вв. до н. э. относят создание древнейших¹ вед: Ригведы, Атхарваведы, Самаведы и Яджурведы). Но сохранившиеся отпечатки и изваяния позволяют с достаточной уверенностью предположить, что в те далекие времена поклонялись Богу в его женском аспекте как Матери, отсюда и современный культ Кали, Божественной Матери. Много споров ведется о том, к какому времени относится так называемая ранняя ведическая культура и имеют ли ее корни арийское происхождение. Этот вопрос еще недостаточно изучен, но недавние опыты по расшифровке манускриптов, относящихся к цивилизациям Мохенджо-даро и Хараппа, позволяют выдвинуть теорию о том, что они современны ведическому периоду и могут быть родственны ему.

С уверенностью можно утверждать лишь то, что женщина, как в своем человеческом аспекте, так и в божественном, играла важную роль в жизни цивилизации Хараппа. В ведической литературе, отражающей этот период, мы встречаемся с различными образами богини-матери, среди которых наиболее известны Ади-ти, Притхви, Сарасвати, Шри, Дэви, Ратри, Амбика, Ума

и Дурга. Этим богиням поклонялись как проявлению великого космического принципа, подчеркивая тем самым главенство женского начала в некоторых аспектах Божественности. Ведические Самхиты знакомят нас с великими женщинами — авторами гимнов, которые оставили неизгладимый отпечаток в этой литературе. Их называют брахмавадинис, имена некоторых из них — Висвара, Апала, Гхоша, Годха, Лопамудра, Сасвати, Ромаса и Вахх. Гимн, написанный Вахх, который позднее стал известен как Дэви Шукта, — уникальное и не имеющее себе равных философское открытие, дающее возможность увидеть стройную картину единства всего сущего и освещающее понятие Шакти — единоначальной энергии, которая стоит за всеми проявленными феноменами. Индийские женщины могут гордиться тем, что именно из уст одной из них впервые прозвучали эти вдохновенные слова.

В исторический период, к которому относится написание Упанишад (VII—III вв. до н. э.), также жили выдающиеся женщины, являвшие собой идеалы индийской женственности. Одна из них — Гарги, которая прославилась тем, что вела полемику с великим мудрецом Джайнавал-кьей о высшем изначальном источнике Бытия — Брахмане, и хотя великий ученый одержал верх в этом споре, метко заданный ею вопрос не позволил ему добиться окончательной победы: она вынудила его окончить спор тем, что в своем последнем вопросе предложила Джайнавал-кье определить неопределимое. Другая великая женщина, жившая в этот период, Майтрейи, известна тем, что на предложение мужа, который решил удалиться от мира, т. е. стать отшельником, и хотел поделить домашнее имущество между двумя своими женами, возразила ему, напрямую задав вопрос, во все времена волновавший умы индусов: «Что я буду делать со всеми этими вещами, которые не помогут мне достичь бессмертия?..» Майтрейи стала ученицей и неизменной спутницей своего мужа-праведника и достигла просветления. Нормы и внешние формы поведения, установленные этими великими женщинами-пророками ведического периода, на все времена определили для индийских женщин их жизненный путь и ту цель, к которой он должен привести.

Главной отличительной чертой древней индийской культуры и цивилизации всегда было стремление к одной цели — подняться над бесконечным разнообразием бытия и достичь понимания единства всего сущего. Реализовав эту цель, Индия возвестила всему человечеству о единственной возможности достичь бессмертия в мире, где все подвержено болезням, старости и смерти. Все общественные, нравственные и даже политические усилия индийской мысли были направлены на то, чтобы помочь людям достичь этой цели, для чего и были сформулированы не только правила повседневной жизни и нормы поведения, но и методы духовной и религиозной практики — йога. Приняв это во внимание, мы сможем по-другому взглянуть на многие старинные ритуалы и обычаи, которые воспринимаются нами как предрассудки и кажутся устаревшими. Ознакомившись с жизнеописаниями не только великих пророков и мыслителей Индии, но и таких великих женщин, как Сита, Савитри, Да-маянти и других, живших в этот мифологический период, мы обнаружим у них такие добродетели, как преданность своим мужьям, чистота души, терпение, воздержанность и бесстрашие — качества, необходимые в этой брэнной жизни, для того чтобы достичь духовного совершенства.

Национальная жизнь Индии имеет долгую и насыщенную разнообразными событиями историю, в которой были и взлеты, и падения. Но всегда, когда в Индии наступал период упадка, в стране непременно появлялся великий человек — аватар, который приносил с собой освежающий ливень духовной энергии и помогал Индии подняться на новую духовную высоту. Так, Рама, Кришна, Будда и Чайтанья рождались в самые тяжелые для Индии времена и спасали страну от угрожавших ей несчастий, бедствий и опасностей. И каждый раз происходило удивительное явление — вместе с аватаром являлась великая женщина, чтобы стать его супругой. С Рамой пришла Сита, с Кришной — Радха, с Буддой — Гопа, с Чайтаньей — Вишнуприя, с Рамакришной (1836—1886 гг.) — Сарада, которую последователи нарекли Святой Матерью. Эти

великие женщины являли собой живой пример исполнения Дхармы, проповедовать которую приходили их божественные супруги, и таким образом Дхарма, найдя свое выражение в их жизни, могла быть после этого воспринята и простыми женщинами наравне с мужчинами.

Надо сказать, что к XIX в. Индия пришла в состояние глубокого упадка, и появление аватара стало для нее насущной необходимостью. И новый пророк — Шри Ра-макришна пришел на землю именно в это время, чтобы указать новый путь как для Индии, так и для всего мира. Произведя серию ошеломляющих научных открытий и технических достижений, человечество не могло больше следовать традиционному жизненному укладу. Даже Европа в конце XIX — начале XX в. бурлила многочисленными экзальтированными дискуссиями, вызывающими к жизни новые философские и мистические направления, крупнейшим из которых стала теософия. Обретение новых идеалов и устремлений стало самой насущной задачей и для Индии.

Индийские хроники повествуют нам, что неистовая любовь к богине Кали бушевала в сердце Рамакришны с самого рождения. Жизнь без ощущения реального присутствия Божественной Матери была для него совершенно невыносимой. Шаг за шагом Рамакришна проходил через различные практики аскетизма, очищая свой ум, в надежде, что тогда Мать откроет себя его взору. В конце концов наступил момент, когда Рамакришна решил покончить с этой бесполезной жизнью, в которой он не способен познать Божественную Мать. В порыве безумного отчаяния он выхватил меч из рук каменного изваяния Кали, чтобы убить себя. И в это же самое мгновение океан света залил собою храм и Мать предстала перед ним во всей своей красоте, остановив занесенную для удара руку. Сознание Рамакришны слилось с ослепительным и сияющим океаном духа, и несколько дней он пребывал в божественном экстазе.

С этого дня только Мать наполняла и благословляла всю жизнь Рамакришны. Больше он не мог совершать ритуального богослужения. Ощущая живое присутствие Матери, он вел себя как любящий ее ребенок. Иногда он пел для Нее прекрасные песни, иногда танцевал в божественном экстазе, иногда плакал, а иногда разговаривал с Ней.

Затем по воле Божественной Матери в Дакшинешва-ре, где жил Рамакришна, появился странствующий монах Тоттапури. Он предложил Рамакришне сделать следующий шаг на пути к Истине. С благословения Матери Кали, Рамакришна поверил себя учителю и приступил к изучению и практике Адвайты-Веданты под его руководством. Тоттапури разъяснил ему сущность основных истин Веданты, ведущих к вершине духа — подлинному Я, единому и неделимому Брахману.

Для того чтобы осуществить слияние с Брахманом, Рамакришна должен был отказаться от всех надежд и привязанностей, в том числе и от горячей любви к богине Кали. Ее лучезарный образ возникал перед мысленным взором Рамакришны всякий раз, когда он пытался сосредоточить свой ум на безличном Атмане. Тогда Тоттапури воткнул кусочек стекла в его переносицу, и Рамакришна мысленно рассек им чарующий образ Божественной Матери. Тотчас же, освобожденный от последней привязанности, его дух вознесся за пределы условного бытия (сравните это со стигматическим экстазом католических святых). Тоттапури же был несказанно удивлен тем, что Рамакришна за три дня смог войти в высочайшее состояние нирвикальпа-самадхи, которого он сам достиг только после сорока лет упорной духовной борьбы.

Рамакришна оставался в этом сверхсознательном состоянии в течение шести месяцев, совершенно забыв весь внешний мир и даже о собственном теле. Когда к нему постепенно вернулось земное сознание, Божественная Мать велела ему всю дальнейшую жизнь быть бхавамук-той, оставаясь на пороге трансцендентального и относительного бытия, чтобы служить миру. В каждое мгновение осознавая, что все сущее есть единый Брахман, он в

10

то же время исполнял божественную волю, указывая другим путь к Богу через служение Ему в каждом человеке.

Поняв, что все религии ведут к Единому, Рамакришна решил на собственном опыте исследовать эти пути. Сначала он практиковал ислам, строго выполняя все его предписания, под руководством учителя-суфия. И награда не замедлила — в течение трех дней Рамакришне являлся сияющий образ пророка Магомета, потому что он постиг и мусульманского Бога, также не имеющего формы, но наделенного качествами. Затем, 7 лет спустя, Шамбху Маллик, индус из Калькутты, прочитал ему Библию, и жизнь Христа проникла в сердце Рамакришны. В течение многих дней он был полностью поглощен мыслью об Иисусе Христе. Однажды, сидя в доме одного из своих последователей в Дакши-нешваре, Шри Рамакришна увидел изображение Мадонны с младенцем Иисусом, и божественные чувства охватили его. Он увидел, как фигуры на картине ожили, и исходящие от них лучи света достигли самой глубины его сердца, и Рамакришна погрузился в состояние экстаза. Так Рамакришна постиг на собственном опыте, что христианство — один из путей, ведущих к освобождению, и с тех пор воспринимал Иисуса Христа как воплощение Бога и чтит Его наравне с Буддой, Кришной и другими Божественными инкарнациями.

Слава о Рамакришне разрасталась, и отовсюду стали к нему стекаться люди, ищущие духовности. Первыми его начали посещать паломники и святые, желавшие взглянуть на того, кто прошел не один, а все пути Садха-ны и достиг реализации Бога. Затем к Бхагавану (санскр. — Блаженный Господь, т. е. человек, достигший реализации Бога) стали проявлять интерес наиболее выдающиеся и известные в стране люди: Кешаб Чандра Сен, Рам Мохан Рой, Дсвендранат Тагор и многие другие. Постепенно имя Рамакришны стало широко известным среди калькуттской интеллигенции.

В числе его почитателей было несколько молодых людей, в которых Рамакришна чувствовал особую духов-
11

ную одаренность (двое из них в будущем стали известны как Свами Вивекананда и Свами Брахмананда). Объединенные общей идеей — явить миру живой идеал Веданты, эти молодые люди сплотились вокруг Шри Рамакришны, преобразенные его любовью. В дальнейшем они приняли обет монашества и сформировали орден Рамакришны, основная идея которого — в реализации Бога через служение людям. Незадолго до ухода Рамакришна передал своей духовной спутнице Шри Сараде Деви и преданному ученику Свами Вивекананде всю духовную силу, чтобы они могли продолжить начатое им дело — донести до человечества учение о высшем смысле жизни. Именно Свами Вивекананда принес миру весть древней мудрости Веданты, освященной жизнью и учением Шри Рамакришны. Выступление Вивекананды на первом в истории Парламенте религий в 1893 г. в Чикаго стало воистину триумфальным. Вся жизнь этого любимого ученика Рамакришны являла собой пламенное служение человечеству, благодаря которому Запад узнал философию Востока и в мире пробудились новые духовные силы.

Рамакришна учил, что реализация Бога — единственная цель человеческой жизни, что Бог не просто абстрактный объект той или иной веры, но Высшая Реальность, которая должна быть полноценно проявлена в каждой человеческой жизни. Пройдя путями трех главных религий мира (индуизма, ислама и христианства), Рамакришна на собственном опыте убедился, что все истинные учения ведут к единой цели и наглядно показал миру, что нет причины для разногласий и поэтому вместо войн и ссор между представителями разных конфессий должны царить мир и сотрудничество. Гармония между различными религиями и служение человеку как подлинному проявлению Бога во плоти составляют основу учения Шри Рамакришны.

Все те духовные истины, о воплощении которых мечтала Индия и которые в течение тысячелетий были частично реализованы теми или иными великими личностями,

12

нашли свое полное проявление в жизни Рамакришны и Святой Матери. В мире, подобно нарастающему приливу, пробудилась великая сила, ведущая все человечество к двери освобождения, и имя этой силы — любовь. Главная идея, квинтэссенция многовековой индийской философии, которую Рамакришна подарил миру, — *любовь как образ жизни*. Это значит — видеть Бога в каждом человеке и служить ему. Знакомое каждому европейцу «всё тщета и ловля ветра» Экклезиаста на волшебной индийской земле трансформировалось во вдохновенные прекрасные песнопения Тагора: «Где я могу встретить Тебя, как ни в этом доме моем, сделавши его Твоим? Где могу я соединиться с Тобою, как ни в этом повседневном моем труде? Если оставить мне дом мой, я не найду Твоего дома; если прекратить мой труд, я не соединюсь с Тобой в твоём труде. Потому что Ты обитаешь во мне и я в Тебе. Ты без меня и я без Тебя — ничто...»*

* Тагор Р. Творчество жизни (Садхана)/Пер. с англ. А. Ф. Гретман, В. С. Лемпицкой. Самара: Ра, 1993.

Индия

ПРИРОДА ИНДИИ

Страна

ЕДВА ЛИ найдется другая страна, которая соединяла бы в себе на таком ограниченном пространстве столько самых различных географических и антропологических особенностей, как Индия. Это как бы целый мир в сжатом виде: самые разнообразные естественные и культурные условия встречаются здесь рядом, и богатству природы соответствует многообразие народной жизни и ее развития. Противоположности сталкиваются резко: обширные равнины и самые высокие в мире горы, жгучий летний зной и вечный холод снеговых вершин, полнейшая засуха и самые обильные на всем земном шаре осадки, необыкновенное плодородие и ужасающие пустыни. Здесь дикарь, пробавающийся почти одной охотой, самым примитивным образом возделывающий землю, а рядом безмятежный брахман, погруженный в размышления о сокровеннейших тайнах бытия; здесь черный дравид* и желтолицый монгол, там — в быстро созидающихся мировых городах — представитель белых! Борьба всех этих различных рас и народов за преобладание составляет историю Индии.

Своим названием страна обязана пограничной реке на северо-западе, «быстротечному Синдху» арийцев, название которого древние культурные народы Европы при своем первом соприкосновении с этой далекой * Дравиды — народы, населяющие главным образом Южную Индию: телугу, тамилы, малайяли, каннара, ораоны, гонды и другие. — *Прим, ред.*

14

страной распространили на всю прилегающую область. Индия представляет средний из больших полуостровов, удлиняющих Азию к югу. Своей южной половиной она принадлежит к тропическому поясу, северными же частями простирается за 35° широты умеренного пояса. Занимая окраинное положение, она только с севера, северо-востока и северо-запада непосредственно соприкасается с остальной Азией, примыкая к поясу степей и пустынь, между тем как ее юго-западные и восточные берега граничат с обширными морями, которые служат только препятствием в сношениях народов, стоящих на низкой ступени развития. Совсем на юге лежит остров Цейлон, но так близко примыкая к материку, что отделяющий его узкий и мелкий пролив является скорее не разделяющей преградой, а связующим звеном.

По величине Индия равна Западной Европе, если мы эту последнюю обозначим линией, проведенной вдоль

восточной границы Норвегии, Дании, Германии и Австрии; по числу жителей она значительно превосходит очерченную таким образом (293 млн против 240 млн), а восточную Европу (125 млн) она превосходит в два с лишним раза.

Ландшафт

Горизонтальное расчленение страны представляется чрезвычайно простым: растянутая линия ее берегов имеет очень мало выступов и углублений; самой большой оухтой является Камбейский залив (Кхамбат), который давно уже приобрел большое значение в сношениях родов. Хорошие гавани имеются лишь в незначительном количестве (Бомбей, Гоа); на западе крутые берега у Западных Гатов, на востоке низкие берега с их ^{Прибоем в} период муссонов представляют ^{Трудности для} мореплавания. Только по обеим р; ^{Южной} оконечности полуострова образовались благоприятствующие даже в период муссонов

15

береговому сообщению. На северо-востоке и северо-западе береговой полосы переполненные илом реки Инд и Ганг (Ганга)* с Брахмапутрой выдвинули в море громадные дельты, мало доступные для судов как по причине изменчивого русла их рукавов, так и вследствие засорения их илом; только один из притоков Ганга (Хугли) уже полтора столетия пользуется громадным значением в политическом и коммерческом отношениях. Что касается границы, отделяющей Индию от остальной Азии, то она очерчена так же просто, как и береговая линия.

Более разнообразным является вертикальное расчленение страны; здесь перед нами три большие области с резко обозначенными особенностями: великая горная цепь на севере полуострова, Северо-Индийская низменность и плоскогорье на юге.

Северный край Индии и его границу с среднеазиатской нагорной частью страны образует высочайшая в свете горная цепь «жилище снегов», Гималаи. Ограниченная на востоке и западе двумя прорывами, образуемыми Брахмапутрой и Индом, эта цепь простирается в длину на 2400 км при равномерной ширине в 220 км и при основании, равном по величине всей Германии. Ее значение для Индии заключается в образуемой ею климатической защите против лишенных стока областей Азии, равно как в ее свойстве собирать осадки, питающие могучие реки, орошающие северную Индию, и, наконец в том, что она представляет собой пограничный вал, защищающий Индию от вторжения беспокойных степных народов; ибо Гималаи не только имеют высочайшие в мире вершины, но и на всем протяжении своего хребта почти недоступно высоки и для больших групп людей совершенно непроходимы. Никогда еще не происходило вторжения значительных народных масс или войск через Гималаи со стороны Тибета; а безумная попытка султана

* Ганга — в индуистской мифологии небесная река, которая спустилась на землю, и стала рекой Ганг, почитаемой индусами священной и являющейся объектом паломничества. — *Прим. ред.*

16

Магомета Ибн Тоглука напасть на Китай со стороны суши закончилась полной гибелью индо-станского войска в снегах Гималайских гор (1337 г.). Немногочисленные проходы доступны лишь небольшим группам: через них проникают купец и миссионер, и этим-то путем уже с давних времен не только происходило медленное просачивание монгольских элементов (Бутан, Сикким, Непал), но и буддизм нашел здесь себе дорогу на север.

С двух сторон к Гималаям примыкают другие горные системы, и вместе они образуют со стороны суши естественную границу Индии с остальной Азией. На северо-западе эти пограничные цепи между Индией с одной стороны, Афганистаном и Белуджистаном — с другой с севера на юг понижаются и прорезываются несколькими горными проходами: через их длинные узкие долины вторглись все те чуждые элементы (арийцы, ассирийцы, греки, скифы, афганцы, монголы, персы и т. д.), которые с давних пор служили закваской для дальнейшего исторического развития народностей Индии.

С востока к Гималаям примыкает ряд высоких и крупных, направленных по меридиану горных цепей с прилегающими между ними глубокими долинами, по которым стремятся на юг Иравади, Сальвен, Меконг, Янтзе-ки-анг (Янцзы) — сильная преграда для сношения. Самая западная из этих горных цепей отделяет от себя в юго-западном направлении еще один отрог, доходящий до Бенгальского залива, — это достигающие 1700 м Пат-кайские горы. Таким образом Индия и с востока замыкается горным барьером, окаймляющим в виде подковы низменность устьев Брахмапутры. Южная часть этого барьера не совсем неприступна, — через нее-то и происходило вторжение индо-китайских элементов, примесь которых сильно проявляется в антропологических признаках населения Ассама, Нижнего Бенгала и Ориссы.

Вторая обширная область Индии составляется двумя большими речными системами Инда и Ганга—Брахмапутры. То обстоятельство, что Инд в быстром течении и кратчайшим путем стремится к морю под прямым углом

17

к горной цепи, имело для природы бассейна и жизни его обитателей столь же важные последствия, как и параллельное к горам и прямое направление течений Ганга и Брахмапутры. Только на своем протяжении в предгорьях Гималаев, где Инд обогащается притоками с гор, он доставляет достаточное орошение для возделывания почвы.

Здесь земля расточает человеку свои дары в таком изобилии, что еще в далекие века Пятиречье было целью всех стремлений кочевников, обитавших в сухих степях Афганистана и Средней Азии. По нижнему же течению

Инда земля, годная для обработки, ограничивается узкой полосой по обеим его сторонам; сама же река отличается здесь такой стремительной быстротой, что представляет величайшие затруднения для плавания судов; кроме того, большое количество ила, которое она несет, подвергает дельту ее постоянным изменениям, засоряя рукава дельты и прилегающее море мелями, чрезвычайно затрудняющими выход в открытое море. К востоку от Инда, за плодородной полосой простирается огромная пустыня, представляющая серьезную преграду для сообщений. На юге эта пустыня доходит до моря, на севере она почти достигает подножия Гималаев и только здесь, между обоими речными бассейнами, она оставляет узкую полоску, по которой может совершаться сообщение. В этом месте, поэтому, постоянно происходили столкновения между народами, желавшими проникнуть с запада вглубь Индии, и между обитателями бассейна Ганга. Здесь неоднократно происходили решительные битвы, надолго определившие судьбы Индии.

В гораздо лучшие условия, чем западная, поставлена более обширная восточная часть Северо-Индийской низменности. Ганг и Брахмапутра текут параллельно горной цепи, но на таком расстоянии как от Гималаев, так и от южных высот Декана (Декхана) и от граничивших с Бирмой гор, что по обеим их сторонам образуются широкие склоны, доступные самому обильному искусственному орошению. Весь бассейн состоит из наносной почвы; здесь следует, однако, различать более ранний ал-

18

лювий от аллювия позднейшего происхождения: граница между ними лежит у начала дельты Ганга. До дельты местность в направлении с запада настолько поката, что почва суха и здорова; повсюду можно устроить достаточное орошение для самой тщательной обработки земли, в которую вместе с водой, благодаря содержанию в этой последней ила, вводится постоянно большое количество веществ, служащих для удобрения почвы. Судходные реки прорезывают эту страну, более других областей Индии предназначенную для образования больших государств (царство Магадха, магометанские царства, средоточие английского могущества). Совершенно иную картину представляет восточная часть бассейна: в дельте Ганга и во всем Ассаме наносы еще столь недавнего происхождения, и уровень почвы так низок, что никакой дренаж невозможен; страна наполнена удушливой сыростью, и в ней господствует губительная для человека малярия. Судходство затруднительно, точно так же, как и сообщение на суше, где для прокладки дорог почва не представляет достаточной плотности. Таким образом вплоть до расцвета английского могущества в Индии развитие народной жизни в этой части бассейна Ганга—Брахмапутры представляет собой картину отсталости; арийское и мусульманское влияние поздно проникают туда, и только за последние полтора столетия высшая духовная одаренность и энергия европейцев принесли свои плоды и для дельты Ганга.

В южной половине Индии, изолированно от окружающих стран, возвышается плоскогорье Декхан — «Южная страна» северо-индостанских арийцев. Это обширное плоскогорье с крутыми краями, резко обрывающимися на западе у самого Аравийского моря (Западные Гаты), тогда как менее высокий восточный край его, не приближаясь нигде к Бенгальскому заливу, все больше и больше отступает от него по направлению к югу, образуя таким образом между плоскогорьем и морем низменность, прерываемую отдельными, разобщенными между собой плато с бесчисленными одиноко стоящими груп-

19

пами скал. Наибольшую высоту (горы Анемалаи — 2693 м и Нильгири — 2546 м) эта нагорная страна достигает на западном крае, к востоку же она постепенно понижается. Поэтому и большинство рек Декана течет в восточном направлении (Сон, Маханади, Годавари, Кришна, Кавери, Тамбрапарни); только две реки, Нарбади и Тапти, проложили себе глубокие русла, обратив свое течение к западу. Вместе с параллельно стоящими к ним горами Виндхья Сатпура они делят Деканское плоскогорье на южную и северную части (Средняя Индия); гористый характер местности, главным образом дикие чащи лесов и губительные лихорадки долгое время останавливали дальнейшее распространение арийцев. Все перечисленные реки, вследствие непостоянства их уровня, порогов и водопадов, на крутых склонах плоскогорья не имеют в качестве путей сообщения почти никакого значения.

Положение страны

Один из остроумнейших современных географов, Фридрих Ратцель, настойчиво указывал на значение географического положения страны; для Индии это положение имело решающее значение в смысле развития природы и населения страны.

Географическое положение среднего из полуостровов Южной Азии, примыкающего с одной стороны к области обширных сухих пустынь и степей, с другой к тропическому морю с его насыщенной влагой атмосферой, — обуславливает, во-первых, количество осадков и их распределение, во-вторых, плодородие отдельных областей, а вместе с этим и заселение страны. Весной и летом, когда под палящими лучами солнца раскаляется голая почва великих среднеазиатских пустынь и степей и в них господствует низкое атмосферное давление, тяжелый, насыщенный влагой воздух устремляется с тропических индийских морей в северо-восточном (отклоненном вследствие вращения земли) направлении через Ин-

20

дню. В ее южной половине это воздушное течение встречает крупный вал западных Гатов и, ударяясь об его каменные громады, изливает значительную часть своей влаги в виде проливных дождей, которые бурными ручьями и потоками снова возвращаются в море.

Ветры же, перенесшие ее через этот водораздел Гатов и сделавшиеся более сухими, отдают восточным склонам плоскогорья лишь незначительное количество влаги. Все же содержащиеся еще в них испарения осаждаются на гигантской преграде Гималаев; таким образом горы Ассама принадлежат к наиболее богатым осадками местностям земного шара (высота осадков в Черра Панчи в горах Кхасиа в Ассаме летом — 11 м, годовая — 13 м!). В зимнее полугодие над Средней Азией царит охватывающий большое пространство барометрический максимум, область же наименьшего давления лежит над раскаленной солнцем Южной Африкой и над Индийским океаном. Воздушное течение меняет направление и несется в виде северного муссона с обширного сухого материка; количество отдаваемой им Индии влаги значительно меньше и, что еще хуже, не столь постоянно. Поэтому многие области на восток от Гатов и вплоть до самых Гималаев страдают от недостатка воды; а когда восточный муссон не приносит дождя, то им угрожает полнейший голод.

Плодородие страны зависит от естественного или искусственного снабжения почвы водой. Растительное царство на Малабарском берегу блещет роскошной красотой без всякого труда со стороны человека. Но картина меняется по ту сторону гребня Западных Гатов. Сначала появляются леса, которые периодическим опаданием листвы защищают себя от слишком большой потери влаги в сухое время года; затем еще дальше растительный мир принимает почти степной характер, земледелие стягивается поближе к колодцам или стоячим прудам, к берегам рек и их дельтам. Крутой вал западных Гатов заканчивается на севере рекой Тапти, благодаря чему влажность воздуха проникает в этом месте в глубь страны; лежащие за ним высоты средней Индии

21

получают, поэтому, больше осадков: в них больше лесов, но вместе с тем в них свирепствует и устрашающая людей малярия. Обширная низменность на севере Индии получает по мере своего удаления от дельты Ганга по направлению к западу все меньшее количество атмосферных осадков, но зато всюду, где можно использовать реки Гималайских гор, а отчасти и реки северного края Декана, искусственное орошение щедро возмещает недостаток атмосферной влаги. Дельта же Ганга и низменности долины Брахмапутры, наоборот, страдают от избытка осадков и влажности почвы.

Возделывание почвы, особенно для хлебных растений, обуславливается главным образом возможностью достаточного водоснабжения. Рис засеивается преимущественно там, где имеется в изобилии вода, так, например, по всему Малабарскому берегу, у дельт рек Деканского плоскогорья, Инда, Ганга и в Ассаме. Менее влажная почва при благоприятных условиях орошения дает колоссальные урожаи пшеницы, как мы это видим в Пенджабе, в Британских северо-западных владениях, Ауде, в центральных провинциях и полами в Бомбейском пре-зиденстве. При недостаточном орошении еще удаются некоторые виды злаков (*Eleusine scgасаса*), некоторые виды проса и стручковых растений. Там же, где почва уж слишком суха, как, например, в обширных округах южного Декана, скотоводство (овцы, буйволы и т. д.) дает человеку средства к существованию, правда, довольно скудным: разбросанная на далеком пространстве и пришедшая ныне в упадок каста курумба (пастухи) в древности играла выдающуюся роль.

НАСЕЛЕНИЕ

Плотность населения тесно связана в Индии с условиями процветания земледелия. Минеральными богатствами Индия не изобилует. Уголь встречается в небольшом количестве, и лишь в последнее время разра-

22

ботка его приняла большие размеры; железная руда, хотя и имеется во многих местах, но туземцы пользовались ею лишь в небольших производствах, а в настоящее время, при конкуренции с крупным европейским производством, эта отрасль почти совсем заглохла. Представление о богатстве Индии благородными металлами и драгоценными камнями было сильно преувеличено: ее действительные сокровища скрыты не в недрах земли, а заключаются в ее поверхности. Вследствие этого население по преимуществу земледельческое: по последней переписи из 717 549 населенных мест городов лишь 2035; из них 1401 имел менее 1000 жителей, 407 — от 10 000 до 20 000, 227 — более 20 000. Свыше 100 000 жителей имеют лишь 26 городов и только 4 города насчитывают 300 000 с лишним жителей (Калькутта, Бомбей, Мадрас и Гайлара-бад). В то время как в Англии 53 % населения живет в 182 городах, насчитывающих более 20 000 жителей, в Индии это можно сказать лишь относительно 4,84 % (в 227 городах).

Если обратиться к общей плотности населения (287 133 481 жителей на 1 560 080 квадратных миль, не считая Бирму), то получится 184 человека на одну квадратную милю. В некоторых довольно значительных округах это отношение колеблется между 24 и 1395; в Британской Индии густота населения значительнее, чем в туземных государствах, что следует приписать частично поднятию благосостояния страны европейцами, главным же образом тому, что Англия приобщила все наиболее богатые государства к своим владениям.

Немало затруднений встречает систематическое этнографическое описание населения Индии; нельзя установить никакой строгой системы, которая охватила бы все важнейшие явления народной жизни. Различные проявления ее далеко не идут параллельно. Главнейшими точками отправления служат физические признаки, язык, религия и социальные особенности со всеми сюда относящимися проявлениями народного духа.

23

Этнические особенности

Принимая во внимание историю Индии, полную переворотов, нельзя ожидать, что мы встретим в ее населении известную однородность физических признаков. Помимо примеси португальской, голландской и английской крови за последние четыре столетия неоднократно через северо-западные горные проходы вливалась в страну примесь чуждых элементов, принадлежавших белой или желтой расе. Положим, что всюду, где господствовали монгольские властители, следы их в расовых признаках современных индусов в настоящее время почти совершенно исчезли. Но средиземная (белая) раса оказалась более стойкой: потомки ее образуют одну из двух главных основных частей в расовом составе страны. На западном берегу уже с давних времен поддерживались оживленные мирные торговые сношения с Западом, оставившие свои следы на физическом облике берегового населения: семитические черты лица магометан Мала-барского берега обязаны своим происхождением арабам; также не раз появились большими группами еврейские выходцы, как, например, евреи из Кочина (ныне до 1300), которые, по преданиям, оставили отечество после разрушения Титом их святыни (70 г.), затем евреи иудейской колонии в Бомбее, изгнанные из своей родины фанатизмом последователей Ислама. В 717 г., спасаясь от охватившей учеников Магомета мании обращения, бежало из Персии значительное число огнепоклонников; в настоящее время бомбейский берег представляет пункт, где сосредоточено 90 000 персов, остающихся верными религии Заратустры. Многие из них напоминают семитическим типом лица изображения царей Древней Ниневии, другие же походят на теперешних представителей белой расы на плоскогорьях Армении (таджики). На восточном берегу больше индусской крови; здесь не столько вторглось чуждых элементов извне, сколько вселилось индусов, особенно на противоположный бирманский берег (клинги, т. е. потомки царства Калинга).

24

Значительная же примесь монгольской крови имела место на севере и северо-востоке. Южные склоны Гималаев к востоку от Дардистана заселены монголо-индусскими смешанными племенами, благодаря медленному просачиванию монгольских элементов, происходившему, по-видимому, со стороны Тибета через крайне затруднительные горные проходы. Сходное по составу смешанное население Ассама, равно как и некоторые племена, населяющие Восточную Бенгалию и Ориссу, получили свою монгольскую примесь, вероятно, не столько со стороны крайне трудно проходимых параллельных горных цепей на востоке Ассама, сколько через удобные пути со стороны Бирмы.

Но все эти чуждые примеси образуют лишь небольшие и, кроме монголо-индусского смешанного населения, незаметные звенья в расовом составе всей страны. Обе главные его части являются представителями с одной стороны, белой расы, пришедшей сюда в относительно недавний период (4—5 тысяч лет тому назад) с северо-запада, с другой — темнокожей расы, которую можно рассматривать как прямых потомков коренного населения. Темной окраской волос, глаз и кожи, достигающей часто самых интенсивных коричневых оттенков, и, кроме того, узким черепом и широким сплюснутым носом, эта раса, сильно приближается к черной американо-негроидной расе; однако, с другой стороны, ее отличают от этой последней не столь крупное лицо с менее выраженным прогнатизмом и особенно волосы, хотя и черные, но умеренно вьющиеся, часто слегка волнистые или падающие локонами, но отнюдь не шерстистые. Рост, которого достигают принадлежащие к этой расе индивидуумы, в общем далеко ниже среднего роста немцев; племена, живущие при очень неблагоприятных и скудных условиях (многие жители гор и джунглей, касты рабов и т. д.) настолько ниже нашего среднего роста, что их приходится причислять к карликовым народам, хотя отделить их только на этом основании от остальной темной расы Индии все-таки нельзя.

25

Белая раса в Индии отличается от темной главным образом, слабой окраской кожи; в своих чистокровных представителях она не темнее, у европейских народностей Средиземного моря. Рост в общем больший, лицо же и более выступающий вперед нос с высокой спинкой эже, чем у чернокожих.

Если мы обратимся теперь к географическому распространению различных рас Индии, то на северо-западе, в непосредственном соседстве с афганцами и белуджами, получившими большую или меньшую примесь семитической крови, мы встретим относительно чистых представителей белых рас. В Кашмире, холмистых местностях Пятиречья и далее до верхнего течения Ганга следы примеси других расовых элементов мало заметны: напротив, более выраженная пигментация кожи в различных, смотря по касте и местожительству, градациях пр- ^ является далее к востоку по среднему и особенно нижнему течению Ганга.

Еще далее на восток, в Ассаме, признаки белой расы | все более и более исчезают и только в высших кастах заметна еще незначительная примесь ее крови; преобладающая же масса населения представляет помесь черной и желтой расы. Сходен с этим и состав многочисленных мелких горных племен в Гималаях вплоть до Дардистана. К югу смешение желтой и черной рас почти не распространяется далее Ориссы; здесь в высших кастах (брахманах) становится заметным более сильная примесь белой расы. В Средней Индии мы видим уже пояс почти чистого темнокожего населения; точно также далее на юг, на Деканском полуострове и на лежащей перед ним равнине, черная раса является значительно преобладающей, хотя в отдельных кастах к ней в различной степени примешивается кровь белой расы. На западном же берегу, помимо мелких чужеземных колоний (евреи, парсы), мы видим вкрапленными в темнокожее население отдельные сплоченные почти белые группы.

Особенно тщательно оберегают чистоту своей крови отдельные ветви брахманской касты (конканатх, намбу-

тири, хаига); военная каста наир и каста жриц также выделяются среди остального населения светлым цветом своей кожи.

В лингвистическом отношении Индия также весьма многообразна. Лингвистика различает три основные формы языка: изолирующие, агглютинирующие и флектирующие языки, — все эти формы имеют в Индии своих представителей и соответствуют в общем трем господствующим там расам: смешанному населению монгольской и темнокожей расы (индокитайцы), чисто темнокожей расе (дравиды) и белой (арийцы). Если от Гоа провести прямую линию в северо-западном направлении до Радж-ма-гала у начала дельты Ганга, то к юго-востоку от нее будет лежать главная масса агглютинирующих языков; северо-запад и восток, вплоть до дельты Ганга и распространяясь в долину Брахмапутры, занимает область флектирующих языков, тогда как край южных склонов Гималаев и горного Ассама принадлежит языкам изолирующим.

Граница между арийскими и дравидскими языками не может быть резко проведена: отдельные островки дравидского языка далеко проникли в область арийских языков. То обстоятельство, что они уже давно отделились от густой массы дравидских народностей, не могло, конечно, не повлиять на некоторое отклонение грамматических форм от языка остальных дравидов; появилось также много слов, заимствованных из окружающих их языков. Эти разбросанные островками крошечные дравидские племена ведут все без исключения жалкое существование и стоят на низкой ступени развития; к ним принадлежат кхонды в горных местностях Ориссы, ганджа-ны, каттаки, гонды — племя, распавшееся на несколько лингвистических групп между Нарбодой и Годавари, — ораоны в Чота-Нагпури и, наконец, дальше других продвинувшееся на север и живущее в горах Раджмахала по нижнему течению Ганга племя мал-пахария, наречие которого, несмотря на сильное отклонение от других дравидских наречий, причисляется к дравидскому семейству языков. Более сомнительным является происхождение

'27

племени брахуй, живущих к западу от Нижнего Инда вплоть до Белуджистана. Если они принадлежат к тому же семейству языков, то сильное отклонение их наречия от родственных языков легко можно объяснить тремя бурями, которые пронеслись также и над их страной при различных переселениях народов. Как бы то ни было, в их языке еще сохранилось сходство с дравидскими языками Южной Индии. Готовящийся выйти в свет труд Георга А. Грейерсона *Indic Survey of India* поможет разобраться в этом вопросе.

Этнологическую загадку представляют для нас кола-рийцы (около 3 млн душ), рассеянные отдельными островками в Бенгалии и Мадрасе и в центральных провинциях; область их языка была когда-то несомненно обширнее, но с распространением арийских, а также, конечно, и дравидских языков, она сузилась и распалась. Язык их отличается от языка дравидов (от которых они своим физическим обликом несколько не отличаются) совершенно различным запасом слов и зачатками флексии; эта народность еще слишком мало исследована, и взгляды на происхождение их языка и его разделение на отдельные диалекты при ближайшем изучении, вероятно, еще существенно изменятся. Лингвистическая связь с отдельными племенами Индокитая, хотя многими и утверждалась, но доказана не была.

Распространение индийских религий

Картина распространения различных религиозных систем заслоняется от нас тем обстоятельством, что не всегда является возможным провести между ними строгое разграничение. Простое понимание сути божественного, унаследованное и стойко удерживаемое со времен самого раннего развития народной жизни, лежит в основе всех религиозных систем и проходит даже через высшие из них. Индусы в своем поклонении обращаются то к Вишну, то к Шиве, но не найдется между ними ни одного, который не боялся бы в то же время злых духов, имеющих во всех религиозных верованиях и в суевериях низших племен; ведь и перед этими силами раскрылось небо индусов! Что касается данных относительно числа последователей отдельных религий, то на эти данные положиться нельзя; они с каждой новой переписью подвергаются таким колебаниям, которые ясно указывают на то, что границы между отдельными религиями далеко еще не установлены.

Относительно стоящего на самой низкой ступени среди этих религий культа демонов народная перепись 1890 г. дает только цифру отношения его к общему числу населения, а именно 264 на каждые сто жителей в британской части Индии и 520 в остальных ее частях.

Прежде всего здесь имеются в виду не затронутые еще брахманской культурой независимые дикие племена, живущие в труднодоступных областях джунглей, а также и некоторые из так называемых каст рабов. Так культ демонов особенно развит у дравидских и коларийских племен в средних провинциях (14,7 % всего населения) и в соседних туземных государствах (22,7 %), затем еще в Нижней Бенгалии (13 %), в Ассаме (17,7 %) и т. д.

Значительно большая часть населения Индии (72 1/3 %) поклоняется тому или другому из главных божеств индусов. Там, где этот средний % ниже, индуизм начинает вытесняться исламом, и отчасти и верой в демонов или же особыми формами религий; это имеет место в Пенджабе (37,1 % индусов, 55,7 % магометан, 6,7 % сикхов), в Кашмире (27,2 % индусов, 70,5 % магометан), в Ассаме (54,7 % индусов, 27 % магометан, 17,7 % язычников), во всей Бенгалии (63,4 % индусов, 32,8 % магометан и 3,2 % язычников). Во всех других провинциях и государствах и больше всего на юге Индии, индуизм превышает это среднее отношение, особенно в Майсуре, Курге, Гаидерабаде, в президентстве Мадрасе, а также в Пуне и Бароде.

Из общего числа всех исповедующих ислам около до 243 млн человек, 57 млн, следовательно почти четвертая часть (23,5 %), приходится на Индию. Эта форма рели-

28

29

гии имеет своих представителей во всех частях Индии: непричастность магометан к кастовому началу дает им то преимущество, что они могут вступать в торговые сношения со всеми социальными слоями страны: больше всего, разумеется, там, где магометанские государства уже давно упрочились. Так северо-западные провинции и государства (ворота, через которые вторгнулся ислам) населены магометанами гуще других: к указанным уже цифрам в Пенджабе и Кашмире можно присоединить еще Синд с его 70 % магометан; затем следуют главные страны царства Могула, предгорье северо-западных провинций (30,6 %), Восточная Бенгалия (где магометан более половины населения), а также отдельные части президентства Бомбей (особенно центры древней торговли и т. д.). На юге отношение магометан к остальному населению понижается. В племена центральных провинций ислам почти совсем не проник; в Майсуре и Гайдерабаде магометан лишь небольшой %. В остальной части президентства Мадрас ислам совсем не имел бы представителя, если бы отдельные группы (мапилла, или моплахе, на Малабарском берегу, лаббе на Коромандельском, — и та и другая обязаны своим происхождением присутствию арабских торговцев) не прерывали однообразия индусской народности.

Столь распространенный некогда в Индии буддизм уступил теперь всецело место политеизму индусов; только в гористых местностях севера (Кашмир, долина Гималаев) и северо-востока (на границах Тибета и Бирмы) встречаются еще последователи северной ветви этой религии, но в таком незначительном количестве, что только в Кашмире они достигают одного % всего населения. Несколько чаще встречается в отдельных провинциях близкое к буддизму учение джайнов, хотя и оно нигде не превышает 5 % всего населения. Раджпутуна, Аджмир и Гуджерат составляют центры этой религии, насчитывающей во всей Индии только 1,4 млн последователей (V_2 % всего населения).

Из других религий мы должны назвать еще религию сикхов, сосредоточившихся почти исключительно в од-

30

ном Пенджабе (1,9 млн, $\frac{2}{3}$ % всего населения). Это индусская секта, находившаяся под влиянием магометанства, но отличающаяся в настоящее время от индуизма лишь некоторыми своими церемониями. Остальные занесенные в Индию извне религии мало распространены: парсы (на западном берегу Индии, где центром их служит Бомбей), насчитывающие 90 000, т. е. 0,03 %, евреи (древние колонии в Бомбее и Кочине, кроме того, отдельные иностранные, рассеянные по всей Индии культы) — до 17 200 душ (0,006 %) и христиане — 2,3 млн (0,8 %). Среди последних насчитывается 2 036 600 человек (89 %) крещенных туземцев, 80 000 человек (3,5 %) смешанного европейско-индийского населения и 168 000 (7,4 %) европейцев, из которых более половины составляют солдаты с их семьями.

Кастовый строй

В социальной жизни индийских народов каста составляет явление, имеющее глубокое значение и потому наиболее характерное; это учреждение столь бесконечно многообразно в своих проявлениях, что для понимания его необходимо проследить историю его развития в связи с историей всего народа.

История Индии

ИСТОРИЯ Индии — это драма в трех актах, из которых первый наполнен борьбой двух рас за господство, второй — соперничеством двух религий, третий — экономической борьбой. Первая большая эпоха занята столкновением арийцев с дравидами; результатом этой борьбы является развитие смешанной расы и смешанного народа, государственный, социальный и религиозный строй которого объясняется отчасти слиянием обеих народностей, отчасти большей жизнеспособностью той или другой стороны.

Образовавшаяся этим путем смешанная народность является носительницей индусского мировоззрения и индусской религии. Семито-турано-монгольские племена, проникшие в Индию с северо-запада, принесли ислам, — и жестокая борьба обоих этих элементов составляет вторую эпоху. В третьей же эпохе на сцену выступает европеец, и экономическая борьба из-за богатства страны оканчивается полной гибелью как магометанской, так и индусской самостоятельности и победой большей духовной одаренности, сознательности стремлений и силы. С древнейших времен и до поворота от первого ко второму тысячелетию н. э. продолжался период туземного, арийско-дравидского развития (древний период), три четверти тысячелетия занимает средневековая борьба индусского мира с чуждыми ей религиями (средневековая Индия). Новая история страны охватывает только около 200 лет, которых, впрочем, было достаточно для того, чтобы произвести в целом народе изменения гораздо более глубокие, чем это могли сделать предшествовавшие тысячелетия.

32

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ИНДИИ

Доисторический период

Первобытное население страны. Так как древняя эпоха состоит из борьбы двух рас и их обоюдного слияния, то прежде всего необходимо сделать обзор этих рас.

Туземная первобытная раса не оставила нам ни устных, ни письменных преданий о своем существовании в доисторические времена. Но Индия хранит творения рук человеческих той далекой эпохи. И там, так же как в Европе, находки каменных орудий, наконечников копий и стрел, ножей, скребков, молотков, и т. д. из

ясписа, халцедона (настоящий кремль в Индии не встречается) указывают на то, что эпохе металла предшествовала более первобытная форма существования человека. Нужно ли ее отнести еще к третичной эпохе, как склонны предполагать некоторые исследователи, остается пока нерешенным вопросом. Могильники и могильные памятники встречаются часто: вырытые в малабарском латерите пещеры, земляные курганы или холмы из камней (керны) попадаются в большом количестве по всей Индии; один из таких кернов в стране гондов приписывается павшей в битве царице одного племени; каждый, проходящий мимо памятника, прибавляет к нему кусок кристаллического кварца, попадающегося во множестве в этой местности. Встречаются также каменные камеры, каменные ходы, мегалитические дольмены с тремя и большим числом крупных камней, служащих упорами, менгиры (отдельные вертикально поставленные камни), каменные круги в один или несколько рядов, каменные коридоры и т. д., словом, все каменные сооружения, встречающиеся во всех странах Средиземного моря наряду с чисто индийскими формами, как кудикал (т. е. каменный зонтик) или топикал (каменная шляпа, дольмен с одной только каменной подпоркой) на малабарском берегу. Особенно часто встречаются вышеупомянутые

2 История человечества

33

мегалитические памятники как на самом севере (в горах Кхассия), так и в Средней Индии (Гайдерабаде и т. д.) и на юге в горах Нильгири, округах Коимбаторе и Тинневелли и т. д.). В более древних могильниках металла еще не встречается; находимые же в могильниках более позднего периода металлические предметы указывают на высокую технику и развитие культуры вообще (железные наконечники стрел, ножи, лампы, треножки, стремяна и т. д.). К числу более частых могильных находок относятся черепки утвари из красной и черной обожженной глины или же целые урны; попадаются даже грубые глиняные изображения людей или буйволов; часто при погребениях труп сжигался, на что указывают урны с пеплом; в других могилах встречаются несожженные скелеты, редко хорошо сохранившиеся, большей же частью настолько уже выветрившиеся, что при соприкосновении с воздухом они тотчас же рассыпаются. Часто в одну и ту же могилу вокруг главного лица клали женщин и мужчин, у которых были отрублены головы. В редких случаях с могилой связано воспоминание об определенной личности. Народ называет эти могилы в Южной Индии Pandicazhay, т. е. могилы династии Пандия, относя их ко времени того могущественного царства Пандия, память о котором смутно сохранилась в его воображении. Древняя литература, как дравидская, так и санскритская, ни словом не упоминает об этих могилах.

Напротив, песни арийцев, победоносно вторгшихся в Индию еще в начале исторической эпохи ее, раскрывают многое из жизни первобытного населения страны, — хотя, конечно, во враждебном освещении. В них туземцы называются презрительно именем даса (рабы), дасью (низшие), млекха (говорящие на тарабарском языке). Они отличаются черным цветом кожи, маленькой и уродливой фигурой, хотя любят увешивать себя золотом и драгоценными камнями; широкий и плоский нос и небольшие глаза дополняют наружный вид их. Эти черты резко отличали их от арийцев, с их высоким и стройным ростом, белым цветом кожи и красивым носом (созданных по своему образу богов они называют

34

«прекрасноносными»), и им особенно должен был бросаться в глаза контраст, который представляли с ними их враги. Арийцы отгеснили в горы туземцев, которые, воздавая за вражду враждой, совершали в качестве «разбойников» набеги на стада и имущество своих притеснителей. В песнях им даже приписывается волшебная сила, при помощи которой они могут заставить иссякнуть ручьи и реки, несущие в долину плодородие и урожай. Боги, которым они поклоняются, наводят ужас: им дают поэтому название «злых духов», «Якшу»; они гасят огонь жертвоприношений («Шимуи»), сами же не зажигают священного огня («Киката»).

Картина, которую нам рисуют здесь древнеарийские описания первобытного населения, совершенно соответствует как племенам, живущим в городах и джунглях, так и тому низшему классу населения нынешней Индии, который стоит вне брахманского кастового строя. Все эти племена втиснуты в рамки скудного существования, и культура их так же жалка, как и окружающая их обстановка. Часто заостренная на огне палка, при помощи которой дикарь джунглей выкапывает для себя корни и клубни, составляет единственную утварь его хозяйства; на следующей ступени развития он занимается земледелием: из года в год он выжигает участок леса, бросает в удобренную золой почву семена местных злаков или лукович и, собрав созревающий, но скудный урожай, перекочевывает дальше, чтобы выбрать новый участок леса для следующего посева. Пара коз или овец и маленькая собака париев составляют всю его движимость. Он умеет плести сети из вьющихся растений или лыка лесных деревьев, отравить при помощи листьев или плодов воду в ручье, чтобы добыть себе без особого труда рыбу на обед; лесные звери падают от его меткой стрелы или попадают к нему в ловушки; дикий мед служит приправой к его еде. Он готовит себе кушанья на огне, который добывает посредством трения друг о друга двух кусков дерева, приводя их во вращательное движение. Не всем племенам, живущим в лесных местностях, знакомо гончарное ис-

2<

35

куство. Крыша из листьев или выступающий утес служат туземцу жилищем, передник из травы или листьев, или же из древесного лыка составляет всю его одежду, скудность которой представляет полный контраст с украшениями, навешанными на теле, где только можно.

Насколько скудное существование, которое ведут эти племена, вызывает в нас чувство жалости, настолько

же внушает нам искреннее уважение их характер. Все, кому только случалось приходиться с ними в соприкосновение и узнавать их ближе, хвалят в них сознание собственного достоинства и любовь к независимости, храбрость, заставляющую их презирать смерть, правдивость, честность и верность. Они верны данному слову, верны женам своим, верны своему племени. Стрела одного вождя, которую жена его дала в его отсутствие английскому послу в виде рекомендации, послужила ему охраной его безопасности и доставила гостеприимство в самых отдаленных местностях у всех членов этого дикого племени. Семейная жизнь часто складывается иначе, чем у современных культурных народов; но, какова бы ни была форма супружества, — в пределах освященной обычаями формы семейной жизни муж и жена остаются верны друг другу, и горе тому, кто вздумал бы нарушить верность или же склонить к неверности жену другого!

Встречается как отцовское, так и материнское право, т. е. в одном случае главой и родоначальником семьи является отец, в другом первое место в доме занимает мать, и род продолжается только по материнской линии. При отцовском праве господствует моногамия, и супружество продолжается до смерти одного из супругов. Муж получает свою жену путем купли или похищения, впрочем, всегда лишь фиктивного. В редких случаях муж берет еще вторую жену или даже несколько жен. Чаще, однако, женитьбой одного брата остальные становятся eo ipso мужьями его жены (в Курге, у племен тода, курумба и т. д.). От этой формы полиандрии, при которой муж остается главой семьи, совершенно отличен другой обычай (у многих каст Малабарского берега), по которому

36

жена не только выбирает себе мужа, но и может, по своему усмотрению, менять его на другого, не подвергая себя никакому нареканию. Такие непостоянные браки считаются действительными, точно так же как признаются законными и рожденные от таких браков дети; при этом муж считается в семье чужим, а дети присоединяются к племени матери. Таким образом, в одном случае потомство образуется только по непрерывной женской линии, в другом, — где господствует отцовское право, — только по мужской линии большую социальную общину: орду, состоящую из немногих семей (ведды, улады, наяди и т. д.), или же — при дальнейшем развитии — племя. Во главе последнего стоит вождь: у одних племен достоинство наследственно, у других вождь избирается старшинами; он является представителем племени и руководит общественными делами. Каждое племя строго обособлено: враждебные посягательства со стороны чужих ведут часто к кровавой мести; мирные же сношения и обмен продуктами совершаются путем так называемой немой торговли, как, например, у веддов на Цейлоне.

Тяжела борьба за существование для обитателя гор и джунглей, когда даже поставленные в лучшие условия племена терпят часто страшный голод. Оттесненный в чащу лесов или в голые безводные степи, в климат с постоянными переходами от жгучего зноя к страшным проливным дождям, обитатель джунглей лишь с трудом может добывать себе скудное пропитание. В чаще лесов подстерегают его тигр и ядовитая змея; его скудный посев уничтожается лесными зверями: слоном, кабаном, дикообразом; проказа, малярия, холера и другие болезни проникают в самые отдаленные его жилища, и смерть с неумолимой жестокостью косит людей в его поселениях. Его окружают лишь враждебные силы! Может ли он представлять себе высшие существа, направляющие судьбы человека и всего мира, в виде благодетельных божеств? Нет, злые божества преследуют его от колыбели до могилы, божества, алчущие его крови. Повсюду подстерегают они его в недрах земли и в воде, в скалах, в тем-

37

ной чаще лесной и в пустынной степи; они носятся даже в ночной мгле на погибель того, кто встретится им на пути. Они требуют крови, и только кровавыми жертвами — петухами, козами и даже людьми — можно на время укротить их гнев или отвратить его от себя волшебными чарами, к каким прибегал беснующийся, подобно шаману, жрец (плясун дьявола). Что же удивительного, если арийцы, которым покровительствовали светлые боги неба, считали и самих обитателей джунглей злыми духами, демонами — «Jakshu Rakshasa»!

Старинные песни арийцев, впрочем, рисуют нам не одних только жалких дикарей, мы видим там и племена, ушедшие несколько дальше на пути культуры. Наряду с бродячим племенем киката встречаются плененные оседлые, как нишады, с известным общественным строем, богатство которых вызывало в арийцах зависть и злобу. Часто боги, в особенности Индра, разрушитель городов Пу-рандара, прославляются за то, что они сотнями уничтожали поселения чернокожих дасью, владевших не только укрепленными жилищами, защищавшими их от врагов, но имевших в горах недоступные «зимние убежища» от холода, дождя и непогод, куда они спасались также от наводнений и от вредных испарений равнины. Племя нага, поклонники змей, должно быть покорено из-за несметных богатств, которыми оно владеет. Главный город, в котором царит князь их Васуки, полон сокровищ и прекрасных женщин; а сам князь обладает талисманом, который может пробудить даже мертвецов. «Сокровищница, построенная на скале, битком набита рогатым скотом, лошадыни и разным добром: пани, стерегущие их, отличные сторожа». В то же время это племя — хитрые, корыстолюбивые торговцы, приносящие арийцам для мены все то, что дает им благодетельная природа или искусство ремесленника. Торговля вещь желанная, но ненавистны представители ее, эти «бездушные скупцы», люди «без веры, без чести, без жертвоприношений». И вот призывается Индра растоптать ногами этих алчущих барыша. Затем мы узнаем, что на своем дальнейшем

38

пути арийцы встретили значительные государства туземцев, с которыми завоеватели входили, конечно, также и в дружеские сношения (Кришна, черный родоначальник племени ядава). Когда арийцы вторглись в «Среднюю страну» между Джамной и Гангом, они назначили хранителем священной земли при слиянии этих двух рек короля племени нишади, вассала царства Аиодхья. Дальше в южной части полуострова арийско-брахманские миссионеры (Агастья) вступили в цветущее царство Пандия. Относительно культуры этих туземцев, ушедших дальше на пути развития, мы не находим в древнеарийских песнях и мифах никаких более подробных указаний, — но язык темнокожей расы — дравидская семья языков представляет истинный клад для того, чтобы составить себе понятие о высоте древней культуры туземцев. Правда, языки эти и в настоящее время сильно разбавлены арийскими элементами (санскрит), но зато именно неарийская часть словаря развертывает перед нами ясную картину доарийской культуры вышеупомянутых племен. Благодаря епископу Р. Кольдуэлю, жившему среди темнокожего населения и посвятившего жизнь исследованию его языков, мы можем заключить из раскрытого перед нами и очищенного от посторонних примесей словаря дравидских языков, что еще до соприкосновения с арийцами дравиды имели «уарей», которые жили в укрепленных жилищах и правили небольшими областями. У них были певцы, увеселявшие их на празднествах и, по-видимому, уже тогда они обладали алфавитом, с помощью которого писали грифелем на листьях пальмирской пальмы. Связка таких листьев называлась книгой. У них не было изображения богов наследственного сословия жрецов, а представление о небе и аде, как и о грехе или душе, было, по-видимому, чуждо первобытным дравидам; но они верили в богов, которых обозначали словом, совершенно несвойственным арийскому языку — ко, т. е. царь. В честь них сооружали храмы, которые назывались ко-иль — дом богов; но способ служения этим богам остался неизвестным. Дравиды тех времен

39

имели законы, но у них не было судей; они руководствовались старинными традициями. Брак был у них прочно установленным институтом. Им были знакомы важнейшие металлы (за исключением олова, свинца и цинка); точно также и планеты, за исключением Меркурия и Сатурна. Счет их доходил до числа 100, а в некоторых языках до 1000; числа более высокие, как например, арийский лак (100 000) или крор (10 млн), были им неизвестны. Лекарства у них употреблялись, но не существовало ни науки врачевания, ни врачей. Встречаются поселки и деревни, но нет больших городов. У дравидов имелись челноки, лодки и даже мореходные суда с палубами, но далеких плаваний они совершать не могли, поэтому им, за исключением Цейлона, неизвестны были страны, лежащие за морем; в языке их нет следов, которые указывали бы на то, что они знали разницу между материком и островом. Они умели обрабатывать землю; война была для них удовольствием, лук и стрелы, копье и меч были их оружием. Ремесла, как прядение, тканье и окраска, процветали, а гончарное производство достигло большого совершенства (на что указывают находки в могилах). Далеко не в таком положении были наука и искусства. Так, например, не существует никакого слова для выражения понятия о ваянии и зодчестве, нет термина для астрономии и астрологии, точно так же как и для филологии или грамматики. Во всем, что касается более глубокой духовной жизни, словарь их очень беден; единственное слово, которым этот народ обозначает духовную сущность, это «грудобрюшная преграда» или «внутренность»; на языке дравидов есть слово «думать», но нет особого слова для памяти, суждения, сознания, воли*. Однако, взвешивая все только что сказанное, мы не должны забывать, что под сильным влиянием брахманов, внесших свою высокоразвитую терминологию для всех отвлеченных понятий, многие туземные выражения были вытеснены и

* R. Caldwell, «A comparative grammar of the Dravidian or South Indian family of languages», 2 изд., Лондон, 1875.

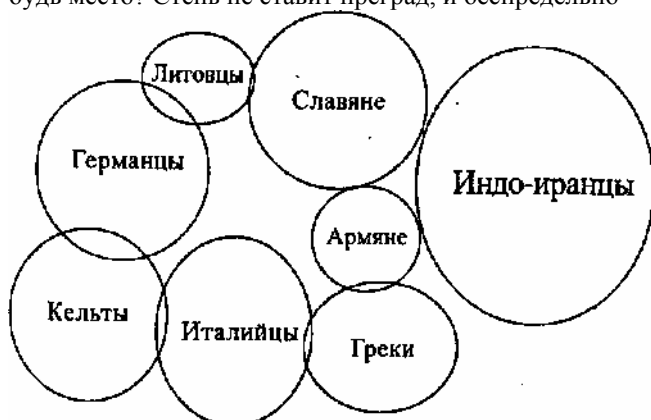
40

забыты. Относительно всего, что касается религии, сравнительное изучение языка не дает нам достаточно удовлетворительных результатов; сравнение того, что в этой области относится к древневедийскому, и что обще всем дравидским племенам, включая и более культурные из них, показывает нам, что основные представления и религиозная обрядность туземных племен джунглей принадлежали не только им одним, но с самого начала были общим достоянием всего дравидского мышления и религиозного культа. Несомненно, что арийцы при своем вторжении в Индию застали как самых древних обитателей темнокожую расу, но остается невыясненным, принадлежали ли эти племена к коларийской или к дравидской народной группе. Существуют весьма веские доводы в пользу принадлежности главной массы населения к дравидской группе. В пользу этого говорит прежде всего то обстоятельство, что отпрыски дравидского языка проникли дальше в область арийских языков, чем коларийские наречия. На крайнем северо-западе брахми удержали, по-видимому, в своем языке все еще большое число несомненно дравидских элементов, несмотря на продолжительную обособленность от своего народа и глубокое влияние народов, говоривших на иных языках. Но в восточной части Индии дравидские языки проникают далее на север, чем островки коларийского языка: пахари и раджамахи проникают дальше, чем сантхали, а в средней части Индии хосы, мунды, бхумиджи и гонды дальше, чем курку. В общем лингвистические особенности коларийцев, как ни мало исследованы до настоящего времени их языки, все же более указывают на восток, как на исходный свой пункт (Индокитай); да и сами они по направлению к востоку представляются более сплоченными, тогда как на западе они живут меньшими и более разбросанными поселениями и производят скорее впечатление народа, продвинувшегося в страну с востока. Это говорило бы еще больше в пользу принадлежности к племени драви-Дов также и доарийского населения Северной Индии,

41

если бы лучше было обосновано мнение некоторых лингвистов, считающих, что близкое родство по языку дравидов с урало-алтайцами делает весьма правдоподобным иммиграцию первых с северо-запада. Но доказательства, основанные на лингвистических данных, все-таки недостаточны для того, чтобы сделать предположение, идущее так далеко; встречающиеся в этих языках сходства лишь единичные (и поэтому весьма может быть лишь случайные), отчасти же слишком общего характера; с другой же стороны физические признаки так очевидно говорят против родственной связи их с монгольскими народностями, что считаться с подобным взглядом не приходится. В тех ограниченных пределах, в которых можно вообще говорить о начальном периоде первобытной истории, темнокожие люди — и среди них в значительно преобладающем количестве дравиды — были во всяком случае коренным населением Индии. Ирано-индийские арийцы на первоначальных местах своего жительства. В 1833 г. Франц Бопп прочно установил на основании уже до него замеченного сходства санскрита, языка брахманов, и большинства древних и новых европейских языков, несомненную тесную связь между большой группой языков. Он доказал, что санскрит стоит в близком родстве не только с древне-персидским (зенд), но и со всеми почти языками Европы. Исключение из этого составляет язык басков и отдельные урало-алтайские языки на севере и востоке Европы. Чем можно было бы объяснить подобное сходство? Ближе всего было предположить кровное родство народов, соединенных родством языков, т. е. принять происхождение их от одного общего первобытного народа: Авг. Потт, Христиан Ласссен, Яков и Вильгельм Гриммы и другие возвели чуть не в догмат предположение, что местом жительства этого первобытного народа была Азия. От живущего там народа-родоначальника постепенно отпадали, по их мнению, отдельные члены, распространявшиеся далее по разным направлениям, большей частью на запад, прибли-

42
зительно так, как представляют себе при образовании нашей солнечной системы отделение планет и их спутников от космического вещества. Позднее, под влиянием учений Дарвина о происхождении видов, стали предпочитать картину многократно разветвляющегося родословного дерева; однако представление, что Азия является общей колыбелью этой «индо-германской» или «арийской» семьи народов, все еще продолжало господствовать. Уже в последнее время, основываясь на лингвистических и антропологических данных, стали искать место происхождения всех этих народов в той или другой части Европы; к этому взгляду присоединилось в настоящее время большинство лингвистов, этнологов и антропологов. Но правдоподобно ли вообще, чтобы на громадном протяжении степной области, простирающейся от середины Азии до Северного моря, колыбелью такой многочисленной семьи народов могло явиться одно какое-нибудь место? Степь не ставит преград, и беспредельно

Графическое изображение расселения индо-германских народов

43
может распространяться ее население. Обитающий в нем номад, вынужденный самой природой степи, где растительность сменяется с временами года и климатом, любит перекочевывать и распространяться: так язык якутов на северо-востоке Сибири очень близок к языку османов на крайнем юго-западе обширного материка Азии. В каком именно месте проник в степь первый пришелец — вопрос, не имеющий значения; по всей вероятности, как только известное племя вступило в нее твердой ногой, оно не ограничилось небольшой областью, а, несдерживаемое никакими преградами, распространилось на далекое пространство, образуя хотя и не густое, но однородное население. Лишь впоследствии, благодаря территориальной обособленности, различию природы, соприкосновению с соседями, явились отклонения в телосложении, в языке и нравах. Таким путем от однородной некогда и широко распространенной народной массы образовались в различных пунктах отдельные племена, более или менее отличные друг от друга. В 1872 г. Иоганн Шмидт следующим образом представлял себе возникновение индо-германских языков: «Хотел бы родословное дерево заменить картиной волны, которая расширяется концентрическими кругами, ослабевающими по мере удаления от центра». С таким взглядом лучше всего согласуется тот факт, что близко живущие друг от друга народы, точно так же, как и языки их, всегда более сходны между собой, чем отдаленные. Если мы представим себе индо-германские народы такими волнообразными кругами, то в своем соотношении они дадут прилагаемую здесь схематическую картину. Исследование пути, которым шло дальнейшее развитие западных кругов от этих первоначальных центров,

не входит в пределы нашей задачи, — мы имеем здесь дело только "с самым восточным кругом — ирано-индийским. Сравнение языков, предания и древняя литература народов, вышедших из него, служат нам путеводной нитью при исследовании эпохи, места и народности этого первичного круга. Мы убеждены, что оба ныне совер-

44

шенно самостоятельных народа — иранцы (еранцы) и индусы лишь за несколько тысячелетий от нашего летоисчисления отделились от общего корня вышеуказанного круга народов. Что отделение произошло в такой относительно недавний период, вытекает не только из незначительной разницы между древнеиранским языком (зенд) и языком старших индийских гимнов, но также и из большого сходства нравов и обычаев, особенно в области религии, мифов и культа. Оба народа называют себя одним и тем же гордым именем арийцев (Arya, Aryan — «знатные», «высокие»); у тех и у других юноши посвящаются в мужи опоясыванием шнура. Одни и те же имена: Митра, Индра, Шива, Яма (Има), Асура (Ахура-маз-да) встречаются в религиях того и другого народа. В развитии понятий, однако, проявляется уже глубокое различие обоих народов: боги, которых индийская ветвь чтит как существа высшие, у иранцев спускаются на ступень низших, нечестивых духов. Сияющий, чудесный, сострадательный Индра древнеиндийского культа и великий бог (Махадева) Шива превращаются в Персии в злые демонические силы, враждебные богам и людям, как, например, Асура в Индии. Боги остались те же, но облик их изменился, Жертва, которая приносится высшим существам — все тот же напиток сома (хаома).

Предания и язык обоих народов указывают на север, как на прежнее общее их местопребывание, и едва ли ошибочно распространенное предположение, принимающее за прежнюю их родину страну, орошаемую Оксу-сом и Яксартом (Амударьей и Сырдарьей). Культура этого древнего круга народов обрисовывается в общих своих чертах сокровищницей слов, одинаково унаследованной вышедшими из него народностями. Самым важным источником пропитания, соответственно природе степной страны, было скотоводство: стада рогатого скота, овец и коз составляли главную статью народного богатства; на пастбищах собака являлась верным помощником человека. Разводились также и лошади, но лишь для упряжи, а не для верховой езды; запряженная

45

конями колесница играла большую роль уже в битвах вторгшихся в Индию арийцев. Уже одно существование повозки указывает на то, что индо-иранцы не были исключительно пастушеским народом. То обстоятельство, что они строили деревянные дома и что животных своих загоняли в защищенные дворы, подтверждает предположение, что у них существовала известная оседлость, на что указывает также и возделывание различного вида злаков: ячмень, пшеница, просо были уже в первобытную эпоху общим достоянием большой индо-германской семьи народов. По всей вероятности, арийцы при своем вторжении в благословенную страну Пя-тиречья, принесли с собой искусство орошения земли, что они изучали уже на берегах Оксуса и Яксарта. Как бы то ни было скотоводство составляло главную статью пропитания — молоко и мясо (рыбу они не ловили), — и давало одежду (шерсть и шкуры). Из металлов известны медь и бронза (руда), железо же встречалось редко; наконечники стрел у арийцев делались, вероятно, чаще из рога (смазанного ядом), чем из металла. Кроме лука и стрел, оружием служили палица, топор, меч и копье. Мирные сношения велись, по всей вероятности, в довольно значительных размерах: существовали правильные дороги, по которым двигались запряженные лошадьми телеги, а по рекам скользили плоты и весельные суда; товар обращался путем меновой торговли, и миролюбивому чужестранцу охотно оказывалось гостеприимство. Если говорить об общем моральном облике индо-иранцев, то мы должны представить себе его стремящимся к высоким идеалам: семейная его жизнь была чиста, взаимные отношения членов одного и того же племени были урегулированы определенными нравственными законами; он был честен и верен, а в отношении к врагу проявлял мужество, храбрость воинственность. Главой семьи является отец; наряду с ним высоко чтится и уважается также и хозяйка дома. Во главе племени или областной общины стоит вождь, или правитель, «царь», который не только управляет светс-

46

кими делами своего племени, но и является его представителем перед лицом небесных владык. Отдельного звания жрецов еще не существовало; но зато весь народ был преисполнен глубокой религиозности.

Первая ступень арийской иммиграции в Пенджаб

У нас нет ближайших указаний на причины, заставившие индийских арийцев оставить первоначальные места своего жительства; поводов к этому огромному передвижению народов могло быть немало: чрезмерное увеличение населения и невозможность прокормить его, враждебные вторжения других степных народностей, — родственных индо-германцев с запада или беспокойных монгольских племен с востока и севера, — или, быть может, внутренние раздоры, которые в конце концов привели к полному разобщению иранской и индийской ветвей, наконец, просто весть о'баснословном плодородии обширной страны на юге. Установить точное время этого передвижения совершенно невозможно; новейшие исследователи склонны отнести его к середине III тысячелетия до н. э. или еще к значительно более раннему периоду.

Пути иммиграции. Путь, который избрала иммиграция, привел к югу. Здесь простирался высокий горный вал, Гиндукуш и Памир; но он не представлял собой препятствия для сильного, испытанного в странствиях по горам пастушеского народа и не помешал ему достигнуть лежавших по ту сторону равнин, которые со своими природными богатствами должны были казаться тесному обитателю степей заманчивым

раем. Весьма возможно, что индийские арийцы переходили как через Памир, так и через Гиндукуш; придерживаясь более восточного направления, они без большого труда могли проникнуть через Чираль или Гильгит к Инду и в чудный Кашмир, равно как и в верхний Пенджаб; западный путь через Гиндукуш приводил их к Северному Афганистану, в область Кабула. Здесь, по-видимому, заро-

47

дились древние священные песни, дошедшие до нас; здесь же могло совершиться и последнее отделение друг от друга иранской и индийской арийских ветвей. От краев афганского нагорья взор переносится к благодатным нивам Пятиречья, и через естественные ворота крайних гор не трудно было проникнуть далее в равнину. Этим путем, вероятно, главная масса арийцев достигла своей новой родины; это совершилось, конечно, не одним могучим движением, но различными, следовавшими в продолжение долгого периода времени натисками отдельных племен. Впечатления, охватывавшие их при переходе через уходящие в небеса горы, должны были быть необыкновенно сильны, — долго еще живет в них воспоминание о покрытых снегом горных колоссах, достойных служить тронем небесным богам.

Странствования арийцев привели к чудной цели: Пенджаб, орошаемый переполненными от дождей и таяния снегов могучими реками — источниками неисчерпаемого плодородия, — расточал свои блага в невиданном еще дотоле изобилии. Вдохновенный певец прославляет его реки, особенно Инд, Сарасвати ведов, принимающий в себя воды пяти других рек и несущий их в море: Витаста (Джилам, или Джелум), Асикни (Чинаб, или Ченаб), быстрая Ма-рудвирдха (Раби), Випаш (Биас, или Беас) и Сутудри (Сэт-ледж) — те реки, числу которых «Панчанада» — Пятиречье обязано своим названием. Поэт воспеваает эту область еще как страну семи рек — «Сапта Синдхава», причисляя сюда и реки, связанные по воспоминаниям с переселением в Индию, — Кабул, присоединяющийся с запада и старшую из семи сестер — Сарасвати.

Не без борьбы досталась пришельцам эта прекрасная страна; населявшие ее еще до их "прихода темнокожие коренные жители не добровольно уступили им свои права. Веды того времени наполнены шумом битв победными кликами; высокие боги призываются, чтобы разбить завистливых злых дасью, и им возносятся полные ликующей благодарности похвалы за то, что они разрушили сотни прочных убежищ несчастных, низких рабов, да-

48

сью. Не обходилось дело и без тяжелых столкновений между отдельными племенами собственного народа, когда вновь прибывшие полчища требовали своей доли земли. Скоплявшаяся масса арийцев теснила друг друга все больше и больше на восток. Мы можем проследить это движение с момента пребывания арийцев на высотах афганского предгорья до того момента, когда они, продвигаясь через Пятиречье, достигли Дамны, или Джумны (Ямуны), самой западной из рек бассейна Ганга: она часто упоминается в более поздних ведах*, тогда как Ганг вообще упоминается не больше одного-двух раз. Надвигание друг на друга и смешение различных племен, соперничавших в захвате богатой добычи — земли, должно было неизбежно приводить к столкновениям. Некоторые племена и их цари упоминаются с их племенами; так, прежде всего союз «Пяти народов» в северной части Пятиречья: яду, турваса, друкхью, ану и оставшихся больше других позади пуру; первые два племени и затем третье и четвертое продолжали оставаться между собой в более тесной связи. К востоку, за пределы этих пяти союзных народов, населявших настоящую Ариаварту (санск. — земля ариев), страну арийцев, проникли тритсу, ветвь воинственного, испытанного в боях и победах племени бхарата; между ними и более западными народами Пятиречья дело дошло до кровавой борьбы. Оттесненные в этой борьбе союзные племена, вынужденные ограничиваться одним Пятиречьем, теряли все более и более общность интересов и чувство родства с продолжавшими распространяться на восток арийцами. О большинстве

* Веды (санскр. — ведение и знание) являются священным писанием индусов, в них входят 4 главные книги: Ричве-Да, Атхарваведа, Самаведа и Яджурведа. Создавались в течение XII—VII вв. до н.э. Ведами называют относящиеся к этим книгам: Брахманы (книги, излагающие ведийские обряды); Араньяки («Лесные книги», где объясняется мистический смысл ведийских обрядов и раскрывается ведийская символика); созданные позднее Упанишады (книги, в которых культ

49

этих племен мы уже больше ничего не слышим; только пуру продержались несколько дольше в области Инда (царь Порос).

Культура. В общей культуре проникших в Пятиречье арийцев повсюду замечается тот прогресс, который приносит с собой обусловленное земледелием поднятие существования на более высокие ступени, который проявляется в большем благоденствии, большей безопасности и вообще в более расширенных рамках всех форм жизни. Арийцы не кочуют больше по необозримым степям, они ведут оседлый образ жизни в определенных, благоприятных для земледелия областях. Скотоводство остается все еще одним из главных занятий; рогатый скот продолжает служить мерилем не только оживленности сношений, но и богатства отдельных лиц; вождь племени все еще называется «обладатель коров» (gorati), а борьба — «жажда приобретения коров» (gawishti). Молоко в свежем виде или в форме кислого молока, сливок, свежего или топленого масла составляет по-прежнему главную часть пищи; зато мясо домашних животных употребляется мало, а охота предпринимается больше как спорт или как мероприятие против хищных зверей; рыба же остается в пренебрежении. Мясная пища все больше и больше заменяется хлебными растениями, в пищу идет ячмень, менее пшеница, рис же совсем еще не употребляется. Плуг и серп играют большую роль,

чем прежде. Зерно вымолачивается на токе, размельчается женщинами на жерновах и затем идет в пищу в виде хлеба или лепешки

и мифология Вед получают философское обоснование и где на первый план выступает общее рассуждение о Боге, человеке и природе); Веданта (слово буквально означает «завершение Вед»; это рассыпанные по всем книгам Вед философские трактаты, которые в индийской традиции называются Шрути (Shrutis — то, что услышано). Слово «веды» также употребляется в Индии нарицательно в смысле «священная книга», «вечная мудрость», — *Прим.*

ред.

50

или же в виде каши. Дом строится более крепко и прочно, чем прежде. Крыша из растительных волокон, коры или соломы защищает от дождя; в середине главного помещения пылает очаг, а вокруг него устроен целый ряд скамеек (вероятно, земляных, как и в настоящее время), покрытых шкурами и служащих для отдохновения. Глиняные горшки, а также и медные котлы, камни для размельчения зерна составляют главную домашнюю утварь. Рядом с домом помещается огороженный загон для скота; тут же и ток, на котором молотят хлеб. Дом находился всецело на попечении женщины: она готовила кушанья на всю семью; пряла свою тонкую пряжу и изготовляла из нее искусные ткани или шила красиво украшенные плащи из шкур убитых зверей; здесь же росли под ее надзором девочки и мальчики. Мужчина работал вне дома, на поле, на лугу и пашне, на охоте или же на войне. Ремесла, достигавшие все большего совершенства и специализирования, находились в руках мужчин: каждый поселянин умел делать прочные повозки; кузнец обрабатывал при помощи огня, раздуваемого посредством птичьего крыла, медь и железо, которые доставлялись ему, по всей вероятности, в необработанном виде коренными жителями, выплавлявшими их из руды (туземная индийская форма мехов наподобие сумки не была, по-видимому, в употреблении у арийцев); золотых дел мастера умели изготовлять блестящие драгоценности искусной работы — бляхи, браслеты и кольца, которыми женщины украшали уши, шею, руки и ноги.

Отношения между мужем и женой были основаны на прочных нравственных началах. Подарить племени дельных, достойных своих родителей сыновей было высшей гордостью отца и матери. Жена господствует в доме наравне с мужем и пользуется одинаковым уважением и правами, хотя муж, как более сильный, является естественным главой, защитником семьи и ее руководителем. Мужчина сватал через друзей и родственников избранную его сердцем девушку; если родители девушки принимали подарок жениха, то брак совершался перед оча-

51

гом того дома, в котором под защитой своих родителей жила до той поры невеста. Жених брал девушку за руку и обводил ее три раза вокруг очага; тот же обряд повторялся и в будущем жилище новобрачной, куда ее привозили на колеснице, запряженной белыми быками; торжество завершалось общим пиршеством. Побочные жены составляли явление редкое; полиандрия же была совершенно чужда древним арийцам. Если дом посещала смерть, то труп хоронился или сжигался (оба способа погребения упоминаются уже в древнейших ведах); вдова никогда не следовала в могилу за умершим супругом. Дома стояли отдельными поселками или же соединялись в деревни. Некоторые из таких поселений обнесены были для защиты от нападения врагов земляным или каменным валом (названия этих мест оканчиваются словом «пур» — крепость); часто люди и животные должны были укрываться в нежилых в обычное время, защищенных валом убежищах, когда им грозила опасность со стороны врагов или наводнения. Группы отдельных деревень соединялись в общины, несколько таких общин в свою очередь соединялись в округ, весь союз округов — в племя, и каждая из этих групп имела своего главу; во главе же всего племени стоял царь (radijan — «раджа»), престол которого переходил по наследству или же передавался путем выбора; и в том, и в другом случае, однако, новый царь должен был быть утвержден общим народным собранием (samiti) всех способных носить оружие мужчин. На самити обсуждались вообще все дела племени, особенно вопросы касавшиеся войны и мира. Для менее многочисленных собраний в округе или деревне имелись особые помещения (sabha), служившие не только для совещаний и судопроизводства, но также и для увеселений и сборищ, при которых игра в кости составляла главное развлечение. Как племя имело свою организацию для мирных целей, точно так же и войско, составленное из всего способного носить оружие населения, делилось на части, соответствовавшие семьям, деревням и округам и имевшие каждая своего предводителя. Знатные воины отправлялись на битву на своих

52

запряженных двумя жонями и управляемых возницей колесницах, вся же остальная масса войска передвигалась пешим образом.

Царь вел свое войско против врага; он же являлся посредником между народом и богами, молил их о помощи, славил их или приносил им жертвы. Он мог в отдельных случаях предоставлять делать это пурохите, руководившему жертвоприношениями, или совсем передавать свои обязанности жреца кому-либо, кто обладал представительной наружностью и отличался как певец. Остальные знатные лица, например, князья отдельных округов и т. д., могли также держать своих пурохите, влияние которых все более крепло по мере того, как молитва заступала место внезапных сердечных излияний и культ богов вырабатывал более определенные формы, находившие выражение в особых обычаях и установленном ритуале. В этом отделении царской власти от сана жреца мы видим уже зародыш той розни, которой суждено было сыграть столь важную роль в дальнейшем развитии арийского народа.

Религия индоарийцев в Пенджабе. Из своего прежнего отечества арийский народ вынес, как ценное наследие, глубокое религиозное чувство, исполненное благодарности и почитания высших сил, тех сил природы, которые дарили человеку беспечное существование, покровительствуя его стадам и посевам. Это были благодетельные, доброжелательные боги, посылавшие человеку живительный дождь и благотворный солнечный свет, и этим богам он приносил, как высоким, расположенным к нему друзьям, благодарственную молитву и благочестивые моления. К ним он взывал о благоденствии своих стад, о победе в битвах, даровании сыновей и долгой жизни. Эти светлые, чистые, всеведущие боги были охранителями нравственности, покровителями дома, гау, всего племени. Небо завоевавших Пятиречье арийцев еще полно богов древнего периода: Адитья — «бесконечные», Митра и Варуна, великий дух Асура (Ахура мазда иранцев) Арьямане и т. д. — все это светлые существа, которых равно почитали как иранцы, так

53

и индоарийцы. Но у последних они бледнеют и, как туманные образы неуловимого прошлого, все больше отступают перед осязаемой действительностью, значение их расплывается, они становятся таинственными, страшными или демоническими (как Асура); другие же боги, — боги с более определенным обликом, выдвигаются на передний план.

Прежде всего это три великих божества — древнеиндийская Тримурти: Индра, Сурья и Агни. Из них особым почитанием пользуется Индра, к которому чаще всего обращаются в дошедших до нас священных песнях. Индра, бог воздуха, больше других расположен к арийцам, он посылает дождь и благодать, ему подчинены зима и бури. Вполне понятно, что именно бог воздуха должен был пользоваться у арийцев таким поклонением: чем ближе арийцы знакомились в новой области с периодичностью атмосферных явлений и главным образом муссонов и проливных дождей, от которых зависело все благоденствие человека, тем больше и глубже были их благодарность и благоговение, именно перед этим богом. Индра освобождает воды небес, рассекая молнией облака, перед которыми мчатся бурные ветры, Маруты, а впереди всех ревущих Рудра, ураган, бешено несущийся перед черной грозовой тучей. И как молнией своей Индра разрывает тучи, так разбивает он крепости врагов и в битве мужей убивает тысячами низких дасью. Так защищает бог арийское племя, которое в свою очередь приношениями — божественным напитком сома — и хвалебными гимнами воздает ему благодарность. Второе место в почитании арийцев занимает Сурья, блестящий бог солнца, дарующий свет, тепло и жизнь — предмет величайшего поклонения. Ушас, заря, раскрывает перед ним ворота, из которых он выезжает на небо на колеснице, запряженной семью красными конями. Третьим присоединяется к этим двум богам Агни — огонь, трением рожденный из дерева; это домашний бог: он живет в очаге, светит и греет, уничтожает все злое, нечистое в доме и печется также о нравственности его обитателей. В виде жертвенного огня на алтаре он является посредником между человеком и прочими богами; в виде разруши-

54

тельного пожара он уничтожает поселения врагов и убежища их демонов, скрывающихся в лесной чаще. Гордое чувство самосознания сказалось в отношениях человека с богами. Он не только получает от богов, но и дает им. Боги, конечно, сами готовят себе напиток бессмертия, амриту, но они не могут обойтись и без жертвоприношений. Особенно любят они сладкий, как мед, напиток сому* и жадно теснятся к жертвенному огню, на котором происходит возлияние напитка, дающего даже самому Индре мужество для совершения великих дел, а силе его — напряжение, обеспечивающее победу. Молитва, которой Индра призывается к соме, кажется нам почти заносчивой: «Готов напиток сома, о Индра; да исполнит он тебя силы! Упивайся же им, превосходным, дающим бессмертие и веселье! Приди, о Индра, с радостью пей его, этот выжатый сок, опьяняй себя, о герой, дабы умерщвлять врагов! Садись на мое покрывало! Здесь, о Добрый, выжатым соком, наполни же хорошенько свое чрево; тебе, о Страшный, приносим мы его». В этом приглашении Индра уподобляется человеку, но тем не менее древнеиндийское представление о богах не достигло еще того олицетворения, какое мы находим в греческой мифологии. Представление о божестве и форма, в которую оно выливается, колеблются между человеческим образом и абстрактным представлением тех сил природы, которые заключаются в огне, грозе, солнечном тепле и т. д. Поэтому отдельный бог индоарийца является чем-то неопределенным, расплывчатым; часто одному божеству приписываются атрибуты, свойственные Другому, а отдельные атрибуты олицетворяются. Созидание мифов не выходит из узких рамок, а генеалогия богов далека от семейного начала, которое нам являет Олимп.

* Сом (санскр.) — в древнеиндийской религии и мифологии священный дурманящий напиток, игравший важнейшую роль в обрядах жертвоприношений, а также божество этого напитка (позже и Луны). Так большинство гимнов Вед обращено к Индре, Агни и Соме. На языке инди еще и теперь одно растение (*Sarcostemma brevistigma*) называется сом, или сома. — *Прим. ред.*

55

Большое число гимнов (1017), посвященных богам — самое раннее свидетельство о жизни, мышлении и чувствовании индусов — сохранилось до нашего времени. Самые древние из этих песен слагались, вероятно, еще во времена странствований арийцев, когда они обращались к богам, прося у них защиты и помощи; новейшие песни возникли уже на берегах Пятиречья и при дальнейшем вторжении арийцев в область Ганга. То, что вначале было непосредственным излиянием набожного сердца, перешло постепенно в установленную молитву; сначала эти песни точно и без изменений передавались из рода в род в семьях певцов изустным путем и лишь гораздо позднее они были закреплены письмом. Таким образом возникло древнейшее собрание (*samhita*) священных книг вообще, т. е. Веды: Ригведа (риг — песнь, стихотворение;

веда — [священное] знание); позднее создались новейшие веды. Продолжительность периода их образования сказывается во многих отличиях их языка; они сильно разнятся друг от друга также и по содержанию.

Во многих ведах, а именно в принадлежащих к более раннему периоду, проявляется глубокое стремление к истине, к разрешению величайших тайн бытия и тот спекулятивный ум, каким характеризуется позднейшая ступень развития брахманизма. Другие, веды представляют просто сборник молений о победе, о потомстве, долгой жизни и т. п. или содержат обеты приношений и восхвалений на случай, если помощь богов окажется действительной. Собрание в одно целое всех этих гимнов совершилось уже в более поздний период, после переселения в область Ганга, т. е. не ранее VII в. до н. э.

Распространение арийцев в области Ганга

Самые важные события на исходе ведийской эпохи разыгрались в стране, лежащей между Индом и Гангом. Здесь уже проявилась между военной аристократией и жрецами та рознь, которой суждено было сыграть впоследствии решающую роль в истории Индии. Во главе союзных племен Пенджаба стоял гордый царь Вишвамита, который, как это водилось в древние времена, совмещал в своей особе в одно и то же время и царя и жреца и спрашивал у богов покровительства для своего народа. Но у врагов его царь Судас уже не сам и не через посредство своих домашних жрецов приносит богам моления и жертвы, а предоставляет делать это особому сословию — жрецам в белых одеждах и с вьющимися волосами, из рода Васишты, молитва которых была богам угоднее, чем молитва царя-жреца. Это обстоятельство стало прологом для всей позднейшей древнеиндийской истории: жрецы окончательно взяли верх над военной аристократией и их господство распространилось на духовную жизнь индусов, на которую они накладывают самые тесные оковы. По времени это духовное порабощение народа совпадает с распространением арийцев в области Ганга.

Источники для истории Индии: Махабхарата. Как источники для внешней истории этой эпохи священные книги являются менее полными, чем какими были песни Ригведы для предыдущего отдела. Тем не менее они, как, например, брахманы, содержат много важных указаний относительно отдельных племен, их местобитания и судеб. Особенно много исторического материала дают нам два больших эпоса того времени, «Махабхарата»* и «Рамаяна»**; поэтически изукрашенные, правда, богатышей, беспредельной в * «Махабхарата» — эпос народов Индии. Авторство приписывается Вьясе. Современный вид приобрел к середине I тысячелетия. Состоит из 18 книг, вводных эпических сказаний главным образом фольклорного характера («Сказание о Нале», «Повесть о Савитри»); включает в себя философскую поэму «Махабхарата» стала источником сюжетов и образов, получивших развитие в литературах стран Азии. — *Прим. ред.*

** «Рамаяна» — древнеиндийская эпическая поэма на санскрите. Приписывается легендарному поэту Вальмики.

Современный вид приобрела ко II в. Одна из священных книг вишнуизма. Стала источником сюжетов и образов многих литературных произведений в Индии и далеко за ее пределами. — *Прим. ред.*

56

57

своих преувеличениях фантазией и требующие, по явной] тенденциозности своих изображений, строгой критики.

В том виде, в каком дошла до нас «Махабхарата», она представляет самый обширный из эпосов всех времен и народов; каждый из 18 отделов содержащихся в ней 110 000 двустиший (slokas) составляет объемистый печатный том. Исторической основой пространной песни о Бхаратах* служат древние предания. Избыток чувств, вызванных подвигами воинов, изливался во вдохновенных песнях, и из уст в уста передавалась хвала героям. Такое начало героической поэмы могло зародиться еще гораздо ранее I тысячелетия до н. э. А затем, когда за бурным периодом последовал период более спокойного преуспеяния, и картины прошлого все более расплывались в памяти потомков, старинные песни и баллады были собраны и переработаны в один обширный эпос. Немало лиц (братья Панду) и событий было при этом присоединено и представлено в ореоле неисчерпаемой фантазии, но много материала, с другой стороны, было сжато: судьбы народов становятся победами или поражениями отдельных героев, многолетняя борьба воинствующих племен превращается в одну бесконечную битву. К этой эпически-исторической части Махабхараты присоединилась еще значительная доля преднамеренного брахманского элемента. Если мы очистим поэму от всех неэпических наслоений, то получим вкратце следующую фабулу.

Там, где две реки, Джамна и Ганг, оставив позади себя горы, вступают в равнину, поселилось, распространив-

* Бхарата — древнеиндийское племя ариев. Вошло в союз племен куру, которые, объединившись с панчалами, создали первое крупное государство в Индии (около VII в. до н. э.). Предания о «Потомках Бхарата» Кауравах и Мандавах легли в основу индийского эпоса «Махабхарата». Название земли бхаратов — Бхаратаварши (междуречье рек Джамна и Сатледж) — в древности часто распространялось на всю Индию. Отсюда со-временное официальное название Республики **Индия** на языке хинди — Бхарат. — *Прим. ред.*

58

шись за пределы восточных и западных берегов их, сильное племя бхаратов — куру; еще и теперь местность на правом берегу Джамны называется Курукшетра — (священная) страна Куру. Царствующий род этого племени распался на две линии: старший из двух сыновей царя Сантану, Дхритараштра, родился слепым, и королевский сан перешел, поэтому, к младшему его брату Панду. У последнего родилось пять сыновей, у первого — сто, и борьба обеих этих групп (Курава—Пандава) составляет эпическое ядро поэмы. Все

принцы были прекрасно обучены брахманом Дрона различным рыцарским искусствам: «стрельбе из лука, нанесению удара палицей, метанию топора и копья, владению мечом и ножом, как в битвах при натиске коней и слонов с колесниц, так и в пешем и рукопашном бою и в поединке». На стороне старшей линии особенно отличался искусством владеть в борьбе палицей старший из ста братьев Дурьодхана, на стороне же сыновей Панду второй, Бхима — своей сверхчеловеческой силой, а третий, сияющий красотой кудрявый Арджуна — необычайным искусством владеть всякого рода оружием, особенно же своей меткостью в стрельбе из лука. На турнире, которым заканчивается воспитание принцев, он превосходит всех остальных; затем в состязании со многими другими принцами добивается прекрасной Кришны («черная»), дочери Друпеды, царя Панчалы. С его победой Кришна становится в то же время и женой остальных четырех братьев — полиандрический брак, который поэт, придерживающийся брахманского мировоззрения, старается извинить недоразумением со стороны матери принцев Панду.

Из страха перед храбростью своих двоюродных братьев и могуществом Панчала, связанного с ними узами родства, благодаря браку с Кришной, Дурьодхана, сделавшийся тем временем царем, разделит свое царство со старшим из братьев Панду, Юдхиштхирой. Но уже во время своего посвящения в цари этот последний проигрывает в кости не только власть, но и свободу, как свою, так и своих братьев, а под конец и общую супругу Кура-

59

вам, враждебно настроенным к Пандавам, и только благодаря вмешательству дряхлого слепого Дхритараштра этот исход игры принял другой оборот и был заменен 13-летним изгнанием. По истечении этого срока, проведенного братьями Панду вместе со своей супругой в диком уединенном лесу в нужде и несчастье, они потребовали своей доли царства. Куравы не согласились на это требование, и обе стороны собирают вокруг себя многочисленных и сильных союзников: к Куравам присоединяется проявивший в этих битвах чудеса храбрости и ловкости Карна (второй Зигфрид или Ахилл); Пандавы же пользуются хитроумными советами Кришны, царя племени Ядава, который отдает себя в распоряжение Арджуны в качестве возницы. Разыгрывается страшная битва, продолжающаяся 18 дней, после самых удивительных подвигов, погибают все воины, кроме пяти братьев Панду. Отныне им принадлежит все царство, которым еще долго правит Юдхиштхира — истинный идеал князя в духе брахманов. В конце концов все братья отказываются от земных благ, становятся аскетами и, переходя от одного священного места к другому, достигают священной горы Меру и входят в царство богов.

Как ни много в «Махабхарате» чистого вымысла, тем не менее можно установить с некоторой точностью местообитание целого ряда племен, вплетенных в историю обоих царских родов и, в качестве действующих или страдающих лиц, принимающих участие в борьбе, в которой погибло привилегированное положение сословия воинов. Главными представителями этого последнего являются живущие по верхнему течению Джамны и Ганга куру с их главным городом Хатинапурой: к западу от Джамны до самой Сарасвати, исчезающей в песках пустыни, они держат в своих руках священную страну Куру. В Средней Дуаб (страна между Джамной и Гангом) поэма переносит панду с их главным городом Хатинапурой (нынешний Дели на Джамне); в Нижней Дуабе господствует союз пяти племен — панчала. Против них, на западной стороне Джамны живут шурашена, на востоке по ту сто-

60

рону Ганга — кошала (главный город Гогра), достигшие после истребления куру и панду большого могущества; главный город их сделался впоследствии центром брахманской культуры. К югу от соединения Джамны с Гангом, священного слияния — Праяга, где уже раньше Пра-тистхана (Аллахабад) сделался целью паломничества, жило на северном берегу главной из рек бхаратское племя матсья, а к юго-востоку от них, в стороне нынешнего Бенареса, — каша, тогда как на горном берегу первобытное туземное племя нишада служило охраной для арийских племен на севере. Страну к востоку и северу от Ганга, кроме кошала занимало еще союзное куру горное племя кирата, далее к югу — пундра банга и анга, митхила, видеха (тирхат) и магадха.

На землях, населенных всеми этими народностями, и происходит действие эпоса. Со времени вышеупомянутой битвы царя Судаса должно было пройти несколько веков, в продолжении которых арийцы, основывая государство за государством, постепенно овладевали всей плодородной срединной страной, Мадхья-деша, и распространились до известного теперь под именем Гарути притока Ганга. Тогда как в более ранней стадии этого индийского периода главные события совершаются в стране между Гангом и его большим западным притоком Джамной, позднейшая, чисто брахманская культура достигает особого расцвета в государствах, примыкающих с востока: к северу от Ганга в Видехе (главный город Митхила, нынешний Мусаффарпур; на горном же берегу великой реки в Магадхе и Вихаре (ныне Бизар; главный город Паталипутра, нынешняя Патна). Восточная граница этих государств образует в то же время и восточную границу арийских поселений этого периода: там, где по ту сторону гор Раджмахала отделяются от южного берега Ганга первые рукава обширной дельты, приостановилось и движение арийских народных масс; почти непроходимые, чреватые лихорадками болотные чащи, покрывавшие в ту пору всю дельту, еще долго оставались неприкосновенной собственностью диких стад джунглей и всяких

61

Бенарес на Ганге

хищных и ядовитых животных. Напротив, последние волны арийского народного потока в эпоху наивысшего развития брахманского могущества направились из Магад-ха далее к югу, к плодородным местностям Ориссы; северо-восточные рукава дельты Маханади указывают здесь крайнюю границу тогдашней арийской области, доходившей таким образом на востоке до самого моря.

Еще раньше арийцы достигли западного Аравийского моря. Тотчас после занятия Пятиречья народная масса волной хлынула вниз по Инду, и арийцы увидели у устьев его море, которое назвали именем Синдху. Но укрепившись на берегах моря, они не сделали его исходной точкой для морских сношений. Более благоприятным для простого судоходства, чем негостеприимные берега этого моря, оказался зато лежащий далее к юго-западу Камбейский залив, заселение которого, впрочем, произошло значительно позднее достижениям арийцами устьев Инда. Обширная пустыня и нездоровые соляные болота, отделяющие этот залив от области Инда, задерживали народное движение в этом направлении; но когда напирание из Пятиречья в страну Ганга народные массы скопились в узкой полосе, разделяющей обе эти области, более легкий путь привел туда же. Новые пришельцы находили страну уже занятой, и не раз, должно быть, происходили здесь кровавые столкновения. Теснимые сзади вновь прибывшими массами, сдерживаемые в своем дальнейшем движении опередившими их переселенцами, они нашли выход, намеченный им самой природой, в той плодородной полосе, которая тянется к югу между северо-западными склонами Средне-Индийского нагорья (горами Аравалли) и пустыней: следуя этим путем, они должны были достигнуть глубоко врезающегося в материк Камбейского залива, на восточных берегах которого расстились перед ними богатые нивы Гуджерата и устьев Нарбады (Нармада) и Тапти. На Западе Индии это был самый южный пункт, которого достигли сплоченные массы арийцев.

Таким образом арийская Индия охватывала в эпоху, о которой идет речь, всю Северо-Западную равнину, до-

64

ходя на юго-западе вплоть до Гуджерата, на востоке — до дельты Ганга, а самый юго-восточный пункт ее лежал в дельте Ориссы. В том месте, где поднималось Средне-Индийской плоскогорье, лежала резко обозначенная граница между арийскими и дравидскими племенами. Но этим не ограничивалась область арийского влияния: оно уходило своими корнями в гораздо более ранний период этой эпохи. Что арийцы еще раньше познакомились с морем, и что оно служило для них не преградой, а мостом, соединявшим их с далекими странами, на это указывает встречающееся в древних песнях, воспевающих битвы, сравнение теснимого врагом воина с моряком в открытом море на корабле, гонимом бурей. Еще прежде, чем было сломлено могущество воинства и прежде, чем брахманизм успел наложить свою печать на все условия жизни, арийская колонизация коснулась и Цейлона.

Во всей этой борьбе и заселениях мы увидим перед собой совершенно новые условия арийской жизни, если сравним эту эпоху со временем вторжения арийцев в область Пятиречья. На место патриархальной

пастушеской жизни явились княжества во всем блеске рыцарства. Переход к другим условиям жизни неизбежно повлечет за собой коренное изменение всего политического и социального строя народа. Бульшая оседлость, перевес земледелия над скотоводством привели к большому разделению труда; и если, побуждаемый необходимостью и, хлебопашец и менял свой плуг на меч, то несомненно и то, что уже в очень ранние времена появились зачатки военной аристократии, полагавшей ношение оружия своей жизненной задачей. Руководство племенем тоже получало более определенные формы по мере его роста и преуспеяния: на место главы племени, который первоначально был тогда *primus inter pares*, является снабженный большими полномочиями царь, личность которого высоко стоит над народом. В области Ганга, где вся жизнь приняла более широкие размеры, и положение царя и аристократии было более блестящим. Если даже в «Ма-хабхарате» битвы и связанные с ними имена будущей ча-

3 История человечества

65

стью не что иное, как поэтический вымысел, то во всяком случае описания, характеризующие общее состояние культуры, не могли не соответствовать действительности; и нельзя не считать достоверным историческим фактом романтизм придворной жизни и рыцарства, напоминающий нам европейские Средние века.

Политические и социальные перевороты. Какой огромный переворот предстанет перед нами, когда мы перенесем наш взор с этой эпохи гордой военной мощи на позднейшее положение тех же народов! Нет следов полной, сил юности, жизнерадостных битв, — зеленые листья весны арийского народа поблекли, а сам он состарился. Аристократия утратила свое первенствующее значение; ее место заняло сословие жрецов, наложившее на все свободные самостоятельные движения народной души свои железные оковы. Эта новая сила выступает, облеченная в убогие одежды, но тем глубже влияние ее на умы: честолюбие жрецов не в том, чтобы получить царе-кую власть, — они стремились стать выше царей и властвовать над ними.

Зачатки этого огромного внутреннего переворота в жизни нужно искать далеко позади. Рознь между светской и духовной властью зарождается уже в тот период, когда арийцы ограничивались еще одним только Пенджабом; в большой битве, в которой царь Судас побеждает союз народов Пенджаба, эта рознь впервые проявляется более резко. Прежде глава племени был естественным посредником между народом и богами. Но не каждый из царей и предводителей владел даром стихотворца, и часто публичное священнослужение богам поручалось пурохите. Его личность, его дар облекать высокие мысли во вдохновенную форму поднимали его значение, которое вместе с устной передачей гимнов переходило от отца к сыну. Таким путем являлись семьи жрецов, пользовавшиеся большим уважением; стремление их было направлено к тому, чтобы все более и более укреплять за собой выдающееся положение. Са-

66

мым лучшим для этого средством было создание обширного ритуала при молениях и жертвоприношениях, выполнить который в состоянии были только прошедшие известную школу жрецы. Место для жертвенника устраивалось очень тщательно, алтари для каждого отдельного случая требовали особого украшения; жертвы приносились при самом точном соблюдении очень сложных обрядностей; одни жрецы произносили только молитвы из Ригведы (*hotar*), другие пели только гимны из Самаведы (*udgatar*); над всеми этими жрецами стоял в качестве руководителя верховный жрец.

Этим, конечно, радикально менялся и весь характер молитв, жертвоприношения и даже самое представление о божестве. Прежде жертва была искренним приношением от исполненного благодарности сердца, а молитва — задушевной, полной смирения мольбой, с которой слабый человек обращался к всемогущим небесным существам. Но постепенно к жертве примешалось представление, что приношения богам не только желательны, но что они представляют нечто необходимое, неотъемлемое. В позднейших священных писаниях не раз упоминается, что боги сделались слабыми оттого, что злые духи мешают благочестивым жрецам приносить им должное количество жертв. Только силой жертвы боги, прежде смертные, как и люди, достигли бессмертия: «Боги жили под страхом смерти, не щадящей никого, и только тяжелыми покаяниями и множеством жертвоприношений они добились бессмертия». Но это привело в свою очередь к мысли, что жертвой можно приобрести некоторую власть над самими богами, что таким путем можно вынудить у них просимое; в конце концов жертва в представлении человека выросла в огромную, самую могущественную силу, перед которой должны были склоняться все боги. Брахманы держали в своих руках всемогущую жертву; она составляла твердую основу для их все возрастающего могущества. Индийская поговорка говорит: «Свет зависит от богов, боги — от мантры (жертвенные изречения), мантра от брахманов — следовательно, брахманы наши боги».

67

Каким образом совершился в деталях переход верховенства от аристократии к сословию жрецов, сохранившиеся предания не объясняют. В интересах жрецов было как можно скорее и основательнее изгнать из памяти народа действительные события и вселить в него веру, что высокое положение брахманов существовало испокон веков. Только случайно проливается иногда слабый свет на этот преднамеренно затемненный период. Эпос, предметом которого служит гибель великого рода Бхаратов, показывает нам, как сломилась сила аристократии в жестокой кровавой борьбе; некоторые жрецы, как Дрона и сын его Ашваттхаман, принимают с оружием в руках пагубное для аристократии участие в битвах. Мифическая

фигура Рамы с топором (Parasurama), рожденного брахманом, выступающая уже в этой поэме, а впоследствии ставшая воплощением Вишну, является характерной для жестоких распрей между обоими борющимися за обладание высшей властью сословиями. Что при этом весы не всегда склонялись на сторону брахманов, явствует из смиренного тона многих изречений в ритуальных и философских книгах: «Никто не выше кшатрия (воина), поэтому брахман приносит при царских жертвоприношениях свою жертву после кшатрия». Если бы борьба не грозила принять для брахманов опасный оборот, мифология не прибегла бы к личному вмешательству сострадательного бога Вишну, который спускается к людям, воплощенный в человеческий образ, когда положение их становится безвыходным; в данном случае Вишну приходит на помощь своим особым любимцам — брахманам. После бесконечных кровавых битв они одерживают с его помощью блестящую победу: трижды семь раз Па-рашурاما очищает землю от кшатриев. Брахманский кастовый строй. Аристократия со своей воинственностью и физической силой была сломлена, — жрец со своей таинственной волшебной силой жертвы овладел духовной жизнью народа. Он не замедлил прочно утвердить за собой эту власть, монополизируя все

68

религиозное и философское мышление, регулируя по строго выработанному плану всю общественную и частную жизнь, втискивая ум, чувства и волю индуса в предписанные им совершенно определенные рамки. В чем состоял высокий идеал общественных форм, к которым стремился брахман и который строго привести в действительности возможно было разве только в узкой сфере отдельных мелких государств, показывают нам книги законов, из которых самые ранние составляли в древних ведийских школах курс литературы (Дхармасутры Гаута-мов, Апастамба, Бaudхьяна и т. д.).

Прежде всего назовем распространенную под именем Ману Дхармасастру Манавов, относящуюся к более позднему периоду и устанавливающую положение жрецов самым точным и подробным образом. Чтобы придать ей большее значение, авторы ее приписывали ей божественное происхождение и почти вечное существование (30 млн лет), относя ее ко времени мифологического Ману, родоначальника арийцев. В действительности же брахманское учение лишь незадолго до середины I тысячелетия до н. э. выработало такое чрезмерное количество правил и вылилось в такую резкую форму; в своем теперешнем виде сочинение Ману представляет более позднюю передедку, появившуюся, по мнению Артура К. Бернелля, между I в. до н. э. и V в. н. э. В нем уже явно выступают буддийские принципы, которые нередко стоят в полном противоречии с положениями, относящимися к более раннему периоду (например, убиение животных и потребление мяса наряду со строгим предписанием щадить животных); на более поздний период указывают также известные буддийские выражения об отшельниках «одной отпавшей секты». Сочинение представляет собой собрание изречений, предназначенных утвердить в определенной области Северной Индии выработанное брахманами обычное право. Оно содержит 26 685 двустихий, которые разделены на 12 книг: пять из них уделены правам и обязанностям брахманов; военной касте отведены только две книги, остальным же кастам лишь одна.

69

Совершенно определенно указывается лишь на четыре касты:* «брахманы, кшатрия и вайшья образуют дважды-рожденные классы, шудра рождены лишь однажды и составляют четвертый класс; пятого же класса не существует». В этом разделении выступает прежде всего противопоставление дваждырожденных рожденным один раз, что совпадает с различием крови арийцев и коренных жителей; в арийской группе в свою очередь проводится разделение на три сословия, соответствующие нашим ' сословиям: ученому, военному и рабочему.

Ману признает здесь только четыре общественные ступени: но в других местах он говорит о дальнейших кастовых делениях: подразделения четвертого класса составляют касты врачей, астрономов, ремесленников, маслобоев, кожевников, музыкантов, чандала и т. д. Происхождение этих каст по Ману отличается, однако, от происхождения главных групп: эти последние были созданы в самого начала сотворения мира, а именно (и это характерно) силой жертвы. Известный гимн Ригведы — ее позднейшее добавление — следующим образом описывает происхождение каст: «Жертвой был Пуруша, рожденный в самом начале (первый человек), его приносят в жертву на жертвенной траве, ему жертвуют боги, садхья и риши. Когда они разрезали Пурушу, на сколько кусков разделили они его? Что создалось из рта его, что из его рук и его ног? Брахман вышел из рта его, раджанья (кшатрия) образовался из рук его, вайшья — из бедер,

* Касты (португ. *casta*, от лат. *castus* — чистый; санскр. джа-ти) — замкнутые, эндогамные группы людей, обособленных вследствие выполнения специфической социальной функции, наследственных занятий и профессий (что может быть связано с принадлежностью к определенной этнической, а иногда и религиозной общности). Касты образуют переделенную иерархию; в общении между людьми из разных каст есть строгие ограничения. Как сословия или социальные ранги касты существовали в ряде древних и средневековых обществ (древний Египет,

70

шудра — из ног. Луна создалась из его души, солнце из его глаза, Индра и Агни из его рта, Ваю из его дыхания. Из его пупа вышел воздух, из его головы образовалось небо, из ног — земля, из уха — страны света: таким образом боги сотворили мир». Символически брахманы происходят из той же части тела, как и великие древнеиндийские божества Индра и Агни: из рта, изрекающего «Святость и истину»; воинственные кшатрия происходят из рук, благодаря чему получают «силу и крепость». Грубую работу в жизни, механическое существование берут на себя бедра, — из них происходит идущий за плугом вайшья,

достигающий своим прилежанием «выгод и богатств». Из ног, пресмыкающихся вечно в грязи, происходит низкий шудра, «предназначенный с самого начала к служению и повиновению». Так произошли, по толкованию Ману, силой жертвы богов и риши, святых перво-брахманов, главные четыре рода человеческого общества. Относительно существования дальнейших подразделений касты шудра у брахмана имеется другое объяснение: это по его толкованию смешанные касты, происшедшие от соединения между собой членов различных каст. Характерно при этом то, что общественное положение в пределах этих смешанных каст зависит от того, кто принадлежит к высшей касте — жена или муж? Закон допускает союзы между мужчинами высшей касты и даже брахманам с женщинами низшей касты; потомство, происшедшее от такого союза хотя и не вступает в касту отца,

Перу и др.). В Индии обособления групп людей по тому или иному признаку, освещаемое религиозной системой индуизма, приняло всеобщий характер: к 1940-м гг. существовало около 3,5 тысяч каст и подкаст. В 1950 г. Конституция Республики Индия утвердила равноправие всех каст и юридическое полноправие «неприкасаемых» (ранее самый низший социальный слой наиболее бесправных и угнетенных людей, неприкасаемость которых была связана нечистотами, — обработка кожи, уборка мусора и т.п., в силу которых общение с ними людям из более высоких каст было запрещено). — *Прим. ред.*

71

но и не опускается на ступень низшей касты. Если же женщина имела потомство от мужчины, принадлежавшего к низшей касте, то измена ее касте имела роковые последствия, — она не только со стыдом и позором изгонялась из своей касты, но как она сама, так и дети ее низводились на тем более низкую ступень общественного положения, чем выше была каста, к которой она принадлежала по своему рождению. Самая низкая из всех каст вообще, каста чандала, произошла, по толкованию брахманов, от союза женщины из брахманской касты с мужчиной из касты шудра. Напротив того, дети рожденные от брахмана и женщины из касты шудра причислялись к высшей ступени в группе шудра, а привилегированное положение отца их не терпело никакого ущерба.

Таково учение брахманов о происхождении смешанных каст, как оно изложено в книге Ману. Но тот, кто не будет полагаться на одни только санскритские источники, а сам изучит жизнь индийских народов и будет судить о фактах без предвзятых идей, тот не может не вынести убеждения, что учение о происхождении смешанных каст так же шатко, как и учение об образовании главных четырех каст путем жертвы.

Настоящей смешанной кастой можно назвать только касту жриц и их детей, причем дочери становятся снова жрицами, сыновья же остаются при храмах в качестве музыкантов, низших прислужников и т. д. Во всех же случаях, когда различие каст обоих родителей не слишком велико, ребенок вступает в низшую из обеих каст, но никогда этим путем не образуется новая каста. В тех, однако, редких случаях, когда женщина из очень высокой касты снисходит к мужчине очень низкого происхождения, мать всегда прибегает или к вытравлению плода или к самоубийству.

Брахманское учение о происхождении низших каст преднамеренно искажено. Один из лучших знатоков кастового строя, В. Р. Корниш, говорит: «Все толкование (Ману) о смешанных кастах так наивно и выказывает столько словесной ненависти и нетерпимости, предоставляет брахману столько свободы в половых сношении-

72

ях без всякого ущерба для его положения и навлекает, с другой стороны, на провинившуюся брахманскую женщину такие ужасные кары, что преднамеренность толкователей очевидна сама собой».

Преднамеренность эта основывается на желании сохранить чистоту крови высших каст и главным образом касты брахманов тем, что присуждает женщину, провинившуюся против своей касты, к самым тяжким наказаниям. Не таким путем образовались низшие социальные группы: они старше, чем законы Ману; законодатель только воспользовался ужасом их презренного положения, чтоб по возможности больше обеспечить чистоту крови брахманов.

В действительности каста создалась из различных факторов. Прежде всего расовые отличия и расовая нетерпимость создали между расами известную грань. На это указывает и арийское название касты — *varna*, т. е. цвет. Белые и черные арийцы и коренные жители, «лучшие, первые» (пользующиеся успехом и господствующие) и низшие, простые — дасью, — вот изначально резко обозначенные грани. При первом столкновении эти дасью не были включены, само собой, в арийский социальный строй: для них полагалось лишь одно — избиение. Лишь впоследствии, когда упрочилось благосостояние и оседлость, победители нашли для себя более выгодным обратить своих пленных или подчиненные народы в бесправных рабов, которые должны были исполнять всякие тяжелые работы. С этим принятием в свою общину туземного элемента арийцы внесли в нее первый глубокий социальный раскол. Дальнейшее дифференцирование последовало уже в самом арийском населении. Совершенно естественно, что тот, кто особенно отличался в военных подвигах, пользовался и большим почетом и получал большую долю как в добыче, так и в земле и нужных для ее обработки рабов. Таким путем создалось с течением времени военная аристократия, кшатрия, с расцветом которой мы познакомились в битвах «Махабхараты». Каким образом произошло дальнейшее Деление общества и создалось наследственное сословие

73

жрецов, брахманов, мы уже говорили. Но чем больше оба эти сословия формировались в наследственные, обособленные касты, тем больше они возвышались над остальной массой народа, земледельцами, пастухами, ремесленниками, занятия которых считались ими более низкими профессиями. В своей гордости

кшатрия называл себя также раджана, раджванси, т. е. царственный, или раджпута (radjaputra), из царского рода, и считал себя гораздо выше обыкновенного vis (misera plebs), — вайшья.

Так создались главные касты, о которых говорит Ману. Они уже в свою очередь дифференцировались. Только брахманы и кшатрия продержались дольше других, не распадаясь на меньшие группы. От распада предохранил их, с одной стороны, строго определенный круг действия, с другой — строго соблюдаемая, по крайней мере, у брахманов, чистота крови. Что касается остальных двух групп, вайшья и приобщенных к социальному строю арийцев шудра, то условия для них сложились иначе: развитие государственности влекло за собой и большее разделение среди этих групп. По мере того, как существование становилось более обеспеченным и благосостояние увеличивалось, росли и потребности; прежде, при простоте образа жизни древних арийцев, каждый отдельный член племени мог сам удовлетворить всем техническим своим потребностям; с развитием же на Ганге сложной государственной жизни это становилось уже более невозможным. Если нужно было достичь большего совершенствования техники, как того требовала жизнь, поставленная в более широкие рамки, то неизбежно должно было явиться разделение труда и должны были создаваться различные технические специальности. Как у брахманов и кшатрия, ремесло и в других кастах приняло форму наследственного цеха. Вопрос о том, не существовало ли уже у коренного населения страны еще до его соприкосновения с арийцами, кастового разделения труда, остается открытым. Не все туземцы стояли в ту пору нашествия арийцев на степени дикарей; среди них были племена, которые своими техническими

74

знаниями превосходили арийцев и продавали последним произведения своего искусства при посредстве купцов, vanidja (на новоиндийском — банья). В пользу того, что у них уже раньше существовали напоминающие касты цехи, говорит то обстоятельство, что Ману приобщил целый ряд ремесленных каст к низкому сословию шудра (астрологов, маслобоев, кожевников, музыкантов и т. д.). Едва ли можно предположить, что законодатели индийского строя, брахманы, тщательно занимались детальным разделением многочисленных каст шудра, которых они, как нечто нечистое, старались держать подальше от себя; гораздо вероятнее, что они застали уже готовым кастовое разделение шудра, совпадавшее с родом занятия.

Развитию арийского кастового строя способствовали далее политические отношения к неарийскому туземному населению. Смертельная ненависть к черным «козло-носым», наполняющая гимны Ригведы, улеглась: в борьбе между арийскими князьями и государствами политические расчеты требовали часто сближения, союза и дружбы и даже кровного смешения с туземными племенами. В «Махабхарате» мы видели царя нишадов в качестве охранителя важных речных переправ у Праяга; дравидские племена борются, как добрые союзники, бок о бок с чисто арийскими племенами; имена некоторых выдающихся героев великого эпоса и особенности в их характере и нравах говорят о близких отношениях аристократического арийского военного сословия с туземцами. Кришна — «черный», это имя царя ядавов, близкого союзника и верного друга пандавов. Если бы вздумали объяснить это имя тем, что племя его раньше других переселилось в Индию и благодаря более продолжительному воздействию солнца приобрело более темную окраску, то против этого можно возразить, что пигментация кожи усиливается не благодаря влиянию солнца, а благодаря смешению с темнокожими расами. И по характеру Кришна не ариец: он исполнен лжи и обмана, Дает кровавые советы и измышляет увертливые оправдания своим неблагородным поступкам, несовместимым

75

I*.

с рыцарским духом арийского воина. Принцесса панча-лов также называется Кришна, «чёрная»; а то, что она по чисто дравидскому обычаю вступает в полиандрический брак со всеми пятью арийскими князьями Панду, красноречиво свидетельствует о близких отношениях между арийскими и туземными народами. Эти отношения проявляются также и в истории заселения Цейлона: уже дед Виджайи, ариец, взял в жены дравидскую принцессу ка-линггов, а внук его, как и соплеменники последнего вступают без всяких расовых колебаний в союз с дочерьми туземцев. Как мы видели, в отношениях обеих рас произошла со времени арийского вторжения значительная перемена. Непрерывное смешение еще и теперь проявляется в физических различиях между северо-западом и страной Ганга: так, в Пятиречье, в Кашмире и отчасти также в Раджпутане, вследствие завоевательных войн, которые велись с крайним ожесточением, встречаются лишь следы черного первобытного населения; далее на восток смешение, проявляющееся в более темной окраске кожи и более широкой форме лица и носа, выступает все в большей степени. Вполне очевидно, что подобное кровосмешение, в особенности же присоединение к арийской народности целых туземных племен, должно было умножать ранговые ступени в самих кастах.

Примесь чуждых (расовых) элементов меньше всего коснулась брахманов, заботившихся со всей строгостью о сохранении чистоты своей касты; по крайней мере в Северной Индии каста их и по настоящее время удержала чистым арийский тип. Но уже в Ориссе, и в усиливающейся по мере удаления на юг степени, эта строгая каста нашла нужным при случае принимать в свою среду отдельных лиц или даже целые роды, если это обещало им выгоду; так, например, в Декане в настоящее время встречается больше темнокожих брахманов, чем светлокожих.

Гораздо снисходительнее относились к смешению крови в секте воинов; у них даже существовала узаконенная форма брака, при которой девушка похищалась из лагеря враждебного (часто темнокожего) племени;

77

такой брак назывался «ракшаса». Если аристократия не пренебрегала брачными союзами с туземцами, то тем меньше повода было для простого народа заботиться о чистоте арийской крови. Но именно эти-то союзы и приводили часто к кастовым подразделениям; в глазах правоверных рожденные от таких смешанных браков лишались права быть чистыми кшатрия или вайшья, общения с ними избегали, и однородная первоначально группа распадалась таким образом с течением времени на все увеличивавшееся число ничем не связанных между собой каст. Постепенно эта примесь чуждой крови проникла, по-видимому, в большую часть касты кшатрия и почти во всю касту вайшья. Таким образом становится понятным, что в настоящее время осталось лишь немного местностей (например Раджпутана), где известные касты могли бы некоторым образом доказать свое происхождение от древней арийской военной аристократии; в большинстве случаев право называть себя кшатрия основывается на измышленных генеалогиях. Касты же вайшья, которая стояла бы в несомненной связи с древними вайшья арийских государств Ганга, вообще не существует больше.

Современный кастовый строй Индии растворился в сотнях и даже в тысячах отдельных групп; в древнебрахманские времена, однако, действительно существовали четыре большие социальные группы, на которые

указывают книги законов. Среди них шудра были обречены на самое жалкое существование: как рожденные только однажды, они были совершенно изолированы от тех, которые вторичным своим рождением были подняты на высшую ступень. Они были лишены священного шнура, которым опоясывали в знак совершеннолетия юношу, принадлежавшего к трем высшим кастам (две нити, перехватывавшие левое плечо и правое бедро. Сообщить лицу из касты шудра священное изречение или молитву считалось для высших классов преступлением, достойным смертной казни: «запрещается шудре давать совет, уделять ему остатки от жертвоприношений, еды или масла,

78

запрещается также посвящать его в религиозное учение и обряды. Ибо как обучающий шудру закону или разрешающий ему участвовать в богослужении, так и сам шудра погружаются в недра ада, называемого Асамвратта». Уже одно дыхание шудры даже на большом расстоянии оскверняло дважды рожденного. Поэтому шудра должны были строить свои жалкие хижинки далеко от прочих жилищ, в стороне от большой дороги, в густых кустарниках; если шудра встречал кого-либо из высшей касты, он должен был уходить с дороги на сто шагов; грязное рубище, самая скверная пища, самая низкая работа были еще слишком хороши для этих несчастных презираемых существ.

Глубокая пропасть отделяла шудру от вайшья. На этого последнего обе высшие касты — жрецов и воинов — смотрели свысока, но он принадлежал все-таки к дважды рожденным, носил священный шнурок, и для него было доступно изучение Вед. Только род его занятий, носивший характер обыденности, повседневности, делал его положение униженным. Он не мог ни посвящать себя высоким занятиям воина, ни отдаваться глубоким духовным и религиозным размышлениям и интересам; его окружала атмосфера почвы, которую он был призван обрабатывать. Это был землепашец, пастух; в созидавшихся городах, купец, меняла, часто достигавший большого благосостояния, но тем не менее никогда не преступавший той грани, которую создал для него строгий кастовый строй.

Над вайшья стоял на брахманско-общественной лестнице воин, кшатрия. Его влияние, блеск рыцарства, лежавший на нем, был лишь слабой тенью того, что они представляли в первые века после вторжения арийцев в страну Ганга. Более спокойные времена, последовавшие за заселением этой области, предъявляли меньшие требования военной аристократии. Но чем больше падало ее значение в действительности, тем больше брахманы старались сохранить для нее в глазах остальной массы народа хотя бы признак прежнего блестящего положе-

79

ния, чтобы иметь в ней влиятельного союзника для своих стремлений. Благодаря этому аристократия все еще занимала высокое положение; в сравнении с другими сословиями она пользовалась большей свободой, а богатые поместья и оказываемый ей почет обеспечивали наслаждения жизнью. Когда же кшатрия, используя все радости и преимущества своего высокого внешнего положения, чувствовал пресыщение жизнью, ему не возбранялось присоединиться к отшельникам и посвящать остаток своей жизни внутреннему созерцанию.

Одни только брахманы, несмотря на то, что принадлежали к той же группе дважды рожденных и что были опоясаны тем же священным шнуром, как и остальные касты, сумели тем не менее поднять на недостижимую высоту свое значение. В своих книгах законов они довели до крайних пределов тот необычайный принцип, по которому они являются особыми, совершенно отличными от всех других людей существами, наделенными божественным знанием, божественной силой и соответствующими всему этому преимуществами и правами. Для характеристики положения брахманов приведем некоторые изречения из книги Ману: «Какое существо может быть выше того, через рот которого боги вкушают жертву, а тени усопших душ принимают дары?» «Поэтому все на свете принадлежит брахманам: ибо брахман может потребовать все, чего захочет, так как на его стороне превосходство и высокое рождение. Только благодаря доброте и благосклонности брахманов люди пользуются тем, что имеют». «Кто мог бы рискнуть без смертельной опасности для себя рассердить этих святых мужей, которым обязаны СВОИМ сотворением всепожирающий огонь, моря с соленой водой, луна со сменяющимися друг друга новолунием и полнолунием? Какой царь мог бы рассчитывать на успех, восстав против тех, которые в своем гневе могли бы создать другие меры и дать им всемогущих владык, могли бы призвать к жизни новых богов и новых смертных? Кто, кому дорога жизнь, пожелал бы обидеть тех, по милости которых продолжают существо-

80

вать и миры и боги?». Сравним с этим следующие изречения, относящиеся в касте шудра: «Одну обязанность возложил создатель на шудра: безропотно служить высшим кастам». «Шудру, будь он рабом или свободным, брахман может заставить исполнять для себя рабские работы, ибо шудра был создан высшим божеством для служения брахману». «Брахман может без всяких угрызений совести присвоить себе имущество шудры, ибо последний не имеет права считать что-либо своей собственностью: он принадлежит к тем, у которых господин может отнять имущество». Характерным является также и то, что законы о наказаниях различны для брахманов и шудра: тогда как бритье головы служит высшим наказанием для брахмана, — другие касты приговариваются к смертной казни: «царь не имеет права бить брахмана, даже если последний застигнут на месте преступления; он может только обречь его на изгнание, но с сохранением всего его имущества и личной неприкосновенности». «Если брахман убьет кошку, ихневмона

или лягушку, собаку, ящерицу, сову или ворону, то он должен исполнить те же обряды очищения, как если бы он убил шудра». Напротив того, для шудра существуют совсем другие законы: «Если однажды рожденный говорит оскорбительно о ком-либо из дважды рожденных или о целой их касте, то в рот его нужно всунуть кусок раскаленного железа длиной в десять пальцев». «Если такой человек осмелится судить о поведении жрецов, король должен приказать влить ему в рот и уши кипящее масло».

В противоположность кшатрия внешний облик брахмана не соответствовал тому могуществу, которое олицетворялось его кастой. Его образ жизни, его положение были скромны, почти бедны. Многие доходные, но в его глазах недостойные занятия были для него закрыты. С Другой стороны, каждому брахману вменялось в обязанность обзаводиться семьей, и его главным стремлением было иметь сыновей, которые после его смерти чтили бы его память и молитвами и жертвами заботились бы о его Душе. Таким образом и достойные брахманов с течением

81

времени все больше и больше дробилось. К тому же и духовное направление брахманов было чуждо всему земному; не только тело, но и все земные блага считались ими препятствием на пути к блаженству, которое состояло в возвращении к очищенной от всего материального мировой душе. Поэтому брахман, которому, по его понятиям, принадлежал весь мир, не видел для себя ничего унижительного в том, чтобы просить милостыню и собирать подаяния; напротив, это казалось ему самым достойным способом добывать себе пропитание, ибо оно меньше всего отрывало его от высоких задач. Конечно, добровольные даяния, даже во времена наивысшего могущества брахманов, не всегда были достаточны, и многие из них были вынуждены добывать себе средства работой. Источником подаяний была умственная работа, религиозные поучения, молитва, жертвоприношение, суд; если этого было недостаточно, то разрешалось пахать поле или пасти стада. Брахману не возбранялось даже учиться военному делу и применять свое искусство (Дро-на и Ашваттхаман) или же заниматься честной торговлей; запрещенными занятиями были ростовщичество, продажа опьяняющих напитков и продуктов, поставляемых священной коровой, молока и масла. Брахман не мог даже добывать себе пропитание таким низким искусством, как музыка и пение, или оскверняющим делом, как кожевенное ремесло.

Полная брахманская жизнь заключала в себе несколько ступеней: учащегося, отца семьи, отшельника и аскета. Когда наступала зрелость, юношу опоясывали священным шнуром и принимали в общину дважды рожденных. С этого момента он поступал учеником к одному из духовных учителей, гуру, которого должен был чтить больше, чем родного отца: «Если ученик-брахман порицает своего учителя, хотя бы и заслуженно, он во второй раз родится ослом, а если он его ложно оклеветал — собакой; если он без спросу взял что-либо принадлежащее учителю, он родится ничтожным червем, если даже он позавидует ему, он родится насекомым». У гуру мо-

82

лодой брахман изучает в долгие годы своего учения священные книги, все молитвы, жертвоприношения и необходимые при этом обряды, а равно и законы брахманского общественного строя. За этим периодом следует ступень, на которой брахман является главой семьи, — дань, отдаваемая им земному существованию для того, чтобы через сыновей поддержать свой род и касту. Когда цель эта достигнута, брахман может посвятить остаток своей жизни самой высокой и прекрасной задаче — отдаться совершенно спасению и очищению своей души от всего земного: брахман оставляет свой дом, часто в сопровождении своей жены, и становится лесным отшельником. Он питается только плодами и кореньями, которые находит в лесу, или подаянием, которое приносят ему набожные почитатели, посвящает себя совершенно исполнению религиозных предписаний и погружается в глубокие размышления о греховности мира и о средствах к избавлению. Самый высший подвиг брахманской жизни состоит в лишенной всяких потребностей, освобожденной от всех земных интересов созерцательной жизни, посвященной размышлению о самых глубоких вопросах бытия, какие только могут возникнуть в человеческом уме. Единомыслищие брахманы соединялись часто, чтобы сообща отправлять религиозные обряды; создавались духовные ордена с установленными правилами относительно поведения и с общей целью совершенно забыть окружающий мир и жить лишь для внутреннего созерцания. Многие не удовлетворялись только тем, что погружались в себя для созерцания божества, а старались уже при жизни победить свою плоть, убить в себе все земное. Придумывались самые изысканные мучения для умерщвления плоти. Все устрояющий Ману и тут дает известные правила: «Кающийся должен кататься по земле или по целым дням простаивать на кончиках пальцев, или же непрерывно садиться и вставать. В жаркое время года он должен сидеть среди зноя четырех костров под жгучими лучами солнца; в дождь должен подставлять свое обнаженное тело под потоки, изливающиеся из туч, в холод-

83

ное время года должен носить мокрые одежды. Все сильнее бичуя себя, пусть убивает он свое смертное тело. Когда же он будет уже во власти болезни, пусть двинется в путь и идет все в прямом направлении к северо-востоку, питаясь воздухом и водой, пока не свалится его смертное тело и душа его не соединится с Брахманом».

Брахманская философия. Как бы различно ни относился каждый брахман в отдельности к умерщвлению плоти, но все они имели перед собой высокую идеальную задачу. Чем больше вырабатывалась для большей массы народа ритуальная сторона жертвоприношения, и чем больше этой массе внушалась вера в

чудодейственную силу жертвы, тем скорее лучшие умы и самые главные мыслители должны были прийти к убеждению в ничтожестве подобных обрядностей; сознательная ложь, на которой зиждилось все брахманское могущество, должна была отвращать их от наслаждения жизнью. Вот почему все мышление именно тех, которые сделали высшее умозрение своей профессией, определяется глубоким пессимистическим настроением, настроением мировой скорби: всё существование человека и всего мира есть одно огромное страдание, и высшая цель всей жизни может состоять только в избавлении от этого страдания, а высшая задача ума — в искании пути к этому избавлению. Его можно достигнуть только познанием основных причин страдания и логической связи, проходящей через все мироздание. Путь к избавлению — это путь к познанию (d̥j̥ṇana). Таким образом в своих целях брахманская философия отлична от философии европейской культуры: в то время, как эта последняя ищет истины ради истины, брахман в своих умозрениях преследует одну практическую цель, — избавление от страдания, которое, как проклятие, тяготеет над всем миром.

Философия брахманов изложена в Упанишадах — «мистическом учении о том, что сокрыто под поверхностью». Подобно ведам, и упанишады считаются святым откровением; но в то время, как веды доступны также и

84

вайшьям, упанишады составляют исключительное достояние высших каст. Учение их представляет собой спиритуалистический пантеизм: весь мир есть не что иное, как одно единое существо, одна мировая душа — Атман, или Брахман. Учение упанишад стройно развито в философской системе Веданты.

В своем совершенном первоначальном и в своем будущем — конечном — состоянии мировая душа есть «Самость», безличная (Брахман — оно), бессознательная, пребывающая в абсолютном покое, бесконечная, без начала, без конца, существующая сама собой и сама в себе. Но как только в ней пробуждается желание перейти в состояние активности, она становится воплощенным Всесоздателем (Брахман — он, Брахма), сотворяющий мир, воспринимаемый чувствами. Все, что заключается в этом мире: небо и твердь земная, огонь, воды, воздух и земля, камни, растения и все одушевленные существа, животные, люди и боги суть только воплотившийся, перешедший в состояние активности дух первоначального, всепроникающего духа, Брахмана. Когда этот Брахман — оно хочет творить, оно в мире явлений соединяется с духом (восприятие, мышление, хотение) и телесными оболочками. Для живых существ эти оболочки двоякого рода: материальное тело, которое со смертью умирает и исчезает, и другая, более тонкая оболочка, в которой душа остается после того, как оставляет тело, и которая исчезает только тогда, когда присущее ей существо снова сливается с безличным, бессознательным Брахманом. Ради своего земного существования эта самосуществующая мировая душа оставляет наивысшее состояние абсолютного покоя; она падает с высоты своего совершенства. В этом заключается страдание всего земного существования, а возвращение к идеальному состоянию покоя мировой души составляет самую глубокую потребность всех существ. Это спасение не легко дается: по неумолимому закону причинности активное состояние мировой души становится проклятием, тяготеющим над всем материальным бытием. Всякая активность, будь она направлена к добру или злу ведет к новой активности, к новому удалению от

85

высшего бытия, к новому несчастью. За каждой смертью следует возрождение и это происходит в зависимости от деяний каждой отдельной законченной жизни — в высшем или низшем существе: в божестве, брахмане или шудре, четвероногом животном, насекомом или червяке. (Практическое учение, имевшее в виду народ, ввело еще, как переходную ступень, чистилище и ад с его наказаниями, которые индийская фантазия рисует яркими красками): Таким образом, благодаря бесчисленным перерождениям, является бесконечная цепь переселения душ. Тем не менее и она имеет свою конечную цель, и для воплотившейся души не исключена возможность слияния и растворения в абсолютном покое и полной бессознательности Первобрахмана. Путь, ведущий туда, есть путь к познанию, который может быть достигнут лишь после абсолютного самопогружения. Это пантеистическое учение брахманов сталкивается с противоречием между чисто духовной природой Первобрахмана и действительным миром. Некоторые (шесть из них всеми признаны за таковые) философские системы и школы различным путем старались разрешить эту великую задачу. Из них большое значение для дальнейшего развития духовной жизни индуса имели особенно два учения: философские системы Санкхья* и только

"Санкхья — одна из ортогальных систем древнеиндийской философии, сложившаяся около I в. н. э.

Авторство приписывается мудрецу Капиле, однако первое систематическое изложение учения — санкхья-карика — было дано Ишваракришной в первые века нашей эры. Согласно представлениям санкхьи, во вселенной существует два первоначала: материальное — пракрити (материя, природа) и духовное — пуруши (сознание), которая не является ни высшим богом — творцом, ни мировым духом. Пуруша — это вечный, не меняющийся принцип индивидуальности, сознания, созерцающее как ход жизни живого существа, в котором оно находится, так и процесс эволюции вселенной, взятой в целом. Практика находится в постоянном изменении и развитии и подчинена закону причинно-следственной связи. Вес видоизменения пракрита зави-

86

что упомянутая Веданта (конец, завершение вед). Санкхья видит во внешнем мире фактическую действительность, созданную творческой силой мировой души; по философии Веданты — все материальное

есть лишь иллюзия и в действительности не существует. По этому учению, как только Брахман переходит в состояние сознания и воплощается, он соединяется — но лишь в воображении — с телесными оболочками. В наиболее тонкой своей оболочке он является олицетворенным высшим божеством Ишварой. Всем таким оболочкам присущи качества: деятельности (*radjas*), доброты (*sattva*) и бесстрастности или мрака (*tamas*), вследствие чего это высшее божество является в трех образах: как личный деятельный созидатель, Брахма, как благодетельный, вечно творящий Вишну или как все вновь поглощающий и разрушающий Рудра-Шива. Но тем не менее как эти, так и все остальные боги, равно как и люди и весь воспринимаемый чувствами мир суть не что иное, как мираж (Майя), как представление мировой души, вне которой вообще нет ничего реального.

Не легко было побороть трудности, заключавшиеся во всех индийских философских системах; трудно было согласовать с ними текст священных вед, на которых зиждутся от того, в каком соотношении в ней представлены три гуны (основные тенденции существования материального мира); *sattva* (ясность, чистота), *radjas* (активность, сила) и *tamas* (инертность и затемненность). Сочетания этих гун приводят к появлению всего многообразия природы. Контакт пракрыта с пурушей обуславливает начало эволюции индивида и вселенной. Каждое живое существо состоит из трех частей: пуруши, тонкого тела и грубого тела. Тонкое тело состоит из интеллекта, органов чувств и связанных с ними элементов и чувства «я». Тонкое тело является средоточием кармы и следует за пурушей, пока последняя не достигнет полного освобождения от воплощения в какое-либо существо. Грубое тело состоит из материальных элементов и гибнет со смертью существа, — *Прим. ред.*

87

дилось все знание. Приходилось прибегать к самым изворотливым толкованиям, к самым изощренным доказательствам. Каждый старался превзойти другого в учености и познаниях, в находчивости, в искусстве толкования. В конце концов внешняя форма заполонила самую суть мышления, и индийская философия была низведена до схоластики, не уступавшей схолистике наших Средних веков.

Брахманское учение о богах. Учения философствующих брахманов способны были, конечно, овладеть пытливым умом терзаемого мировой скорбью и находившегося во власти сурового аскетизма брахмана и казаться ему высшей, непреложной истиной, но большей массе народа эти учения были недоступны и не могли удовлетворить ее: тот, кто живет реальной жизнью, требует совершенно иной пищи для алчущего высокой истины ума; для него божество при всем своем всемогуществе должно быть понятно и с человеческой точки зрения. Чтобы не утратить своего влияния на народ, — опасность, которая все более росла по мере распространения учения Будды* с его громадным влиянием на умы, — брахманы должны были дать ему понятных осязаемых богов.

Древневедийские боги героического периода потеряли вместе с падением аристократии часть своего блеска и

* Будда (санскр. — просветленный) — имя, данное вате-лю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 гг. до н. э.), происходившему, по преданию, из царского рода племени шакьев в Северной Индии (одно из имен Будды — Шакья-Муни, «отшельник из Шакьев»).

В период образования крупных государств Будда своими идеями выразил протест против брахманской религии, освещаемых его кастовых различий, сложных обрядов поклонения богам и жертвоприношений. Буддан нашел путь освобождения от страданий во внутреннем совершенствовании, которое достигалось отречением от желаний и погружением в нирвану. Будда отверг существование бога-отца, отрицая религию Вед, могущества; они выросли на другой почве и плохо приспосабливались к новым временам и новым условиям жизни. Но сказания и песни создали новые идеальные образы героев блестящей эпохи арийской жизни в западной области Ганга. Мифология изобрела для них генеалогию, связывающую их с силами природы, которые арийцы издревле привыкли почитать (династии солнца и луны). Тем не менее индийский героический период стоял по времени слишком близко к эпохе развития брахманизма, чтобы из созданных им образов могли выработаться высшие божества. Между тем боги могли быть заимствованы из другого источника. Падению значения древневедийских богов немало способствовало также сближение и совершившееся затем отчасти смешение обеих, столь ненавидевших сначала друг друга рас. В ту пору арийские боги были прежде всего богами воинственными; теперь уже настали более миролюбивые и спокойные времена. Но чем больше народ под влиянием брахманов терял гордое сознание своей силы, чем больше и в него проникало сознание мировой скорби, тем доступнее становился он к восприятию первобытной индийской веры в демонов, в страшные, враждебные человеку силы, которыми туземцы наполняли свой мир духов.

Эта перемена в верованиях большой массы народа не шла в разрез с желаниями брахманов: в культе новых не принял с некоторыми изменениями их учение о круге перерождений (*сансаре*) и о воздаянии (*карме*). Вначале идеи Будды передавались в форме притч и сказаний. VIII—I вв. до н. э. идея Будды о спасении путем освобождения получила философскую трактовку в учении о мире и человеческой личности как потоке сменяющих друг друга элементов материи и сознания — *дхарм*. Путь спасения, по этому учению, заключается в подавлении беспокойства *Дхарм*. В первые века нашей эры буддизм разделяется на направления: хиаяняна («малая колесница») — собственно идеи Будды, и махаяна («большая колесница») — новое учение о не реальности *дхарм*, или о шу ньяте (пустоте), которое было логически обосновано Нагарджуной во II в. н. э. — *Прим. ред.*

88

*Бог Шива, укра-
шенный венком из
черепов и псапу-
щий на трупах.
Брахманский
рельеф из Эллора*

богов, в заклинаниях и чародействе, в преобладании внешнего ритуала они находили многое, что соответствовало способу почитания их собственных богов, и потому не боялись поощрять сближение с дравидскими демоническими духами. И вот в более поздних священных книгах брахманов, и даже уже в позднейшей из вед, Атхарвавет де, перед нами предстает целый сонм враждебных духов, которые были совершенно чужды древнейшим книгам, особенно Ригведе. Брахманам не трудно было населить этими духами свое небо, так как необыкновенная растяжимость их понятия о проникновении и эманации позволяло им приобщить к своей системе даже самое невежественное. Если высшее существо их, Всеядная мировая душа, могла проявляться в бесконечных формах, почему же не могла она принимать также формы злых демонов и духов? Собственные умозрения брахманов относительно трех форм воплощенного высшего существа привели по крайней мере в двух из них к типам, в которых сказались качества, характеризующие богов как одной, так и другой расы: в доброжелательном, готовом к помощи Вишну — воплощение древневедийских, дружественных человеку богов; во всеразрушающем Рудре-Шиве — соединение всех враждебных сил, которые в образе демонов наводили ужас на дравидов. Третья сторона воплощенной брахманской мировой души, Брахма-творец, не нашел откликов в религиозных чувствованиях и потребностях народной массы, а остался исключительно достоянием брахманского представления. В то время как в тысячах и тысячах храмов оба другие воплощения высшего существа пользуются почитанием, едва ли наберется два храма во всей Индии, где бы брахман поклонялся созидательной силе мировой души в образе осязаемого кумира.

Распространение брахманизма в Южной Индии. Чем больше арийские государства на Ганге расцветали и расширялись, чем жизнь становилась шумнее, тем дальше уходил брахман от земной суеты и искал полного уединения. В странах, дотоле не тронутых брахманским куль-

том, в лесных чащах и в чуждом брахманам мире туземных государств вырастали целые колонии отшельников селившихся порознь или большими группами — монахи тырями. Не обходилось при этом без столкновений с враждебными племенами, и часто упоминается о злых раксах, нарушавших покой набожных отшельников и убивавших их. Но часто брахманы встречали и более мягкие нравы людей, относившихся к ним благожелательно приносивших более культурным чужестранцам свои лепты, получая от них взамен поучения и советы. Таким образом эти отшельники становились пионерами брахманизма и вместе с отшельничеством распространяли и брахманское влияние все далее на юг. Махабхарата описывает, как Арджуна во время своего паломничества от одного монастыря к другому достиг источников девства ниц в Комарьи на мысе Коморин; в свою очередь и Ра встречает повсюду отшельников и монастыри. Имя, которое постоянно повторяется во всех этих описаниях, имя человека, помогающего всем своим арийско-брахманским соплеменникам советом и делом и пользующееся на всем Юге большим влиянием — это Агастья. Мифология сделала из него одного из самых великих мудрецов (риши) древнего времени и называет его сыном Митры Варуны, являющимся на помощь древнеарийским богам когда им угрожает опасность со стороны злых демонов, Асуров. Он является на Юге воплощением победоносного шествия брахманской культуры. Перед ним склоняются горы Виндхья, через которые до него никто еще не перешел; он непримиримый враг злых демонов, Ракшасов (гов туземцев) и носитель культуры для дравидских государств; отсюда — Тамир Муни, Мудрец тамил. Добрахманский древний период Южной Индии теряется для нас во мраке прошлого, и только на отдельные эпизоды может быть пролит слабый свет. Местные предания переносят исходный пункт общего культурного и государственного развития страны в Коркай (греческий Колхид) при впадении священной реки Тамрапарни в Манаарский залив, защищенный с востока от негостеприимного Бен-

92

гальского залива с его опасными циклонами Адамовым мостом, образующим звено между обоими богатыми странами на юге и севере, Индией и Цейлоном. Коркай был уже древним городом в пору появления там греков, принесших весть о нем на Запад. Своим существованием и своим расцветом он обязан жемчугу, который высоко ценился уже в древности и которым упомянутый залив снабжал издревле весь мир более щедро, чем какой-либо другой пункт на земле: Коркай с его торговлей жемчугом можно считать столь же древним, как и употребление для украшения самого жемчуга у народов Старого Света. Древние развалины Коркай открыты снова в нескольких милях от нынешнего побережья в слое аллювиального песка, который продвигает устье Тамрапарни все далее в море (недалеко от гавани Тутико-рин). По преданию, Коркай был основан тремя братьями, которые жили там сначала долгое время в полном мире, но затем разошлись и основали три царства (Мандала): царство Пандия (по-гречески — Пандион) на крайнем юге, царство Чола — на северо-востоке и царство Чера — на севере и северо-западе Индии. Самым значительным из них было царство Пандия, столицей которого еще долгое время оставался приморский город Коркай; тотемом, или гербом его царей была рыба (камп), что подтверждает предание, по которому исходный пункт расцвета лежал на берегу моря. Впоследствии столица была перенесена ближе к центру страны, в Матхуру. Когда первые отряды арийско-брахманских отшельников проникли в эти далекие страны, их уже встретили там цветущие, благоустроенные государства. Все, что внесла туда нового впоследствии северная культура, связано с именем Агастьи; он прибыл ко двору царя Кулашекхары, был там хорошо принят и, изучив местный язык, писал на нем книги, касавшиеся всех отраслей знания и культуры.

Насколько различно протекало насаждение арийства здесь, на юге! На севере мы видели борьбу рас, борьбу грубой силы более одаренной духовно и физически расы против остальных племен, окончившуюся или совершенным исчезновением этих племен, или оттеснением их на

93

самые низкие ступени общественной лестницы — здесь борются духовным оружием, на арену выступают большие знания и большие способности отдельных выдающихся личностей. Осторожно и податливо пробивает себе дорогу брахманство, делает уступки населению, оставляет народу его язык, лишь дополняя его там, где понятия и слова являются недостаточно выработанными (для абстрактного мышления и религиозного учения), элементами священного брахманского языка (санскрита); но язык этот пользуется таким почетом, что как короли, так и города считают за честь прибавлять к своему древнему дравидскому имени еще санскритское имя, которое одно только и упоминается в позднейших сообщениях греков. Кроме того, местное имя Пандия (сок пальмы, главный продукт страны) настолько сходно с именем Пандава арийских преданий, что оба они выдаются за одно и то же, династия Пандия южного государства связывается с ведущей свое происхождение от арийских богов северной династии Панду. Брахманы оставили народу и письмо его; древний алфавит страны, Ваттезат (Ваттелутту), не имеющий связи ни с какой другой системой, был вытеснен в трех южноиндийских государствах лишь к концу I тысячелетия н. э. Новыми алфавитами, происхождение которых нужно отнести к южноиндийским надписям Ашоки. К какому времени относится брахманизирование Южной Индии, также трудно определить с точностью, как и всю догреческую хронологию. То обстоятельство, что кшатрия не играют никакой роли в этом духовном завоевании Юга, как и чисто брахманский характер, который носило там насаждение культуры, указывает на то, что борьба между обоими высшими сословиями была к этому времени уже закончена. С другой стороны, и греки времен Александра Великого, римляне времен Августа застают брахманскую культуру уже настолько окрепшей в стране, что несомненно должно было пройти немало веков от начала ее насаждения.

Все это дает возможность предположить, что завоевание Южной Индии для брахманизма произошло в первой половине I тысячелетия до н. э.

94

Древние государства в Южной Индии. Древнейшие исторические данные относительно Пандийских царств Южной Индии мы находим в буддийских хрониках Цейлона: уже первая арийская волна при Видже встречает там сильное царство, которому, по всей вероятности, Север Цейлона платил дань; вновь прибывшие арийцы, берущие оттуда для себя жен, должны также платить Пандийским царям определенную дань жемчугом и жертвенными раковинами. Точно также и сведения, относящиеся к концу IV и началу III в. до н. э., которые дает нам Мегасфен, упоминают о царстве Пандия на крайнем юге Индостанского полуострова, присовокупляя, что оно доставляет много жемчуга. Об этом царстве упоминается далее в надписях Ашоки наряду с обоими тамилскими соседними государствами (Лада — Пандия, Чуда=Чо-ла и Кера — Чера); а нередкие находки римских монет в самой южной части Индии подтверждают сведения, которые дает нам Страбон о торговых сношениях римского государства с царством Пандия и о посольстве, отправленном этим последним к императору Августу. Границы этого царства совпадали на юге и юго-востоке с северным берегом Манаарского залива и Палкским проливом, от северного конца которого пограничная линия тянулась в западном направлении к горам Пальни; на западе могущество Пандийского царства не раз простиралось до Аравийского моря, а на языке Востока, тамильском, говорят еще и по настоящее время в южной части Малабарского берега. Воинственность и храбрость отличали воинов Пандийского царства во все времена его существования; распри между этим царством и его соседями с юга (сингалезами) и чолами на севере почти не прекращались. По уровню своей культуры, это царство оставило далеко позади себя все другие южноиндийские государства.

Сведениями Пандийского царства с северо-востока были чола (название Коромандельского берега есть искаженное «Чола мандалам», царство Чола) — племя, несомненно столь же древнее, как и пандия.

Птоломей говорит

95

о «Сорай номадес» этой области, о кочующих чола. Главным среди них было кочующее пастушеское племя ку-румба; воинственные наклонности этого племени, соответствовавшие их беспокойному образу жизни, были источником постоянных распр с соседями; часто они предпринимали также походы против далекого Цейлона. Главный город их часто перемещался: Комбакомун, Тричинополи, Танджур стоят на местах прежних столиц. Северная граница, проходившая сначала южнее, продвинулась с течением времени в область телугу. Здесь в направлении к северу до Кистны (Кришны) расположился ряд независимых племен, из которых самым значительным было племя паллава; наконец, по ту сторону Кистны вплоть до Ориссы простиралось древнее дравидское государство Калинга.

На юге полуострова лежало третье дравидское государство, Мера; оно простиралось по Малабарскому берегу приблизительно от Каликута до мыса Коморина, временами продвигая свои границы далее на восток через Гхаты (Майсур, Коимбатор, Салем), временами уступая часть своей области на Малабарском берегу Пандийским царям. В общем, эта ветвь дравидской группы государств значительно уступала в воинственности своим восточным соседям; богатая природа Малабарского берега благоприятствовала более спокойному развитию его населения и выработке в нем чувства миролюбия. Местный язык лишь за последнее тысячелетие настолько удалился от тамильского, что должен теперь считаться самостоятельным языком; до этого времени в употреблении был еще древнетамильский алфавит, Ваттечхат.

Распространение брахманизма на Малабарском берегу. Больше, чем в остальной части Южной Индии, проявилось влияние брахманской культуры еще в ранние времена на население Малабарского берега к северу от государства Чера. Уже в период расцвета военного сословия арийцы проникли в Гуджерат до Камбейского залива. Отсюда арийское влияние шло дальше в восточном

96

направлении; в коренные, оставшиеся независимыми племена бхиллов (бхил) внедрялось все больше колонне-^ тов, распространявших арийскую культуру на западе Центральной Индии (в Мальве, а с течением времени также и в земле махраггов). Победоносная колонизация западного берега, называемого на санскрите Керала (страна черов), относится уже к позднему периоду расцвета брахманского могущества. В северной его части, особенно в современной Канаре и в Малабаре, существовал, по видимому, уже в добрахманский период общинный союз, в который входили 64 области, из которых шестая часть (10 1/2 областей) должна была нести обязанность защиты страны; союз управлялся советом из шести министров, избиравшихся каждые четыре года. По мере того, как брахманы проникали все больше в эту плодородную страну, они, не изменяя прежней формы государственного управления, сумели заставить смотреть на себя как на истинных господ страны. Тенденциозная легенда приписывает появление здесь брахманов содействию расположенного к ним бога Вишну, воплощением которого является Рама с топором (Парашу Рама). По легенде, Рама — сын мудрого брахмана Джамадагни. У этого последнего в его отсутствие был украден из кельи одним кшатрием, князем Картавирия, жертвенный телец; сын отомстил за отца, убив кшатрия. Когда же вслед затем Ждамадагни падает жертвой кровавой мести, Рама клянется мстить всему сословию кшатриев и действительно уничтожает их («он 21 раз очищал землю от кшатриев»). Боги щедро одарили его: ему должно было принадлежать столько земли, сколько он мог захватить, бросив топор. Топор был брошен от Гокамы и долетел до мыса Коморин. Таким образом был отвоеван у моря весь

Малабарский берег, который и был заселен брахманами, получившими эту область в дар от Парашу Рамы. Еще и теперь летоисчисление Малабари ведется от того момента, когда «был брошен топор», т. е. от момента образования этой страны, который относится к 1176 г. до н. э. Легенда была создана брахманами для того, чтобы опе-

4 История человечества

97

реться на нее в притязаниях на эту страну. Они сделались фактическими господами земли, которую отдавали только в аренду прежним владельцам; им должны были служить и приносить присягу воины. Еще и в настоящее время высшие касты брахманов занимают на всем Мала-барском берегу более, высокое положение, чем брахманы восточного берега полуострова. Брахманы намбури на западном берегу строго соблюдают чистоту своей арийской крови и с презрением относятся к темнокожим брахманам Южной Индии, хотя и эти последние опоясаны священным шнуром.

Буддизм в Индии. Если мы обратимся к положению Индии в середине I тысячелетия до н.э., то перед нами предстанет следующая картина. Арийцы достигли высокого благосостояния, внешняя жизнь их мирно развивалась, образовались большие и малые государства, многолюдные города блистали роскошью царских дворов и богатством граждан; земледелие, промышленность и торговля процветали. Изменилась также и внутренняя жизнь господствующей расы, но в менее благоприятную сторону: нет больше жизнерадостности, бодрого духа, гордой свободы. Глубокая кастовая рознь разделяет общество. Сознание общего равенства сменилось кастовым духом, заставлявшим представителей высших каст с презрением смотреть на нижестоящих, исключавшим всякую общность интересов и этим заглушавшим национальное самосознание. Каждая отдельная каста связана в своих действиях строгими предписаниями, а лучшее достояние человека, мышление, брахманы присвоили себе, как свою исключительную привилегию, утверждая, что они вышли из головы первого человека, Пуруши; они в действительности были головой общества. Но мышление изменилось коренным образом со времени арийского вторжения. Жрецы молились теперь уже только для виду старым богам — в действительности никто в них не верил. Вместо этого тяжелая скорбь овладела всеми мыслителями; относительно же того, каким путем можно

98

избавиться от этой скорби, мнения расходились. Образовалось множество школ, монашеских орденов. Будто тяжелый бенгальский смерч пронесся над лесом: подобно колоссальным стволам древние боги лежали безжизненными на земле, на месте же разрушения вырастали новые побеги, из которых каждый отвоевывал у другого воздух, свет и пространство. Лишь одному из этих побегов суждено было разрастись в большое дерево, собравшее под своими ветвями почти весь мир Центральной и Восточной Азии, — это был буддизм.

Центры развития индоарийской культуры с течением времени медленно перемещаются с запада на восток Индии. Проникнув в III тысячелетии до н. э. через северозападные горные проходы, арийцы заняли во втором тысячелетии Пятиречье; в середине этого периода имела место, по всей вероятности, та кровавая борьба на границе Пенджаба и области Ганга, в которой царь Судас отбросил союзные племена Западной Индии. К концу этого же тысячелетия нужно отнести расцвет княжеств на Джамне и по верхнему течению Ганга, воинственные подвиги которых составляют эпический центр большой героической поэмы бхаратов. Пол тысячелетия спустя центр арийства передвигается еще больше на восток, в страны, конечные пункты которых определяются дельтой Ганга и городом Бенаресом. Здесь создается в этот период времени ряд княжеств и независимых государств, среди которых видное место занимает могущественное царство Магадха с древней столицей Раджагриха (в лежащей к югу от Ганга области современного Бихара). Едва ли пришлось бы услышать о различных мелких независимых государствах к северу от Ганга, против Магадхи, если бы именно здесь не появился основатель новой религии, — Будда, учение которого исповедуют еще в настоящее время сотни млн людей. В предгорье Гималаев, на берегу небольшой реки Рохини, нынешней Коханы, поселилось племя шакья; при постоянных распрях с соседними мелкими государствами аристократическое сословие кшатриев не могло не играть значительной

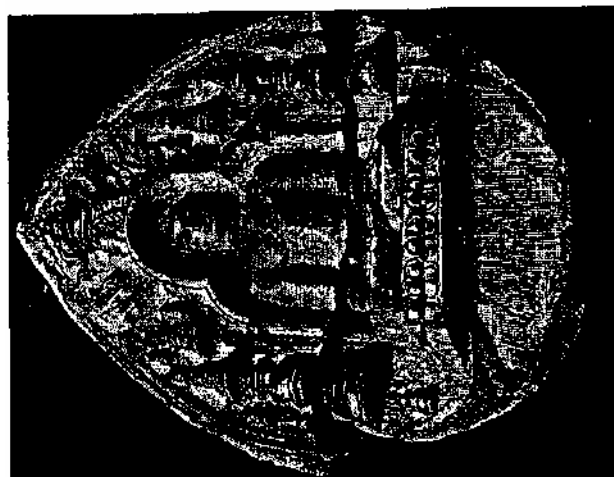
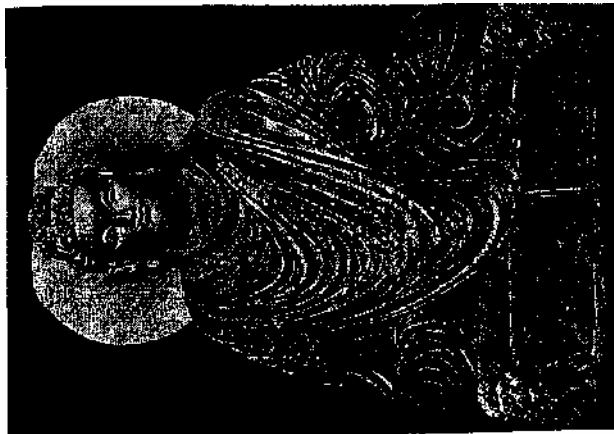
99

4- роли; к нему принадлежал также и проживавший в столице этого маленького царства, Капилаватху (pālī; на санскр. — vastu), вождь этого племени Шуддходана из семьи Гаутама, отец Будды.

Жизнь Будды. Буддийская легенда повествует, что Шуддходана был женат на двух дочерях соседнего царя кольев (на противоположном берегу Рохини), который тоже был кшатрием. Долгое время оба брака оставались бездетными; только на 45-м году супружества забеременела старшая из двух жен, Мая. Когда она, как этого требовал обычай того времени и ее общественное положение, хотела удалиться в дом своих родителей, чтобы там дожидаться родов, она по дороге неожиданного разрешилась от бремени в роше Лумбини сыном, получившим имя Сиддхарты. Это и есть настоящее имя Будды, которого чаще называют его фамильным именем — Гаутама (Готама). Все другие прозвища Будды суть только эпитеты, и число их соответствует благоговению и почитанию, которое питали к нему его ученики: все эти прозвища, подобно данным Иисусу — Спаситель, Избавитель, Христос и т. д., суть не что иное, как выражение его качеств; так, Шакья Муки — значит мудрец из рода Шакья, Шакья Синха — Шакья-лев, Бхагават — достойный, Саттха — учитель, Джина — победитель и т., д.; имя Будда есть также только прозвище и обозначает «Познавший».

Рождение Сиддхарты можно с некоторой вероятностью отнести к 560—557 гг. до н. э., год же его смерти к 480—477 до н. э. Мать ребенка умерла уже на седьмой день после его рождения, и воспитание его взяла на себя сестра покойной, Праджпати (пали: Паджапати), растившая его с большой любовью. По обычаю того времени молодой Сиддхарта уже на девятнадцатом году был обвенчан с двоюродной сестрой своей Язодхарой, дочерью царя колев; на десятом году этого супружества у него родился сын Рахула. Другой на месте Сиддхарты был бы счастлив и доволен: • на его долю выпало все, что составляло идеал знатного кшатрия. Но его, 29-летнего мужа, все

100

Будда: 1 — глиняная фигура; 2 — изваяние из камня

это не удовлетворяло: среди внешней роскоши, которой он был окружен, его серьезный и возвышенный ум с отвращением отворачивался от мирской суеты. Мысли его о мировом несчастье и об освобождении от этого несчастья воплощаются в предании в объективную, очеловеченную форму: божество предстает перед ним сначала в виде дряхлого старца, затем в виде тяжело больного, еще позже в виде разлагающегося трупа, и, наконец, в виде почтенного отшельника. Рождение сына было последним толчком, заставившим его привести в исполнение давно назревшее решение, — в ребенке он увидел только новые узы, связывавшие его с миром. Повествование о бегстве Сиддхарты — это самый трогательный эпизод из всей легенды о его жизни. Только еще один раз он хочет видеть самое дорогое, что у него есть на свете, и прижать к сердцу своего новорожденного сына. Тихо подкрадывается он в опочивальню, где спят его жена и сын. Но рука матери покоится на головке ребенка, и Сиддхарта, боясь разбудить мать, не решается обнять его.

Так, без прощания, оставляет он жену и ребенка и один со своим возницей отправляется навстречу ночи. Далее он дарит вознице все свои украшения и поручает ему привезти своим родным весть о своем решении; после этого он обрезает коротко свои волосы, меняет богатые одежды на платье прохожего нищего и, одинокий, направляется к столице государства Магадха, Раджагри-ха, вблизи которой в скалистых пещерах жили отшельники. Он присоединился к ним в надежде от них узнать смысл великой загадки бытия. Но метафизика брахманов не могла удовлетворить его пытливым ум: ни у Алары Каламы, ни у Уддака Рамапутты он не нашел того, чего искал, — пути к спасению от мировой скорби. Он оставляет обоих учителей и направляется к лесам Урувелы (при современном Буддагае), где, посвятив себя самому строгому аскетизму, жило уже пять других отшельников. В течение шести лет он превосходит всех своих товарищей в самом беспощадном умерщвлении своей плоти; от прежнего Сиддхарты, полного красоты и силы,

102

остается одна только тень. Слава о его нечеловеческом самобичевании разносится далеко; сам же он, в то время как другие считают его уже на пути к спасению, чувствует себя все более несчастным.

Наконец слабость доводит его до обморока; после того, как он приходит в себя, он решает оставить избран-

ный им ложный путь. Но когда он снова начинает принимать пищу, как все прочие люди, он теряет веру и уважение своих пяти товарищей; они не желают оставаться долее в его обществе и направляются к священному городу Бенаресу, чтобы там в более чистой обстановке продолжать предаваться умерщвлению плоти. Оставшемуся одиноким Сиддхарте предстоит еще самая тяжелая душевная борьба. Буддийская легенда представляет нам происходящий в нем душевный и умственный разлад как борьбу светлых и темных духов, которая ведется с таким ожесточением, что весь мир содрогается и грозит обрушиться. На берегах Наиранджары на него, наконец, снисходит благодать познания. Все ему становится ясным — он получает откровение, которое указывает ему смысл страдания и путь к спасению. Теперь он становится Буддой — «Познавшим», достигшим не только для себя, но и для всего мира того познания, которое ведет к спасению. Семь дней Будда в возвышенной ясности духа, в блаженном просветлении под священной смоковницей (*figus religiose*; по-сингалезски: дерево бо — древо познания; на санскрите: *bodhi*). Находятся два добрых человека, которые приносят ему рисовые лепешки и мед; он дает им взамен высшее, чем он обладает, — свое учение; и оба, Тапуса и Бхаллика, становятся его первыми последователями, они «приходят под защиту Будды и его учения». На просветленного Будду находит сомнение, будет ли в состоянии тупой ум народной массы обнять великую истину. Но бог мира Брахман заставляет его возвестить миру свое учение, и Будда уступает: он идет в тот самый лес, где пребывают его прежние пять товарищей по покаянию, и излагает им в «Бенаресской проповеди» основы своего учения. Ни радости жизни, ни умер-

103

щвление плоти не могут привести к цели, к ней ведет только средний путь. В широких чертах излагает он им истину о страдании и восьмикратный путь к спасению.

С этого момента жизнь Будды наполнена поучением и обращением народа: небольшая община быстро увеличивается присоединением к ней шести знатных граждан из Бенареса; затем примыкают еще 50 учеников. Слух о новом учении разносится далеко; со всех сторон стекаются народы, чтобы услышать его. Будда высылает всех своих 60 учеников апостолами в мир: «Идите, о нищие, несите спасение и благо народам, спасение, пользу и благо богам и людям». Недолго пришлось оставаться Будде одиноким после того, как он выслал апостолов: скоро еще новых 30 богатых юношей, а затем 1000 аскетов-огнепоклонников примыкают к его учению. Но самым важным было присоединение к учению Будды Бим-бисары, царя великого царства Магадха: в нем буддизм приобрел могущественного покровителя, и непосредственно за его обращением Будда уже десятками тысяч насчитывает своих духовных братьев. Еще важнее было присоединение самых выдающихся учеников Будды Са-рипутты и Могалланы.

С присоединением к учению Будды царя Бимбисары впервые проявляется та черта, которая характеризует дальнейшее развитие этой религии; склонность приобретать благорасположение правителей и становиться под их защиту. И вот волна буддизма в отдельных государствах то приливает, то отливает в зависимости от того, процветает ли или падает господствующая в них династия; явление это мы видим, между прочим, и на Цейлоне, где буддийская община необыкновенно процветает под эгидой сильных и счастливых правителей, но зато при обрушившихся на страну политических несчастьях в период войны с дравидами, она неоднократно приходит в упадок и, наконец, совершенно исчезает. Буддизм всегда выказывал до известной степени податливость по отношению к сильным мира: уже первый высокий покровитель его, Бимбисара, сумел добиться того, чтобы в мона-

104

шеской общине были введены принятые уже раньше у многих брахманских монахов ежемесячные покаяния (строгое соблюдение четырех лунных четвертей; дни поя сингалезов) и дни упосадха. В другой раз, когда Будда в одно из своих позднейших странствований возвращается в свой родной город, и собственный сын его, Рахула, примыкает к его общине, он по просьбе старого князя к правилам о принятии в общину присовокупляет еще постановление, по которому никакой сын не может сделаться монахом без согласия своего отца. Едва ли тоже Будда поборол бы свое отвращение к устройству орденов монахинь, если бы его приемная мать Праджапати, желавшая основать такой орден, не была царского рода. С другой стороны, новое учение приобрело, благодаря покровительству сильных, не только благорасположение народа, но и желательную опору: бедность была обязательна лишь для отдельного монаха, — орден с самого начала с благодарностью принимал богатые приношения. Первым таким даром была бамбуковая роща при столице царства Магадха, и еще при жизни учителя цари и богатые люди соперничали между собой в таких приношениях; целый ряд обширных садов и парков уже при его жизни был завещан ордену; особенно знаменитым был сад в Джетаване при Саваттхи. На Цейлоне, относительно которого история буддизма более выяснена, в руках ордена находилась большая и самая лучшая часть всех плодородных земель.

Из учеников Будды, стоявших к нему особенно близко, самым симпатичным является двоюродный брат его Ананда; он не отличался большим умом, но его нежная заботливость и преданность учителю завоевывают наши сердца. Тесный круг людей, сплотившихся вокруг Будды, не был, однако, свободен от темных пятен, как и круг учеников Христа: в лице Девадатты, преисполненного высокомерия и неукротимого честолюбия, выступает перед нами уже во времена Будды дух сектантства, приводивший впоследствии неоднократно к расколу; многие последователи Будды отпали еще при жизни учите-

105

ля. И как потом каждая секта старалась очернить другие, так и здесь легенда упрекает честолюбивого

ученика даже в покушении на жизнь своего учителя,

В течение 45 лет после того, как на него снизошло «озарение», Будда странствовал, поучая, по стране; и последователи его насчитывались уже многими тысячами, когда тяжелая болезнь впервые напомнила ему о близости кончины. Озабоченно задает себе вопрос община, кто после смерти его будет ее руководителем. Учитель указывает им на них же самих: «Будьте сами себе светочем, сами себе прибежищем и не ищите другого прибежища; учение должно быть вашим светом, вашим прибежищем, и не ищите другого прибежища». Силой воли больной выздоравливает еще раз, но по его собственному предсказанию кончина его должна наступить через три месяца. Легенда рисует нам последние дни Будды с такими реальными подробностями, что здесь, по всей вероятности, мы имеем дело уже с историческими воспоминаниями. Будда отправился со своим любимым учеником Анандой в Паву; в гостях у кузнеца Кунды, в обществе других монахов, Будда за трапезой вкушает испорченное кабанье мясо, после чего заболевает. Тем не менее он продолжает свой путь. Но уже вблизи Кусинары силы изменяют ему. В тени двух деревьев-близнецов, куда его положили, Будда ожидает смерти. Еще раз благодарит он своего верного Ананду за всю его любовь и преданность и спрашивает собравшихся вокруг него монахов, имеет ли кто-либо из них еще какие-нибудь сомнения; когда никто их не выражает, Будда обращается к окружающим с последними своими словами: «Истинно, о монахи, говорю вам: тленно все существующее, стремитесь без устали к совершенству». После этого существо его вступило в Нирвану.

«Как поступают с останками короля королев, так должно поступить с останками Совершенного», — таков был ответ Ананды, когда Маллы из Кусинары спросили его о способе погребения. Шесть дней продолжались приготовления; и, наконец, с большой торжественностью был

106

зажжен костер. Кости великого усопшего были собраны; со всех сторон стали требовать мощей, чтобы сохранить их в достойных мавзолеях (stupas). Тогда порешили разделить останки на восемь частей и раздать их главным государствам, в которых жил и учил Будда.

Три собора. Позднейшее предание говорит, что вскоре после погребения выдающиеся монахи собрались в Раджагахе под руководством Кашьпы (пали: Касса-па) для того, чтобы установить по возможности точное учение Будды (первый собор в Раджагахе). Изречения Будды, относящиеся к уставу ордена (виная), были изложены Упалой, общие нравственные правила (sutra; пали: sutta) для всех, также и для последователей мирян, — Анандой; собравшиеся 500 монахов запечатали все это в своей памяти и разнесли по миру. Спустя 200 лет после смерти учителя явилась потребность во втором соборе, состоявшемся в Весали (Ваишали). Так как часть монахов расходилась в некоторых пунктах, то в Весали собрались выборные и выработали снова Канон буддийского учения.

Только с третьим собором, созданным в Патне (около 250 г. до н. э.), мы вступаем на историческую почву. Вот что говорит об этом Дипаванша, древнейшая хроника Цейлона: «Чтобы искоренить безверие, многие ученики Будды, 60 000 сыновей Джини, собрались на совещание. Руководитель этого собрания Тисса Могаллипутта (или Моггали путта; сын Моггалли). С целью очистить веру и на долгие времена установить канон учения Будды, Тисса избрал 1000 самых лучших арахатов, с которыми и составил синод. Третий собор, заседавший в монастыре Ашокарама, построенном царем Дхаммашокой, продолжался девять месяцев». На этом соборе учение Будды, как оно жило в памяти учеников, было изложено в канонических книгах *tripitaka*. В связи с этим было разослано много миссионеров, перенесших между прочим буддизм также и на Цейлон; с этих пор начинаются записи в сингалезских монастырях, переработанные впоследствии в

107

хроники. В них перечисляются имена некоторых из разосланных в ту пору миссионеров, а найденная в Северной Индии могила одного из миссионеров (Мадоххима) подтверждает достоверность этих хроник. Если на основании этого третий собор можно считать достоверным фактом, то оба предшествовавшие собора вызывают большие сомнения. Что касается собора в Весали, то он имел место спустя 200 лет после смерти Будды, следовательно, менее чем за столетия до введения буддизма на Цейлоне, и поэтому можно предположить, что позднейшее предание достаточно осведомлено в истории тех времен. Но из цейлонских источников явствует, что речь идет не о соборе, долженствовавшем установить догматы буддийского учения, а лишь о собрании буддийских монахов известной области для совещания о второстепенных пунктах монашеского устава. Некоторые монахи выступили с такими вопросами, как, например, можно ли есть твердую пищу только до обеда или также и после обеда, пока длина тени, бросаемой солнцем, не достигнет двух дюймов; можно ли хранить соль в буйволовом роге, можно ли садиться на стул, который покрыт неподрубленным платком, и т. д. Что впоследствии такое собрание монахов было раздуть в собор, можно объяснить известным буддийским приемом усиливать значение всякого сколько-нибудь выдающегося события, представляя его в многократном виде. Так, по позднейшей легенде, Будда является не единственным, уже до него их было много (24); Будда нашей мировой эпохи посетил Цейлон не один раз, а три раза и т. д. Так и каноническое учение устанавливалось не один раз, а несколько раз; легенда не удовлетворяется тем, что превращает Весалийский конвент в собор, но придумывает еще один собор, созданный непосредственно после смерти Будды в Раджагахе. Об этом соборе упоминается только в тех отделах, которые, несомненно, были присоединены гораздо позднее в канонических сочинениях.

108

Историческая личность Будды. Если история буддийского учения до Ашоки так мало достоверна, то вполне естественным является вопрос, насколько все то, что легенда сообщает нам о самом основателе религии, можно считать исторической правдой. Были сделаны попытки совершенно отрицать личность Будды, ссылаясь на аллегорическое значение главных имен в истории жизни Готамы: Шуддходана, например, означает «тот, чья пища чиста», Мая (Майя) — иллюзия (философия Веданты), Капилавасту — город Капилы, основателя философии Санкхья, Сиддхарта — «выполнивший свою задачу». Такое сомнение заходит уже слишком далеко. В марте 1895 г. в Тераяхе Непала близ селения Ниглива, недалеко от Горакхпура, приблизительно в 10 английских милях от развалин холма с реликвиями (stupa) открыта была на одной колонне надпись царя (Ашоки) Пиядаси («набожного»), которая гласит, что Ашока на пятнадцатом году своего царствования (255 до н. э.) приказал во второй раз воздвигнуть ступу Будды-Конагаманы (мифического предшественника исторического Будды); а на 21-м году своего правления (249 г. до н. э.) он явился туда сам и сотворил там свою молитву. Китаец Сюань Цзан (Иен-цзун), посетивший около 636 г. святые места буддистов, упоминает о ступе и надписи на колонне. Затем 1 декабря 1896 г. в 13 английских милях от Нигливы близ деревни Падериа была исследована — также виденная Сюань Цзаном — колонна; выступившая на 9 футов над землей часть колонны была покрыта надписями паломников, а находившаяся под землей часть в три фута носила эпиграфически весьма древнюю, остававшуюся скрытой по крайней мере с 800 г., надпись на алфавите «Брахми» (прежде, несоответственно, «Маурья» или «Ашока»). Она гласила, что Приядаршин (пали: Пиядаси) после 20-летнего царствования поклонялся здесь лично и обозначил это место положительно как родину Будды, увековечив его колонной; поселение Луммини (пали: Лумбини, позднее — Румин-дей) освобождено было им от налогов, а жители одарены. Наконец, Вилльям Кдекстон Пепле, при

109

раскопках в Тераях, предпринятых им в январе 1898 г. в своем имении близ Пиправы, следовательно в непосредственном соседстве Капилавасту, вскрывая древнюю ступу, наткнулся на покрытый громадной каменной плитой ящик из песчаника тонкой работы, содержавший между прочим останки костей в урне, носившей надпись: «Это хранилище мощей возвышенного Будды есть набожная дань семьи Шакья, братьев и сестер, с детьми и женами». Так как нет ни малейшего повода сомневаться в достоверности этих указаний, то мы можем считать останки (предметы переданы в Калькуттский музей, останки же костей — сиамскому королю) подлинными мощами Будды, а именно той восьмой долей останков Возвышенного, которая после смерти Будды и после сожжения его тела предоставлена была семье Шакья из Капилавасту и с тех пор тщательно ей хранилась. (Ср.: Пишель. Подлинность мощей Будды// ANgemeine Zeitung, приложение, 1902, 7 января). Надо надеяться, что предпринятые лишь за последние годы систематические исследования в области индийской эпиграфики дадут нам вскоре еще более ценные результаты.

Что касается самой жизни Будды, то мы можем опираться лишь на большую или меньшую правдоподобность рассказов легенды. Основные черты в них слишком просты и естественны, чтобы считать их плодами необузданной фантазии позднейшего времени; так, например, рассказ о его происхождении из знатного рода и его воспитании, его ранней женитьбе, об охватившей его мировой скорби — общем недуге его времени, — о бегстве его из мира, умерщвлении плоти, освобождении от брахманизма, а также и с его смерти. Прежде всего мы должны представлять себе его личность так, как нам ее рисует легенда: несомненно, что обаянию этой личности обязано новое учение большей частью своего успеха. Мы не можем не верить легенде, когда она нам говорит, что внушительная наружность и прирожденная важность останки соединялись в нем с высоким духовным развитием, когда она описывает нам силу его взгляда, его убежденность, мощь

110

его речи, его мягкость, приветливость, его сердечную доброту, его обаятельную любезность. Когда Ананда обратил внимание своего учителя на то, что малла Роя очень влиятельный человек, привлечение которого принесло бы учению пользу, «он излил на него такие потоки любви, что тот последовал за учителем, как теленок за коровой».

Черта человеколюбия, характеризующая все существо Будды, главным образом и завоевывала ему сердца людей. Конечно, он выработал свою собственную метафизическую систему, установил правила жизни своих учеников, отчасти заимствовал их у брахманских орденов, отчасти создал их наново; но не этому обязан Возвышенный своим успехом. То, что его больше всего отличало от брахманов, было биение теплого сердца, исполненного любви к ближнему. В системе, как она впоследствии была выработана и донине сохранилась на Цейлоне, выразилась лишь механическая работа эпигонов; в Будде же жили и действовали оригинальность высокого благородного ума и благотворная сила чистого, теплого чувства. Влияние их продолжалось еще в первые века после его смерти, на что указывают эдикты Ашо-ки. Этот царь вступил в управление могущественным царством Магадха, не будучи еще буддистом (269 до н. э.): лишь в 261 г. до н. э. он принял учение Будды и только с 259 г. до н. э. начал исповедывать его открыто; в его эдиктах человеколюбие учителя находит громкий отклик в страстном воодушевлении царственного ученика. Своей горячей любовью Ашока обнимает все человечество: «Все люди как бы дети мои. Как я желаю собственным детям своим всякого счастья и благополучия на этом и на том свете, так и всем людям я желаю того же». В многочисленных высеченных в скалах и на колоннах обращениях к своим народам он поучает их тому, чего требует религия: «Что такое Дхамма? Это значит: избегать зла и делать добро, служить любви, истине,

терпению и чистоте жизни». Король внушает всем нравственную чистоту, правду, благородство, кротость, приветливую речь,

111

доброту ко всем, почитание и послушание родителей, любовь к детям, снисходительность к слабым, сострадание ко всем живым существам, уважение к священнослужителям, широкую терпимость по отношению к другим вероисповеданиям, щедрость в милостыне, подавление гнева, страстей, жестокости. Какое различие между учением Будды здесь и в закоснелом хламе формальностей современного буддизма! Относительно того, когда произошла эта перемена в учении Будды, мы находим некоторое указание в одном из эдиктов Ашоки, может быть, последнем, а именно: в открытой в 1840 г. Баиратской, или Бхабрской, надписи, которую Эдмунд Гарди относит к 249 году до н. э. В ней впервые чувствуются отзвуки позднейшего учения; в ней уже встречаются обычные впоследствии обороты, выражающие Будду, учение общину и затем следующий тезис: «Все, что сказано возвышенным Буддой, сказано хорошо»; в них уже указывается на целый ряд узаконений. Р. С. Коплестон также того мнения, что Бхабрский эдикт был издан уже после собора в Патне, но под его влиянием; на этом соборе буддийское учение получило, следовательно, определенную форму. В пользу этого предположения говорит еще последовавшая вскоре после собора посылка многих миссионеров: очевидно, что поводом к этому послужило новое разъяснение учения Будды. Благодаря этим миссиям, особенно миссии Ма-хинды, родного сына Ашоки, на Цейлон, где учение в общем осталось без изменения, позднейший буддизм лежит перед нами раскрытым. Буддизм после Ашоки. Буддизм, последовавший за царствованием Ашоки, основывается, как и учения брахманов, на метафизике. Бодхи (Будх — знание) составляет основу всего учения Будды. Но то, что понимается под этим — не отличается ни глубиной, ни объемом. Мышление не доискивается первоначальной причины всего бытия, как это делает философия брахманов, но ограничивается познанием, что

112

страдание рождает всегда новое страдание, и удовлетворяется, когда находит путь к спасению. В этой своей пессимистической основе буддизм — дитя своего времени, он удовлетворяется одним признанием факта страдания. Он не хочет дойти до представления высшего существа, до понятия о первоначальной, находящейся в покое мировой душе; он не объясняет страдания, как брахманы, тем, что высшее существо опускается в низкие слои активного состояния: подобные вопросы лежат вне его стремления к познанию. Поэтому и буддизм не имеет высшего божества. Боги существуют, но они не могут помочь человеку, они обречены на то же страдание, как и он. Поэтому же Будда не признает никакой благодарности по отношению к богу, никакой мольбы, никакой молитвы, не нуждается ни в каких посредниках между божеством и человеком, ни в каких жрецах, ни в жертвах, ни в культе. Божество изъято из круга мышления последователей этой религии, но загадка бытия не перестает существовать и для них. Что такое единичная жизнь? Как совершается продолжение ее при новом рождении? Как может погаснуть страдание жизни? Здесь буддийское мышление расходится с брахманским представлением, которое приписывает отдельной душе действительное бытие. Для него нет существа, которое после смерти переходит в другое существо. Отдельное существование создается только сплочением известной суммы различных элементов, которые сами по себе лишены самостоятельности, не представляют ни личности, ни души. Эти пять агрегатов жизни суть материя, ощущение, представление, воля, сознание. Их соединение в одно целое называется жизнью, их разделение — смертью. Одно только продолжает оставаться после смерти: нравственные результаты, итог добрых и злых дел, камма (или карма), стремление, заставляющее эти пять элементов сплотиться после смерти в новую жизнь. Это воссоединение колеблется, как стрелка весов, и, смотря по конечному итогу, подымается или опускается, образуя высшие или низшие существа. Не родиться снова значит

113

заставить погаснуть стремление. Если же эта камма ес-ц результат деяний каждой отдельной жизни, то ее можно уничтожить только тогда, когда человек уже при жизни сможет противостоять всякому стремлению к активности и отказаться от всяких желаний.

И вот здесь вступает в свои права знание: только тот, кто достигнет полного понимания причинной связи жизни и страдания, может подняться на эту высоту; зато, наоборот, неведение ведет к продолжению активного состояния, к возрождению, к новому страданию. Поэтому самое важное по буддийской формуле это познание «четырех святых истин». Они охватывают то, что Будда понимает под знанием. Вкратце они выражены в Бенарес-ской проповеди: «Вот, о монахи, святая истина о страдании: рождение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, соединение с тем, кто неприятен, — страдание, разлука с тем, кто приятен, — страдание, не получить, чего желаешь — страдание, словом пятикратная привязанность к жизни (к пяти агрегатам) — это страдание. Вот, о монахи, святая истина о происхождении страдания: это есть жажда (бытия), ведущая от возрождения к возрождению, находящаяся то тут, то там свое наслаждение: жажда страстей, жажда бытия, жажда власти. Вот, о монахи, святая истина спасения от страдания: устранение жажды полным уничтожением вожеления, удалением его от себя, освобождением от него, отделением себя от него, изгнанием его. Вот, о монахи, святая истина пути, ведущего к спасению от страдания: это священная стезя, состоящая из восьми частей: истинная вера, истинная решимость, истинное слово, истинное дело, истинная жизнь, истинное стремление, истинное размышление, истинное созерцание».

Кто ищет свое спасение в познании, должен прежде всего верить в догмат страдания, должен питать отвращение ко всем явлениям жизни. Пусть прообразом служит ему отвращение, охватившее Будду перед бегством его из мира при виде дряхлого старика, при виде больного, близкого к смерти, при виде разлагающегося трупа.

114

Это чувство должен всегда испытывать буддист. Он охотнее всего должен погружаться в размышление о 32 вещах в человеческом теле, вызывающих отвращение, о смерти и о разложении; только таким путем он достигнет настоящего настроения, при котором ничто мирское не будет иметь власти над ним. Только тот, кто бежит из мира, следовательно только монах, может стать истинным буддистом.

Буддийский монашеский строй. Буддийский монашеский строй примкнул непосредственно к брахманскому: так же как и в брахманском, и здесь выдающиеся отшельники собирают вокруг себя толпы учеников; желтое платье, стриженная голова, сосуд для собирания милостыни заимствованы от прежних времен, точно так же, как и дни более строгого воздержания с праздниками покаяния (упосадха) в дни новолуния и полнолуния и более тихая жизнь в течение трех дождливых месяцев. Но организация ордена была с самого начала так же неустойчива и слаба, как и организация брахманского монашества. И здесь учитель предоставил своих учеников самим себе. Это было возможно, пока во главе стояла сильная личность с ясным умом и энергией, которая умела пользоваться всеобщим почетом. Но не всегда это было так, и слабость организации ордена не только была причиной хронического недуга буддизма, раскола, но и привела его в конце концов к тому, что он не выдержал под напором возобновленного сильного брахманизма Индии.

Существование ордена было неизбежно связано с возможностью иметь друзей среди мирских последователей буддийского учения, упасаков. Ибо каждое активное участие в добывании средств к жизни было несовместимо с стремлением довести камму до полного покоя. Поэтому миряне не могли быть буддистами в полном смысле слова, а могли быть лишь буддистами второго разряда; собственно община состояла только из нищенствующих монахов, которые добывали себе все необходимое для жизни путем милостыни и которые гордились названием

115

нищего, бхикшу (пали: бхиккху). Для этих монахов выработались с течением времени известные правила, включенные, согласно буддийской методе, в установленные формулы: от этих правил веет уже иным духом, отличным от духа исполненного горячего человеколюбия учения Будды. Монах обязан был следовать десяти предписаниям (дашашила): нельзя убивать ничего живого («ни червяка, ни муравья»); нельзя брать того, что тебе *т* принадлежит («ни стебелька»); нельзя говорить неправду; нельзя пить опьяняющих напитков; надо воздерживаться от половых сношений («скверная вещь»); не ел еще есть не вовремя, ночью; нельзя носить венков или употреблять благовоний; нужно спать на разостланном? на полу циновке; нужно воздерживаться от танцев, музыки, пения и театральных представлений; нужно избегать употребления золота и серебра.

Поступление в орден допускалось для всякого (препятствиями служили только: заразная болезнь, как проказа и т. п., рабство, занимание государственной должности, несогласие родителей и т. д.). Кто желал стать монахом, должен был, — но не ранее, чем двенадцати лет от роду, — поступить послушником к какому-нибудь монаху, принадлежащему к ордену, где он проходил полный курс учения и воспитания; посвящение в монахи, упасанпада, не должно было совершаться раньше достижения 25-летнего возраста. Устав предписывал монаху «средний путь», которому учил уже Будда в своей Бена-ресской проповеди; т. е. жизнь его не должна была быть самобичеванием, но он должен был избегать всего, что выходило за пределы самых простых потребностей и могло бы соблазнить его дорожить земными благами. Жилище его не должно было находиться вблизи шумных деревень и городов, нарушающих покой, но в то же время на расстоянии достаточно близком для того, чтобы милостыней добывать там все необходимое для жизни. Редко монахи жили одиноко в «пансале»: большей частью они селились по несколько человек вместе; в период процветания ордена монастыри соединяли часто в своих

116

стенах значительное число бхиккхов. Одежда (верхнее платье желтого цвета) должна была быть совершенно простой, а пища испрашивалась у милосердных людей и для этой цели монахи носили при себе чашу для подаяний. Сбором милостыни заполнялась первая половина дня; остальное время монах должен был посвящать внутреннему созерцанию и молитве. Два раза в месяц, при новолунии и полнолунии, монахи, жившие недалеко друг от друга собирались для торжества покаяния, причем читался вслух исповедный требник (патимоккха), и каждый монах мог при этом исповедаться в своих прегрешениях против учений Будды; на этих собраниях приобщались к ордену новые монахи и решались деловые вопросы. В течение трех месяцев дождливого периода (*warsha*; пали: *wassa*) монах не должен был странствовать, а спокойно оставаться на месте, у монастыря или у какого-либо зажиточного покровителя.

Лишь с большой неохотой согласился Гаутама на основание женского ордена; он в нем видел большую опасность для своего учения. Надсмотр над монахинями и устав для них были строже, чем для монахов, которые имели над первыми известную власть. Надписи Ашоки говорят о большом числе монахинь; дочь этого царя Сам-нгхамитта еще при жизни отца учреждает женский орден на Цейлоне. Но ни на Цейлоне, ни в Индии этот орден не достиг большого значения. По сингалезским хроникам он, по-видимому, совершенно исчез еще до конца I в.

Значение буддизма для индийской культуры. Если мы хотим правильно оценить значение буддизма для индийской культуры, то нам необходимо рассмотреть два вопроса: удовлетворяло ли его учение религиозной потребности народа? И какое влияние оказывали его догматы, касавшиеся нравственности? Лишь немногие выдающиеся умы могли найти полное удовлетворение в буддийском учении о спасении. От него веет холодом, так как оно не верит ни в какое вознаграждение за то великое страдание, которое должен испытывать истинный буд-

117

дист. Для него не существует никакого высшего существа, которое облегчало бы горечь человеческого существования, никакого блаженства, которое вознаграждало бы человека за все земные страдания, его ждет простое исчезновение, ничто. Для широких масс это учение было слишком абстрактным; им нужны божества, сотворенные по образу человека, предметы для почитания, доступные его пониманию. Благодаря этой потребности легенда о жизни Будды является необыкновенно изукрашенной. Будде не только приписывается высшая мудрость, всемогущественная сила и тысячи других чудес, — но Будду преумножают. Когда истинное учение приходит в упадок, и человечество предаётся греху, тогда через большие промежутки времени является каждый раз новый Будда, чтобы опять сызнова проповедывать истину о спасении. Уде 24 Будды и среди них последним Кашьяпа, предшествовали Будде Сиддхарту (пали: Сиддхаттха), и снова через 5000 лет после его удаления в Нирвану возродится новый Будда, Майтрея: о всех этих Буддах легенда сообщает бесконечные подробности, глаз жаждет их лицезреть, и их изображениями, особенно изображениями Гаутамы, в камне и картинах, наполнены все буддийские храмы и дворцы. Такая же потребность обладать осязаемыми объектами поклонения вылилась наружу тотчас же после смерти учителя. Все желали иметь что-либо священное на память об умершем, и его земные останки, вынутые из пепла костра, были разделены. Вместе с распространением учения росла с течением времени в равной мере и потребность в реликвиях и во всех странах, где исповедуется буддизм, возвышаются многие тысячи хранилищ с • реликвиями, ступы, или дагобы, — куда стекаются многие млы набожных паломников. Но это были только символы. Будда ушел в Нирвану, в Ничто; народ же требовал живых божеств, а их не отрицал и сам Будда. Широкая масса народа не была охвачена мировой скорбью в такой мере, как философствующие монахи, но страдала тем не менее больше, чем он от

118

мелких злополучий жизни, которые приносил с собой каждый день. В этих несчастьях помощь можно было найти только у древних богов. Правда, буддизм произносит механически свою спасительную формулу, но прибежище он находит у арийско-брахманско-дравидских богов, начиная от священной смоковницы и змеи Нага до солнца и звезд, от злых демонических божеств дравидского верования до светлых образов Вишну или Шивы. Всех их вмещает наряду с Гаутамой обширное сердце набожного буддиста, и их уродливые изображения несутся при торжественных процессиях рядом с кротким образом Прозревшего. В действительности земные судьбы буддиста все еще управляются древними богами, которых учитель думал отстранить, как ненужных. Предположим, что в южной ветви буддизма, каким он сохранялся в Южной Индии приблизительно до 1000 г., а на Цейлоне, в Бирме и Сиаме и по настоящее время. Эти божества связаны с буддийской верой лишь механически; но в северном буддизме (в Тибете, Монголии и т. д.) они настолько преобразовали учение, с которым тесно слились, что вряд ли можно признать в нем ту первоначальную форму, которая проповедывалась Гаутамой.

Моральная сторона учения Будды опирается не на божественные начала, а на эгоизм отдельного лица: это учение не признает никакого нравственного долга, никакой добродетели, как таковых, оно ищет только выгоды. Эта точка зрения определяет правила морали по отношению к самому себе: самовоспитание, обуздание страстей, уничтожение потребностей, бдительность. Да и все правила морали по отношению к другим — преувеличенное уважение к чужой жизни, даже жизни самого маленького животного, сострадательность, приветливость, благотворительность и т. д. — не исходят от чистого сердца, а из эгоистического желания соблюдением их приблизиться к цели, к избавлению. Буддийское учение о нравственности со своим требованием любви и милосердия ко всем людям оставляет далеко позади себя учение брахманов, но ему недостает чистоты и благородства

119

Древнебуддийский храм и дагоба Руванвели в Анурадхапур

Пояснение к рис. на с. 120—121

Вверху: храм Изурумунья. Основанный, как полагают, королем Тиссой (около 300 г. до н. э.) у живописного, окаймленного лотосами, но населенного кодиллами пруда, этот храм, высеченный в скале, имеет крышу, украшенную рельефами, замечательны фантастические фресками и барельефами, которыми украшены его террасы; особенно поражают головы четырех слонов в углу пруда, над которыми видна фигура в сидячем положении, держащая лошадь;

внизу: дагоба Руванвели, или дагоба Золотой пыли. Во второй половине II в. до н. э. буддийская архитектура достигла нового расцвета при сингалезском короле Дуттхагамани. Дагоба, изображенная на обложке, имеет в высоту почти 300 футов; в начале XX века она вся заросла деревьями и кустарниками, но состояла из массивных стен. На переднем плане развалины сторожевого дома, в которых еще хорошо можно различить первоначальную постройку, стоявшую из шести расположенных параллельными рядами колонн; замечательны стилизованные изображения львов, налево от входа. Дагоба окружена ее валом, почти в 100 футов шириной, довольно удобный, для процессии, в которых участвовало большое число слонов. Над этим валом возвышается другая платформа (шириной около 500 футов), поддерживаемая 400 каменными слонами в 9 футов высоты, у которых видны только голова, передняя часть тела и две ноги. На этом фундаменте была возведена собственно дагоба; высота ее равняется 27 футам.

122

христианского учения. Прежде всего ему недостает жизненности. Как могла религия выработать сильное, энергичное учение о нравственности, когда высшую свою задачу она полагает в воздержании от всяких деяний, когда высшую свою цель она видит в исчезновении (Нирване)? Печать вялости лежит на всем буддийском мире: он боится идеи мировой скорби и умеет больше терпеть и сносить, чем действовать. Да и как могли бы развиться в таком изнеженном народе сильное захватывающее чувство, понимание величия

племени или государства, любовь к отечеству? Нельзя не признать всего того, что цари сделали для своего народа, но они довольствовались всегда незначительными средствами. Они заботились о бедных и больных, они сажали фруктовые деревья по дорогам, устраивали большие сооружения для орошения, они были щедры, особенно по отношению к ордену. Но именно эта щедрость ослабляла страну: лучшие и самые богатые земли скапливались в руках ордена, а орден обрекал многие сильные руки на бездеятельность. Народ беднел при этом, но он влачил свое жалкое существование со смирением и равнодушием.

Будда так же мало стремился уничтожить кастовый строй, как и богов; он считал и то и другое включенным в мировой порядок и потому неизбежным фактом. Но он отличался от брахманов тем, что в преподанное им человечеству учение он включил все касты без различия. Ученики его должны были быть одинаково ласковы и благосклонны и к брамину, и к низкорожденному шудре, им не воспрещалось даже принимать от последнего пищу. Тем не менее кастовые понятия так срослись с Буддой и со всем орденом, что в жизнеописании учителя мы видим часто вступление в братскую общину благороднородных-Дснных из высших каст, но никогда речь не идет о буддисте-шудре. И в настоящее время еще все буддийские секты Цейлона пополняются только высшими кастами.

Нельзя не упрекнуть также буддизм в том, что он ничего не сделал для улучшения социального положения Женщины. Основатель религии немало колебался и ус-

123

тупил только сильному влиянию извне, когда был подш вопрос о допущении в общину женщины; одинаковых мужчиной прав она, однако, не получила. Для женщин в ее подчиненном положении у него не имелось утешения, как смирение, так как ноша, которую она обречена нести, так же предназначена ей естественным ходом ве-й шей, как шудре и червяку.

Справедливы хотя и беспощадны слова епископа Коп-лстона, что буддизм низводит человека, не признавая над ним высших существ.

Джайнизм. Буддийская вера хотя и имела наибольший успех, не является, однако единственным религиозным учением этой эпохи великого брожения умов. Одновременно с Гаутамай жил человек, которому еще и поныне существующая секта джайнов (джайна, яйн) приписывает свою веру; это был Натапутта (санскр.: Dñatriputra), которого его поклонники почитают под именем Махави-ра Вардхамана, или Джина (покоритель мира). Он происходил из той же выдающейся в духовном отношении страны по нижнему течению Ганга, как и Будда, и жизнь его, как и его учение, представляют много сходных черт с жизнью и учением его более великого современника. Подобно Будде он был сыном знатного кшатрия по имени Сиддхарта, бывшего, вероятно, старшиной предместья Кандапура в Весали, где господствовала такая же феодальная аристократия, как и у Шакья. Будучи с материнской стороны в родстве с Бимбисарой, царем Магадха, он как и Гаутама, нашел в нем покровителя своего учения, и обе религиозные системы обязаны своим успехом . в значительной мере процветанию этого обширного царства, во главе которого стоял этот царь. Натапутта жил до 28-летнего возраста в доме своих родителей; но затем, как и Гаутама, он отправился к брахманским аскетам, где, согласно их предписаниям, он в течение 12 лет предавался самому строгому покаянию, проведя последние 11 лет нагим аскетом (гимнософистом). Этим путем он достиг высшего познания, кевалы, а вместе с ним об-

124

рел и освобождение души от оков плоти. Последние 30 лет его жизни (до 527 г. до н. э.) были посвящены распространению его учения и организации общины.

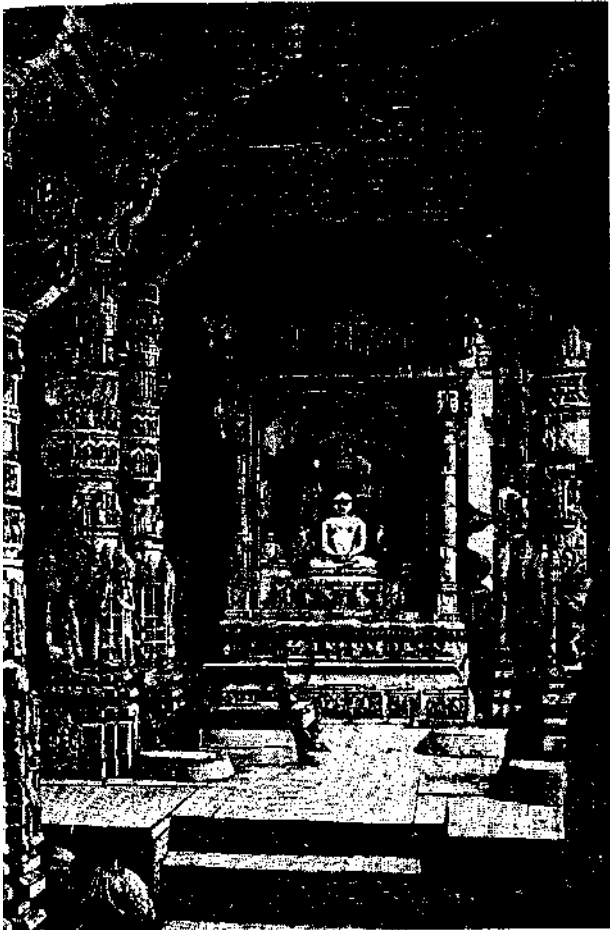
Джайны, названные так по почетному прозвищу Джина, верят в большое число пророков своей религии, предшествовавших Натапутте, и особенно почитают последнего из них, — Паршву, или Паршванатху. Это не только мифическая фигура: Паршванатху и есть собственно основатель джайнского учения (ок 776 г. до н. э.), тогда как явившийся через несколько поколений после него преемник его Махавира может считаться лишь реформатором этого учения. Уже во времена Гаутамы основанная Паршвой религиозная община, Нигантха (санскр.: Ниргрантха) представляла прочно установившуюся секту, которая, как свидетельствуют буддийские хроники, не раз причиняла затруднения новой религии. Большое сходство между буддизмом и джайнизмом в достаточной мере объясняется тем, что оба они вышли из брахманского учения и орденской школы. Канон джайнов появился лишь в V в. н. э. после того, как на соборе в Валабхи (по мнению А.Ф. Гернле — уже в 154 г.), которым руководил Девардхиганин, были выработаны «священные» писания; по мнению же Германа Якоби письменна, из которых развился Канон джайнов, относятся по меньшей мере к I в. до н. э., скорее же ко II или III в. до н. э.

Как и буддисты, джайны также исходят из брахманских принципов с их мировой скорбью и с их жадной спасения; в том же пункте, однако, который резко всего разделяет буддийскую философию от философии брахманов, они следуют древнему представлению. Система их признает для души действительное существование; прикованная при жизни к грубо-материальному телу, она после смерти оставляет его, удерживая лишь тонкую эфирную оболочку, пока карма (или камма), нравственный итог жизненных дел, не принудит ее к новому материальному возрождению и новому страданию. Буддийская философия стремится к освобождению от этих возрождений, т. е. к «Ничто»; для джайна же за пределами

125

В Сирохи, одном из 20 государств Раджпутанской области, в Северо-Западной Индии, лежит у северо-западного края богатой минералами горной цепи Аравали гора Абу, достигающая высоты 1700 м. Здесь, кроме летней резиденции британского правительственного агента, находится

одно из самых чтимых святых мест джайнов — пять храмов, из которых два, возведенные из белого мрамора в 1031 и 1200 гг. принадлежат к самым красивым памятникам индийского искусства

ряде возрождений существует целая выработанная сие- тема высоких и высших существ, требующих себе поклонения человека. В различных регионах, в которых он размещает все божественное, Джина, Всепобедители, занимают главное место. Они одни, вне смерти и возрождения, живут в вечной абсолютной чистоте. Это освобожденные от всего земного души великих пророков, число которых в этой религии значительно больше, чем в буддийской. Мировое время состоит из прошедшего, настоящего и будущего, и в каждом из этих периодов, через большие промежутки, появляются 24 Джина, чтобы возвестить миру высшие истины, ведущие к спасению; двадцать третьим в настоящем мировом периоде был Паршванатха, двадцать четвертым — Махавира. Все они словом и примером своим указывали миру путь к спасению, который состоит в истинной вере, в правильном понимании и в чистой добродетели.

Истинная вера — это вера в Джинов и во всю систему высших существ; правильное понимание дает философская система джайнов. Она учит, что мир действителен и вечен, и душа фактически существует. Все несчастье души состоит в том, что она связана с телом; она освобождается, когда в ней погасает стремление^ активности. В понимании чистой добродетели, наконец, джайны почти вполне сходятся с буддистами: из пяти основных предписаний джайнских монахов первые четыре совершенно одинаковы с брахманскими; они гласят: ты не должен разрушать ничего живущего; ты не должен лгать; не должен брать того, что тебе не дано; ты должен воздерживаться от половых сношений. Пятое предписание обнимает в одном все остальные предписания буддийских монахов: ты должен отказаться от всего мирского и, особенно, не называть ничего своим. Наряду с важным значением, которое учение джайнов придает соблюдению этих предписаний, оно признает еще строгий аскетизм как одно из средств к спасению. Этот пункт привел в 80 г. к расколу обеих главных, почти согласных между собой в своих основных воззрениях, сект этого учения: Дигам-

128

бара, «одевание которых воздушное пространство», т. е. нагие, и Шветамбара, «одетые в белое».

В предметах культа при том высоком значении, которым пользуется божественное, нет недостатка. Все джайнские храмы, построены преимущественно на высоких горах: Маунт Абу, Маунт Гирнар в Гуджерате и т. д., богато изукрашены и заполнены изображениями различных Джинов и их атрибутов (быка, обезьяны, рыбы и т. д.).

Эта религиозная форма удержалась и до настоящего времени. В прошлом она временами достигала большо-

го развития, как, например, в V в. в Декане, в VI в Гуджерате и т. д. По последней народной переписи (в 1891 г.) в Индии считается 1 417 000 джайнов, почти полпроцента (0,49 %) всего населения; кроме того, повсюду, где вне пределов отечества поселялось большое число индусов, как, например, в Восточной Африке, появлялись и джайны. Их ценят всюду как честных и дельных людей; в значительных городах Северной Индии, равно как и в Декане, они, благодаря своей надежности и своему прилежанию, сделались зажиточными купцами и достигают нередко большого состояния. Благотворительность их доходит часто до смешного, как мы можем судить по многим основанным ими госпиталям для животных, по сеточке и маленькой метелке, которые они носят всегда при себе для того, чтобы не раздавить или не проглотить нечаянно даже самого маленького живого существа.

Период от похода Александра Великого до вторжения ислама

Неистощимые естественные богатства великой Индо-Гангской низменности были всегда источником благополучия и несчастий Индии. Никогда, ни в какие времена, они не теряли своей притягательной силы для чужих народов. Великое переселение арийцев было лишь первым вторжением чужеземцев, о котором мы знаем, но далеко не последним. Предания, собранные Ктесием, Аррианом и т. д., повествуют о вторжениях ассирийских властите-

S История человечества

129

лей Нина и Семирамиды, и если даже считать их мифическими фигурами, то все-таки ядро этих преданий несомненно исторического характера. Сохранившееся для нас благодаря Диодору имя индийского царя Стабробата (владельца рабочего скота), по-видимому, не индийского, а иранского происхождения; но на ассирийских памятниках (например, на обелиске Салманассара II от 842 г. до н. э.) встречаются изображения индийского слона и носорога, которых вместе с пленными приводят пред лицо победоносного царя. Позднее, как говорит предание, персидский Кир предпринял неудачный поход в Индию, был отбит и бежал через ту самую пустыню Гедрозию, через которую Александр вел назад своих македонян. Несомненным является покорение Дарием Гистаспом племен, живших к северу от реки Кабула и к западу от Инда, течение которого он велел исследовать (ок. 510 г. до н. э.); эти племена составили особую сатрапию Персии, и их войско, как говорит Геродот, боролось при Ксерксе против греков.

Поход Александра в Индию. Индийский поход Александра Великого является самым древним хронологически достоверным историческим фактом. В 327 г. до н. э. он со 100 000 воинов вышел из Согдианы и Бактрии. На своем пути вдоль реки Кабула он должен был не раз вступать в ожесточенную борьбу с храбрыми горными племенами, не раз брать их крепости, и лишь весной следующего года он достиг Инда, границы благославленной страны Пятиречья.

Мало изменились условия жизни тамошних народов с тех пор, как их собратья перебрались дальше на восток в страну Ганга, основали там государства, боролись с возрастающей силой брахманизма и наконец подчинились ей. Население все еще делилось на множество мелких племен, среди которых первое место занимала каста воинов. Александр встретил со стороны этой последней неожиданное сопротивление.

Плутарх говорит о кшатриях: «Самыми храбрыми и воинственными среди инду-

130

сов были «наемники», которые переходили от города к городу, защищая каждый из них самым энергичным образом и принося этим Александру большой вред». Озлобление победителя против них было столь велико, что на защищавших один город кшатриев, которым он обещал безопасность в случае отступления, он изменчески напал, когда они уже отступали, и велел их изрубить в куски. «Не меньше огорчения причиняли ему философы индусов, которые осыпали бранью переходивших на его сторону царей и восстанавливали против него свободные народности; поэтому многих из них он велел вешать», — добавляет Плутарх.

Прежняя храбрость не перевелась, но и не перевелись прежние распри между племенами, и Александр отлично сумел воспользоваться натянутыми отношениями между гандхара и самым значительным из племен Пятиречья, живущими к востоку от него пуру. Гандхарский царь Так-шашила (Таксилес, Омфис, или Мофис) вышел с почестями навстречу Александру вместе с вождями племени, и войска их присоединились к его войску, когда он весной 326 г. до н. э. перешел Инд недалеко от нынешнего Аттока (по Фр. Пинкотгу — близ Амба) и, после того, как в Так-шילה (Дери Шахане недалеко от Лагора; санскр. Такша-шила — скала такша, скифского племени) народ торжественно его принял, отправился против Пора, царя пуру. Этот последний ожидал его на восточном берегу Гидаспа (Джилам). Кшатрии бились ожесточенно и большая часть войска пуру осталась на поле битвы. Престарелый герой-царь на боевом слоне отступил только тогда, когда его войско было уничтожено, два его сына пали, а сам он был серьезно ранен. Македонянин не только оставил ему его царство, но и увеличил его присоединением к нему нескольких покоренных областей. После тридцатидневного отдыха Александр отправился дальше для новых предприятий: он получил подробные сведения о народах плодородной страны Ганга, о населенных городах и блестящих столицах. Но войско изменило ему у Гифазиса (Биасе). Завоеватель мира достиг конца своего победоносного по-

131

приша. На лодках и паромах он спустился по рекам к устью Инда; там он разделил свое войско. Тогда как одна часть его под предводительством Неарха вернулась морем назад в Персию, ему самому удалось спасти лишь небольшой остаток другой половины в походе через безводную пустыню Гедрозии под гжучими лучами августовского солнца. Трудность похода, невоздержанный образ жизни и климат свели немного

времени спустя и самого Александра в могилу (летом 323 г. до н.э.).

Царство Магадха: Чандрагупта и Ашока. Поход Александра в Индию не был продолжительным, но размеры последствий этого похода для страны соответствовали силе его напора: сопротивление чужеземному вторжению вызвало к жизни могущественное царство Магадха. Среди тех, которых надежда на выгоду привела к Александру, был также искатель приключений Чандрагупта (Сандрокотос у греков). Шудра по рождению (по имени его матери, Мура, происходившей из низкой касты, и царский род, сменивший Нанда, называется династией Маурья), он приобрел дурную славу своими похождениями в стране Нижнего Ганга. В том бурном движении, которое вызвало вторжение Александра в страну Пяти-речья, он находит благоприятную почву для своих честолюбивых стремлений, и играет двусмысленную роль у обеих партий. Когда же после отступления и последовавшей вскоре затем смерти Александра среди оставшихся греческих партий начались беспорядки и Пор был из-менчески убит одним греческим предводителем Эвдемом, а между Диодолами начались из-за разделения империи кровавые распри, Чандрагупта стал во главе индусского движения; в 316 г. до н. э. он достиг владычества над Пенджабом, а вскоре затем (в 315 г.) и над царством Магадха, которое в его правление (ум. в 296 г. до н. э.) простиралось от устьев Инда к устьям Ганга. Селевк I Никатор застал в 303 г. до н. э. Магадха уже таким могущественным государством, что предпочел дать восточному соседу в жены свою дочь и отказаться от притязаний на Вос-

132

точную Гедрозию, Арахозию и Паропамиз; хорошие отношения царей выразились в обмене послами между дворами Вавилона и Паталипутры.

Греческому представителю Мегасфену обязан Запад первыми подробными, письменно изложенными самим очевидцем сведениями о стране и о народе Индии. Сочинение его «Индика» сохранилось лишь в ничтожных отрывках, но и в них мы находим важные факты из жизни царства Магадха. Даже в греческом освещении они являют выгодную картину; Мегасфен описывает тамошний народ честным, искренним, сильным, умеренным, миролюбивым, но в то же время готовым дать воинственный отпор врагам. Земледелие составляло прочную основу для преуспевания государства; оно считалось таким священным, что даже во время войны оставалось неприкосновенным, и земледелец мог спокойно обрабатывать свою землю в то время, как рядом с ним разыгрывались кровавые битвы. Защиту страны составляло многочисленное, хорошо организованное и развитое военное сословие, один из семи классов (каст) народа, разделенных столь строго, что они не должны были даже есть вместе. Земля была собственностью общин, из доходов с нее государство получало четвертую часть для покрытия своих расходов. На буддийских аскетов (сраманов) смотрели в те времена еще как на брахманов.

Внук Чандрагупты, сын и преемник Биндусары, самый могущественный из правителей Древней Индии, государство которого занимало большую половину полуострова и влияние которого далеко выходило за его пределы, был Асока (санскр. Ашока; 269—232 гг. до н. э.). Ни один царь не почитается так высоко по прошествии тысячелетий, как этот правитель Магадха, имя которого еще и в настоящее время произносится с благоговением миллионами людей от берегов Черного моря до крайних островов Восточной Азии и от границ полярных льдов до экватора. Но не величии политического могущества обязан он своей славой, а евангелию человеколюбия, с которым он стал на сторону учения Гаутамы.

133

Основанное Чандрагуптой в 315 г. до н. э. царство Магадха с главным городом Паталипутрой (Патна) просуществовало недолго: самый блестящий период его падает на царство внука Чандрагупты, Ашоки, при котором оно простиралось от Афганистана до области со-верменного Майсура и от Катхиавада до Ориссы. Но не прошло и столетия со времени восшествия на престол этого великого государя, как на 137-м г. основания династии Маурья, последний из ее правителей, десятый по счету, был свергнут с престола генералом Брихадрат-хой. Следующая затем династия Шунга просуществовала только 112 лет (178—66 гг. до н. э.), и государство в правление последовавшей за ней династии Канва начинает все больше и больше падать при все возрастающем могуществе скифов.

Скифо-тибетские царства в Северо-Западной Индии.

Природа Азиатского плоскогорья принуждает человека к кочевой жизни. После эмиграции арийцев монгольские, тюрко-татарские и скифские народы вели между собой постоянную борьбу из-за обладания травянистыми степями и пастбищными землями; одно племя бросается на другое, и движение, подобно прибою волны в бурю, передается все дальше до самых отдаленных областей. Особенно сильное движение охватило эти кочевые племена во II в. до н. э.: в проживавшее на востоке от бассейна Оксуса, в степных странах между Хивой и Хотаном монгольское племя хиун-ну (хун-ну) предприняло набег на западных соседей своих, тибетское племя юе-чжи, во всяком случае идентичных со скифскими чесседонами, и заставило его выселиться. Эти последние проникли около 250 г. до н. э. в основанное Диалогом греко-бактрийское государство, простирившее свои границы за пределы Инда в Пенджаб, и положили вскоре после 140 г. до н. э. прежде всего в самой Бактрии конец господству греков. Скифская ветвь, шаки, в правление царей своих Мауеса (100 г. до н. э.) и Ацеса (70 г. до н. э.) направилась к Инду и, следуя по его течению в южном направлении к Син-

134

дху, достигла, наконец, Гуджарата. Другое племя, кушана (кушан), отправилось при царе Коцуло (Куджула) Кад-физ вниз по течению Кабула в Пенджаб, где в 25 г. до н. э. уничтожило последние остатки греческого

владычества (Гермай). Преемник Коцуло Гуэмо Кадфиз распространил свое могущество на большую часть Северо-Западной Индии.

В ряду этих правителей самым выдающимся был следующий за Гуэмо Канишка, царство которого простиралось от Яркенда и Кокана до Гуджерата и от Афганистана до Джамны. Год его помазания на царство (15 марта 78 г. н. э.) служит началом «леотоисчисления Шака»; А. М. ВоВер и другие исследователи считают впрочем, его основателем Нахапана. При своем вторжении в Индию скифские полчища пришли в соприкосновение с буддизмом и с восторгом переняли новое вероучение. Как и Ашока, Канишка созвал особый собор в Кашмире, который издал Канон учения Будды и выработал пояснения к трем питакам, составленным на соборе в Патне. Судя по этому, буддизм в Северной Индии в то время уже не придерживался строго прежнего учения; влияние брахманских и древнедревидских представлений сделали там свое дело; принесенные с собой скифские божества также не могли не оказать своего влияния на толкования созданного могущественным скифским правителем собора.

Индусские династии Северной и Средней Индии I тысячелетия н. э. Основанное Кадфизом государство, подобно государству Чандрагупты, достигло в правление его преемника своего апогея, но с III в. значение его начинает падать, между тем как на первый план выступают другие династии и другие государства. История Индии I тысячелетия н. э. является для нас как бы огромной мозаичной картиной, от которой сохранились лишь отдельные камешки или небольшие их группы. Монеты, случайные сообщения путешественников (особенно китайских), надписи — все говорит о появлении и исчезновении, о росте и падении малых и больших государств. Но ни об

135

одном из государств мы не можем составить себе полной картины. Относительно некоторых из них сведения ограничиваются лишь очень скудными историческими указаниями, отдельными отрывочными именами и событиями; остальные же не оставили никаких других следов своей истории, кроме факта своего существования.

Знаменитая династия Маурья исчезает вскоре после Ашоки; но отблеск прежнего величия воскресает при династии, основанной Гупта (290 г.), Вассаль Магадха, он становится независимым, и государство в правление его внука Чандрагупты I и ближайших его преемников расцветает так быстро, что скоро объединяет под своим владычеством все страны между Непалом и Нарбадой, между Качем и дельтой Ганга. Этот блестящий период продолжается до VI в., когда набег «белых гуннов» (хуна), в 515 г. сильно пошатнул это царство. Хотя в 530 г. гунны были разбиты при Кахроре одним из вассалов царства Гупты, Яшодхармой, но этот последний сам захватил власть в свои руки; он расширил еще границы государства, о дальнейших судьбах которого нам, кроме нескольких имен правителей, почти ничего неизвестно.

Из борьбы с белыми хуна, оставившими с 453 г., свои обиталища на берегах Оксуса и вторгшимися в Индию, выросло еще другое могущественное государство, лежавшее далее к югу. В сопротивлении, которое было оказано их королю Михиракула, отличился еще до упомянутого нами Яшодхармы другой вассал царства Гупты, Санапати Бхатарка (495 г.). Он сделался родоначальником династии Валабхи и одноименного царства, которое при шестом преемнике его, Дхрувасене, достигло высокого расцвета. Оно охватывало Гуджерат и доходило до Нарбады. Правители его то поощряли больше буддизм, то выказывали предпочтение брахманам или джай-нам. Джайнизм еще и по настоящее время насчитывает в области древнего царства Валабхи много последователей; на соборе, состоявшем в Валабхи, был окончательно установлен канон этого вероучения под руководством Деварддхиганина Кшамашрамана.

136

Во вторую половину I тысячелетия н. э. вырастает другое значительное государство индусов в Декане, Чалукья. Род Чалукья вышел, как полагают, из Северной Индии и основатель династии, Джаясинха, поселился около 500 г. в Декане, оттеснив дравидское племя паллава. Новое индусское государство вскоре сделалось не только сильным, но и обширным, так что уже в следующем веке охватывало большую часть Декана. В 630 г. произошло разделение государства на западное и восточное: Чалукский принц Вишнувардхана получил царство Венги, прилежавшее к восточному берегу и обнимавшее береговые полосы устьев Кришны и Гадаверы; оно долгое время боролось с чолами на юге, пока в 1060 г. не погибло окончательно в этой борьбе. Западная Челукья была до 747 г. цветущим царством, но после того как она была побеждена народом раштракута (Гуджерат), она сильно ослабела. Некоторое время это государство ведет незаметное существование, но в 973 г. Таилапа, сын Викрамадитья IV, побеждает племена раштракута Малкхе-да, равно как малава и чола, и основывает позднейшую династию Чалукья, царство которой к концу XII в. окончательно исчезает, отделив от себя предварительно целый ряд побочных линий и небольших государств.

Во время этих политических перемещений и смешений различных народов и рас коренные различия между ними все более и более ступшеваются и из первоначального этнического дуализма начинает медленно вырабатываться идейное единство индийского народа, индуизм. Его характер определяется прежде всего двумя явлениями: религиозными верованиями и социальными условиями (касты).

Распространение, распадение на южное и северное учения и конец буддизма в Индии. Во времена Ашоки религиозная область является нам картину резких контрастов. Брахманское учение о сущности мира и божества остается тайной, не выходящей за пределы этого сословия, тогда как другие касты, в особенности большая масса шудр, верят в силу демонов. В лоне брахманского уче-

137

ния развилась еще третья религия, буддизм, оппозиционное значение которого осталось вначале незамеченным, что и было причиной, что новое вероучение не встретило преследования со стороны брахманов. Своим быстрым развитием буддизм в значительной мере обязан Ашоке: миссионеры этого царя проповедуют его по всей Индии, а тотчас после собора в Патне он вводится на Цейлоне. Буддизм проникает далеко за пределы своей родной Индии: в I в. н. э. он появляется в Китае, где в IV в. объявляется государственной религией; в 372 г. он переходит из Китая в Корею, в IV и V вв. в Кокхинхину, Монголию и на Формозу, а в VI в. в Японию. Еще до этого он в толковании палийского канона распространяется из Цейлона и завоевывает себе Бирму (450 г.), а затем и Сиам (638 г.); на Яву он был перенесен с Индийского материка в VI или VII в.. Какое влияние его учение о спасении и его призыв к человеколюбию оказывало даже на более дикие народы, мы видим на красноречивом примере скифов (Канишка); на Кашмирском соборе принимается установленное в Патне учение.

Но именно на севере Индии развитие буддизма приняло, по всей вероятности, еще раньше иное направление; в его учение и культ проникли, с одной стороны, бесплодная диалектика, с другой — дравидские верования с их демоническими силами. Впоследствии учение это до того извратилось у народов татарского и монгольского происхождения, что нынешний северный буддизм является лишь карикатурой на чистое учение Будды. Душа, существование которой отрицалось Гаутамой, снова занимает свое место в религиозном мышлении, и душа будущих Будд, боддхисатв, особенно же душа Ман-джушри и Авалокитешвары, приобретают божественное значение. Они становятся воплощениями мистически-религиозного познания и духа буддийской религии, тогда как наряду с ними Ваджрадхара воплощал собой Всемогущего. Таким образом небеса этого буддийского направления имели свою Тримурти. Ей придали самый отвратительный вид низших божеств; в культе были пе-

138

реняты шаманистические обычаи, заклинательные формулы и даже кровавые жертвы. Этим слиянием индо-дра-видского представления и индо-дравидских обычаев с буддизмом северное учение обязано главным образом индийскому монаху Афанге, жившему в VI в. в Пешавере в Пенджабе. Каким образом это направление, которое северные буддисты называют «Великой колесницей» в отличие от презираемой ими «Малой колесницы», т. е. древнего буддизма, развилось дальше вне Индии в ламаизм с его представлением, что дух учения каждый раз вновь воплощается в смертном и светском главе.

Самыми важными источниками для истории индийского буддизма эпохи, последовавшей за царствованием Ашоки, являются сообщения китайских буддистов, предпринимавших паломничества к Святым местам своей религии, главным образом Фа-Сянь (400—414 гг.) и Сю-ань-Цзан (629—645 гг.). От Фа-Сяня мы узнаем, что по всей Индии оба направления, «Великая колесница» — Махаяна, и «Малая колесница», Хинаяна, господствовали одинаково, но наряду с ними и брахманские учения имели многочисленных последователей. Во времена Сюань-Цзана весь Кашмир исповедывал северный буддизм, тогда как в остальной Западной и Южной Индии преобладала «Малая колесница»; в области Ганга буддизм немало страдал от соперничества брахманизма. Сюань-Цзан принимал участие в соборе в Канаудже, на котором северное учение было осуждено. Хотя родина Будды и представляла в то время уже одни развалины, но религия его в странах, где он главным образом сам поучал, держалась еще прочно. В остальной Индии древнее учение также процветало; только в Калинга оно было вытеснено брахманской религией.

Вскоре после паломничества Сюань-Цзана для буддистов наступили тяжелые времена. По всей вероятности дело ограничивалось по большей части местными преследованиями; причина гибели буддизма в Индии лежала, конечно, не столько в открытой вражде других религий, сколько в его внутренней несостоятельности и

139

многочисленных расколах. Около 1200 г. буддизм исчез почти по всей Индии. Найдя еще под конец своего существования поддержку в правителях Кашмира и Ориссы, он около 1340 г. лишился и своего последнего оплота, Кашмира; ко времени основания первых магометанских царств Индии почти все ее население (если исключить джайнов и не считать отдельных приверженцев в Бенгалии и Ориссе) было предано богам индусской религии.

Индуизм. Продолжительный период политического брожения мало благоприятствовал развитию религиозного чувства; Глубокий метафизический умозрительный период сменился у брахманов полным застоєм, а в народ все больше и больше почитание низших форм божества и грубый культ. Лишь в VIII в. наступила реакция. Предание называет жившего в первой половине XIX в. Кумари-ла заклятым врагом буддистов, возродившим брахманскую религию. Но истинным великим реформатором был Шанкара Ачарья (родился в Декане в 788 г., но действовал в Северной Индии и умер в 820 г. в Гималаях); он вновь оживил философию Веданты и создал новую популярную индусскую религию. В своем эзотерическом учении он признает только одного высшего бога, Брахму Пара Брахму, творца и вседержателя мира, поклонение которому должно состоять в мистическом созерцании; все же религиозные начала, жившие в народе, он соединил в одно и одухотворил их в образе Шивы. Культ Вишну, напротив того, нашел себе великого апостола в лице Рамануджа, жившего в первой половине XII в.; в его духе проповедывал Кабир (1380—1420 гг.) в Бенгалии и Чай-танья (род. в 1485 г.) в Ориссе. Со времени этих реформ Шива и Вишну становятся краеугольными столпами индусской религии.

Основной чертой философского представления о Вишну является всепроникновение. Таким образом благо-

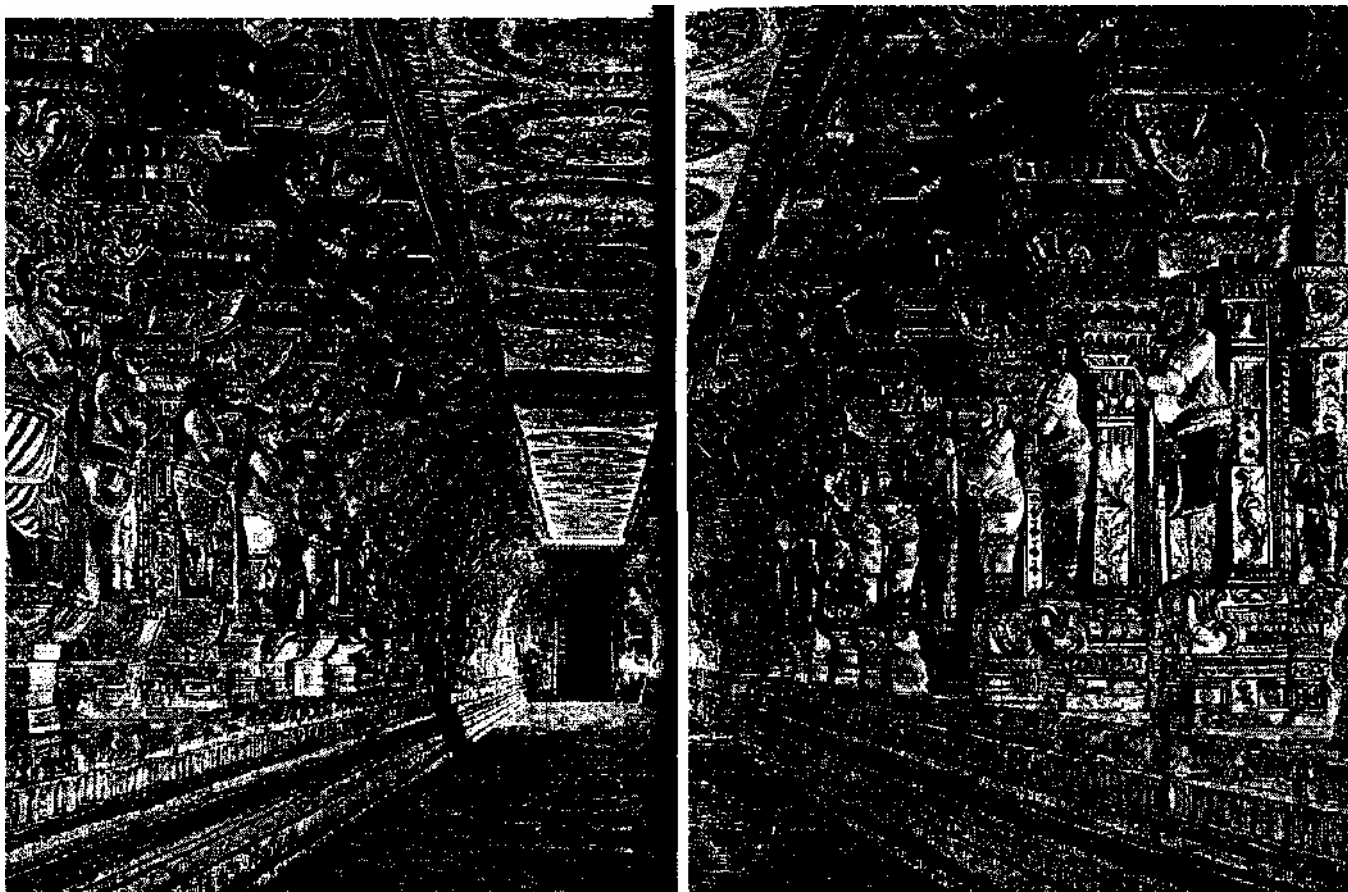
склонный бог и есть собственно бог воплощений, аватар. Он проникает во все существующее, может принимать самые различные образы, и каждый раз, когда боги

140

или люди находятся в крайней нужде, Вишну, приняв тот или другой образ, несет им спасение. Мифология развила целый ряд таких воплощений (до 22), но общеприняты только десять. В первых трех бог появляется в виде рыбы, черепахи, кабана, в четвертой — в виде получеловека, полульва: в позднейших воплощениях он принимает образ человека: сначала карлика, в шестой, седьмой и восьмой — Парашурамы, Рамачандры и Кришны; все эти образы, заимствованные из героической легенды Древней Индии. Особую популярность приобрел Кришна, так как в веселых выходках, которые ему приписываются легендой, народ узнает самого себя. Девятое воплощение Вишну в Будде относится, по всей вероятности, к тому времени, когда питали еще надежду соединить буддизм с индусской религией; позднее толкование считает это воплощение в Будде лишь приманкой, соблазняющей скверных людей пренебрегать ведами и кастовыми различиями для того, чтобы тем вернее привести их к гибели и таким образом освободить от них мир. Наконец последнее воплощение Вишну принадлежит еще будущему: в конце нынешнего мирового периода бог появится в образе Кальки и создаст новое царство чистоты.

В изображении Шивы брахманские понятия о «тьме» встречаются с демоническими представлениями дравидов. От гималайских горных племен заимствована фигура Шивы — «горного духа», Кирата, утопающего в чувственных наслаждениях, в пьянстве и танцах (Nateswara, глава танцующих) и окруженного целым роем низших духов; основное представление дравидских племен о злой природе божества сливается с брахманским понятием «тьмы» в Шиве, боге-разрушителе. В Рудре он воплощает собой бурную силу природы, в Махакале — всенивелирующую силу времени, в Бхайраве — «разрушение», или исчезновение само по себе, а в лице украшенного гирляндами из змей и черепов Бхутешвары он является повелителем всех демонов, входящих в круг дравидских представлений. Что Шива стоит значительно ближе к дравидскому верованию, а Вишну к арийскому, явствует уже из распространения

141

Колоннада внутри индийского храма на острове Рамесварам в Южной Индии

В северной части низкого и песчаного острова Рамесварам (Рамиссерам), лежащего в Манаарском заливе между Индией и Цейлоном, находится один из наиболее грандиозных памятников дравидской архитектуры — могучий и высоковздымающийся своими башнями индийский храм, внутренность которого пересекается мрачными каллондами. Ежегодно в течение уже многих столетий паломники тысячами отправляются к этой святыне, богатыми доходами которой живет все население острова, — по большей части, брахманы.

обоих культов: культ Шивы имеет больше последователей на юге, культ Вишну — на севере. Так в северных округах президентства Мадрас вишнуиты преобладают над шиваитами в пропорции от 10:1 до 4:1; в средних частях той же области число приверженцев обоих богов почти одинаково: на юге же число шиваитов превосходит число вишнуитов в пропорции от 4:1 до 67:1. В высших образах Шивы значительно

больше выступает брахманская идея: из смерти рождается новая жизнь, из разрушения создается новое и более прекрасное. Таким образом «разрушитель» преобразуется в бога, несущего благо. Сада-Шива, Шанкара, Шамбху; он воплощает в себе обновляющую силу природы и как таковой ему поклоняются под именем Махадевы — великого бога, Ишвары — высочайшего повелителя. Ни одно изображение бога Шивы не встречается в Индии чаще, чем его символ, лингам (phallus). Еще более соответствует брахманскому духу представление о силе жертвы и аскетизма: Шива олицетворяет их в образе «великого смиренного», Махайогина.

Индуские божества не очеловечены в такой степени, как греческие и римские, и не образуют, поэтому, подобно тем, одной единственной большой семьи из прародителей, родителей, детей и правнуков. Брахма и Вишну не наделены сыновьями, а с Шивой связаны довольно шатко два сына: Субрахманья, или Сканды, — бог войны, и Ганеша — бог хитрости и успеха, к которому обращаются в повседневной жизни при всяком удобном случае; его уродливое изображение с головой слона и толстым животом можно встретить повсюду. Все высшие боги снабжены супругами: но понятие о супруге отстает у них перед представлением об усилении качеств, (sakti — могущество, сила). Как только по брахманскому мышлению высшее существо воплощается, в нем происходит деление на мужскую половину и женскую, которая, противно нашим взглядам, есть более деятельная сторона. В богах более спокойных, как Брахма Вишну, эта противоположность не проявляется

144

в столь выразительной форме: супруга Брахмы, Сарас-вати, является богиней учености и мудрости; супруга Вишну, Лакшми, — богиней высшей доброты и красоты. Но в почитании Шивы женская сторона его существа играет тем большую роль, чем большими страстями снабжен сам бог и чем больше он воспринял в себя дравидских божеств, которые в первоначальном представлении являются женскими. Каждой из главных форм Шивы дана, как усиление его качеств, супруга: богу гор Кирата — Парвати, Махакале — кровожадная Кали, Бхаве — Бха-вини, Махадеве — Махадеви, смиреннику Махайогине — Йогини.

К этому тесному кругу высоких богов примыкает еще сонм высших существ, заимствованных отчасти из доисторической легенды, как, например, риши, святые певцы вед, братья Панду из борьбы бхаратов и т. д., отчасти из сокровищницы низших божеств отдельных племен. Обширное небо индусов вмещает в себя все, что хоть сколько-нибудь таинственно или значительно: камни и горы, реки и озера, кусты и деревья, полезных и вредных животных, самые разнообразные небесные явления, духов умерших, независимых демонов и т. д.

Разнообразие и даже часто противоположность форм, в которых является божественное, отражается в свою очередь в их культе: самый грубый фетишизм уживается рядом с почитанием чистых и высоких небесных сил. От монотеистических богослужений индуское отличается прежде всего тем, что оно не имеет общины и в сущности никакой общей веры. Поклоняется ли индус главным образом Вишну или Шиве, в той или в другой форме, или же Ганеше, или одной из многочисленных Шакти, зависит от того, какую молитвенную или заклинательную формулу (mantra) вручит ему его духовный учитель и руководитель — гуру; такая формула, различная для каждого отдельного бога, имеет силу сделать этого бога покровителем того индуса, который носит на лбу его знак, нама (для Шивы это три белые горизонтальные линии, для Вишну — большей частью камертонообразная фигура. Таким образом культ не

145

может быть общим; он, как и вера, индивидуален и складывается из формул и обрядностей, имеющих магическую силу, из очищений, из жертв, которые молящийся принсит богам или через посредство жреца. Этот род богослужения не требует больших помещений, в которых собиралась бы община для единения с богом; собственно святилище представляет всегда небольшую божницу или ничтожную молельню с символом или изображением бога. Благодаря различным второстепенным пристройкам, как: помещения для паломников, галереи, террасы с прудами и т. д., храм часто, особенно в Южной Индии, превращается в колоссальную громаду.

Поклонение богам совершается в главных чертах тем же образом. Среди высших богов Вишну больше других уподоблен человеку. Соответственно этому за его изображением ухаживают как за человеком приставленные для этого специальные жрецы; богослужение перед его статуей напоминает игру малолетнего ребенка со своей куклой, а дары, которые ему преподносят, состоят из тех же вещей, которые радуют сердце индуса: риса, коракан, печений и цветов или украшений из жемчуга и драгоценных камней. Но на недостижимой для человека высоте восседает Шива, возвышенный, а часто и страшный бог. Редко лишь храм снабжается его изображением. Зато повсюду поклоняются Шива-лингаму, его символу, который поливается святой водой, намазывается маслом, или осыпается цветами. Поклонение же третьей группе богов, представление которых зиждется на дравидских верованиях, требует кровавых жертв. Перед алтарями Кали и Дурги закалываются козы, и кровью убитого животного окропляют их изображения и пол храма перед ними; бедные люди приносят им и другим низшим божествам в жертву петуха. Бывшие прежде в обычае человеческие жертвы теперь почти совершенно вывелись, но слабые пережитки таких жертв можно встретить еще и в настоящее время.

К повседневным обрядам, молитвам и жертвам присоединяются еще бесчисленные религиозные празд-

146

днества в дни, посвященные отдельным богам: едва ли найдется еще другой народ или другая религия, где бы праздновалось столько святых дней, как у индусов. Особенной же заслугой считается, если совершить

сопряженное со всевозможными трудностями паломничество к истокам какой-либо священной реки (Ганга, Нарбады) или к одной из великих святынь Шивы или Вишну.

Развитие кастового строя индусов. Как для индуизма и

его дальнейшего развития на религиозной почве зародыш был заложен уже раньше, так и в социальной области привились начала, положенные брахманами в основу кастового строя. Многое влияло на этот строй, то задерживая его, то давая толчок его дальнейшему развитию. Еще в буддизме проявлялась тенденция смягчать и сглаживать резкие контрасты; с господством же мусульман у всех их последователей каста была совершенно отменена, и некоторые индусские секты провозгласили принцип социального равенства всех людей.

С другой стороны, были факторы, влиявшие в смысле развития и приумножения каст. Еще в древние времена смешение с другими родами вело к расчленению внутри самой касты: вновь принятые пришельцы из чуждых племен все-таки не считались полноправными членами, и различия эти с течением времени обострялись и вели к окончательному разделению касты. В касте воинов это было частым явлением; но и в брахманской касте не раз совершались таким путем глубокие расщепления, особенно на юге. Нередко какая-либо уже существующая каста целиком или частями пробирается, пользуясь фальшивыми родословными или другими свидетельствами, на более высокую ступень, не достигая, однако, этим полного равноправия. Пространство, разделяющее членов одной и той же касты, также ведет к умножению каст: обе стороны становятся недоверчивы друг к другу, хотя бы каждая из них и сохранила свою касту в чистоте; в конце концов

147

чувство общности совершенно утрачивается, и из одной касты становятся две. Такие разделения каст исходят нередко среди странствующих пастухов или племен цыган, среди каст торговцев и земледельцев, вынужденных периодически повторяющимся голодом! к частой перемене мест и продолжительной разлуке с своими членами, а также и вследствие войн и политическ'их перемещений границ. Иногда член какой-либо касты, достигший большого благосостояния, пытается, не всегда безуспешно, отделиться от своих собратьев и присвоить себе имя и особые привычки высшей! касты. Не менее способствуют разделению касты так-же и религиозные несогласия. Одной из самых частых] причин размножения каст является перемена рода занятия, к которой вынуждают нередко изменения среды или социальных условий. Со времени господства европейцев случается почти ежедневно, что индус, поступающий на службу к белому, мнит себя выше своих собратьев по касте и что таким образом создаются новые касты кучеров, водоносов, резчиков корма и т. д. Именно различие рода занятий и является в настоящее время главным отличительным признаком касты, составляя своего рода наследственный цех. Как таковой этот последний заботится о чистоте крови: кто принадлежит к нему, не должен вступать в брак с членом другой касты; у высших каст оскверняет уже одно прикосновение и даже, хотя бы на далеком расстоянии, само дыхание низкорожжденного. Совместная трапеза с членом другой касты безусловно запрещается. Строгие правила регулируют поведение каждого отдельного лица. Каста имеет своих особых представителей и начальников, приговаривает к денежным штрафам или в серьезных случаях к исключению из своей среды, но она же заботится не только об общем благе (регулирует заработную плату, устанавливает рабочее время, устраивает при случае стачки и т. д.), но и о благополучии отдельного лица (поддерживает бедных, содержит вдов и сирот и т. д.).

148

Положение женщин. Не менее касты влияло неблагоприятно на развитие народа и низкое положение женщины. Если у арийцев и у низших туземных племен женщина занимала видное и почетное место, и в эпический период являлась центром блестящих турниров кшатриев, а певцами более поздней эпохи воспевалась как высоко чтимая подруга мужа, то в позднейшее время она представляет несчастное существо, жалкую, бесправную рабу. И здесь это были опять-таки брахманы, начертавшие для женщины ее низкое положение. Они думали лучше обеспечить чистоту касты — высший принцип их общественного строя, — наложив на свободу женщины тесные оковы. На ее долю выпала лишь одна задача, — дарить мужу чистокровное потомство, и этой задаче приносилось в жертву все, что возвышает и облагораживает женщину. Презрение и самая тяжелая неволя составляют удел ее от колыбели до могилы. Если у индуса рождается сын, то праздничный рог возвещает об этом друзей и знакомых, которые спешат в счастливый дом со своими поздравлениями и веселыми дарами. Другое дело, если новорожденный ребенок — девочка: в замешательстве смотрит отец в землю, когда друзья приносят ему вместо поздравлений одни только слова утешения. Только рождение мальчика заслуживает особых празднеств, — девочка их не удостоивается. Родильница после рождения мальчика считается нечистой в продолжение трех недель, после рождения девочки — в продолжение четырех недель. Мальчик, смотря по положению отца, получает воспитание у духовного учителя, девочка лишена этого: все, чему она научится, исходит от матери, которая сама не знает ничего, кроме двух-трех формул и молитв для Дарования ей хорошего мужа и заклинательных формул против полигамии и неверности.

Едва достигнув 7—9 лет, девочка обвенчивается с 12— 14-летним мальчиком или же со старым вдовцом; при этом не только не спрашивается у нее согласия, но часто она даже не имеет случая видеть раньше своего мужа. По окончании свадебной церемонии она остается еще неко-

149

торое время в доме своих родителей и только при первых признаках зрелости ее отправляют к супругу. 13-летн» матери в Индии далеко не редкость; насколько подобны: ранние браки должны влиять

неблагоприятно на физическое и духовное развитие народа, ясно само по себе. С момента замужества для женщины начинается нестойкое рабство в темнице женских покоев: женщина должна закрывать свое лицо перед каждым мужчиной: хот бы и из своей семьи; даже с собственным мужем ей не дозволяется говорить в течение дня, она не должна произносить его имя или есть вместе с ним; в убийственной, духовной пустоте влачит женщина свое существование. До прихода англичан идеальным поступком для женщины-вдовы считалось ее добровольное самосожжение на костре вместе с умершим супругом. В настоящее время этих «сати» больше уже не существует; но судьба вдовы еще страшнее сожжения на костре: смерть мужа приписывается ее проступку в одном из прежних ее существований; ненависть окружающих, строгое покаяние и самобичевание, бремя тяжелых работ и одиночество — удел всех оставшихся ей дней.

Такова судьба женщины в общественных кругах, мнящих себя на высоте идеала индусского образа жизни. В действительности часто беспощадная нужда является для женщины дружественным союзником, смягчающим ее удел. У бедных индусов из низших каст женщина поневоле должна также принимать участие в заботах о снискании для семьи средств к существованию, и таким образом, как помощница мужа, она становится на высшую ступень в сознании того, что и она не даром живет на свете. Тем не менее и в этих классах на женщину смотрят как на низшее существо.

Культивирование наук и искусств брахманами. В разделении труда в созданном ими гражданском строе брахманы удержали за собой ученость, знание и его культивирование; сами они находились под особым покровительством богини учености, Сарасвати, высокой супруги

150

Брахмы. Брахманы создали язык ученых, санскрит, и этим наложили особую печать на всю религиозную, ученую и художественную литературу индусов. Древнейшие, относящиеся, быть может, еще к III в. до н. э., гимны вед написаны старинным, но богатым и развитым языком, от которого народный язык, распавшийся с течением времени на несколько диалектов, все больше и больше удаляется. Жрецы придавали значение тому, чтобы язык, который служил общением между ними и богами, был выше, совершеннее, чем обиходный язык простолудина. По мере того, как они достигали могущества, ставившего их высоко над остальной массой народа, и язык религиозного мышления и культа вырабатывался ими строго логически и научно в тот самый «Sanskrita», «совершенный язык», в отличие от «первоначального» языка «Prakrita», на котором говорит народ; они по праву могут гордиться и считать своим самого великого грамматика всех времен, Панини, жившего, по всей вероятности, около середины IV в. до н. э. Разница между эзотерическим тайным учением брахманов и обращающимся к широким массам населения учением Будды выражается еще в том, что как Будда, так и ученики его в различных странах говорили с народом на его обиходном языке. Лишь после того, как Буддагхоша (410—430 гг.) переложил на язык магадха еще и поныне существующие на Цейлоне на сингалезском языке и составленные великим буддистом Махиндой комментарии (Atthakatha) к питакам, язык этот, пали, стал священным языком южного буддизма. Брахманское влияние на развитие северной ветви буддизма сказалось в том, что для религиозных сочинений этого направления предпочтение было отдано не пали, а санскриту.

Главная часть брахманской литературы посвящена толкованиям о религиозных предметах. Веды остаются основой всего дальнейшего религиозного и философского развития. Из четырех собраний вед Ригведа относится к очень древнему периоду, отчасти, вероятно, еще к III в. до н. э.; обе позднейшие, Самаведа и Яджурведа — ко времени уже выработанного ритуала. Они представляют

151

собрания песен (гимнов) и изречений, которые должны были произноситься при жертвоприношениях жрецо Ригведы громким голосом. Четвертое собрание, Атха ваеда, содержит, наряду с отрывками из Ригведы, заклинательные формулы против болезней и воров. Также к добуддийской эпохе относятся и брахманы, прозаические сочинения, в которых много легендарного смешано с некоторой долей исторического элемента; в общем они представляют изложение церемонии больших жертв для различных жрецов. Совсем на другой почве стоят Упанишады: они представляют результат умозрений философствующего брахманизма и содержат религиозно-философские учения о характере мира и монотеистически понимаемой мировой душе. Они глубокомысленны и полны идей, — результат серьезного искания истины. Совершенно иного плана относящиеся к гораздо более позднему времени тантры — собрание мистическо-религиозных правил, молитв, заклинательных формул для служения злему воплощению Шивы и его женской ипостаси — Дурге. Созданные уже после названных выше теософических сочинений, они все-таки более раннего происхождения, чем посвященные главным образом легендам о Вишну 18 пу-ран в их нынешней форме (с 18 приложениями, упапура-нами, они составляют приблизительно 400 000 двустихий). Брахманы причисляют их также к «древним сочинениям», хотя время их происхождения определить трудно. До нас они дошли только в обработанной форме; но зародыш их был дан уже в «Махабхарате».

Наряду с религиозной стороной санскритская литература охватывает и все другие отрасли брахманского знания. Самым слабым пунктом этой литературы является история. В этом отношении брахманы представляют сильную противоположность как мусульманам, которые охотно занимались историей своей эпохи и своих царей, так и буддистам, сохранившим, благодаря своим хроникам, в памяти молодых поколений все важнейшие для монастырей события. Вместе с запустением в Индии буддийских монастырей погибли и все эти хроники; только

152

в Кашмире, где буддизм сохранился дольше, чем в других местах, чутье к истории не совсем заглохло вместе с падением монастырей и местная книга царей, «Раджата-рангини», продолжает вести историю этой маленькой страны и после исчезновения буддизма. На Цейлоне же, где еще и поныне буддизм составляет господствующую религию, имеются последовательные хроники от древнейших времен до падения сингалезского царства и захвата страны англичанами.

Уделять научные знания природе также не было в духе брахманов; здесь исследование останавливалось перед божественным, которым были проникнуты растения и животные и которое оживляло даже камни. Тем не менее, однако, служение жертве вело само собой уже к известному ознакомлению со строением тела и к умению обращаться с ним, — хорошая школа для эмпирической хирургии, достигшей в Индии значительной высоты. Даже такие тяжелые операции, как извлечение катаракты и камней мочевого пузыря, ринопластика, удаление операционным путем человеческого плода и т. д., производились в Индии с большим умением и успехом, а в медицинских книгах брахманов перечислено не менее 127 различных хирургических инструментов. Когда арабы познакомились с индусской медициной, они с большой похвалой отзывались о ее высоком уровне. Лечение внутренних болезней основывалось на одном грубом эмпиризме; при этом в распоряжении имелся большой запас лекарственных средств, а при их приготовлении прикладная химия научилась создавать искусственным путем целый ряд важных химических составов. Из естественных наук больше других была связана с призванием жреца астрономия: первобытная религия арийцев состояла в поклонении тем силам, которые импонировали им в небесных явлениях, — движении солн-Ца, планет и звезд. Так, уже в древнейших ведах, почти верно определен солнечный год прибавлением к каждому пятому году, состоявшему из двенадцати 30-дневных месяцев, еще одного високосного месяца. Точно также и

153

религиозные церемонии и празднества уже наперед ра пределялись в те времена в зависимости от астрономических явлений. Тем не менее точная астрономия даже в времена Александра Великого не стояла еще на значительной высоте, и некоторый толчок был ей дан ушедшим в это отношение вперед чужестранцами. Но зато около середины I в. эта наука поднялась на значительную высоту с тем, чтобы снова упасть во времена образования великих мусульманских государств. Только отдельные цари (Джайпур) продолжали еще до последнего времени покровительствовать астрономии, как своему любимому занятию. Рука об руку с наукой о звездах шла математика, к которой брахманы выказывали большие способности. Они самостоятельно развили десятичную систему счисления, и арийцы несомненно многому научились в математической школе брахманов. Высшей точки алгебра достигла с Арьябхатой (род. в 476 г.). Наряду с древними, изложенными в кратких догматах, дхармасутрами, и написанной в стихах книгой законов Ману большим почетом пользовались также такие сочинения, как дхармашастра Яджнавалкья и Парашари — все они, кроме социального строя, посвященные главным образом законоведению в узком смысле. В более поздний период в различных частях Индии основалось пять юридических школ, установивших, смотря по особенностям населения, более или менее различные направления для законоведения.

В искусствах руководителями народа были те же брахманы. Не только музыка и поэзия имели свои корни в служении богам, которое сопровождалось облеченной в высокую форму речью и торжественным пением, но почитание божественного давало главный толчок и таким искусствам, как ваение, архитектура и живопись. Гамма из семи интервалов уже издавна была знакома индусам; и если современная их музыка не соответствует нашим вкусам, то причина этого лежит во внесении многочисленных промежуточных интервалов, к которым наше ухо не привыкло. В своих священных гимнах инду-

154

сы создали много выдающегося; едва ли менее значительно и то, что создано ими под влиянием брахманов в области эпоса: «Махабхарата» и «Рамаяна». Эпический элемент вплетен также в Брахманы. Что басня своим развитием обязана индусам, всем известно. Одно из самых древних собраний этого рода, «Панчатантра», относится, вероятно, ко II в., но во всяком случае к периоду не ближе VI в., в котором оно было переведено на персидский язык; дальнейшим развитием этого собрания является еще более распространенная «Хитопадеша». Индийская басня совершила свое триумфальное шествие через весь мир, басни Эзопа, как не менее того и происхождения Рейнеке-Лиса являются лишь слабым откликом индийской поэзии.

Из драматических произведений у индусов имеется до 60 пьес, принадлежащих прежним временам, — почти все это больше комедии с приятной развязкой, чем трагедии с ужасающим исходом. В них нет больше необузданной силы и юношеских порывов героев первых арийских времен — характер народный успел уже сформироваться под руками брахманов: люди в этих произведениях более мягки. В них не столько характера, сколько чувства, но чувство это удивительной нежности и задушевности; в них столько любви к природе, какой мы почти не находим уже больше в современных индусах. Среди драматических поэтов Индии первое место принадлежит Калидасе, стихотворение которого приводится уже в одной надписи, относящейся к 472 г.; «Шакунтала», «Викрамораваши» («Викрама и Урваши»), а также и «Малавикагнимитра» («Малавика и Агнимитра») считаются высшими произведениями индийской драмы. Рядом с Калидасой выделяются: в VII в. царь Шри Харша («Ратнавалли», «Приядаршика») и буддийская драма «Наганан-Да»; на заре VIII в. — Бхатта Бхавабхути (драмы: «Малаватимадхава» («Малати и Мадахава»)).

«Махавирачари-та» и «Утгарарамачарита» («Жизнь и подвиги великого героя» и «Дальнейшая судьба Рамы»); еще, по-видимому, раньше царь Шудрака с его «Мриччхакатика» («Ва-

155

сантадена») и Вишакхадатта (быть может, около 1100 г. с «Мудраракшаса» («Печать министра Ракшаса»). Ка эпический поэт («Рагхуванша» и «Кумарасамбхав») лирик («Мегхадута» — «Посланник облаков») Калидас также выделяется среди других мастеров этого жанра.

Образовательное искусство не менее, чем поэзия, в дет свое происхождение от культа богов; таким образом и оно своим развитием обязано брахманам. Живопись скульптура почти не поднялась над первоначальной ступенью декоративного искусства; только от изображения Будды веет, благодаря грекам, уже чистой красотой Живопись в эпоху ценивших искусство мусульмански¹ царей создала в своих миниатюрах много хорошего, **В** общем же оба искусства служили больше подспорьем¹ архитектуре. Фантастическое сочетание человеческих и животных форм или умножение отдельных частей тела, шаржировка в движениях, полнейший недостаток чувства художественной меры, нагромождение, отсутствие перспективы — вот отличительные черты как того, так и другого искусства.

Выше стоит архитектура. Она становится по преимуществу искусством памятников после того, как железцы (греки) вводят камень как строительный материал. В продолжение более чем тысячелетия это искусство служило почти исключительно, для религиозных построек; дворцы высокого стиля появляются лишь с расцветом мусульманских царств. Индуизм в религии и культе кладет на архитектуру свою печать: община отсутствует, поэтому нет потребности в обширных храмах; святилище представляет тесное помещение для изображения или для символа бога. Но вокруг этого святилища, чтобы вместить всю толпу паломников, стекающих для принесения своих даров и совершения молитвы, группируются длинные галереи, грандиозные колоннады, обширные пруды с террасами для омовений и т. д. Понятно, что такие храмы, которые пользуются особой славой и где в течение года перебивают десятки тысяч паломников, часто достигают колоссальных раз-

156

Древне-индийская живопись и архитектура. «Кайласа» в Эллоре

меров. Своим масштабом и массивностью особенно отличаются дравидские храмы, имеющие у входа башни с богато изукрашенными, ступенчато-пирамидальными крышами. Сооружения царства Чалукья отличаются тонкостью отделки, джайнские же обременены подавляющим богатством украшений. К ранней эпохе буддизма относятся громадные, вырубленные в скалах пещерные храмы в Карли, Аджанте, Эллоре и т. д. Характерными для буддийской архитектуры являются многочисленные сооружения для реликвий (ступы), которые встречаются особенно на Цейлоне в большом количестве. Мусульманская эпоха оставила после

себя

157

великолепные мечети и дворцы (Дели, Агра и т. д.). Подковообразная форма и купол составляют характерные признаки этих сооружений, а в украшениях проявляется влияние соприкосновения с персами и арабское изобилие мотивов.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЭПОХА ИНДИИ (1001—1740 ГГ.)

Религиозная борьба между исламом и индуизмом (1001—1526 гг.)

История перечисляет обычно события мусульманской эпохи Индии по династиям. Но при ближайшем изучении внутреннего содержания этого обширного периода в нем выступают два больших отдела, разделенные 1526-м годом. Первый — это период беспокойного брожения, бурных порывов: индусы и

мусульмане в постоянной тяжелой взаимной борьбе, государства основываются и падают, династии появляются и исчезают. Во втором же, напротив, значительно больше устойчивости: различия между народами все больше и больше сглаживаются, и в продолжение трех с лишним столетий царство управляется без перерыва 17 правителями одной и той же династии, Тимуридами.

В первый период «шесть династий» сменяют одна другую: дом Газневидов (1001—1186: Гуридов (1186—1206гг.), господство Мамлюков (1206—1290 гг.), династия Хальджи (1290—1321 гг.), династия Тоглукидов (1321—1412 гг.), Сеидов (1416—1451) и, наконец, династия Бехлуль Лоди (1451—1525). При первой из этих династий владения мусульман ограничивались Пенджабом; Гуриды расширили царство, заняв всю Северо-Индийскую низменность; Мамлюки дошли до гор Виндхья, а второй из Хальджийских правителей распространил свое владычество на всю Индию почти до южной ее око-

158

нечности. Этим была достигнута первая вершина мусульманского могущества в Индии. Затем начинается распадение: Тоглукиды потеряли Декан и Бенгал, а при последних двух династиях границы государства не раз простирались не дальше нескольких миль по ту сторону стен резиденции Дели.

Эти пять веков были для индусов периодом тяжелых испытаний, жестоких убийств и ожесточенной борьбы. Как ярко сверкнувшая молния возвещает грозу, так и бурям, пронесшимся над несчастной страной, предшествовал предвестник, причем толчок был дан самой Индией. В 949 г. Джайпал, Лагорский царь в Пенджабе, видевший в возрастающем могуществе своего западного соседа, Насир-ад-дин Себуктегина, правителя Газни (Газна; 976—997 гг.), опасность для своей страны, решился для предупреждения ее предпринять военный поход в Афганистан. На первый раз дело окончилось мирными переговорами. Когда же Джайпал, подкрепленный царями Дели, Аджира и Канауджа, повторил 988 г. свое нападение, он был тяжело разбит при Ламгане, и страна оказалась во власти тюрко-афганских орд, наводнивших ее грабежами и убийствами. Себуктегин утвердился на месте слияния Кубула и Инда, и получил таким образом в свои руки ворота в Индию. Ему наследовал его сын Исмаил; но уже в 998 г. он был свергнут с престола братом своим Махмудом Иемин-ад-дауля и заключен в крепость.

Дом Газневидов. Махмуд (998—1030 гг.), по прозвищу Бхут Шикан («сокрушитель идолов»), был самым значительным из правителей династии Газневидов. От своего отца-татарина он унаследовал стойкость и силу вместе с военными доблестями, от матери-персиянки — склонность к высшей культуре. Он был умен, деятелен и предприимчив и в то же время ревностный покровитель искусств и наук; резиденция в царствование его обогатилась множеством великолепных мечетей и дворцов; лучшим украшением его блестящего двора были самые великие ученые того времени (хронолог эл-Бируни (973 —

159

ок. 1050 гг.) и учений, философ и врач Абу Али-л-Ху-сейн, известный под именем Ибн-Сина (Авиценна; ок. 980—1037 гг.), и поэты (Фирдоуси; 1020—1030 гг.). Махмуд основал в Газни университет и богато обставил его; в целях обучения им был создан также естественно-исторический музей. Он делал богатые пожертвования, чтобы предоставить выдающимся в умственном отношении личностям безбедное существование. Несмотря на то, что военные его предприятия держали его большей частью вдали от государства, за время его 33-летнего царствования не произошло никаких неурядиц. Он не отличался дальновидностью политика, предпринимая походы на Индию, он не имел в виду завоевывать эту богатую страну и вести ее по пути прогресса, предприятия его были лишь разбойничьими набегами, дававшими в результате только золото, драгоценности и рабов. Мусульманский мир готов видеть в Махмуде Газни одного из самых великих повелителей всех времен, а его современники и единоверцы считали его военные подвиги высшими деяниями, на какие только способен правитель, но для этих последних, кроме славы победителя, важен был еще ореол религиозного фанатизма, разбивавшего чужих богов и разрушавшего храмы неверных. Они в этом случае слишком преувеличивают заслуги своего кумира: целью набегов Махмуда на индийские храмы было только желание разграбить громадные сокровища, скопившиеся там в течение многих веков.

Первые годы правления нового государя прошли в борьбе с мелкими соседями. Затем взор его обратился к Индии. В 1001 г. Джайпал был побежден вторично и добровольно покончил жизнь на костре; Западный Пенджаб с Лагором пал в руки победителя. За этим первым походом Махмуда последовало еще 16 других бурных набегов, приведших Махмуда в Кашмир (1013г.), Мультан (1006 г.), к Гангу и даже к южной оконечности Гуджератского полуострова; особенно богатую добычу доставило ему разгромление храмов в Нагаркоте, Танесаре (Тханешва-ра; 1014 г.), Сомнате (Паттана Сомнатха; 1016/17 г.) и

160

в Маттре (Матхура; 1018 г.), между тем как границы царства Газни не выходили за пределы Западного Пенджаба. Значительнее было расширение в западном и северном направлении, где Махмуд нашел тем временем еще возможность завоевать, хотя и не без ожесточенной борьбы, страну Гур (Западный Афганистан), Трансоксанию и Персию.

Когда в 1030 г., 63 лет от роду, умер Махмуд, он оставил после себя могущественное царство. Но 14 преемников Махмуда не сумели удержать его: вследствие распрей между претендентами на престол, восстаний, борьбы с врагами на западе и севере (сельджуками) от этого царства отпадал кусок за куском. В 1150 г. царство Газни перешло в руки Гуридов; от всей роскоши великолепных построек и сооружений остались после разгромов только надгробные памятники Махмуда и двух других царей. Оба последние Газневиды:

Муъйзз-ад-дауля-Хусрау-шах (1152—1160 гг.), и Хусрау-мелик (1160—1186 гг.) вели скромное существование в Лагоре, пока наконец и этот последний остаток некогда столь могущественного царства Газни не был уничтожен Гуридами.

Дом Гуридов. Западный Афганистан играл со времени покорения его Махмудом (1010 г.) лишь второстепенную роль; но когда в 1163 г. на престол вступил Гияс-ад-Дин (или Гхаяхт-ад-дин) Мухаммед-ибн-Сам, могущество Гура быстро поднялось на значительную высоту. Новый властитель — явление очень редкое в мусульманских государствах — призвал к совместному правлению брата своего Муъйзз-ад-дин-Гури; только после смерти Гияса (Ю декабря 1203 г.) младший брат сделался полновластным правителем.

В 1186 г. Газневид Хусрау-мелик подвергся нападению, был побежден, посажен сначала в тюрьму, а затем в 1192 г. убит вместе со своими сыновьями. Таким образом династия Газневидов угасла; Западный Пенджаб^c главным городом Лагором перешел в руки Муъйзз-ад-Дина. С этим приобретением границы Гура продвинулись

^b и
стория человечества
161

до самых Раджпутанских государств, а именно до Адж-мира, где царствовал Питхора Рай (Притхвираджа II); против этого царства направил Муъйзз-ад-дин прежде всего свои походы. У Тханешвары, на узком пространстве между пустыней и горами и между реками Сарасвати и Джамной произошла битва, в которой индийские военные касты нанесли афганским наездникам тяжелое поражение (1191 г.). Но уже в следующем году Муъйзз-ад-дин победил Аджмир и союзные с ним индийские государства; Питхора Рай бежал, но был пойман и убит. Вскоре после этого Аджмир был в руках победителя; более жестокий, чем Махмуд Газни, Муъйзз-ад-дин приказал жителей частью перебить, частью увести в рабство.

Затем он двинулся на Дели (вернее, Дихли), который будучи покоренным в 1193 г. его главным полководцем Кутб ад-дином (Котуб, или Кутуб), сделался с тех пор центром мусульманского могущества на Индостане. В 1194 г. Муъйзз-ад-дин, разбив царя Джаячандра, подчинил себе Бенарес и Канаудж и тем расширил свое государство до границы Бихара. Следующие годы он был задержан в Мерви, Хорезме и Герате вместе со своим братом, а после смерти последнего он стал полновластным правителем обширного государства. Тем временем Кутб-ад-дин и подчиненный ему полководец, Хальджийский вождь Мухаммед Ибн-Бахтияр покорил также Бехар (Бихар; 1194 г.) и Верхний Бенгал (1195 г.), Гваоюр (1196 г.), Гуджерат и Ауд: этим династия Гуридов достигла апогея своего могущества. Неудача, которую Муъйзз-ад-дин потерпел в 1204 г. в предприятии против Хорезма^a потрясла всю западную часть государства до Пенджаба. Хотя султану и удалось подавить восстание местных наместников, но сам он пал в 1206 г. на берегах Инда по всей вероятности от кинжала какого-либо измаилита (ас-сассина) или нескольких гхакка (дикое горное племя).

Мамлюки («династия рабов, или татар»). Так как Муъйзз-ад-дин Гури не оставил после себя мужского потомства и не сделал никакого распоряжения относительно престолонаследия, то со смертью его начались для государства тяжелые неурядицы. Хотя из его племянников Гияс-ад-дин II Махмуд был назначен наследником престола, но в действительности наместники в четырех главных провинциях правили почти самостоятельно. В Индии бразды правления взял тотчас (26 июня) в свои твердые руки испытанный вождь и наместник Кутб-ад-дин Айбек (Ibak), тогда как в других провинциях до присоединения их к Хорезму еще в течение девяти лет, до 1215г., бушевала междоусобная война. С провозглашением Кут-ба самостоятельным правителем Индостан^{*}, бывший до того времени лишь провинцией государства Газни и Гура, сделался независимым. Новый правитель был раньше турецким невольником Муъйзз-ад-дина. Подняться из низкого положения постепенно до степени генерала и наместника было вообще типичной карьерой для правителей последующего затем периода; и хотя некоторые из них достигли трона путем естественного престолонаследия, тем не менее весь ряд правителей этой династии получил общее прозвище «династии рабов» (1206—1290 гг.).

Кутб правил еще только четыре года: он умер в Лаго-ре в 1210 г. вследствие несчастья, постигшего его при игре в поло. Один магометанский историк отлично характеризует его правление следующими словами: «Страна была наполнена благомыслящими и очищена от врагов; благодеяния его не прекращались так же, как и кровопролития». О ревности Кутба к вере еще и теперь свидетельствует великолепная мечеть и гордый минарет в Старом Дели, называющийся и до сих пор его именем (Кутуб-минар). Его слабосильный приемный сын Арам-шах был разбит уже в год восшествия на престол (1210 г.) восставшим Шемс-ад-дин-Алтамшем (или Алтмыш, Ил-тамыш, точнее Ильтутмыш) и, по всей вероятности, убит. Этот последний также был турецким рабом; ему удалось попасть в милость к Кутбу, который отдал ему в жены

* **Индостан** (Хиндустан) — бассейн рек Ганга и Джамны; в более широком смысле — вообще мусульманская Индия.

162

163

свою дочь Малика Джехан и назначил его наместником; Будауна. Алтамшу не удалось вначале подчинить себе! всю страну: в Синдхе, Мультаме, Бхакоре и Сивистане] объявил себя независимым другой зять Кутба; точно так-1 же отпал и Пенджаб, а на Бихар и Бенгал изъявил притя-? зания в 1219 г. наместник Хасан-ад-дин из рода Хальджи. Прежде чем Алтамш успел двинуться против него, над] Западным Индостаном пронеслась гроза в лице Чингисха-| на. Этот последний покорил царство Хорезм; изгнанный] правитель Джелал-ад-дин Манкбурни (Мингбурни) бро-3 сился искать защиты в Пенджабе; Чингисхан преследовал⁵

его, следствием чего явилось разорение провинций Мултана, Лагора, Пешавера и Маликпура (1221/22 г.). Алтамш, к которому изгнанный правитель Хорезма обратился за помощью, побоялся раздражить еще больше монгольские полчища и спокойно остался в Дели: таким образом, гроза так же быстро пронеслась, как и налете-] ла. После этого Алтамш подчинил себе в 1225 г. Бенгал и Бихар; в 1228 г. он распространил свою власть на Пенджаб и Синдх, а после продолжительной борьбы, длившейся от 1226 до 1232 г. он покорил также и царство Мальву на юге, разрушив при этом храмы Бхилса, Уджа-ина и Гвалиора. С теми индусскими царствами, которые не выказали ему прямой враждебности, он обошелся ко, поставив их лишь в условную зависимость от своей государства. Это государство в год смерти Алтамша (21 апреля 1236 г.) простиралось от Инда до Брахмапутры от Гималайских гор до гор Виндхья. Правление Алтам* ша отличалось порядком; при дворе его господствовала оживленная умственная деятельность, а развалины Питхоры (Старый Дели) свидетельствуют не только богатстве, но и о тонком художественном вкусе талант-ливого правителя.

Со смертью Алтамша для государства наступило тревожное время: в ближайшие 11 лет на престоле в Дели сменилось пять преемников Алтамша. Всем правителям Мамлюкской династии грозила с трех сторон постоянная опасность: со стороны индусов, подчинявшихся чужезем-

164
ному игу с тем большей враждебностью, чем беспощаднее притесняли их в своем религиозном рвении мусульмане; со стороны полководцев и наместников, для которых первые Мамлюки, поднявшиеся на ступень правителей, были слишком заманчивым примером; со стороны монголов, разрушительные набеги которых после первого натиска Чингисхана стали повторяться быстро один за другим. Ближайшим преемником Алтамша был его второй беспутный сын Фирз-шах Рукн-ад-дин, правлению которого положила быстрый -конец дворцовая революция спустя семь месяцев после восшествия его на престол (1236 г.). Его место заняла сестра его Радия (или Реция, Расия) Бегум (1236—1239 гг.), женщина, обладавшая всеми талантами правителя, — единственная магометанка на индос-танском престоле. С ясным мужским умом, сильная и справедливая, отличавшаяся смелостью и храбростью, она бодро несла тяжелые обязанности своего положения и не боялась сама появляться в битвах, на своем боевом слоне, переодетая в мужское платье. Но, как говорит историк Мухаммед Касим Хинду-шах Фириштах (ок. 1600 г.), ее единственным недостатком было то, что она была женщина: ее любовь к одному абессинскому невольнику подорвала доверие к ней народа и вызвала ряд возмущений, повлекших за собой ее падение. Внутренние неурядицы и постоянные набеги монгольских орд во время непродолжительного правления двух последующих преемников Радии: Бсхрам-шаха (21 апреля 1240 г.) и Масуда (1241— 1246 гг.), мало способствовали успокоению страны. Только при шестом сыне Алтамша, серьезном и отличавшемся строгой нравственностью Наср-ад-дине Махмуд-шахе (1246—4266 гг.), передавшем почти все дела правления своему зятю и тестю, великому визирю Гияс-ад-дине Бал-бану, она могла перестать опасаться внешних врагов. Монголы были отброшены в 1247 г.; так как они тем временем сломили силу Багдадского царства Аббасидов, то Хулагу ограничил свое могущество Персией и через миссию, посланную ко двору в Дели, выразил свои миролюбивые отныне намерения. Характерно для духа того вре-

165
мени и для личности всемогущего великого визиря, что при въезде названной миссии ворота Дели были украшены трупами убитых мятежников-индусов. В этих последних недостатка не было. Едва подавлялось ценой крови восстание в одном месте, как уже новые смуты сменяли его в другом. Одних за другими пришлось железной рукой осилить восставших индусов Дуаба, Бандельканда, Мевара, Мальвы, Уча, Каррака, Маникпура.

18 февраля умер Махмуд; его преемником стал великий визирь Гияс-ад-дин Балбан, бывший уже и до того фактическим правителем; он также начал свое поприще туркменским рабом. Он подверг строгому наказанию мятежные шайки на северо-востоке и индусов Мевата, Бихара и Бенгала; при покорении раджпутов в Меваре, он велел перебить, как говорят, до 100 000 мужчин. Из внешних событий нужно упомянуть набег на Пенджаб монголов (1285 г.), отброшенных в двух битвах сыном султана, Мухаммед-ханом, причем пал и сам победитель. Балбан прежде всего был фанатиком; если тем не менее Дели при нем прославился как питомник наук и искусств, то этим он обязан не столько своему властителю, сколько тревожному времени, заставлявшему умы искать там для себя безопасное убежище. Там же нашли приют и многие сверженные правители и высокие сановники, и еще долгое время спустя улицы и площади носили названия тех стран, из которых были изгнаны эти беглецы. Балбан умер в 1287 г. 80 лет от роду. Престол занял внук его, 18-летний Муызз-ад-дин Кай-Кубад, наследовавший от своего деда суровость и жестокость, но не строгость его по отношению к самому себе. Развратная жизнь сделала из него скоро безвольное орудие в руках его великого визиря Низам-ад-дина. В 1290 г. он, чтобы освободить себя от него, прибег к яду, но сам был вскоре убит в своем дворце новым визирем Джелал-ад-дином.

Дом Хальдмси (вторая татарская династия). Уже при Балбане в Мамлюкском периоде произошел ряд перемен: в противоположность своим предшественникам, Балбан

166
принципиально перестал замещать важные государственные должности временщиками из рабов, а выдвигал прежде всего членов старинных сановитых семей афганского или тюрко-татарского происхождения. Одним

из самых значительных родов уже издревле считался Кхильджи (Хальджи); в X в. они отчасти жили в бассейне Амударьи, отчасти проникли в Афганистан, где говорили еще на тюркском наречии, но приняли вскоре магометанскую веру, а затем постепенно также и персидскую культуру.

Глава этого рода, Джелал-ад-дин Хальджи, имел уже 70 лет от роду, когда в 1290 г. дворцовая революция сделала его правителем Дели; на троне он носил имя Фируз-шаха II (Фирус). Чтобы не иметь опасного врага в лице своего сына, Кай-Кубада Гайомартха, он велел умертвить его; но в общем это был человек мягкий, приветливый со всеми, незлобивый до слабохарактерности даже по отношению к врагу, покровитель ученых и жрецов. Вскоре ему пришлось иметь дело с моголами (монголы); в то время, как он с успехом лично выступил против них в Пенджабе (1292 г.), племянник его Ала-ад-дин Мухаммед, назначенный им наместником Дуаба между Джамной и Гангом, подавил восстание в Бандельканде и Мальве (1293 г.). Затем в 1294 г. Ала-ад-дин по собственному решению отважно прошел через непроходимые горы и леса хребта Виндхья на 700 миль далее к югу. По дороге он разграбил храм в Сомнате. Самую хорошую добычу он нашел в хорошо охраняемой крепости Девагири (Даула-дабаде), которую ему удалось взять хитростью; прежде чем южные раджи успели собрать свои войска, он вернулся другим путем в свою провинцию. Под предлогом выпросить прощения у дяди за свой самовольный поход, он заманил престарелого Фируз-шаха в свою провинцию, где коварным образом велел его умертвить (19 июля 1295 г.).

Этот поступок уже достаточно характеризует Ала-ад-дин Мухаммед-шаха I, завладевшего в 1296 г. тронem, после того как он удалил Ибрагим-шаха I, своего двоюродного брата, законного наследника престола.

Жестокий, фальшивый и коварный, не знавший угрызений сове-

167

сти, ни перед чем не останавливавшийся для достижения своих целей, он представлял полную противоположность своему мягкосердечному дяде. Подданные боялись его, хотя он и старался великолепием, щедростью и внутренним устройством своего царства заслужить расположение народа. Заговоры и возмущения родственников, визирей и индусов почти не прекращались в продолжение его 20-летнего правления, несмотря на то, что он подавлял их с беспощадной жестокостью. Страна пережила также три набега моголов; первый был энергично отражен в 1297 г., следующие два (1298 и 1303 гг.) велись более вяло; долгое время после них набеги не повторялись. Только в 1310 г. Мухаммед-шаху удалось осуществить зародившееся в нем еще со времени Девагирского набега желание расширить свое могущество на юге. История Декана в первые мусульманские века Северной Индии наполнена борьбой между раджуитами и дравидами и основанием и перемещением арийско-дравидских государств в Среднем Декане: царства южных махраттхов, восточных чалукья в Калинге, западных чалукья в северном Конкане, с XIII в. гаупатов и беллалов, и далее на юг — Майсура и древних государств Пандья, Чола и Чера.

Мухаммед-шах I предоставил дело покорения Декана своему временщику Малик Кажуру, прежнему индусскому рабу, перешедшему в магометанство и достигшему высоких государственных степеней. Он быстро совершил свое победоносное шествие через страну махраттхов; столица беллалов, Дварасамудра, была им взята в 1311 г. и отдана на разграбление, царства Чола и Пандья были покорены, и по истечении двух лет вся Индия до мыса Коморин была подвластна правителю Дели. Покоренные раджи были сделаны вассалами и обложены данью; и только в случае возмущения с их стороны или отказа вносить дань (Девагири) они силой удалялись, а страна их приобщалась к остальному государству.

При всех этих блестящих успехах, однако, непопулярность султана и его временщика была причиной все новых восстаний. Ала-ад-дин" Мухаммед-шах, предавав-

168

шийся неумеренному потреблению вина, заболел водянкой и умер 19 декабря 1316 г., отравленный, быть может, Кафуром. Однако и этот последний был убит в том же году, и после кратковременного правления старшего сына Ала-ад-дина Шихаб-ад-дина (Омар-шаха) на престол вступил 21 марта 1317 г. его третий сын, Мубарек-шах, поспешивший закрепить его за собой ослеплением своих братьев. Некоторые разумные меры вызвали на первых порах надежду на хорошее правление; но вскоре молодой распутный султан предоставил все государственные дела одному индусскому ренегату из презираемой касты парвари, Насир-ад-дин Хусрау-хану. Уже 24 марта 1321 г. султан со всеми членами своей семьи был убит своим эмиром, завладевшим тронem под именем Хусрау-шаха. Если уже раньше он был ненавистен как великий визирь, то озлобление против него достигло крайних пределов после того, как он бесстыдно оскорбил религиозное чувство не только индусов, но и магометан, раздарив женщин из гарема убитого султана своим любимцам и велел перенести в мечети изображения индусских богов и т. п. Во главе движения из-за недостатка настоящих наследников престола стал мусульманский губернатор Пенджаба, Гияс ад-дин (Гхяхтх) Тоглук; при Дели он разбил и затем умертвил ненавистного узурпатора, правившего не более четырех месяцев. Только в течение одного поколения продолжалось господство династии Хальджи, и из этих 30 лет две трети приходятся на одно правление Мухаммед-шаха I; но велика была перемена, происшедшая в государстве силой его могущества. Непримиримые враги страны, моголы, были отброшены надолго и удалились вглубь Азии после того, как приняли мусульманство; многие из оставшихся также перешли в ислам и стали наемниками, но в 1311 г., как участники заговора, были все истреблены. В области религии Хальджи проявляли терпимость, и если индусы не прекращали своих возмущений, то к этому принуждала их большая национальная ненависть, чем религиозные притеснения. Постепенно различия в наро-

169

де до известной степени сгладились. Мусульмане переняли некоторые нравы индусов, а последние также не сторонились господствующей расы, что доказывает пример индусских временщиков, приобретавших часто большое влияние на историю Индии того времени. Этому сближению обязан также своим происхождением обиходный язык страны, индустани, или урду (язык военного лагеря), в котором разнородность словаря (дуабский праkrit, персидский, тюрко-татарский и т. д.) отражает в себе тогдашнее смешение народов в Индии.

Что касается внешней стороны правления Мухаммед-шаха I, то государство при нем достигло апогея своего расширения: приказы из Дели диктовались до крайней южной оконечности Индии; только отдельные раджпут-ские раджи с успехом продолжали защищать свою независимость. Но недолго могло продержаться то, что было взято бурным натиском: распадение началось уже при Мухаммеде и пошло гигантскими шагами вперед при следующих династиях.

Дом Тоглукидов (третья татарская династия). Гияс-ад-дин Тоглук I, сын одного туркменского раба султана Бал-бан и матери-индуски, поднявшийся благодаря своим личным качествам до положения наместника Пенджаба, остался верен себе и как султан во все продолжение своего кратковременного правления (1321—1325 гг.). Он одинаково заботился как о благосостоянии страны, так и о защите западной границы, возвращении отпавших провинций (Варангель) и об успокоении мятежников (Хара-синха в Тирзате). По возвращении из Тирхата он погиб вместе со своим старшим сыном под развалинами обрушившегося только что отстроенного в честь праздника павильона, — быть может, дело рук второго сына его Факхар-ад-дин Джаунах-хана, наследовавшего трон под именем Мухаммеда II, (ибн) Тоглука (1325—1351 гг.). Стране суждено было испытать по его вине огромное несчастье. Богато одаренный от природы, он получил прекрасное воспитание, был высоко образован и красно-

170
речив, как немногие; сам прекрасный писатель, он покровительствовал ученым; при всем том это был строгий ревнитель своей веры; он был щедр до расточительности и основал множество больниц, убежищ для бедных и других благотворительных учреждений. Но все эти блестящие стороны его личности затемнялись химерами цезаря, руководившими всеми его политическими предприятиями и граничившими с помешательством. Против монголов он повел несметное войско, чтобы, не сделав ни одного удара саблей, заставить их отступить ценой уплаты громадной суммы (1327 г.); в другой раз он повел 100 000 человек, которые должны были направиться против Китая через совершенно непроходимые для такого огромного войска горные проходы Тибета, и все они почти до последнего человека погибли в снегах и ледниках Гималаев (1337 г.). Третье войско было послано в Персию. Но прежде, чем оно начало свои действия, это войско было снова распущено; солдаты рассеялись, опустошая грабежами собственную страну. В 1339 г. все жители Дели должны были внезапно переселиться в Девагири, получившее отныне название Дауладабада; дважды им было разрешено возвратиться, и дважды отдавался приказ к выселению, как раз в пору ужасного голода, унесшего многие тысячи жертв. Насильственное введение медных денег (вместо серебра) привело страну к финансовому разорению. Для забавы властелина устраивались в целых округах облавы на собственных подданных, которых тут же убивали, как дичь. Налоги были повышены до невероятных размеров и собирались с такой же жестокостью, что поселяне массами бежали в леса, где сплывались в разбойничьи шайки. Ничего нет удивительного, что при таком правлении повсюду разгорался пожар мятежа и что провинции пытались вернуть себе самостоятельность. Государство, охватывавшее до вступления на престол Мухаммед Тоглука почти всю Индию, не насчитывало уже в своих пределах в год его смерти, последовавшей в лихорадочных болотах Синдха, Бенгала (с 1338 г.), Коромандельского берега, Девагири, Гудже-

171
рата, Синдха и всех южных провинций (с 1347 г.); из 23 провинций оставалась едва половина. Мухаммед Тог-лук «оставил по себе славу одного из самых образованных правителей, но зато и одного из самых свирепых тиранов, служивших когда-либо к украшению или к унижению человечества»*. (*Mountstuart Elphinstone.)

Все эти тяжкие беды, обрушившиеся на государство по вине умалишенного правителя, не могло загладить даже направленное на благоустройство страны царствование родившегося в 1300 г. преемника его Фируз-шаха III (1351—1388). Его попытки вернуть государству отпавшие провинции окончились лишь внешним признанием его господства. Но во внутреннем управлении он создал много хорошего. Разумными и справедливыми налогами, правосудием, регулированием военных издержек, для которых он назначил доходы с определенных областей (джайгиры), поощрением полезных общественных сооружений искусственного орошения, водоемов, плотин и каналов (например, большого канала Джамны, отчасти восстановленного лишь в последнее время англичанами), основанием школ, больниц, караван-сараев и т. п. он много способствовал возрождению страны.

После смерти Фируза на троне быстро сменилось пять последних Тоглукидов. С 1388 по 1394 г. не прекращались междоусобные войны, пока, наконец, столь могущественное некогда государство не свелось до нескольких округов в непосредственном соседстве Дели. К этому присоединился еще набег моголов, который на этот раз превзошел по своим размерам и ужасам все когда-либо бывшие до этого. Это не были уже необузданные орды Чингисхана, это были хорошо обученные полчища под предводительством Тимура. В то время как последний Тоглукид, Махмуд-шах II, нашел безопасное убежище в Гуджерате, престарелый

победитель проник в Дели, который раскрыл перед ним ворота, заручившись с его стороны обещанием безопасности (18 декабря 1398 г.). Но вследствие «недоразумения», как это часто случалось при набегах Тимура, население было подверг-

172

нуто ужасной кровавой бойне. Победитель, нагруженный богатой добычей, возвратился в 1399 г. в Самарканд, а на сцену снова выступил Махмуд Тоглук. Вместе с его мало достойной жизнью угасла в низведенном почти к нулю государстве и династия Тоглукидов (февраль 1412 г.).

Сеиды. После кратковременного правления афганца Даулет-хана Лоди (1413—1414), Хызр-хан, бывший губернатором, а затем и независимым эмиром Мултана, завладел всем, что еще оставалось от Индостана. Так как вскоре отстала от него и собственная его провинция, то он (умер 20 мая 1421 г.), а затем и три его преемника: Мубарек-шах II (до 28 января 1435 г.), Мухаммед-шах IV (до 1445 г.) и Алим-шах, несмотря на все попытки вернуть снова Пенджаб, остались почти при одном только городе Дели. Эти шииты-князья индусского, как полагают, происхождения и составляют династию Сеидов (1414—1451 гг.). При Алим-шахе граница страны проходила в одном месте в одной только английской мили расстояния от резиденции и нигде она не отдалялась далее двенадцати миль.

Дом Лоди. В 1451 г. городом Дели завладел Бехлул Лоди, правивший из Лагора всем Пенджабом. Ему (умер в 1488 г.) и его сыну Низам Искандеру II (или Сикендер) (умер в 1517 г.) удалось продвинуть границы государства на западе за Лагор, на востоке за Бенарес и Бандель-канд. Но внук Бехлула Ибрагим II (1517—1526) своей гордостью и своим тиранством снова вызвал серьезные восстания. Восток совершенно отпал; в Пенджабе против него поднялся его наместник, призвавший на помощь своего могущественного соседа Бабура из Кабула. Этот толчок нанес окончательный удар и без того непрочному правлению лодинских князей. С этого момента начинается для Индостана новая эра блестящего расцвета.

Политические перемены в Южной Индии с 1347 г. Мухаммед Ибн-Тоглуку пришлось дожить до горестного момента, когда любимая его южная провинция с главным городом Дауладабадом отпала от него и сделалась неза-

173

висимой.. Вице-король Хасан Гангу, афганец-шиит, объявил в 1347 г. независимость подвластной земли, перенес резиденцию в лежащую к западу от Гайдерабада Кульбар-гу и сделался основателем династии Бахменидов. Граница его владычества простиралась от Берара до Кистны и от Бенгальского до Аравийского моря; правнук его Ала-ад-дин Ахмед-шах II (1435—1457 гг.) присоединил еще Коканд, Кхандеш и Гуджерат. Самой большой власти эта династия достигла в начале царствования Махмуд-шаха II (1482—1518 гг.), господствовавшего над всем Деканом к северу от Майсура. Но за этой высотой последовало вскоре внезапное падение: вследствие опять-таки восстания наместников весь север, в течение периода от 1484 до 1512 г., распался на пять небольших мусульманских царств, тогда как на юге царство Виджаянагар быстро достигло высокой степени расцвета.

Среди восставших наместников первым объявил себя независимым Фатх Аллах Имад (Ихмад-шах) из Берара, обращенный индус из Виджаянагара; государство, основанное им в 1484 г. с главным городом Элличпуром, просуществовало до 1568 г., когда оно было присоединено Акбаром. Вскоре за первым последовали наместники Адиль-шах в Биджапуре (царство существовало с 1489 до 1686) и Низам-шах в Ахмеднагаре (1490—1595 гг.). Два года спустя объявил себя независимым наместник Берид-Шах в Бидаре (Бедар); эта династия просуществовала до 1609 г.; наконец, в 1512 г. отпала Голконда (Гайдерабад) с Кутб-шахом во главе; династия просуществовала до 1687 г. Все эти небольшие мусульманские царства, не достигнув никакого первенства над другими, после известного расцвета снова сливались с тем же государством Дели, от которого они происходили.

Больше всего выиграло от соперничества мусульманских царств в Декане одно южное индусское царство Виджаянагар. Основанное в 1326 г. двумя беглецами из племени курумба (пастухи), оно долгое время не могло достигнуть большого значения наряду с могуществом соседних мусульман на севере. В 1479 г. угасла первая

174

династия Виджаянагара; вторая династия, основавшаяся около 1450 г. как побочная линия в Нарасинха, быстро достигла блестящего положения. После Чолы, которая уже задолго перед этим потеряла свое прежнее значение, была сломлена и сила Пандийского царства. Таким образом к концу XV в. Виджаянагар представлял бесспорно первенствующее царство на южном полуострове: незначительные князья от Каттака до Траванкора стояли в зависимости от него; в начале XVI в. ему принадлежал весь восточный берег. Значение великого индусского государства и его умевших ценить искусство правителей еще и теперь отражается в великолепных развалинах, погребенных в джунглях Беллари. До середины XVI в. Виджаянагару не приходилось опасаться мусульманских царств на севере, соперничество которых друг с другом держало их в известном равновесии; но когда около указанного времени соединенные силы их направились против индусского государства, оно не могло не рушиться.

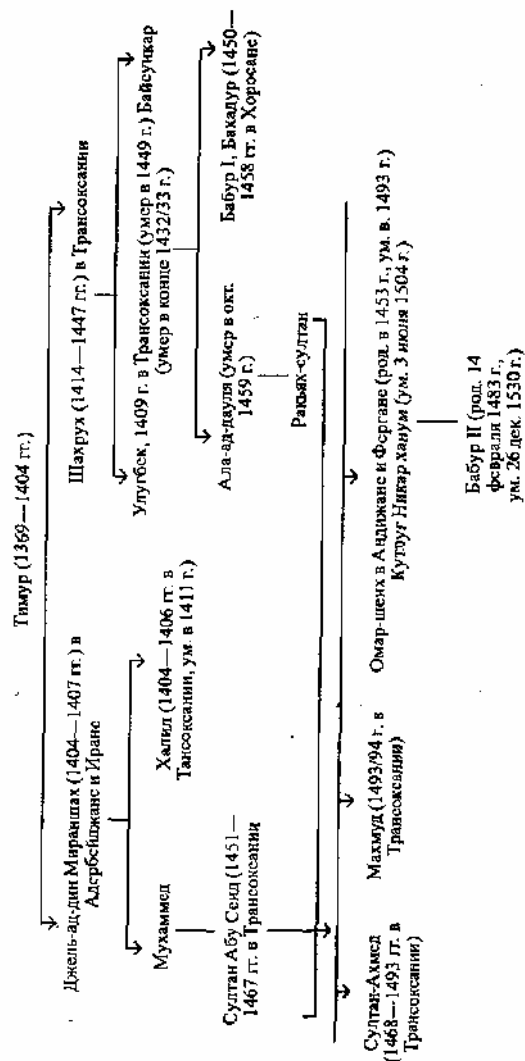
Могольское царство Тимуров до Аламгира II (1526—1759 гг.)

Бабу р. Ряд могольских правителей открывает собой одна из самых блестящих и в то же время привлекательных личностей во всей истории Азии — султан Бабура (Захир-ад-дин Мухаммед Бабура, или Бабар II, — «лев». Как сын Омара, незначительного князя в чудной гористой стране Фергане (в северной

части бассейна Оксуса), происходившего в четвертом поколении непосредственно от Тимура, и матери-монголки, он уже рано после смерти своего отца (1493 г.) был брошен в пучину самых тяжелых невзгод. В 1494 г. он взял в свои руки бразды правления, и всего того, что ему пришлось пережить в следующее десятилетие: борьбы и опасностей, мужественных дел и самых тяжелых поражений, блестящих приобретений и жестоких потерь, то на троне великого царства, то почти забытым беглецом в недоступных ущельях своих родных гор, — было бы достаточно, чтобы

175

**Генеалогическое древо Тимура
(Ферд. Юсти. Иранская именная книга, Марбург, 1895 г.)**

176

самую долгую жизнь сделать такой содержательной, какая могла только когда-либо выпасть на долю человека. В конце 1504 г. он был вынужден отступить перед превосходящими силами узбеков и бежать в Афганистан, отказавшись от страны по ту сторону Хиндукуша. Но уже спустя два месяца (1505 г.) он взял Кабул, который отныне остался в его владении; однако и здесь не прекратились для него напряженные труды и удивительные превратности судьбы. При всем этом нас в нем больше всего трогает его человеческая сторона: неподдельные глубокие чувства, любовь к матери и родным, мягкость по отношению к побежденным. То, что он чувствовал глубоко и тепло, он изливал в прекрасных тюркских и персидских стихах, а его написанные на восточно-тюркском наречии (джагатай) «достопримечательности», рисующие нам как в зеркале этого редкого человека, представляют несомненно одно из самых выдающихся сочинений этого рода литературы.

Неудачи, которые Бабур потерпел в Трансоксании и Бактрии, заставили его обратить свои взоры на Индию; предложения для него явились его права на Пенджаб как на наследие Тимура, а призыв Даулет-хана Лоди, восставшего лагорского наместника, дал в 1524 г. толчок к походу на соседнее государство. Сопrotивление Пенджаба было без труда сломлено, Бабур, превосходивший своих противников особенно артиллерией, двинулся через Сэтледж в конце 1525 г. Вблизи Панипата, между Сэтледжем и Джамной, в 10 милях к северу от Дели, 25-тысячное войско Бабура было встречено 21 апреля 1526 г. Ибрагимом Лоди со 100 000 солдат и 1000 боевых слонов; несмотря на превосходство своих сил Ибрагим поплатился тронem и жизнью. Дели (24 апреля) и Агра (с 1503/4 г. резиденция индоостанских афганцев), попали в руки победителя, который разделил богатые сокровища казны между своими воинами, а знаменитый алмаз Кохинур («гора

света)), прежняя добыча Хальджи Мухаммед-шаха, достался сыну Бабура Хумаюна; с 1850г. этот алмаз украшает сокровищницу английской

177

короны. Победа при Панипате отдала в руки Бабура всю Северную Индию к северо-востоку от Дели и сверх того еще узкую полосу вдоль Джамны до Агры. Конец 1526 г. застаёт его уже властителем всей области к югу от Джамны до Гвалиора. Здесь его встретили индусы. Князя Рад-жпутаны с Рана Санка во главе, правитель Читора, Мева-ра и Аджира явились с огромным войском в семи милях к западу от Агры. При Фаттепуре Сикри или Канве произошло 16 марта 1527 г. сражение, в котором раджпуты были разбиты наголову; Мевар достался победителю, который приступил тотчас же к реорганизации внутреннего строя вновь приобретенной области. В следующем году Бабуру пришлось снова испытать отчаянную храбрость раджпутов, когда он, преследуя одного из их раджей, спасшегося во время Сикринской битвы, осадил его крепость Чандери. Когда же на второй день войска Бабу-ра взяли штурмом вал, осажденные сожгли, по древнему обычаю кшатриев, своих жен и детей и нагие с мечами наголо бросились на врага; стража раджи убивала друг друга, причем каждый старался получить удар первым. В 1529 г. был вытеснен из Ауда Махмуд Лоди, брат Ибрагима; на правом берегу Ганга был взят Южный Бихар, а раджа Бенгала Насир-ад-дин Насрет-шах был вынужден сложить оружие.

В какие-нибудь три года Бабур совершил свой блестящий победоносный поход через всю Северо-Индийскую низменность до Бенгалии. Но здоровье его не выдержало беспримерных трудностей его полной треволнений жизни. 26 декабря 1530 г. не достигши 50 лет, умер Бабур — лев: последними словами его было: «Не убивайте братьев своих, заботьтесь о них с любовью».

Хуманш и Суриды. Сын и преемник Бабура, Насир-ад-дин Мухаммед Хумаюн, родившийся в 1507 г., наследовал от отца своего храбрость, но не имел его сильной воли, его постоянства, его твердых принципов, его высокого честолюбия, сердечности и неизменной верности. Бабур назначил Хумаюна властелином всего государства,

178

а второго своего сына Камрана — наместником Кабула и Кандагара. Хумаюн думал скрепить еще большие узы между собой и братом, предоставив ему также и управление Пенджабом. Но отказавшись от своей родовой страны, он отстранил от себя также и испытанных, закаленных афганцев и этим значительно ослабил свое военное положение в Индии как раз в такое время, когда со смертью могучей личности — Бабура, выростали для него со всех сторон враги. Прежде всего понадобилось подавить восстание полководцев последних афганских властителей, затем нужно было наказать Бахадур-шаха, раджу Гуджерата, за его происки. Царь сам прогнал Бахадур-шаха; но едва он, вынужденный беспорядками в Бенгалии, возвратился в свою резиденцию, как оставленные им в Гуджерате войска были оттуда вытеснены, и ему пришлось отказаться даже от Мальвы.

Тем временем на крайнем востоке, в Бенгалии, надвигалась гроза против владычества моголов. Ферид-хан, мусульманин с выдающимися способностями и, как полагают, по происхождению член афганского царственного дома Сури, стал во главе всех врагов моголов и быстро овладел Бихаром. Между тем как Хумаюн целыми месяцами осаждал сильную крепость Чунар близ Бенареса, его умный противник, принявший тем временем титул Шир-шаха («лев»), завоевал Бенгал. Затем в двух битвах, при Хонса (1539 г.) и при Канаудже (1540 г.), он окончательно разбил Тимурида, так что тот должен был бросить свое государство и бежать в Лагор к своему брату Камрану. Но и здесь он не нашел безопасности: когда Камран, подавленный совершенно неожиданными успехами Шир-шаха, заключил с ним мир ценой уступки Пенджаба, для изгнанника-царя началась жизнь, полная разочарований и ужасных лишений в Раджпутане, где он вынужден был переходить с места на место; в пустыне Тхар при самых ужасных обстоятельствах родился у него сын Акбар (14 октября 1542 г.). В 1543 г. он отправился в Кандагар. Шир-шах, сделавшийся после решительной победы над Хумаюном властелином всей области Ганга,

179

обратил теперь свои силы на улучшение внутренних уделов вий страны, стараясь поощрять земледелие, создать пор* док и спокойствие, развить торговлю сооружением обширной сети дорог, поднять на большую высоту государствен ный строй, налоги и правосудие. Но деятельность его была неожиданно прервана: 22 мая 1545 г. его постигла смерть при осаде одной неприятельской крепости.

Преемник его Селим-шах (или Ислам-шах) старался продолжать правление в духе отца, однако в продолжение своего кратковременного царствования ему при шлось посвятить много времени подавлению мятежей. При следующих бездарных и порочных преемниках: Фе-руз (1553 г.), Мухаммед (1553 г.), Ибрагим (1554 г.) и Сикандер (1555 г.), государство быстро пришло в упа док. Повсеместные восстания подготовили путь к возвращению Хумаюна. Он разбил при Сирхинде две армии и летом 1555 г., снова царем, совершил свой въезд в Дели, но уже через полгода он умер от последствий падения с лошади (в январе 1556 г.).

Акбар. От своего отца молодой Абу-л-фатх-Джелал-ад-дин Акбар, вступивший на индостанский престол 23 февраля 1556 г., получил в наследство испытанного туркмена Берам-хана, благодаря храбрости которого армия Лодхи, продвинувшаяся тем временем снова за пределы Дели и Агры, была под предводительством Хему (Химу) вторично разбита при Нанипати 5 ноября 1556 г. Все государственные дела Акбар также предоставил ненавистному Бераму, гордившемуся своим титулом Хан-Бабу (царский отец). Но во время одной охоты Акбар внезапно возвратился в резиденцию и объявил, что отныне он сам будет править всеми

государственными делами (1560г.). Пораженный Берам пытался было восстать, но не встретив ни в ком поддержки, он должен был подчиниться молодому государю, который принял его снова со всеми подобающими почестями. Однако в том же году Берам, собравшийся на богомолье в Мекку, был убит одним из своих врагов.

180

Таким образом Акбар снова остался один перед трудной задачей собрать в одно единое могущественное государство Индию, распавшуюся в многовековой борьбе из сотни мелких владений. Все завоеватели, предшествовавшие ему, принадлежали другой стране, из которой они черпали свою силу и в которой имели опору, а 18-летний Акбар был предоставлен самому себе. Личность Бабура воскресла в его внуке: от деда Акбар наследовал свою даровитость, железную волю, благородное сердце, тепло бившееся для всего человеческого. Сын скитальца-царя, родившийся в пустыне и выросший наполовину в заключении, он уже ребенком познакомился с тяжелой стороной жизни. Судьба одарила его прекрасным телосложением, которое он развил до совершенства. Он занимался всегда телесными упражнениями, страстно предавался охоте, особенно же любил укрощать диких лошадей и слонов и меряться силами с опасным тигром. Однажды, для того чтобы помешать радже Джотпура осуществить его намерение заставить вдову его умершего сына отдать свою жизнь на костре, Акбар проскакал 220 миль в два дня. В борьбе он выказывал необыкновенное мужество. В опасных походах он сам предводительствовал войском; более легкое окончание войны он предоставлял своим генералам.

Враг какой бы то ни было жестокости, он обходился с побежденными по-человечески, раз победа была одержана. Свободный от всяких предрассудков, разделяющих людей и делающих их врагами друг другу, свободный от ненависти к иноверцам и предубежденности по отношению к чуждым его племени индусам и дравидам, он был призван сплотить разрозненные народы своего государства в одно сильное счастливое целое.

Он серьезно посвятил себя делу умиротворения страны. Умеренный в наслаждениях, отдавая очень немного времени сну и придерживаясь самого строгого распределения времени, он находил еще достаточно досуга, чтобы по окончании своих занятий делами государства отдаваться наукам и искусству. Он любил общество

выдаю-

181

щихся людей и ученых, украшавших его город, и кажд[ый] четверг вечером вокруг него собирался кружок людей умных бесед и философских рассуждений. Ближайшим: его друзьями были два высокоодаренные брата, Шех Ф изи (Фэзи) и Абу-л-Фазль, сыновья одного свободомыслящего ученого. Старший из них был прекрасным знатком индусской литературы; Акбар получил от него перевес и руководить переводом главных сочинений этой литературы с санскритского языка на персидский;] Фазль же, с которым Акбар был особенно дружен, был полководцем, государственным деятелем и организатором; ему главным образом

обязано государство Акбара своим твердым внутренним строем. В Индии давно уже перестали считаться с какими бы то ни было авторитетами, а в эпоху моголов тяжелые годы изгнания Хумаюна также мало способствовали водворению строгих порядков. И при Акбаре дело также не обходилось без того, чтобы какой-нибудь полководец, после усмирения одной из восставших провинций, не сделал попытки удержать подлежавший к отправке в Дели налог и оставить за собой саму область; так случилось в Ауде, Мальве, Бенгале и т. д. С иными Акбар расправлялся со всей строгостью; других же, напротив, он приковывал к себе мягкостью. Родной брат Акбара Мухаммед Хаким, вздумавший занять в 1566 г. Пенджаб, был им подвергнут изгнанию. Раджпутских же князей Акбар привлек на свою сторону ласковым обращением. Сам он был женат на двух принцессах из Амбера и Марвары; его старший сын Селим Джехангир также был женат на одной амберской принцессе. Князь этих мелких государств, с которыми могущественный властелин обращался как с равными, забывали свою гордость перед чуждым им по происхождению и религии повелителем и почитали за честь занимать в армии Акбара высокие места. Лишь один из них остался в стороне, — раджа Читора. В 1567 г. Акбар осадил его резиденцию; храбрый начальник гарнизона был застрелен самим царем на валах крепости; гарнизон крепости по древнему обычаю раджпутов убит

182

сначала жен и детей, а затем и самих себя — тем не менее бежавший раджа не сдался. Впоследствии, еще при жизни Акбара, сыну этого раджи удалось основать в Удипу-ре новое государство, правители которого еще до сих пор гордятся тем, что их род не запятнан родством с царями Дели.

Еще большее сопротивление, чем со стороны раджпутов, Акбар встретил со стороны остатков последней мусульманской династии. В 1559 г. такие «афганцы» были изгнаны из Ауда и Мальвы. В Гуджерате оспаривали свои права друг у друга различные претенденты на трон. Призванный одним из таких претендентов, Акбар прогнал их всех и присоединил страну к своему государству как провинцию (1572/73 г.); когда же в 1581 г. там снова начались беспорядки, борьба опять возгорелась без решительного, однако, успеха для той или другой стороны, пока смерть Музаффера III Хабиба (1593 г.) не положила начало миру. Таким же образом затягивалось и окончательное покорение Бенгалии; отобранная еще в 1576 г. у сына Сулейман-хана Карани, Давуд-шаха, она еще долгое время страдала от неоднократных восстаний как монгольских, так и афганских предводителей и лишь в 1592 г. была окончательно умиротворена. Орисса также была приобщена к государству Дели. В Синдхе хозяйничали военные проходимцы, остатки афганского

владычества; они были побеждены в 1592 г. и, будучи назначены на высокие государственные должности, окончательно успокоились. Небольшой поход против Кашмирского раджи Юсуфа из династии Чака привел в 1586/87 г. к покорению этой маленькой страны, сделавшейся отныне любимой летней резиденцией могольских царей. Более затруднительной была борьба с племенами почти недоступного Кафиристана (юзуфсаями); природа страны еще поныне обеспечивает им ях независимость. Последним приобретением на крайнем западе был Кандагар, завоеванный уже Хумаюном, но взятый обратно персами в первые годы правления Акбара; в 1593/94 г. государь снова подчинил его своей власти.

183

Таким образом государство Акбара простиралось теперь от Афганистана до Ориссы и от Гималайских гор до Нарбады. По ту сторону этой последней господствовала не меньшая сумятица, чем какая была раньше к северо-востоку от нее. Призванная одной из воюющих сторон армия Акбара быстро завладела Бераром (с главным городом Эличпуром), но перед Ахмеднагаром, центром мусульманских царств в Декане, она встретила неожиданное сопротивление. Чанд Биби, регентша при несовершеннолетнем своем внучатом племяннике Бахадуре Низам-шахе, женщина редкого характера, сплотив в виду приближавшейся опасности нескольких враждовавших между собой вождей; осажденная в своей резиденции, она сумела так воспламенить дух сопротивления своих союзников, что моголы были довольны, когда могли заключить мир (1596 г.) под условием отказа Чанд Биби от Берара. Возобновившиеся смуты привели к новому натиску моголов. После решительной битвы Акбар сам повел свои войска (1599 г.); но Ахмеднагар пал лишь в 1600 г., после того как Чанд Биби была убита своими собственными подданными. Акбар назначил только для виду правителя в лице Муртеда II, династия которого угасла в 1637 г. при Шах Джехане.

Последние годы жизни Акбара были омрачены тяжелыми семейными заботами и горем, которое ему доставила смерть его друга Абу-л-Фазла. Наследник престола, принц Селим (Джехангир), человек страстный и предававшийся опьянению опиумом и пьянству, смертельно ненавидел первого советника своего отца, Фазла. Акбар назначил сына вице-королем Аджимира; но это не удовлетворило честолюбие последнего: он стремился к престолу, завладел государственной казной, принял титул царя и захватил Ауд и Бехар.

Несмотря на это, Акбар обошелся с ним ласково, и Селим снова подчинился отцу; но он не замедлил отомстить низким образом: он подговорил одного из мелких князей в Бандельканде предательски убить Абу-л-Фазла (1602 г.). Ко всем горестям Акбара присоединилась потеря третьего принца, Данияла,

184

который, как и его старший брат Мурад в 1599 г. умер от пьянства 8 апреля 1605 г. Царь не мог перенести этих ударов судьбы. После продолжительного недомогания его состояние ухудшилось, и 15 октября 1605 г. не стало Акбара, самого великого повелителя, какой когда-либо царствовал на троне Индии.

При всех мусульманских завоевателях, проникших с северо-запада в Индию, страна страдала от раздвоенности религии и расы. И в том, и в другом отношении индусы, т. е. значительно преобладающая часть населения, считались низшими; за высокомерие и презрение, с которыми смотрели на них, они отплачивали ненавистью, — при таких правителях Индия не могла быть счастливой страной. Если история справедливо называет Акбара «Великим», то этим прозвищем он обязан не столько своим военным успехам, сколько заботам о внутреннем благоустройстве страны, которой он дал мир, сгладив религиозную и расовую рознь. При своем вступлении на трон Акбар был ревностным магометанином; еще в 1576 г. он носился с мыслью отправиться в Мекку на богомолье к гробу пророка. Но вскоре к философским вечерам, на которых происходил обмен мыслей, был привлечен не только магометанский мулла, но и ученый брахманский жрец, и даже римский миссионер. Ни одно из их учений не представлялось Акбару как единственно верное. Под их влиянием и в дружеском общении со своим кружком его представление о карающем Боге, которое Магомет заимствовал у Моисея, перешло в представление о высшем существе, обнимающем всех с равной любовью, учение об очеловеченном Боге углубилось и вылилось в чистую, возвышающую над всем чувственную веру, по которой Божество познается не путем откровения, а лишь одним разумом и рассудком, то Божество, которому нужно служить не разными религиозными обрядностями и пустыми формулами, а нравственно чистыми делами. Если слабый человек требует осязательных символов высшего Божества, то самые высокие из них это солнце, звезды или огонь.

185

В представлении Акбара о Боге не было места ни для предписаний ритуала, ни для пророков и жрецов. Если несмотря на все это, он для поддержания своего значения перед народом велит объявить ему через законоведов, что царь является главой Церкви, если его *specto* гласит: нет Бога, кроме Бога, и Акбар его калиф, то он все-таки не прибегал ни к каким насилиям. Для распространения своих религиозных воззрений. Для большой массы народа эти воззрения были слишком глубоки и слишком отвлечены, чтобы не остаться почти исключительно достоянием небольшого круга философски мыслящих последователей. Терпимость лежала в основе характера Акбара; поэтому он не желал никого, кто молился другому Богу, отвлечь от его религии. Каждый мусульманин мог беспрепятственно исполнять свои религиозные обрядности, если он этого желал; но, с другой стороны, никого не должно было понуждать к этому. Акбар выступил, поэтому, противником того насилия, которое ислам оказывал на разные стороны общественной и частной жизни: изучение языка Корана не поощрялось больше Акбаром, не отдавалось больше предпочтения арабским именам, как Мухаммед, Ахмед и т. д.; вместо приветствия: «Мир вам», была введена формула «Бог велик» и т. д. Таким образом, Акбар до некоторой степени ограничил преимущества, которыми пользовалась религия

его предков. Одновременно с этим он снял оковы, тяготевшие на индусах и их религии: он совершенно отменил подушную подать, которой были обложены неверующие, — источник глубокого озлобления для индусов, — а также и налог на индусов-богомольцев; в исполнении своих религиозных обрядностей они были стеснены только там, где требования их жрецов стояли в вопиющем противоречии с принципами человеколюбия, как, например, суд божий, браки детей, принудительное сожжение и безбрачие вдов и т. п. Во всех гражданских правах мусульмане и индусы были уравнены: и тем, и другим в одинаковой степени были открыты все государственные должности от высших до низших.

186

Во внутреннем управлении своего обширного государства Акбар выказывал немало осмотрительности и энергии. Взыскание налогов было при всех прежних правителях болевой стороной управления. Доходы со значительных округов были предоставлены отдельным генералам, которые были вольны выжимать из данников все, что только было возможно получить; взамен этого они должны были поставлять и содержать известное количество войска. Собственно же государственные налоги взимались целым штатом специальных чиновников, которые были доступны всякого рода подкупам и значительную часть сбора прятали в свои карманы. Только Шир-шах положил во время своего недолгого царствования начало справедливому обложению налогами, но последовавшие за этим беспокойные времена снова уничтожили почти совершенно это хорошее начинание. В общем Акбар принял снова систему Шир-шаха, которую он модернизировал и провел в жизнь. Он имел счастье найти в индусе Тодар Мале человека безупречной честности и выдающихся организаторских способностей, который отлично сумел восстановить управление государством, особенно же систему налогов. Благодар ему, в первый раз в Индии была сделана полная и точная расценка всех земель к северу от Нарбады. Все обработанные земли были измерены, доходность их точно занесена в книги, и на таких основаниях были вычислены налоги, высота которых определялась третьей доходности, принимая средний размер этой последней за 10 лет. При этом по возможности избегались всякие строгости: при неурожае и голоде налоги не взимались, давались ссуды деньгами или зерном и т. п. Шир-шах принял за налоговую единицу только четверть дохода с урожая; тем не менее система Акбара была выгоднее не только для государства, но и для крестьянина, так как строгая отчетность и возможность сослаться на высшие власти препятствовали хищениям; точно установленные инструкции давали возможность сократить почти на половину штат чиновников. Чтобы возместить чиновникам потерю законных

187

или незаконных побочных доходов, им всем, равно как для офицеров и солдат, было назначено достаточное со держание.

Торговые сношения поощрялись, и этому немало спо собствовало введение однородных определенных денеж ных ценностей; сотни различных родов денег, бывших до того в ходу, были изъяты из употребления, и царские деньги чеканились в монетах каждой провинции. Государство было разделено на 15 провинций (из которых три приходились на Декан), управлявшихся наместником, совмещавшим в себе гражданскую и военную власть, под верховенством государя. Правосудие находилось для мусульман в руках произносившего приговор верховного судьи, мир-и-адля, и приставленного к нему казн, в обязанности которого входило вести следствие и указывать соответствующие параграфы законов; индусы же судились сведущими в законах брахманами. Относительно менее последовательно и строго была проведена орга низация войска. Но в общем внутренние порядки государства, установленные до мельчайших подробностей в «Аин-Акбари» («Постановления Акбара») Абу-л-Фазля, являлись громадным шагом вперед и благом для страны, которая в правление Акбара ожила и расцвела, как никогда до этого.

Джехапир. Умирая, Акбар назначил своим преемником своего сына Нур-ад-дин Мухаммед Селима, носившего, как царь, имя Джехангира (Джехангир — завоеватель мира). Еще при жизни отца он доставлял ему немало тяжелых забот, между прочим своим пьянством и вспыльчивостью, которая доводила его до жестокости и часто давала себя знать также и во время его правления. Когда старший полководец его Махабат-хан, не заявив ему об этом раньше, выдал замуж свою дочь, он велел высечь терновником раздетого донага новобрачного и отобрать у него не только приданое, но и его собственное состояние; после же восстания своего сына Хусрау он велел 700 из его приверженцев посадить на кол вдоль

188

дороги, ведущей в Лагор, и провести через эти шпалеры закованного в цепи и посаженного на слона сына. Сэр Томас Рое, проведенный в качестве посланника короля Иакова I при индийском дворе с 1615 до 1618 г., свидетельствует о блеске придворной жизни, о любви государя к роскоши и искусствам, о его дружественном отношении к европейцам, стекавшимся во множестве к его двору, веротерпимости по отношению к другим религиям, особенно же к христианской: две жемчужины в его четках представляли головы Спасителя и Марии, а двум своим племянникам он разрешил перейти даже в христианскую веру. Но Рое, с другой стороны, свидетельствует также о происходивших каждую ночь оргиях, на которых никто не оставался трезвым и паче всех сам царь. При этом наружно он старался сохранить ореол истового строго нравственного мусульманина; если кто-либо из посвященных позволял себе днем малейший неосторожный намек, государь совершенно серьезно спрашивал, кто провинился таким образом перед законом, и затем наказывал названного известным количеством палок по пятам; один из наказанных таким образом умер. Вообще же внутренние порядки в государстве Рое рисует далеко не столь благоприятными, какими они

были при Акбаре. Финансы были, по его мнению, в хорошем состоянии, но все управление было довольно шатко, чиновники деспотичны и подкупны, а военный дух в войске, в котором только раджпуты и афганцы были еще хорошими солдатами, он находил упавшим. Тем не менее правление Джехангира протекало без особенно глубоких потрясений: государственный строй Акбара успел пустить уже слишком глубокие корни, чтобы не быть в состоянии пережить даже и еще более слабое правление.

Джехангир женился рано (1586/87 г.) на дочери Рай-Сингха из Амбера; но он скоро попал под влияние одной персиянки по имени Нур-Джехан («свет мира»). Дед ее занимал видное положение в Тегеране, но отец был уж так беден, что будущая царица тотчас по рождении была вынесена на улицу, где ее нашел богатый купец, который

189

усыновил ее и взял к ней в кормилицы ее собственную мать. Нур-Джехан получила хорошее воспитание; своим умом и красотой она завоевала сердце наследного принца Селима (Джехангира), который так настойчиво стал ухаживать за ней, что по совету Акбара она была выдана замуж за одного молодого персиянина, который вместе с ее рукой получил ленное поместье в Бенгалии. Едва Джехангир побыл на троне один год, как он сделал ее мужу предложения, на которые персиянин ответил тем, что заколол посредника, но сам он был при этом разрублен на куски. В 1611 г. Нур-Джехан наконец сдалась, и с этих пор она совершенно забрала царя в свои руки. Пока был жив достойный отец Нур-Джехан, сделавшийся великим визирем государства, она имела на Джехангира хорошее влияние: он старался побороть в себе страсть к пьянству, прекратились и его бесчеловечные поступки, так запятнавшие имя царя в первое время его правления.

Разгоревшаяся война с Удипуром скоро была закончена (1614 г.) вторым принцем Шихаб ад-дин-Мухаммед Хуррам-шах Джеханом (шах Джехан); этот храбрый принц привел также к благоприятному концу несчастную вначале войну против мусульманского Декана. Насколько царь ненавидел своего старшего, умершего в 1622 г., в темнице сына Хусрау, настолько же был любимцем не только его, но и государыни; его второй сын, которому она отдала в жены свою племянницу; Шах-Джехан был официально объявлен наследником престола. Но милость Нур-Джехан, которая со смертью своего отца признавала только свою собственную волю, обратилась впоследствии на самого младшего из принцев, который стал ей ближе со времени женитьбы на ее собственной дочери. Когда серьезно заболел его отец, оттесненный на задний план, Шах-Джехан направился к Дели, но должен был отступить к Телингане и Бенгалии, где был разбит Махабат-ханом. Но тут вдруг сам Маха-бат навлек на себя немилость царицы, и чтобы предупредить дальнейшие враждебные шаги с ее стороны, он зав-

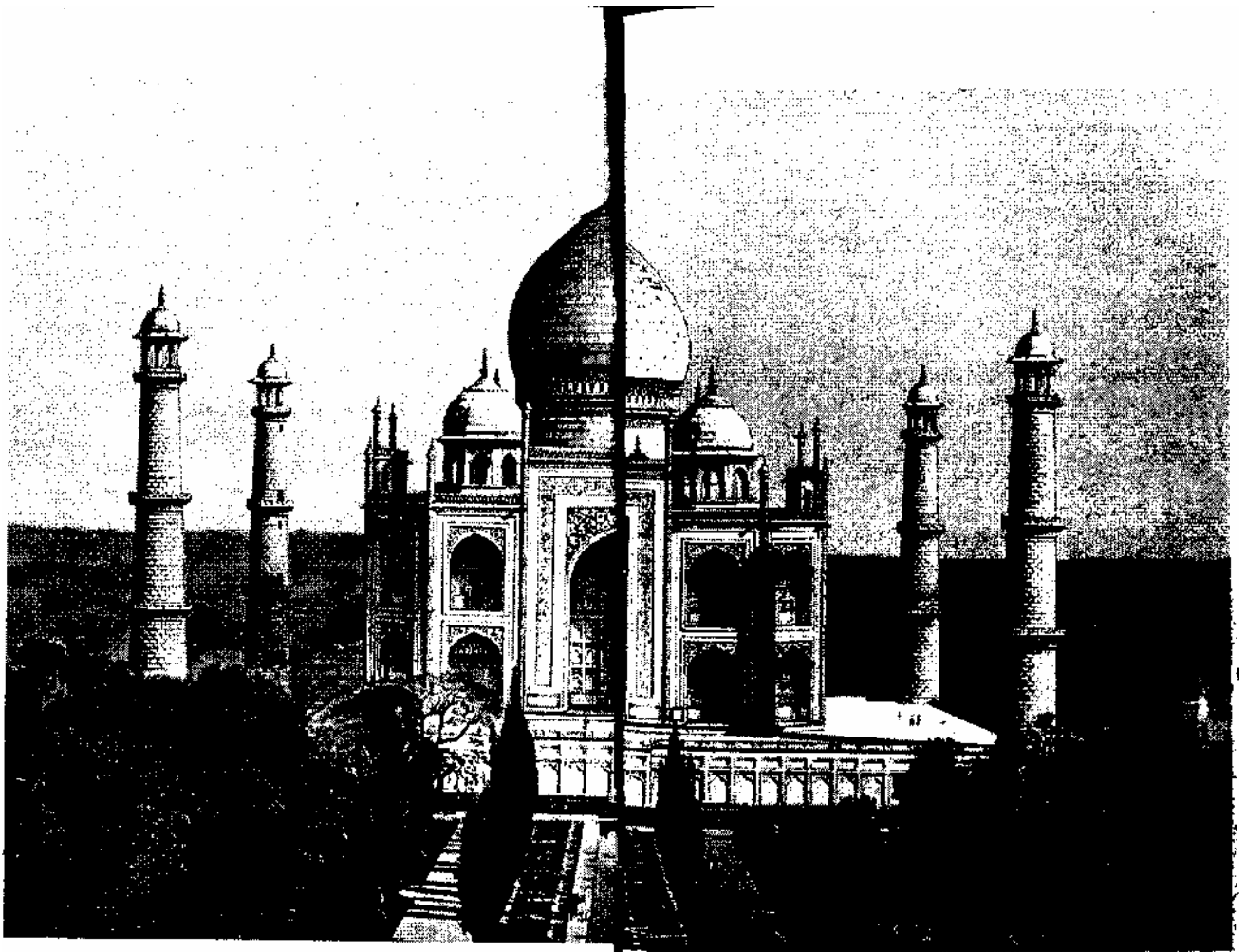
190

ладел как ею, так и особой царя. Хотя им обоим и удалось бежать из заключения и войти с Махабатом в соглашение, по которому тот обязывался снова выступить против Шах-Джехана, но опасаясь дальнейшей мести Нур-Джехан, генерал перешел на сторону принца. Дело, однако, не дошло больше до столкновения обеих партий: царь умер в 1627 г. на пути из Кашмира в Лагор. Нур-Джехан, с которой наследник престола обошелся почтительно, пережила своего супруга еще на 19 лет, которые она провела в почетном уединении, любимая всеми за свои благотворительные дела.

Шах-Джехан. При Шах-Джехане I, который после умерщвления своего брата Шахрияра, вошедшего в союз с двумя сыновьями Данияла, подавления восстания в Бан-дельканде и короткого правления своего племянника Да-варбахша, сына Хусрау, с 1628 г. прочно овладел трон, монгольское государство достигло апогея своего благоденствия и процветания. Царь обладал большой дальновидностью в выборе дельных чиновников, сам строго следил за управлением, ввел много улучшений и распространил созданную Тодар-Малем систему топографической съемки земель и обложения налогами в 20-летнем труде также и на те части государства, которые лежали по ту сторону Нарбады. Насколько он описывается недоступным до своего вступления на трон, настолько же он впоследствии сделался мягок, общителен и отечески благосклонен к своим подданным. Мусульман, которых Акбар отодвинул скорее на задний план, он сумел снова привлечь к себе. Не потеряв при этом, однако, расположения индусов.

Об этом блестящем периоде свидетельствуют еще и по настоящее время бесчисленные, выросшие за его царствование как частные, так и общественные постройки не только в обеих столицах, Дели и Агре, но и во всех других значительных местностях государства, даже в совершенно теперь заброшенных. Подобно Риму при Нероне, Парижу при Наполеоне III, и Дели при Шах-Джехане

191

Тадж Магал близ Агры

7 Историк Человечества

Пояснение к рис. на стр. 192—193

«Мечта, воплощение в мраморе», — таков этот Тадж Магал, сокровище Агры, мавзолей Великого Могола Шах-Джехана (1628—1658 гг.) и его супруги Мумтаз-и-Махал (Нур-и-Махал). Он расположен в 1/2 км к востоку от форта, на правом берегу Джамны. Стена из красного песчаника окружает большое прямоугольного пространства в 298 м длины и 99 м ширины. Сама постройка, во всем ослепительном блеске белого полированного алебастра, возвышается на платформе, к которой ведет величественная лестница в 18 м; правильный квадрат с притупленными углами несет на себе видный на далекое расстояние храм, имеющий в самом широком своем месте 18,8 м; купол заканчивается двумя золочеными шарами с полулунием. Внутри мавзолея, окруженные легкой ажурной работы мраморной решеткой, стоят два пустых гроба, оба, как и стены, украшенные цветами из драгоценных камней и прелестными орнаментами. Все здание окружено обширным садом, в котором находится длинный прямолинейный бассейн с многочисленными фонтанами.

194

совершенно изменил свой вид. Дворцы его времени с их приемными залами, мраморными колоннадами, дворами и частными покоем, мечети и мавзолеи являются высшими созданиями мусульманского искусства в Индии. На первом плане стоит Тадж-и-Махалл («венец гарема»), гробница любимой супруги государя, Нур-и-Махал («свет гарема»). Это гробница высится в виду царской крепости Агры и представляет одну из самых изящных в мире построек, в своих формах ясную и чистую, как кристалл, удивительную по нежности оттенков мрамора, из которого она построена, тонкую и целомудренную в своих украшениях. Эмблемой

жизни и роскоши двора является знаменитый трон, в виде павлина, из алмазов, смарагдов, рубинов, сапфиров, подражающий форме и богатому переливу цветов распущенного павлиньего хвоста; путешественник Жан Баптист Тавернье (1605—1689 гг.), ювелир по ремеслу, оценивает собранные в нем драгоценные камни в 160,5 млн фунтов стерлингов. Но сколько ни стоили все подобные постройки и предметы искусства, сколько ни поглощали средств многочисленные войны, народ в правление Шах-Джехана наслаждался высоким благосостоянием, и царь — в этом он превосходил Лоренцо Медичи «Великолепного» — оставил, умирая, богатейшую государственную казну. Волнения, возникшие было в 1629 г. в Декане, были вскоре подавлены царем; Ахмеднагару он навязал благоприятный для Дели мир. Когда, четыре года спустя, Ах-меднагар снова поднялся, он его присоединил в 1637 г. к государству Дели и одновременно сделал его союзника Абдаллаха Гонкондского своим данником. Менее благоприятно складывались обстоятельства по ту сторону афганской границы. Хотя узбеки, проникшие в Кабул, и были вначале вытеснены из Бальха, а захваченный персами Кандагар в 1637 г. снова покорен, тем не менее при возобновленном натиске узбеков третий сын царя, родившийся в 1618 г., Мухаммед-Мухьи ад-дин Ауренгзиб, вынужден был зимой 1647 г. совершить отступление через хребет Хиндукуш, стоившее ему значительной части

195

войска; Кандагар также был в 1648 г. вторично занят персами и остался в их владениях, с тех пор как в 1653 г. Шах-Джехан окончательно отказался от попытки покорить его снова. В 1655 г. в Декане начались новые волнения. Ауреигзиб, посланный туда в качестве наместника, вероломно напал «а Голкоиду; столица была взята штурмом, разграблена, сожжена, и Абдаллах был вынужден заключить на тяжелых для себя условиях мир (1656 г.). Затем без всякого серьезного повода, Ауренгзиб явился в Биджапур. Но еще до его окончательного подчинения известие о внезапной болезни отца заставило Ауренгзи-ба заключить относительно благоприятный для Биджа-пура договор и удалиться со своими войсками (1657 г.). После одного уремического припадка Шах-Джехана четыре сына царя поспешили заявить себя претендентами на престол. Одинаково храбрые, они сильно отличались друг от друга по способностям и характеру. Родившийся в 1613 г. Дара-Шукох был человеком одного типа с Акбаром: даровитый, либеральный, он благоволил к индусам и дружественно относился к европейцам и христианам; его недостатком была несдержанность: он был горяч, наносил часто оскорбления, не имел приверженцев и был особенно непопулярен среди мусульман. Второй принц, Шуджа, подверженный пьянству, был ненавистен мусульманам за приверженность свою к учению шиитов. Зато третий сын, Ауренгзиб, был фанатически предан учению Магомета и всеми любим за свой общительный нрав, его окружал ореол недавней славы, но это был человек корыстолюбивый и фальшивый. Четвертый принц, Мурад-Бахш, хотя и был благороден, но не отличался умом и предавался низким чувственным порокам. Ауренгзиб, стоявший во главе своего испытанного войска, предоставил сначала двум братьям растратить свои силы в обоюдной борьбе, сам же привлек тем временем на свою сторону близорукого Мурада преувеличенной похвалой, лестью и обещанием стоять за него в вопросе о престолонаследии. Разбив затем окончательно с помощью Мурада Дара, только что вышедшего победителем

196

из борьбы с Шуджой, он пригласил ничего не подозревавшего Мурада на пир под предлогом отпраздновать его победу. На следующее утро Мурад, очнувшись от опьянения, увидел себя в цепях в Делийской цитадели; позднее его перевели в Гвалиорскую городскую тюрьму.

Шах-Джехан I тем временем оправился от болезни и снова взял управление в свои руки. Но так как он продолжал отдавать предпочтение своему старшему сыну, то Ауренгзиб схватил его и заключил в цитадель в Агре (1658 г.), где с ним обращались почтительно до его смерти, последовавшей в 1666 г. Вскоре после этого Ауренг-зибу удалось схватить и старшего брата; устроив над ним только для виду суд, он велел объявить его изменником вере Магомета и приговорить к смерти (1659 г.). Такая же судьба постигла в 1661 г. и Мурада, когда он сделал попытку бежать из заключения. Шудже удалось бежать в Бенгал, где в 1660 г. он умер от лихорадки, схваченной в Аракане, тогда как его сыновья содержались в заключении в Гвалиоре до самой их смерти. Таким образом преемнику Шах-Джехана нечего было больше бояться соперников ни среди братьев, ни среди родственников.

-- Правление Ауренгзиба. Ауренгзиб (Орангсиб) Алем-гир I (1658—1707 гг.) не наследовал никаких высоких качеств Бабура или Акбара, ни их политической дальновидности, ни их человеколюбия, ни той религиозной терпимости, которая осчастливила народ и сделала государство могущественным. Оба, как Бабур, так и Акбар, были люди творческого ума, находившие во всех затруднениях надлежащий исход, — Ауренгзиб был человеком узким, применявшим свои хорошие качества не там, где нужно, и не тогда, когда следовало: он был снисходителен там, где нужна была строгость, строг там, где уместнее была бы снисходительность; он был щедр там, где следовало быть бережливым, и, напротив, жаден, где требовалась щедрость; справедливым он был только по отношению к своим единоверцам. На войне он показывал личную храбрость; но для великих государственных за-

197

дач он находил лишь мелкие средства. Его деяниями управляло не человеколюбие, а своекорытие, недоверие и религиозный фанатизм. Никто лучше его не умел скрывать своих мыслей; ни одно средство не было для него слишком низким или слишком насильственным, если нужно было достичь своих

эгоистических целей. Стремление его было поощрять едино-истинную веру суннитов, его честолюбие — быть примером одностороннего мусульманского правителя. Выказывая по отношению к своим единоверцам мягкость, которая вела часто к злоупотреблениям, хищениям и непослушанию, он давал чувствовать свою тяжелую руку ненавистным индусам, составлявшим большинство его подданных. Он хорошо знал литературу, особенно Коран, был умерен в своей частной жизни, но публично выступал со всей пышностью и педантично исполнял все религиозные обрядности.

В начале правления царь, казалось, склонен был в отношении веротерпимости следовать примеру своего предка Акбара: он даже женил своего сына Мухаммед Муаззама на дочери одного индусского раджи. Но скоро фанатизм царя проявил себя в преследовании иноверцев, и между ним и народом началось отчуждение. Налоги на всякую куплю и продажу, высота которых для магометан составляла 2,5 %, Ауренгзиб повысил для индусов вдвое, отмененная Акбаром ненавистная подушная подать для индусов была снова введена; это было сравнительно с привилегированными мусульманами двойное обременение для индусов, для которых отныне участие в управлении и войске было закрыто. В 1679 г. Ауренгзиб приказал разрушить три самых священных храма индусов (в Мултане, Маттре и Бенаресе), а на месте храма Кришны в Маттре выстроить мечеть. В одной Раджпутане брахманские святилища, ставшие жертвой его религиозного неистовства, насчитывались сотнями; жрецы убивались, а сокровища, находившиеся в храмах, вывозились в Дели. Ничто не может лучше характеризовать ослепленного царя, как его попытка схватить дружественных индусских принцев и заставить их силой перейти в мусульман-

198

ство; их вооруженная стража была перебита до последнего человека, сами же они бежали и вместе со своими приверженцами стали заклятыми врагами Ауренгзиба.

Первыми поднялись после таких потрясений сатнами, пуританская индусская секта на левом берегу Сэтледжа, с трудом лишь удалось их подавить. За ними последовали раджпутские племена, и борьба велась с переменным успехом и таким ожесточением, что с тех пор раджпуты не переставали питать непримиримую ненависть ко всем позднейшим правителям Дели. Собственный сын Ауренгзиба Мухаммед Акбар (четвертый принц), возмущенный бесчеловечностью данных ему царем указаний, стал на сторону притесненных, но скоро должен был бежать и искать помощи сначала у махраттхов, ведших борьбу с его отцом, а затем у Персии, где он в 1706 г. умер.

Основание могущества махраттхов. Ауренгзиб предводительствовал уже однажды с успехом войсками Шах-Джехана против мусульманских государств в декане и сильно потеснил Голконду и Биджапур; но на тамошнем троне продолжали еще сидеть независимые правители. Тем временем из ничтожных зачатков выросло третье государство, более устойчивое и более опасное, чем остальные, так как сила его коренилась в национально-религиозной идее, — государство махраттхов (маратта). Сильное племя, ведущее свое происхождение от переселенцев-кшатриев, населяло местность Махараштра и лежащие к югу от нее области и уже издавна посылало отличных мужей в соседние мусульманские государства, особенно в Биджапур, где они занимали выдающееся положение в управлении и войске. Глава одной из таких переселившихся семей, Шадж Бхонсла, отличился особенно как предводитель отряда наездников и был награжден мусульманским султаном Биджапура, давшим ему сначала в ленное владение Пуну, а затем еще более значительное владение в Майсуре. От его брака с одной знатной женщиной родился основатель махраттхского могущества, Сиваджи (Хиваджи); национальное и религиоз-

199

ное чувство наполнило его глубокой ненавистью ко всему мусульманскому. В то время, как отец пребывал в своем южном владении, сын с помощью преданных ему войск и дружественных махраттхов завладел целым рядом самых сильных крепостей, задержал налоги и разграбил далеко за пределами своего округа страну своего государя; отец был заподозрен в сообщничестве с сыном и посажен биджапурским султаном в заключение. Сиваджи вошел в переговоры с могущественным Делийским царем Шах-Джеханом, и из боязни пред царем отец Сиваджи был выпущен на свободу; тогда Сиваджи стал действовать еще смелее против Биджапура. Наконец, против него было послано войско под начальством Афзал-хана; Сиваджи заманил этого последнего под предлогом мирного свидания к Пратапгадфорту и заколол его; застигнутое врасплох войско было большей частью перебито. В конце концов Сивадже удалось добиться не только признания за ним захваченного им округа, но также и права содержать 50 000 солдат пехоты и 7000 конницы.

Все это имело место незадолго до восшествия на престол Ауренгзиба. Теперь Сиваджи направил свои отряды против его могущественного царства. Войска Сиваджи проникли в 1662 г. в область Сурата, опустошая все перед собой; царское войско позорно отступило перед победителем. Лишь последующим военачальникам удалось склонить Сиваджи к тому, чтобы он сам явился ко двору могущественного государя, Ауренгзиб принял индуса холодно, почти презрительно, думая силой задержать его в Дели. Но хитрый махраттха бежал со своим сыном, спрятавшись в двух корзинах с провизией (1665 г.), В 1674 г. он объявил свю землю независимой, принял титул махараджи и начал чеканить монеты своего имени. Будь Ауренгзиб более дальновидным правителем, он должен был бы признать в этом вновь нарастающем индусском государстве на юго-западе самого опасного для себя врага и соединиться с мусульманскими государствами Де. кана. Вместо этого он надеялся достигнуть самовластия над всеми мусульманами Индии и отнесся с поощрением

к новому индусскому радже, когда тот вынудил Биджапур платить четвертую часть своих государственных доходов как выкуп за его право на грабеж — чхат, налог, которому впоследствии, в качестве «махраттхской дани», суждено было причинить государству Дели тяжелые бедствия.

Умный противник обоих мусульманских врагов своих по мере сил воспользовался благоприятным положением для внутреннего устройства своего индусского царства. Общество было организовано по образцу самого древнего предания: брахманы с пройденной ими в течение целых поколений умственной школой с их высоким образованием были призваны, чтобы стать во главе нации; высшие государственные должности были замещены членами знатных брахманских родов, и они создали благоустроенное управление. Военное сословие, ведшее свое происхождение от переселившихся некогда в эту область кшатриев, доставляло офицеров по профессии и обученное регулярное войско. Земледельцы (кунби) представляли не только трудящееся сословие, но, составляя вольные отряды, являлись в то же время и резервом регулярного войска. Под четвертым классом (шанкардачи) понимались все остальные сословия (ремесленники, купцы и¹ т. д.). Организованное таким образом государство имело небольшой постоянный отряд наездников-копьемосцев, который благодаря призыву ополчения мог, смотря по надобности, быстро превращаться в громадное войско, а по миновании опасности снова уменьшался до своих обыкновенных размеров. Махраттхская армия по своей подвижности значительно превосходила тяжеловесные войска могольского царя: когда эти последние являлись сплоченной массой, они находили только мирных поселян, обрабатывавших свои поля, но как только они разделяли свои силы, они видели себя неожиданно окруженными. Набеги и наложенная на соседей махраттхская дань давали большие доходы; часть военной добычи делилась между солдатами и ополчением, но большая ее часть хранилась как государственная и военная казна в небольших, почти неприступных горных крепостях. Таким об-

201

разом Сиваджи располагал сильным, всегда готовым войском, которое само себя содержало, тогда как дорогостоящие, неповоротливые отряды противника поглощали все его богатства; махраттхи легко пополняли свои ряды, тогда как войско моголов могло набирать рекрутов лишь с трудом и издалека. И такого противника Ауругзиб мнил сделать для себя безопасным, воспользовавшись им против деканских султанов; на самом же деле махраттхское царство, становясь на сторону то одного, то другого противника, вредило и тому и другому, усиливая этим самого себя.

Конец царствования Ауругзиба. В 1672 г. Сиваджи напал на царскую армию и так энергично разбил ее, что могольские отряды долгое время вынуждены были ограничиваться одной защитой главной квартиры в Орангабаде. Усиленное сосредоточие всех военных сил на юге было невозможно для царя в виду восстаний на севере и северо-западе государства. Благоприятный оборот дело, казалось, приняло в 1680 г., когда умер Сиваджи, ему наследовал сын его Самбаджи, далеко не отличавшийся энергией своего отца. Одновременно с этим совершилось и отпадение принца Акбара. Всегда подозрительный царь не доверял теперь никому и сам стал во главе своей южной армии, чтобы сильным ударом сразить сначала своих мусульманских противников Али II Биджа-пурского и Абц-л-Хасана Голькондского, а затем и махраттхов. В 1683 г. он выступил против Декана; в 1686 г. был взят Биджапур, а год спустя пала Гольконда. С этого момента исчезают последние независимые государства в Декане. В 1689 г. Ауругзиб взял в плен также и Самбаджи вместе с его шестилетним сыном: отец был убит после жесточайших пыток, сын же содержался в строгом заточении. Но живучая сила махраттхов проявила себя теперь тем упорнее. Ауругхиб был разбит наголову близ Берампура, а его младший сын, Мухаммед Кам-Бахш, со своим старшим военачальником Зульфикаром очутился

202

в таком положении на восточном берегу, что должен был отступить и присоединиться со своими силами к отцу. Не раз еще после этого царские войска разбивались или должны были сдаваться; сама природа, казалось, приняла сторону врага: неожиданное наводнение реки Бхима лишило Ауругзиба всего его обоза и 12 000 наездников. Еще раз собрал все свои силы могольский царь, взял сильные крепости и рассеял махраттхские войска. Но крепости воздвигались вновь, а рассеянные махраттхи опять собирались в других местах. Под конец регентша Тара Бай, вдова брата Самбаджи, Радха Рама, прибегла к отчаянному средству: она велела опустошить всю страну, чтобы отрезать врагу возможность какого бы то ни было подвоза. Теперь и физические силы престарелого царя надломилась: в 1707 г. Ауругзиб Алемгир I скончался во время одного обморока.

Позднейшие монгольские цари. Смерть Ауругзиба застигла финансы Дели в полном беспорядке: большие доходы были только на бумаге, в действительности все они пришли в полнейший упадок, благодаря хищениям, восстаниям, общему обеднению народа, постоянная же война сильно увеличила расходы. Многочисленное индусское население, занимавшее среди подданных лишь второстепенное место, было исполнено глубокой ненависти к мусульманской династии. Прочные государственные основы пошатнулись, внутри страны — брожение, на юге — окрепшая благодаря близорукой политике Ауругзиба махраттха, на северо-западе — злорадствующие соседи. Само же поколение царей, восседавшее теперь на павлиньем троне в Дели, являло уже процесс вырождения: род Тимуридов истощил свои силы, дав короткий ряд выдающихся правителей: все позднейшие были лишь тенью царей.

В ближайшие 12 лет один за другим следовали ни более, ни менее как восемь правителей. Первый из них Муа-зем Шах Алем Бахадур-шах I (1707—1712), отличался терпимостью; но силы его были слишком недостаточны, чтобы восстановить пришедший в упадок государственный строй.

203

Его порочный преемник Муызз-ад-дин-Джехнадер-шах (1712—1713 гг.) играл печальную роль. За ним следовал

Мухаммед Фаррухсияр (Фароисир) (1713—1719 гг.), человек слабовольный, окруживший себя жалкими советниками и тщетно пытавшийся неловкими интригами защитить себя от возраставшего влияния нескольких своих подданных: он был убит в собственном дворце. После этого один за другим были возведены на престол два ребенка, из которых один, Рафи-ад-дереджат, умер от чахотки уже через три месяца, другой — Рафи-ад-дауля Шах Джехан II, умер в еще более короткий срок от той же болезни. Более продолжительным было правление Раушанахтар Мухаммед-шаха (1719—1748 гг.), раба женщин, жившего только для своих удовольствий и передавшего царскую печать своей главной жене в неограниченное владение. Сын его — Ахмед-шах (1748—1754 гг.), был взят в плен и ослеплен вместе со своей матерью (ум. в 1774 г.). Еще короче было правление престарелого преемника его Азиз-ад-дин Алемгира II, умерщвленного в 1759 г. своим великим визирем.

Таковы были, не говоря уже о менее счастливых претендентах на престол, как Азам-шах (1707 г.), Кам Бахш (1707/8 г.), Нику-сияр (1719—1723 гг.) и Ибрагим (1720г.), в первой половине столетия, следовавшего за царствованием Ауренгзиба, «носителя скипетра» в Индостане. Действительная же власть находилась всецело в руках честолюбивых визирей, женщин гарема и угодников и товарищей по порокам и распутному образу жизни своих коронованных правителей. Шах Алем Бахадур страдал от зависимости от Зульфикара, храброго генерала Ауренгзиба, отличившегося во время Деканских войн, а Джехандар сделался совершенно безвольным его орудием; год спустя после своего восшествия на престол этот последний был во время одного восстания выдан Зульфикаром мятежникам, которые и убили его вместе с его предателем. Ближайшие четыре правителя были возведены на престол «делателями царей», двумя братьями, выдававшими себя за потомков Пророка; это были Сайды Хусейн Али и Абдаллах. Они велели убить Фаррухсияра, затем

205

возвели на престол двух детей, но в конце концов, год спустя после восшествия на престол Мухаммед-шаха были сами устранены: Хусейн Али пал от кинжала подосланного царем убийцы, Абдаллах был разбит со своим войском, но из уважения к его происхождению он не был убит, а только подвергнут продолжительному заточению. Отныне все дела государства были в руках женщин и различных угодников. Наконец, Ахмед шах и Алемгир II не играли никакой роли при своем честолюбивом, вероломном и властолюбивом военачальнике и великом визире Гази-ад-дине, внуке Асаф-Джаха Гайдерабадского.

В таких руках находилось кормило государственного корабля, несшегося по бурным волнам среди опасных подводных камней и начавшего расходиться по всем швам. Развращенное чиновничество знало только одно стремление — извлечь для себя пользу из жалкого положения правительства, налоги превратились в вымогательство и грабеж, правосудие — в произвол, основанный на подкупе. Принцы и вассалы, военачальники и визири спешили урывать у государства провинцию за провинцией; воинственные индусы сбрасывали мусульманское иго. Так достигли своей независимости джахи в Раджпутане (главный город Бхартпур). Так отделилось княжество Джей-пур (Джайпур), правители которого, особенно Джей Сингх II, предавались научным трудам (астрономии); в 1728 г. был выстроен, как резиденция, Джейпур, после того как по приказанию только что названного раджи великолепная столица Амбер была оставлена. В Ауде персиянин-шиит Садат основал царство Лакхну; Бенгал с Ориссой и Бихаром были соединены в одно государство одним обращенным брахманом по имени Муршид Кули-хан; Мальва подпала махратхам, а на юге Асаф Джах завладел всей провинцией индостанского Декана.

Сикхи. Чтобы довершить меру внутренних неурядиц, к политическим волнениям присоединились еще фанатические религиозные распри. На крайнем северо-западе Индии, в Пенджабе, некто по имени Нанак (1469—

206

1538гг.)*, находившийся под влиянием Кабира, начал около 1500 г. проповедывать новое учение о всеобщем мире и человеколюбии. Он пытался примирить ислам с религией брахманов, исходя из того, что все их различия суть нечто второстепенное, главное же заключается в восприятии представления о Боге. Это была очищенная от всего чувственного в учении и богослужении реформа. По этому учению все люди равны перед Богом, а различие каст ни на чем не основано. Последователи Нанак, присоединившиеся к нему сначала в небольшом числе, называли себя сикхи, т. е. последователи, ученики; в следующие полтора века они организовались в религиозно-государственный союз на началах окружной общины.

Вполне естественно, что отрицание ведийского авторитета так же мало было по сердцу индусам, как отрицание Корана мусульманам. На одного из духовных руководителей Сикхов, Арджуни, в царствование Ждеханги-ра была возведена клевета в том, что он принимал участие в мятеже, и в 1606 г. он был посажен в заключение и подвергнут жестоким мучениям, от которых умер. С этого момента характер религиозного движения изменился. Сын Арджуни, Хар Говинд, горя жаждой мести, дал в 1638 г. секте новые постановления и новое направление: последователи мира сделались дикими фанатическими воинами и отчаянными ордами грабителей. Несмотря на это, движение, вероятно, прекратилось бы само по себе, если бы фанатический Ауренгзиб не велел казнить в 1675 г. их гуру Тег-Бахадра. Ненависть против мусульман разгорелась с новой силой. Сын убитого, Говинд II, объявил себя сыном Божиим, посланным Отцом как орудие для преследования и искоренения зла; понятие о воине должно быть неразлучно с понятием о сикхе.

*Нанак (1469—1539 гг.) — индийский поэт, основатель и идеолог сикхизма (от санскр. «шишья» — ученик).

Развивал антифеодальные идеи бхакти. Создал общину сикхов и стал первым из 10 её гуру, духовных учителей.

Стихи Нанак включены в священную книгу сикхов «Адигрантх». — *Прим. ред.*

207

«Вы не должны больше называться сикхами (учениками), но сингхами (львами)». Говинд с переменным

успехом сражался против Ауренгзиба, занятого на юге махрат-тхами. Шах Алем Бахадур пытался сначала привлечь к себе сикхов дружелюбием, но когда в 1708 г. Говинд был убит одним афганцем-мусульманином, гнев их принял ужасные размеры: со страшными злодеяниями, опустошая все по пути и убивая всех, кто не желал принять их веру, они проникли к Дели. Хотя Бахадур и разбил их наголову, и они вынуждены были отступить в недоступные ущелья, но после того, как в 1712 г. царь неожиданно умер в Лагоре (быть может, став жертвой отравления), они воспользовались наступившими неурядицами и восстали снова; при Фаррухесияре они владели уже опять значительной частью Пенджаба. Под начальством Бандаха они в 1716 г. появились, совершая неслыханные зверства: Лагор был взят, наместник убит, а царская армия отброшена. Но здесь счастье им изменило: потерпев несколько поражений, они были отеснены царскими войсками в одну из северных крепостей вместе с Банда-хом, где, обессиленные голодом, они были перебиты. От них остались лишь небольшие рассеянные разбойничьи шайки, орудовавшие в неприступных горных долинах Пенджаба.

Набеги Надир-шаха и Ахмед-Дуррани на Индостан. Как бич Божий повисла над Индостаном чужеземная власть. Сын туркмена, но рожденный в Персии, Надир-шах начал свою карьеру мародером, а 20 марта 1736 г. захватил трон Сефевидов. Недостаточно почтительное обращение с персидскими послами в Дели дало ему повод явиться в 1738 г. в Индостан. Победив армию моголов, усиленную войсками Садата (Ауд) и Асафа (Гайдерабад), он в 1739 г. вошел в столицу, где его войска проявили строгую дисциплину. Вдруг среди индусов распространился слух, что персидский царь умер, жители бросились на рассеянных по городу солдат и убили 700 из них. Когда же в самого Надир-шаха, желавшего водворить мир, были

208

произведены выстрелы, он приказал перебить всех жителей. С восхода солнца и до глубокой ночи в городе не прекращались грабеж, поджоги и убийства; 30 000 человек пали жертвой мести персов. Все сокровища и драгоценности государственной казны, между прочим также и гордость Дели, павлиний трон, попали в руки Надир-шаха, который конфисковал сверх того весь наличный капитал царя, высших чиновников и частных лиц, а на наместников в провинциях наложил тяжелую военную контрибуцию. Вся добыча, вывезенная Надиром из Индостана, оценивается почти в 3 млрд германских марок. Спустя 7 лет (20 июня 1747 г.) Надир-шах был убит; государство его тотчас же распалось на отдельные части. В Афганистане властью завладел Ахмед Абдали, принявший по роду своему титул шах-дуррани; его соблазняла богатая, вывезенная Надиром из Индостана добыча. С 1747 по 1761 г. он совершил шесть набегов на несчастную страну и ее столицу. Страшное подобие Делийской резни представляет имевшее место при третьем набеге Ахмед-шаха кровавая бойня в Матюре, святом городе Кришны: в разгар праздника, когда город кишел мирными богомольцами, в него ворвался отряд армии Ахмеда и перебил многие тысячи людей.

Царство Махраттха на пике своего могущества. В течение одного столетия, следовавшего за царствованием Шах-Джехана, могольское царство, столь могущественное в его время, опустилось до нищеты и позора; оно, несомненно, исчезло бы окончательно, если бы не британцы, занявшие около 1760 г. первенствующее положение в Индии; в их интересах было не допустить полного исчезновения этого царства, представлявшего теперь лишь один призрак былого. Тем временем на юге в первой половине XVIII в. совершались важные события. Тотчас после смерти Ауренгзиба (1707 г.) был освобожден внук махраттхского раджи Сиваджи, Сахн; его успели сделать, — и это является примером того, как поступали впоследствии с молодыми индусскими наследниками пре-

209

стола, — совершенно чуждым национальным интересам махраттхов. Выросший в гареме и попавший всецело под влияние окружавшей его мусульманской среды, он душой и помыслами был больше мусульманином, чем индусом, и первое, что он сделал, вступив на престол, было паломничество к гробу убийцы своего отца.

До вступления на престол Сахны управление махраттхским государством находилось в хороших руках. Когда Самбаджи попал в плен и был убит, его молодой сын, также бывший в плену, был объявлен царем; регентство взял на себя брат Самбаджи, раджа Рам, а после его смерти — его энергичная вдова; таким образом, пленение царя не отозвалось вредно на государстве. Но дело тотчас же изменилось, как только Сахн сам стал во главе правления. Изнеженный телом и духом, он предоставлял все дела государства своему ловкому министру (пешва) Ба-ладжи Вишванатху; ему он обязан тем, что его положение, по крайней мере по отношению к могольскому царству, было упрочено; сам же он охотно удовлетворился бы положением вассала Дели. Пешва прежде всего внес большой порядок во всю организацию своеобразного военного государства махраттхов. В то время, как действовали еще Хусейн-Али и Абдаллах, он совершил поход на Дели и вынудил не только признание верховной власти махраттхского царя, но и формальное право взимать во всем Декане махраттхскую дань, четвертую часть всех государственных доходов. Таким образом при Сахн-не власть фактически перешла к пешве; когда же пост первого министра был объявлен наследственным, рядом с династией Сиваджи, быстро отесняя ее, выросла брахманская махраттхская династия Пешвов. Сын Баладжи Вишванахта, Баджи Рао (1720— 1740 гг.), соединявший с умом брахмана энергию воина, довел махраттхское государство до апогея расцвета. Царь и его партия оказывали на него давление в смысле укрепления государственного могущества в пределах территории. Но он ясно видел, что сила государства заключалась именно в его военной организации; государство его

было могущественное, когда не суживало сферы своих интересов определенными границами, а распространяло постепенно свои притязания (махраттхская дань) на всё разрушающееся могольское царство и даже за его пределы. Внутри государства пешва вел дела исключительно по своему усмотрению, без контроля царя, представлявшего теперь лишь тень правителя. Удержание махраттх-ской дани и умерщвление махраттхского военачальника Пиладжи Гнква дало повод Баджи Рао, подчинить себе Гуджерат. В 1733 г. он занял провинцию Мальву, но потребовал при этом в переговорах с Дели не только всю страну с югу от Чамбала, но и уступку трех священных городов индусов: Матгры, Аллахабада и Бенареса. Когда могольский царь воспротивился этому, Баджи Рао в 1737г. появился под стенами Дели и уже в начале 1738 г. вынудил уполномоченного Великого Могола Асаф Джа-ха Гайдерабадского согласиться на уступку всей страны к югу от Чамбала. Но прежде еще, чем могло состояться утверждение этого соглашения со стороны Мухаммед-шаха, над страной в лице Надир-шаха разразилась гроза, заставившая отступить в испуге даже махраттхов. Только в 1743 г. после смерти Баджи Рао (1740 г.) его преемник Баладжи, третий пешва, добился формального признания договора 1738 г.

Около того же времени (1741—1743 гг.) махраттхи предпринимали неоднократные походы, — последний под предводительством Рагхуджи Бхонсла, — ка северо-восток, против Бенгала, у которого они в 1743 г. потребовали не только махраттхскую дань, но и уступки некоторой части Ориссы (Каттака). Призванные Дели на помощь против мятежных рохилла в Рохильканде, они способствовали их покорению, получая при этом все новые разрешения на чаут; после третьего набега афганца Ахмед-шаха они проникли до самого северо-западного угла Индии, взяли Лагор и вытеснили небольшой афганский гарнизон из Пенджаба. Теперь они достигли апогея своего могущества: повсюду, где в период наивысшего своего расцвета господствовали моголы, простирали те-

211

перь свое влияние махраттхи; не будучи господами, они почти всюду взимали дань. Но в Ахмед-шахе они нашли достойного себе противника. Предводитель махраттхов Синдия был разбит, две трети его войска перебито, а армия второго полководца, Холькара, рассеяна. Под начальством двоюродного брата Пешвы выступила против афганцев новая, еще большая армия. При Панипате 6 января 1761 г. произошло решительное сражение: махраттхи были разбиты наголову: в битве и в бегстве погибло вместе с полководцем, сыном Пешвы, множество выдающихся начальников 200 000 человек.

Превращение махраттхского царства в шаткий союз отдельных государств. Пешва пережил ненадолго падение государства. Махраттхи вынуждены были покинуть Индостан, а пешвы уже не могли больше достигнуть своего прежнего значения: царство Махраттха превратилось в шаткий союз отдельных государств. Только немногие, почти независимые махраттхские правители достигли впоследствии некоторого успеха с помощью европейских офицеров и солдат. Политика Баджи Рао, положим, вполне соответствовала характеру махраттхского государства: влияние царя было совершенно ничтожно, а пешва был поставлен во главе государства. Но, с другой стороны, военный строй предоставлял отдельным военачальникам все возрастающую самостоятельность, приведшую их с течением времени почти к полной независимости. Принцип этого строя, предоставлявший высшим полководцам взимать в свою пользу махраттхский налог с богатых провинций и содержать зато большое количество войска, сделался роковым для единства государства: они в конце концов становились полновластными господами своих провинций и находившихся под их начальством войск. Внутренние неурядицы, низводившие до полного ничтожества царствующий род, волнения и затруднения со стороны Гейдерабада, Дели, Бенгалии и т. д. благоприятствовали стремлениям военачальников к независимости.

212

Уже при третьем Пешве Баоладжи (1740—1761) распадение государства пошло быстрыми шагами вперед; княжества, которые до этого времени намеренно держали в загоне, получили теперь во вред целостности государства большее значение. Как власть царя под давлением Пешвы пала и мало помалу сосредоточилась только на Сатаре и Кольхапуре, так и фактическое влияние Пешвы ограничилось в конце концов одной провинцией Пуна. Махраттхские раджи, впервые выступающие на сцену при Баджи Рао, родоначальники которых при этом правителе занимают частью еще незавидное положение, образовали теперь союз, не особенно охотно признававший во главе себя Пешву. Около 1838 г. Рагхуджи Бхонела, руководивший походами в Бенгалию и Ориссу, заявил себя противником Пешвы и достиг почти независимости в провинции Нагпуре (соответствует приблизительно нынешним центральным провинциям); он умер в 1755 г. Военачальник Синдия, хотя и происходивший из хорошей семьи, но однажды занимавший у Баджи Рао низкое место слуги, и Рао Холькар, бывший некогда пастухом, стали правителями обоих государств, образовавшихся из вновь приобретенной Мальвы, — Индора и Гволиора. На северо-западе гиквары завладели провинцией Барода. Таким образом некогда могущественное царство Махраттха распалось на пять больших и несколько меньших государств, стоявших еще только номинально под верховной властью Пешвы.

Царство Ннзама. Наряду с этим прежняя могольская провинция Декан, для приобретения которой Ауренгзиб пожертвовал благоденствием своего государства, развилась в значительное независимое царство. В 1713 г. Син Килих-хан, более известный под своим позднейшим титулом Асаф Джах, сын одного туркменского военачальника в деканской могольской армии и сам бывший офицер, был послан в качестве

низам уль-мулька (наместника) в Декан, но вскоре снова отозван Сеидами. Самовольно отправился он снова в прежнюю свою про-

213

винцию, где поддерживал хорошие отношения с мусульманами и махраттами. Две посланные против него армии были им разбиты; вскоре после этого смерть постигла Хусейна и Абдаллаха. Призванный обратно в Дели-Фаррух сияром в качестве великого визиря, этот превосходный человек, воспитанный в строгой школе Аурагзиба, застал царя и всю государственную машину в таком безнадежном состоянии, что он снова отказался от своего высокого звания. Асаф Джах был отпущен Фар-рухсияром с величайшими почестями; но к Мобарису, исполнявшему должность наместника в Декане, были посланы вперед гонцы с приказом сместить возвращающегося вице-короля. Коварный план этот потерпел, однако, неудачу: Мобарис был разбит в 1724 г., и Асаф Джах послал его голову в Дели с теплыми поздравлениями по случаю быстрого подавления «восстания».

Чтобы сохранить внешний вид зависимости, он продолжал посылать время от времени подарки в резиденцию, но во всем остальном был совершенно самостоятелен. Он умел держать себя и с махраттами; неизбежный чаут был им смягчен тем, что взимался чиновниками и затем уже отправился к махраттам. В то время как царство Моголов шло ускоренными шагами к окончательной гибели, отделившаяся провинция все больше и больше преуспела в своем развитии при Асаф-Джахе: строго организованное управление обеспечивало спокойствие и порядок; земледелие, ремесла и торговля расцвели, установился мир и благоденствие. Когда стали напирать махратты, Мухаммед-шах произвел энергичного низама в диктаторы (1737 г.); но слабость империи была уже так безнадежна, что и Асаф Джах не был в состоянии оказать никакой существенной помощи ни против махраттов, ни против Надир-шаха. В 1741 г. он вернулся к себе обратно. Умирая (1748 г.), 77-летний правитель оставил своей династии государство, равное по величине современной Испании, находившееся в пору расцвета, и сверх того верховенство над небольшими царствами Южной Индии.

214

На востоке, в Карнатике, т. е. низменности у крутых склонов Гатов, образовалось государство, стоявшее под протекторатом низама и управляющееся нувабом (набобом)* Аркотским. Незначительное царство Танджур, к югу от Аркота, находилось под управлением одного из потомков Сиваджи, а несколько далее на северо-запад начинал развиваться в независимое государство Майсур. К этим государствам примыкало еще множество мелких и самых крошечных царств, большей частью ленные владения из времен царства Виджаянагар или же самостоятельные создания отважных полагиров или наяков, распространивших свою власть над соседней страной из расположенных в скалах крепостей.

ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЕЙЦАМИ ДОСТУПА

В ИНДИЮ И БОРЬБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

(1498—1858 ГГ.)

Открытие западно-восточного морского пути в Индию и последовавшие за этим открытием торговые предприятия европейских государств (1498—1740 гг.)

Между Индией и западными культурными странами Старого Света уже тысячелетия тому назад существовали торговые связи, носителями которых были семитические народы: в Индийском океане — арабы, в Средиземном море в прежние времена — финикийцы. Когда после падения Карфагена (146 г. до н. э.) Рим приобрел постепенно господство над всем Западным морем, стали расти вместе с богатством и благоденствием и потреб-

* Навваб, или нуваб, которому обязано своим происхождением испорченное слово «набоб», есть собственно множественное число, а именно от арабского «Наиб» (наместник).

215

берега, которые и между собой не ладили. Часто португальцы попадали в тяжелое положение и несли кровавые потери; но несмотря на это они, благодаря превосходству в кораблях, вооружении и тактике, отвоевывали себе все больший и больший район. В 1509 г. Алмеида уничтожил на высоте Диу египетско-аравийский флот. Но решением в свою пользу в вопросе о господстве в индийских водах Португалия обязана его преемнику Афонсо д'Альбукерку, второму вице-королю Индии (1509—1515 гг.). Взяв уже в 1507 г. Сокотру и Ормуз (который был, правда, вскоре снова потерян), он завоевал в 1510 г. Гоа, в 1511 — Малакку и в 1515 г. — снова Ормуз. Таким образом Португалия владела теперь на востоке и западе отличными пунктами, а в безопасной и во всякое время года доступной гавани Гоа она приобрела для своего азиатского могущества центр, который поразительно быстро достиг полного расцвета. Альбукер, столь же выдающийся человек, как и воин, умер 16 декабря 1515 г. на рейде вблизи столицы вновь приобретенного владения португальцев, которые вознаградили его заслуги, выказав ему недоверие и отозвав его. Еще долго после его смерти туземцы отправлялись к его гробу, вознося молитвы его духу, чтобы он защитил их от жестоких притеснений его преемников.

Сила арабов была теперь сломлена, их флоты уничтожены, торговля погублена, и преемники великого Альбукерка имели перед собой более легкую задачу. В 1515 г. Соарец утвердился на Цейлоне; в 1518 г. была открыта торговля с Бенгалией, в 1543 г. европейцам была уступлена Сальсетта (близ Бомбея) и Барода.

Через 60 лет после своего первого появления в Индии португальцы сделали в действительности тем, что им предвещал раздел Папы. От Абессинии до Китая, где с 1557 г. в их руках находился Макао, и Японии, предоставившей им свободу торговли, простиралось влияние португальцев. В Аравии они состояли в союзе с несколькими вождями, в Красном море и в Персидском заливе они были полновластными господами.

Целая цепь укрепленных торговых

218

рынков окаймляла восточный и западный берега Индии от мыса Рамеса до Бенгальского залива; над Малаккой развивался их флаг. Цейлон, Суматра, Ява и Молуккские острова отдавали исключительно им свои ценные произведения.

В порыве первого воодушевления заманчивые предприятия на далеком Востоке привлекли лучших людей того времени, — ядро рыцарства и народа, прошедшее в долгой борьбе с маврами школу удали и храбрости, но также и школу религиозной нетерпимости, жестокости и жадности к наживе. С такими мужами руководители как Васко да Гама, Алмеида, Альбукерк, достигли громадных результатов, но симпатии туземцев им не удалось завоевать, и торговля могла процветать только под защитой меча. В непрерывной борьбе и в убийственном климате цвет португальского народа недолго выжил за героями последовали Соарец, Секвейра, Менезес, Лопо Ваз и другие, за честными, испытанными солдатами — подонки страны: уже в 1538 г. пришлось открыть тюрьмы, чтобы дать должный эскорт губернатору Гарция де Норонха. Начальство и солдаты, все соперничали друг с другом в хищничестве и бесчеловечности; нет такой жестокости, которой не запятали бы себя португальцы того времени. Это заставило туземных правителей соединиться для общего отпора: в 1567 г. против португальцев выступил союз всех правителей западного берега, а в 1578 г. пришлось подавлять всеобщие восстания на Малабарском берегу, на Цейлоне и на Амбоине. Такое положение вещей не могло поощрять торговлю.

Такая же перемена, как в военном духе португальских предприятий, произошла и в их религиозных успехах. Тотчас после первого путешествия Васко да Гамы Кабраль взял с собой монахов, которые должны были проповедовать язычникам Индии Евангелие; самым выдающимся из них был Франциск Ксавье, апостол христианства для Малабарского берега. Его тактичное, скромное, даже смиренное поведение привлекло к нему много приверженцев, и при Габриеле де Са иезуиты достигли

219

огромного влияния. Но вскоре после смерти Ксавье (2 декабря 1552 г.) мрачные доминиканцы привезли с собой в страну инквизицию, наложившую оковы на все духовные проявления. В то время, как каждое отклоняющееся от католицизма учение подвергалось гонениям, общая порочность продолжала спокойно процветать.

Ко всем этим бедствиям присоединилась еще близорукость португальской торговой политики. Лишь единственный раз (в 1731 г.), когда Португалия потеряла уже почти все свои владения, была учреждена торговая компания по примеру более дальновидных государств; но, эта компания получила только один раз разрешение от короля послать и только один корабль в Сурат и на Коромандельский берег. Вообще же португальская торговля с Индией оставалась все время исключительной монополией казны, которая не брезговала никакими средствами, дабы защищать свое право приобретать в Индии товары, с тем чтобы перепродавать их дома по небывалым ценам. Свыше устанавливалось, какое количество корицы должно быть пущено ежегодно в оборот; все же, что производилось сверх этого, сжигалось, чтобы не понижать цен. Сначала в Португалию притекали громадные доходы: в то время, как Венеция быстро теряла свой блеск, Лиссабон в XVI в. служил складским Пунктом почти для всей азиатской торговли, а на Тахо собирались корабли других европейских государств для закупки драгоценного товара. Но весь этот доход мало принес пользы стране: богатства скапливались в казне, в руках немногих привилегированных семей и в многочисленных церквах и монастырях, тогда как народ беднел. При этом, чем больше португальцы создавали себе в Индии врагов, тем меньше становился чистый доход с торговли, вооруженная защита которой пожирала почти всю прибыль.

Особым несчастьем для Португалии было ее соединение с Испанией в 1580 г. при Филиппе II, взор которого был обращен больше на золотоносные страны Америки и на религиозные войны в Европе, чем на дела далекого Востока. Лицемерный король истощал силы Иберийского

220

полуострова в несчастных войнах с протестантскими англичанами и голландцами. В 1588 г. погибла в британских водах гордая Армада; еще более роковым для Португалии явилось недальновидное решение Филиппа совершенно устранить голландцев, главных посредников в торговле Португалии с северными европейскими странами, от участия в лиссабонской торговле; такой мерой он только направил предприимчивый дух голландцев на прямую торговлю со странами, производящими столь ценные продукты.

Голландцы в Индии. Сначала голландцы надеялись открыть в Индию новый путь, на котором им не грозила бы опасность столкновения с португальцами, избрав для этой цели северо-восточный проход: Вильям Барендс (Ба-рендзон) провел в 1594—1596 гг. три экспедиции к Полярному океану; он открыл на этом пути Новую Землю, чем прославил себя; но эта в общем неудачная попытка стоила ему собственной жизни (он умер 20 июня 1597 г.). Тем временем голландцы своими же соотечественниками были направлены на путь, который шел вокруг мыса Доброй Надежды: Ян Хуйген ван Линшотен, бывший в течение 13 лет на службе

у архиепископа Гоаского, опубликовал в конце XVI в. описание своего путешествия и свои карты. Еще большее влияние на своих соотечественников оказал Корнелий де Гутман. Во время своего заключения в Лиссабонской долговой тюрьме, он собрал там точные сведения о тайнах португальских морских путей вокруг мыса. Освобожденный из заточения богатыми голландцами, добровольно уплатившими его долг (1594 г.), он уговорил их послать в Индию под его руководством голландскую экспедицию. В 1595 г. он отправился из Тек-сея, достиг через 17 месяцев Суматры и Явы и возвратился в 1598 г. обратно в Голландию. Успех этого торгового предприятия вызвал к жизни тотчас же несколько торговых компаний: в 1599 г. Гутман предводительствовал в новой экспедиции, окончившейся занятием в 1600 г. острова Маврикия, принадлежавшего португальцам; сам

221

Гутман был по дороге убит, четыре из его кораблей погибли, но остальные четыре возвратились на родину с необыкновенно богатым грузом.

Различные торговые компании слились в 1602 г. в одну Ост-Индскую голландскую компанию. Теперь голландцы смело могли выступить против португальцев, бывших до тех пор всемогущими господами ост-индской торговли; и действительно, превосходство на море оказалось скоро на стороне первых. Правда, попытка, сделанная в 1603 г. сильным голландским флотом, изгнать португальцев из Гоа и Мозамбикского берега, окончилась неудачей, но уже в ближайшие годы голландцами были основаны поселения на побережьях между Меккой и Китаем, на Яве и Суматре, — область, на которую до того времени претендовали только португальцы. В 1612 г. голландцы утвердились на Цейлоне и Тиморе, в 1614 г. — на Корамандельском берегу (Масулипатаме) и в Сиаме; в 1619 г., после ожесточенной борьбы с англичанами, они добились протектората над некоторой частью Явы. Вскоре после этого они сделались единственными обладателями ценных Пряных островов (Молуккские о-ва). В 1662 г. английские купцы на Амбоине были обвинены в замысле напасть на форт тамошних голландских поселений; все десять живших на Амбоине англичан были приговорены к смерти и казнены. Это обстоятельство надолго положило конец всякой серьезной мировой конкуренции на Молуккских островах; Амбоина стала центром голландско-ост-индской торговли и исходным пунктом, откуда португальцы шаг за шагом вытеснялись из оставшихся еще в их руках владений. Сначала они были вытеснены из Японии, где голландцы в течение двух с лишним столетий владели, хотя и с известными ограничениями, исключительным правом торговли; затем у португальцев была отнята Формоза, а в 1640 г. — Малакка; в 1658 г. перешла к голландцам последняя португальская крепость на Цейлоне, Джаффа. В 1664 г. у противника оставалась почти только одна Гоа: повсюду

222

покрыто теперь крепостями и факториями голландцев. Этапами их торгового пути были мыс Доброй Надежды и названный в честь их наместника Морица Оранского остров Маврикий. В Персии они владели 2 поселениями, в Гуджерате — 2, на Малабарском берегу — 4, на Коромандельском — 3, в Ориссе и Бенгалии — 5, а на Цейлоне — 6. Точно также было покрыто их укрепленными станциями все побережье Восточной Азии до самой Японии и Молуккских островов.

Торговые предприятия других европейских государств. Таким расширением своего могущества в Старом Свете, с которым рука об руку шел и подъем престижа в Новом Свете, голландцы сделались первой морской и торговой¹ державой в море; ее торговый флот составлял четверть всех купеческих кораблей Европы, торговые обороты ее относились к английским, как пять к одному. Если англичане не хотели быть окончательно подавлены в мировой конкуренции, им нужно было пустить в ход все свои силы. Очень чувствительный удар был ими нанесен Голландии в 1651 и 1660 гг. изданием навигационных актов, запрещавших всякое посредничество в торговле Англии с ее колониями. Это положило начало тяжелой борьбе; в трех войнах (1652—1654, 1664—1667 и 1672—1674 гг.) обе морские державы померились своими силами: эти войны доказали превосходство Англии и начало постоянного упадка голландского могущества; ввиду этого не могло быть и речи о полном устранении всех других конкурентов из Восточной Азии.

Уже в начале XVII в. некоторые государства, поощряемые успехами первых голландских предприятий в Азии, решили последовать их примеру. За первыми основаниями небольших голландских торговых обществ составила 31 декабря 1600 г. Ост-Индская английская Компания, в 1604 г. — французская и 17 марта 1616 г. — датская в Копенгагене. Однажды датская торговая компания потеряла один из своих кораблей у Танджура. Почти весь экипаж был, убит туземцами; только капитану уда-

223

лось бежать ко двору танджурского раджи, где он был принят дружелюбно, а 19 ноября 1620 г. получил разрешение основать в Транкебаре поселение. Но поселение это, как и основанное в том же году поселение в Серампатаме на р. Хугли (в Бенгалии), не приобрело никакого политического или коммерческого значения, так как существовавшие уже раньше поблизости общества сумели устранить их от всех сколько-нибудь выгодных дел. За ней осталась только слава, — и в этом она опередила голландцев и англичан, — что она первая основала (в 1705 г.) протестантскую миссию в Индии. После медленного угасания Транкебар в начале XIX в. сдался без сопротивления англичанам; возвращенный снова датчанам по Венскому миру, он был продан обратно англичанам в 1845 г. вместе с Серампуром за 2,5 млн марок. Датская же миссия приобщена была в 1847 г. к евангелическо-лютеранской миссии в Лейпциге. Германская империя, терзаемая злополучной Тридцатилетней войной и надолго обессиленная ей, не могла в

XVII в. и думать о каких бы то ни было заокеанских предприятиях. Только в 1723 г. в Остенде основалась Ост-Индская германская компания, которой Карл VI даровал привилегии. В Коблоне близ Мадраса и в Банхипур на р. Хугли выросло два имперских германских поселения, которые, быстро достигнув расцвета, явились неудобными конкурентами для других наций. Принц Эйжен встал на сторону создать немецкий флот и преобразовать Остенде и Триест в две главные гавани государства. Но по настоянию морских держав, государь в 1727 г. отобрал у Ост-Индской торговой компании на семь лет дарованные ей привилегии; этим актом компании были подрезаны крылья. Наконец, конкуренты ее натравили северных и южных мусульман против обеих укрепленных факторий: Банхипур подвергся правильной осаде и после мужественного сопротивления должен был сдаться подавляющему числу осаждающих, остаток же его гарнизона, составлявший только 14 человек, был посажен на корабль и отправлен в Европу. В 1784 г. Ост-Индская торговая

224

компания закончила свое существование полным банкротством.

Отнятие у Ост-Индской компании ее привилегий лишило всех ее служащих средств к существованию; их опытностью и знанием дела воспользовался швед Генрих фон Кениг (1686—1736 гг.). Но основанная им в 1731 г. шведская торговая компания, получившая королевский патент, просуществовала недолго. Далеким Востоком привлек также и взоры Фридриха Великого, короля Пруссии. Желая преобразовать Эмден, главный город, приобретенной им в 1744 г. Восточной Фризландии, в большой торговый порт, он стал покровительствовать народившейся там Азиатской компании; однако после того, как эта последняя послала в Китай одно за другим шесть судов, не получив достаточной выгоды, компания эта закрылась, просуществовав только три года. С другой стороны, и Бенгальской компании, основание которой поощрялось самим королем, пришлось бороться с враждебным к ней отношением европейских поселений, существовавших уже давно на Хугли. Когда ее корабли прибыли к устью Ганга, все голландские, французские и английские лоцманы отказались оказать им помощь при проходе по опасному фарватеру Хугли. Несмотря на это, корабли поднялись вверх по Хугли; при подкупности служащих английской компании между ними и немцами развилась вскоре бойкая частная торговля, в которой последние, далеко уступавшие англичанам в опытности и пронырстве, попадали большей частью впросак. Дипломатические соображения по отношению к другим нациям, которыми Фридрих Великий не мог пренебрегать ввиду своего затруднительного положения вследствие войн с Австрией, привели вскоре к совершенному упразднению Бенгальской торговой компании.

Первые поселения англичан. Первый англичанин, посетивший на корабле индийские воды, был Фрэнсис Дрэк, который в своем кругосветном плавании коснулся в 1578г. Тернате, одного из Молуккских островов, и за-

8 История человечества

225

ручился у тамошнего вождя обещанием продавать исключительно англичанам все производство гвоздики. Индийского материка Дрэк не коснулся: слава пионера на этой почве принадлежит католическому духовному лицу, Томасу Стевенсу, который прибыл в 1579 г. на португальском судне в Гоа и затем стал ректором иезуитской коллегии в Сальсетте. Его письма обратили на себя внимание в Англии и побудили трех купцов, Ральфа Фитша, И. Нью-берри и Лидса отправиться в Индию сухим путем через Триполи и Ормуз. После различных препятствий Фитш пробрался на Цейлон, в Бенгалию и Индокитай и возвратился в свое отечество той самой дорогой, которой он прибыл; Ньюберри обосновался как купец в Гоа, а Лидс поступил на службу к Великому Моголу.

После уничтожения испанской Армады в 1588 г. английские крупные торговцы послали в ост-индские воды несколько частных экспедиций; все они, однако, потерпели неудачу; только после того, как голландцы добились в Индии большого успеха и в своей близорукой политике повысили более чем вдвое цену на перец (1599 г.), в Лондоне образовалась под влиянием успехов Томаса Кэвендиша и Дрэка первая Ост-Индская английская торговая компания («The Governor and compan^y of merchants trading to the East Indies»), которая получила от королевы Елизаветы привилегию на свободную торговлю с Ост-Индией, Африкой и Азией, а равно и право издавать законы и присуждать к наказаниям (поскольку это не противоречило английским законам); вместе с тем ей было дано право беспощинного вывоза всех товаров. В выставленном только на ограниченное время патенте было ; предусмотрено его возобновление «в случае, если предприятие послужит к благу Англии»; в нем же королева рекомендовала экспедицию благоволения всех правителей и народов, страны которых она посетит. Основной капитал составлял 72 000 фунтов стерлингов со 125 акционерами. Вначале каждая экспедиция представляла самостоятельное предприятие; собирался известный капитал и прибыль делилась затем между участниками; толь-

226

ко в одну из экспедиций эта прибыль составляла менее 100 %. Характер предприятий изменился, однако, когда капитал общества возрос к 1612 г. до 400 000 фунтов стерлингов. До тех пор экспедиции Джемса Ланкастера, Генри Миддльтона и других представляли почти не что иное, как походы морских разбойников против испанских и португальских кораблей. В 1609 г. Миддльтон в виду Баб-эль-Мандебского пролива отнимал у всех кораблей, нагруженных индийскими товарами, их груз и думал, что сводит отлично счеты со своей совестью, если расплачивается с ними по собственной расценке тем товаром, который он вез с собой.

Посланный частными купцами в экспедицию Эдв. Михельборн грабил в 1605 г. также и суда туземцев. В общем все Эти экспедиции принесли обществу громадную выгоду, и так как в этом смысле они служили «ко благу страны», то Иаков I охотно возобновил в 1609 г. вышеуказанный патент. В Индии продолжали господствовать еще португальцы, ревниво преследовавшие всякую конкуренцию. Англия видела себя поэтому вынужденной для защиты своей торговли послать туда в 1612 г. четыре военных судна под начальством капитана Беста. Едва они прибыли в Сурат, как подверглись нападению со стороны многочисленных португальцев у устья Тап-ти; победа, однако, осталась на их стороне. После этого Джахангир заключил с ними договор, по которому им давалось право торговли по всему царству Моголов, и взял под свою защиту их поселение в Сурате; филиальные фактории должны были основаться в Гогре, Ахмедабаде, Камбейе и Аджмире, а к царскому двору в Дели должен был отправиться посол (1615—1618 гг. эту функцию исполнял сэр Томас Рое). Благоволению Джахангира англичане были обязаны основанием торговых поселений в Агре и Патне. В Южной Индии на Малабарском берегу они утвердились в Калькутте и важном по значению Каннаноре; в 1619 г. они приобрели покупкой значительный кусок земли на Коромандельском берегу близ Неллора. Поведение англичан по отношению к тузем-

8*

227

ным раджам, особенно правителям великого царства Моголов, было в ту пору до покорности скромно; они являлись мирными торговцами, не стремившимися к территориальным приобретениям и не вмешивавшимися во внутренние дела туземцев, — весь их интерес сосредотачивался на торговле, которая была и для Индии выгодна.

Когда Шах-Джахан бежал от своей мачехи Нур-Ма-хал в страны Нижнего Ганга и обратился за помощью к португальскому коменданту на Хугли, он встретил высокомерное издевательство. Став вскоре после этого правителем, он не замедлил с мстью: в 1631 г. он велел взять штурмом укрепленное поселение португальцев, а их самих изгнать из Бенгалии, тогда как к англичанам он относился так же благожелательно, как и его отец. Это дружественное расположение царя было, однако, омрачено, когда одно английское конкурирующее общество (Courten) захватило разбойничьим образом два могольских корабля и даже, как носился слух, подвергло экипаж пыткам. Прежнее общество отправило в Дели посольство (1637 г.), для того чтобы приобрести снова расположение царя. Случаю угодно было, чтобы одна из принцесс подверглась сильным ожогам; призванному из Сурата врачу Габриелю Броутону (Broughton) удалось излечить пострадавшую. Вместо награды он упросил царя предать забвению упомянутый случай и разрешить английской компании расширить свои торговые предприятия на всю Бенгалию. Вторая услуга того же врача была вознаграждена дарованием компании права основать на Хугли и в Баласоре, в Ориссе, новые фактории.

Хорошие отношения с Моголами не омрачались ничем, пока британская заносчивость не поставила на карту всей будущности индийской торговли англичан. Когда в 1683 г. Ауренгзиб истощил в борьбе с махраттами свои силы, компания решила (в 1685 г.) применять силу против каждой индийской власти, «которая стала бы вредить торговле». Десять кораблей, снабженных каждый 10—70 пушками и семью ротами солдат, составившими вместе 1000 человек, должны были предпринять под на-

228

чалством «генерал-губернатора и адмирала Индии», сэр Джона Чайльда, нападение на Могольское царство с запада и с востока: в Бенгалии подверглось бомбардировке индийское Хугли; на западном берегу — взяты царские суда с мирными богомольцами, отправлявшимися в Мекку, а также предприняты единичные походы в глубь страны. Компания допускала это, но сама сваливала всю ответственность на главнокомандующего. Тогда Ауренгзиб отдал приказ изгнать из Индии всех англичан, их фактории подверглись нападению, агенты были посажены в заключение, Масулипатам, Вайсагапатам, Чатанати и Сурат взяты, Бомбею грозила опасность. Дело еще больше ухудшилось, когда во время начавшихся уже мирных переговоров явился капитан Хис (Heath) с приказанием продолжать войну; следствием этого было то, что агенты из страха перед Моголами массово покинули свои посты. Тогда, наконец, компания отреклась от своего генерал-губернатора и адмирала, на которого она хотела свалить всю вину, выражениями покорности и уплатой контрибуции в 3 млн марок ей удалось умиротворить царя. Когда одна из конкурирующих компаний снова захватила несколько могольских судов, раздраженный царь приказал отнять имущество у старых компаний, посадить в заключение всех англичан и голландцев в Сурате и блокировать Мадрас. Снова пришлось просить прощения и уплатить высокую контрибуцию.

Еще больше затруднений причиняла компания конкуренция своих же соотечественников. Частные предприниматели посылали часто, несмотря на привилегию компании, собственные экспедиции. Не раз и само правительство, во зло утвержденным правам старой компании, выдавало патенты новым торговым обществам, которые по возможности притесняли старшую свою конкурентку, до тех пор пока спустя некоторое время соперники не сливались в одно общество. Неоднократно старая компания должна была расплачиваться за ограбления индийских кораблей, виновниками которых являлись новые общества. Такими конкурирующими предприятиями

г

229

были основанное в 1635 г. Петром Кортеном общество, названное в честь одного поселения на Мадагаскаре «Ассасдой» и соединившееся в 1650 г. со старой Лондонской компанией, затем основанная в 1655 г. и также с ней

слившаяся в 1657 г. *CompanV of Merchant Adventurers*, а равно и Всеобщая ост-индская торговая компания, основанная в 1698 г. с капиталом в 2 млн фунтов стерлингов и слившаяся с Лондонским обществом в 1709 г. в одну *United companV of England trading to the East Indies*. Какими только средствами ни боролись друг с другом конкуренты: в 1703 г. Ауренгзиб подверг заключению живших в Сурате служащих старой компании; когда получился приказ освободить их, то представитель *CompanV of Merchant Adventures* подкупил царских чиновников за 2700 фунтов стерлингов для того, чтобы продлить заключение своих соперников.

Неоднократно компании приходилось бороться и с парламентом. Патент выдавался ей каждый раз только на определенное число лет, и каждое возобновление его означало новое вымогательство со стороны представителей нации, из которых каждый ставил свои требования. Компанию упрекали в том, что она недостаточно оплачивает своих служащих, что она поощряет хищения и частную торговлю, что она пренебрегает защитой своих индийских поселений и т. д.; когда все подобные обвинения заглаживались достаточной суммой «благодарностей» в пользу правящих мужей парламента, патент возобновлялся опять на известное число лет. Судебные расследования установили, что такие подношения достигали в некоторые годы 2 млн марок, причем в дела эти были замешаны люди, занимавшие очень высокое положение.

Несмотря на все это, Ост-Индская компания все больше и больше процветала. Первым ее поселением на Коромандельском берегу была небольшая агентура в Масули-патаме; в 1619 г. к ней присоединился форт в Неллоре, в 1622 г. — Палипат, в 1626 г. — Армагаон и в 1639 г. — Мадрас (Патам), заменивший неблагоприятный по местоположению и оставленный в 1638 г. Армагаон и ставший

230

вскоре под защитой форта Георга главным центром компании на Коромандельском берегу. В 1654 г. Мадрас был выделен из президентства Бантам на Яве и обращен в особое президентство, округ которого захватывал сначала также и все бенгальские поселения.

Когда англичане прибыли впервые в Индию, Сурат был главной гаванью Могольского царства и стал естественно и для британско-индийской торговли центром, вокруг которого группировалось быстро нараставшее число агентур и факторий. Рейд Сурата был, однако, слишком открыт для юго-западного муссона; от врага же он не был защищен ни с моря, ни с суши. В этом отношении значительно благоприятнее был Бомбей: он представлял отличную гавань, а лежащий в ней остров служил естественной защитой на случай нападения махраттхов. Бомбей (*Vot bahia* — хорошая бухта) был первоначально незначительным португальским поселением; как часть приданого жены Карла II, португальской принцессы Катарины Брагансской, Бомбей перешел во владение английского короля, уступившего в 1668 г. это интересное рыбацкое местечко компании за известную плату (в 200 марок ежегодно). После нападения махраттхов в 1670 г. компания решила перенести туда центр президентства, округ которого охватывал весь западный берег вместе с торговыми поселениями у персидского залива и на Евфрате. Развитие британской торговли в Бенгалии началось позже, чем на восточном и западном берегах Декана; Сурат остался гаванью для торговых сношений, простиравшихся далеко внутрь стран, расположенных по Гангу, вплоть до находившейся недалеко от начала дельты Патны. Португальцы при своей непопулярности также не сумели поднять значение своего поселения у дельты Ганга, Хугли (*HoughlV*), лежавшего на 30 английских миль выше нынешней Калькутты. После того, как Шах-Джехан в 1631 г. прогнал оттуда португальцев и предоставил это место спустя 9 лет англичанам, торговые сношения с Бенгалией велись предпочтительно этим, как бы созданным природой для такой цели, речным путем.

231

Прежде британские суда могли останавливаться только в Пиппли, в Ориссе, теперь же они подымались вверх по Гангу, насколько это допускали его воды, и в Хугли принимали товары, которые стекались туда по богато развитой водной сети со всех частей Индостана. Когда же после услуг, оказанных доктором Броутоном в качестве врача царскому двору, в 1645 г. англичане получили монополию на торговлю в Бенгалии, эта последняя быстро расцвела: в 1681 г. поселения в Бенгалии и Ориссе были отделены от Мадраса как самостоятельные президентства. Но уже в 1686 г. губернатор Чарнох и все служащие компании были изгнаны из Хугли могольским наместником Бенгалии, Шаиста-ханом, и должны были искать спасения на одном болотистом острове в устье реки. Впоследствии они снова поднялись вверх по реке до Ча-танати, вблизи которого выстроен был для их защиты форт Уильям; 24 августа 1690 г. примирившийся с ними Ауренгзиб предоставил им право торговли и вернул взятые у них фактории. А в 1700 г. они приобрели у любимого сына царя, Азим-шаха, значительную полосу земли, на которой основались поселения Чатанати, Гавинд-пур и упоминаемое уже в мемуарах Акбара Кали-Гхат, положившие начало быстро разросшейся Калькутте. Защита, которую британская область представляла для населения в ту пору упадка Могольского царства, надежда на наживу привлекали туда все новых поселенцев: в 60 лет упомянутые три поселения превратились в большой город, число жителей которого доходило в 1752 г. до 400 000 человек.

Борьба англичан и французов за преобладание в Индии (1740 — 1760 гг.)

Англичане стали в Индии твердой ногой, и все, казалось, обещало мирное развитие их влияния, когда в лице французов явился для них опасный соперник, ставивший на карту все достигнутые ими результаты. С того момен-

232

та, как между Англией и Францией начинает разыгрываться ожесточенная борьба за преобладание в Индии, для населения этого театра войны открывается новая эра: мусульманская эпоха завершилась, а следующие два десятилетия, в конце которых борьба заканчивается в пользу британцев, составляют первый отдел ост-индской «новой истории». Уже в XVI в. французы направили свои помыслы на Индию, однако, безуспешно. Когда затем бессилие португальцев стало очевидным, образовалась почти одновременно с голландской и

английской, также и французская компания, в которой принимал участие сам король (1604 г.); хотя Генрих IV снабдил ее обширными привилегиями, а на мадагаскарском берегу были основаны поселения, тем не менее в течение первых 60 лет компания эта не имела особого успеха. Только когда в 1664 г. компанию взял под свою защиту Кольбер, она приобрела большое значение. В 1668 г. были основаны первые поселения в Сурате и Голконде; в 1672 г. у голландцев был отнят Сен-Томе (близ современного Мадраса) и заняты острова Маврикий и Бурбон, долженствовавшие служить этапными пунктами по пути в Индию. Сен-Томе, правда, уже в 1674 г. был снова отдан голландцам; но часть местных французов добилась от одного из мелких раджей уступки значительного куска земли на Коромандельском берегу, где Мартин (ум. в 1706 г.) основал Пондишерри. На время новые поселения были отняты у французов голландцами, но Рисвикс-ким миром (1697 г.) были снова возвращены. В 1729 г. город, основанный только 60 французами, насчитывал уже 40 000 жителей.

Дюпле (Dupleix). В Бенгалии французы также вступили в конкуренцию с голландцами и англичанами. В 1676 г. был основан Чандернагор, укрепленный в 1688 г. Но следуя близорукой политике, Франция запретила в 1687 г. ввоз важнейших индийских производств; в 1719 г. у компании были отняты привилегии, и ей грозила полная гибель, когда преобразование ее в простое торговое обще-

233

ство вдохнуло в нее новую жизнь и привело Пондишерри к расцвету. За этим следует блестящий период 40-х гг. XVIII в. В 1730 г. Иозеф Франсуа Дюпле был назначен директором поселения Чандернагор; его энергия так подняла это поселение (что уже по истечении 10 лет со своими 103 000 жителей стало в ряды первых факторий Бенгалии. Переведенный в 1742 г. в Пондишерри губернатором, Дюпле сумел внушить к себе такое уважение среди туземных раджей, что когда в 1743 г. слух о войне между Францией и Англией достиг слабо защищенного Пондишерри, нуваб Карнатика по желанию Дюпле воспретил европейцам в своей области всякие выражения враждебности. Когда же в 1746 г. Б. Фр. Махэ де Лабурдонне, наместник Бурбона и Маврикия, появился с французским флотом, Дюпле обещанием уступить Мадрас склонил того же нуваба не препятствовать нападению французов на англичан. Лабурдонне разбил сначала английский флот при Негапатаме и захватил затем плохо защищенный Мадрас. Необыкновенно сильный муссон и распри с Дюпле, который требовал беспощадного натиска на англичан, побудили Лабурдонне отправиться обратно во Францию. В то же время нуваб Карнатика, Анвар-ад-дин, не получая обещанного Мадраса, выступил с 10 000 войска, чтобы изгнать французов; несмотря на то, что последние могли выставить против него только 230 европейских солдат и 700 индусов, обученных по-европейски, нуваб был отбит. Эта битва при Сен-Томе имеет в истории Индии особое значение: здесь впервые были употреблены в дело туземные войска, сипаи (sipoVs; от новоперсидского sipahi — солдат), здесь же впервые европейские войска приобрели такую славу, что с этого момента успех европейцев в борьбе с войсками туземных раджей являлся уже наперед обеспеченным.

Дюпле тщетно пытался вытеснить англичан также и из форта Давила, находившегося под начальством майора Стринджер Лоуренса; зато английский главнокомандующий Эдвард Боскоуен, державший осенью 1748 г. в течение 50 дней в осадном положении Пондишерри, куда

234

он явился с сильным флотом и 4000 человек экипажа, должен был 18 октября отступить ни с чем, потеряв при этом четвертую часть своего экипажа. Вскоре после этого был заключен в Аахене мирный договор, возвративший Мадрас англичанам и положивший конец войне между Англией и Францией. Своим поведением против Анвар-ад-дина Дюпле нажил себе в нем врага, которого он счел нужным устранить как можно скорее. Обстоятельства ему благоприятствовали. В Тричинополи был взят в 1741 г. махраттха-ми и уведен в плен раджа Чанда-сахиб, самый предприимчивый и в то же время самый популярный из всех южноиндийских правителей: дальновидный француз увидел в нем самое подходящее орудие для вытеснения Анвара. Дюпле уплатил за него выкуп, и Чанда собрал скоро отряд в 6000 человек, чтобы выступит против нуваба, не пользовавшегося в Карнатике любовью. Еще благоприятнее сложились для Дюпле обстоятельства со смертью престарелого Низам уль-мулька. Последний назначил наследником деканского престола своего внука Музаффар-Джанга; но тотчас после его смерти один из сыновей Низама, Насир Джанг, завладел государственной казной, а вместе с ней и войском. Французы послали законному наследнику, привлечшему на свою сторону также и Чанда обещанием сделать его правителем Карнатика, в подкрепление свои войска под начальством генерала Х. И. Потиссе маркиза де Бюсси. В битве при Амбаре 3 августа 1749 г. пал Анвар-ад-дин; его сын Мухаммед Али бежал в Тричинополи. Музаффар наградил за эту победу своего союзника Чанда Карнатиком, французам же он уступил 81 поселение близ Пондишерри. Но сам он был вскоре разбит при Валатхавуре своим дядей Насир Джангом, который получил в подкрепление английских солдат под командой майора Лоуренса; Музаффар был взят в плен и закован в цепи, а Чанда удалось бежать; победитель объявил правителем Карнатика Мухаммед Али, сына прежнего нуваба. Но счастье быстро повернулось снова в другую сторону: в битве при Гингене 4 де-

235

кабря 1750 г. был в свою очередь разбит Мухаммед, а Насир после одной проигранной Бюсси битвы был умерщвлен мятежниками: теперь правителями Декана и Карнатика были действительно люди, желательные Дюпле; 15 декабря 1750 г. француз получил от Музаффара от имени Великого Могола титул губернатора всей области между Кистой (Кришна) и мысом Коморин. Правда, Музаффар Джанг был едва спустя три

недели убит европейцами; но на его место стараниями Бюсси на трон был посажен снова расположенный к французам преемник, брат Насир Джанга. Таким образом влияние Дюпле распространилось на большую часть Декана, и Франция достигла апогея своего могущества в Индии.

Первое появление Клейва и военные успехи. Роберт Клеив, сын одного стряпчего в Стейче в Шропшейре, родившийся 29 сентября 1725 г., отправился в 1743 г. в Индию, где служил писарем, не удовлетворяя этим ни себя, ни своих начальников. При капитуляции Мадраса он попал в плен, но бежал в форт Св. Давида и был принят в 1746 г. майором Лоуренсом в качестве прапорщика. После битвы при Амбаре сын павшего нуаба Карна-тика, Мухаммед Али, бежал в сильную крепость Тричи-нополи и там храбро защищался против отрядов Чакда. Когда же в 1751 г. Дюпле послал в подкрепление этим последним сильный отряд французских солдат, осажденная крепость увидела себя в большой опасности. Тогда Клеив, отличившийся уже однажды при нападении англичан на Девикотта (1749 г.), предложил своему начальнику нападением на Аркот, столицу Чанды, отвлечь последнего от осады Тричинополи. Он сам двинулся туда только с двумя сотнями европейских солдат и 300 спаев и взял Аркот 30 августа 1751 г. План Клейва удался: ну-ваб с 10 000 человек оставил Тричинополи, и Клеив в течение семи недель с оставшимися в живых 120 европейцами и 200 сипаев выдерживал в плохо укрепленном городе осаду и самые жестокие штурмы, пока Чанда не отступил при приближении отряда махраттхов и англий-

236

ского подкрепления. Этот смелый поступок поставил Клейва сразу в ряды самых любимых героев индийской военной истории; впечатление, произведенное этим поступком на самих индусов было подавляющее, слава французского оружия померкла. Французы были разбиты Клейвом при Арни; в июне 1752 г., вблизи Тричинополи, их осадная армия должна была сдать англичанам, а Чанда-сахиб, сдавшийся врагам своим, был умерщвлен Мухаммедом Али, что не встретило препятствия со стороны майора Лоуренса. В течение трех лет — между тем как Клеив вынужден был в 1753 г. вблизи состояния своего здоровья возвратиться в Англию — продолжалась еще с переменным успехом эта война между англичанами и французами, пока в августе 1754 г. Дюпле не был отозван во Францию; все его высокие замыслы были погребены вместе с состоявшимся 11 октября мирным договором, по которому одни только французы понесли тяжелые жертвы.

На побережье сила французов была сломлена. Внутри же страны военный и дипломатический авторитет Бюсси пользовался еще большим влиянием у Низама. Он нанес решительное поражение махраттхам, явившимся с подавляющими силами, и вынудил их заключить мир; ему удалось пресечь опасные козни и даже из проявлений враждебности со стороны непостоянного Низама он умел извлекать пользу для французов, для которых он таким путем добился, например, уступки четырех северных Циркар (в северной части Восточной низменности Кистны). Но и он был отозван по настоянию завидовавшего его успехам графа Т. А. Лалли-Толлендаля, назначенного тем временем губернатором Пондишери.

Франко-английская борьба за первенство в Индии разыгрывалась до сих пор в пределах обоих главных южных центров; теперь же победоносным британцам грозила неожиданная опасность со стороны севера. Основанная Муршид Кули-ханом династия недолго продержалась в Бенгалии. В 1740 г. ее лишил власти Али Вар-ди, который во время одного набега махраттхов разрешил

237

англичанам укрепить свое поселение в Калькутте валом и рвами — «махраттха-дичь». После смерти его (1756 г.) ему наследовал внук его Сиваджи-дауля (Сураджах-ад-дауля), 18-летний, горячий, капризный и развратный человек небольшого ума, ненавидевший англичан и опасавшийся их возраставшей власти. Он неожиданно двинулся на Калькутту; англичане безуспешно обращались за помощью к соседним французским и голландским поселениям; 20 июня 1756 г. город, недостаточно защищенный, должен был сдать после четырехдневной обороны, посадив сначала на корабли большую часть жителей, отправившихся искать спасения вниз по реке. Оставшиеся 146 человек были заключены через ночь в получившую наименованием «черной дыры» (black hole) столь печально известную военную тюрьму, — пространство не больше 30 м², имевшее только два небольших решетчатых окна: наутро из зараженного воздуха этой дыры были извлечены только 23 оставшихся в живых человека.

Период денежных вымогательств (1760—1798 гг.)

Вторичное появление Клейва в Индии. Известие о несчастье, постигшем Калькутту, достигло Мадраса в августе 1756 г., тотчас после того, как туда из Англии возвратился Клеив. В октябре, как только позволил это муссон, он на корабле отправился в дельту Ганга с расположившимся близ Мадраса адмиралом Уатсоном (Ватсоном) и 2 января 1757 г. взял уже обратно Кулькут-ту; дальнейшему шагу, на котором настаивал Клеив, помешала прежде всего нерешительность совета, получившего к этому времени известие о разгоревшейся войне с Францией, а также опасавшегося близости Бюсси и его влияния на Низама. Договор, заключенный нуабом Бен-галии с британцами, был им тотчас же расторгнут. Чтобы напугать французов, Клеив взял приступом Чандер-нагор — принадлежавшее им поселение на Хугли. Он не останавливался даже перед заговорами и изменой, чтобы бороться с могуществом Сиваджи: одному из родствен

238

никое при дворе нуаба, Мир-Джафиру, был обещан трон, если он в предстоявшей битве изменит вместе с подчиненными ему войсками своему повелителю. Бенгальское войско, числом свыше 50 000 человек, заняло близ Плассей (Палаша близ Муршидабада (Моксуда-бад) укрепленный лагерь: здесь на него напал Клеив с

отрядом только в 2900 человек и, благодаря измене Мир-Джафира и трусости нуваба, разбил его наголову (23 июня 1757 г.). В награду за измену Мир-Джафир был сделан нувабом Бенгалии, и для него в Дели было для виду испрошено утверждение; прежний нуваб, взятый в плен уже после назначения Мир-Джафира был умерщвлен сыном последнего. В «благодарность» за свое повышение новый нуваб сделал английской компании и отдельным ее служащим богатые «подарки», в общем более чем на 50 млн марок (один Клеив получил 5 400 000 марок). Кроме того, он даровал компании право земинды, т. е. право взимания подати для нуваба, на пространстве 882 квадратных миль в окрестностях Калькутты (24 перганы). В 1760 г. доход с собирания этой подати, 600 000 марок ежегодно, был переведен на самого Клейва. Таким образом Клеив стал в некотором роде господином над служащими компании, взимавшими для него подать, — невозможное положение вещей, которое было изменено в 1765 г. решением парламента в том смысле, что доходы эти должны были идти в пользу Клейва в течение 10 лет, после чего они должны были перейти навсегда к компании.

Новому нувабу Бенгалии вскоре стала грозить опасность со стороны индусов. Али Гухар, сын Великого Могола Алемгира II, бежал из дворца своего отца и нашел хороший прием в Ауде и Аллахабаде; после умерщвления государя (1759 г.) он сам объявил себя царем Индостана и принял титул Шах-Алем II. С 40-тысячным войском, составленным из афганцев, махраттхов и т. д., он выступил против Мир-Джафира и разбил сначала при Патне войска нуваба, усиленные британскими сипаями, ¹⁰ затем сам был несколько раз побежден с помощью

239

английских войск (1760 г.) и, наконец, вынужден отказаться от своих притязаний на Бенгалию.

Вспыхнувшая тем временем в Германии Семилетняя война привела к тому, что Франция и Россия стали на сторону Австрии против Пруссии и союзной с ней Англии. Граф Лалли-Толлендаль, назначенный в 1756 г. французским губернатором Пондишерри, при всей своей военной опытности и храбрости успел, благодаря своей бестактности, нажить себе повсюду врагов, так что все его предприятия долгое время сопровождались неудачами. После отзыва Бюсси, Форду, посланному Клейвом, удалось отнять у французов северные циркары; 7 апреля 1759 г. перешел в руки британцев вместе с Масулипата-мом последний из французских оплотов в Декане.

1 июня, вскоре после своего прибытия (апрель

1758 г.), Лалли завладел английским фортом Св. Давида; но намерение его идти как можно скорее на слабо защищенный Мадрас встретило сопротивление со стороны французского адмирала и отказ в средствах со стороны совета Пондишерри. Его попытка добыть себе необходимые деньги штурмом Танджура также не привели ни к чему. Когда же он тем не менее осадил, наконец, Мадрас и пробил уже в стенах его брешь, — его собственные офицеры отказались начать штурм; появление английской флотилии у Мадраса заставило французов быстро отступить с потерей всех осадных орудий (февраль

1759 г.). Теперь уже и сам Низам заключил с англичанами договор, по которому он обязывался никогда больше не брать к себе на службу французов. Еще раз для последних зажглась искра надежды, когда в Пондишерри прибыл сильный французский флот; но после нерешительного, хотя и ожесточенного морского боя, французы *ebb* нуждены были уступить поле британцам и удалиться в Иль-де-Франс. Штурмом английского форта Вандеваш Лалли сделал еще одну последнюю попытку, но тут он был разбит 22 января 1760 г. высланным против него Клейвом полковником Эйр Кутом. Лалли, запертый с марта 1760 г. как со стороны воды, так и со стороны суши

240

в Пондишерри, должен был сдаться 16 января 1761 г. Возвратившись в 1764 г. в Париж, этот несчастный полководец был заключен в Бастилию и позорно казнен 7 мая 1766 г. Только спустя 12 лет, 21 мая 1778 г., благодаря смелому заступничеству Вольтера, сыну Лалли-Толлендаля удалось добиться от Людовика XVI восстановления чести своего невинно осужденного отца.

Таким образом был устранен и второй серьезный конкурент в борьбе за преобладание в Индии; только на короткое время удалось ему еще вернуть по Парижскому миру (10 февраля 1763 г.) Пондишерри и Чандернагор. Когда в 1760 г. положение британцев в Индии, казалось, начало колебаться, Ост-Индская голландская компания вошла в соглашение с хитрым Мир-Джафиром и послала с Явы у Хугли семь больших судов с войсками. Но Клеив забрал их, и, двинувшись к голландскому поселению Чинсураха, заставил голландцев подписать договор, по которому они обязывались никогда не закладывать там крепостей и не держать там никакого войска, кроме небольшого полицейского отряда; каждое нарушение этого постановления должно было повлечь за собой немедленное изгнание голландцев.

Мир-Касим. Дальнейшие успехи компании (1761— 1765 гг.) и деморализация ее служащих. Клеив возвратился в Англию в 1760 г., где, награжденный ирландским пэрством, как лорд Клеив оф Плассей стал любимцем народа. В Индии на каждом шагу чувствовалось отсутствие его сильной личности. «Он не создал для Бенгала никакой твердой системы правления, а только укрепил ту традицию, в силу которой, пользуясь страхом, внушаемым уже одним именем Англии, можно выжимать из туземцев безграничные суммы денег». Успех его договоров с Мир-Джафиром служил для совета Калькутты дурным примером. Назначение нуваба дало всем такой неслыханный доход, что ничего не могло быть естественнее, как повторить этот опыт.

Созданный ими же самими правитель стал терпеть от них столько притеснений, что

241

счел нужным в конце концов отказаться от престола. На его место англичане посадили Мир-Касима, одного из его родственников; результатом этой перемены были не только громадные подношения деньгами отдельным высшим гражданским и военным чиновникам, но и уступка в виде благодарности округов Бардван, Миднапур и Читтагонг. Новый нуваб оказался, однако, человеком независимого характера, с крайним честолюбием и большой энергией. Он ревностно принялся формировать свое собственное, обученное по-европейски, войско. Он не особенно охотно переносил вмешательства английских торговцев. Вошло в обыкновение, что все служащие компании, до последнего писца включительно, пополняли с избытком скудный свой оклад частной торговлей; правитель Бенгалии даровал, правда, компании право беспошлинной торговли, но от него стали требовать тех же привилегий и для вышеупомянутой частной торговли. Нуваб представил жалобу совету, — на нее не только не обратили внимания, но, напротив, стали еще больше раздражать нуваба. Тогда он с своей стороны, стал оказывать давление и лишил компанию привилегии беспошлинной торговли. Этим бы дан повод к войне. Войско нуваба, в которое вошли и остатки французского войска, насчитывало 15 000 человек; тем не менее оно было разбито опытным майором Тобиосом Адамсом при Катве, при Гхари и при Удва Нале (Раджмахал). Мир-Касим с 155 пленными англичанами бежал в Патну; но теснимый и здесь неприятельскими войсками, он велел перебить пленных, а сам с остатком своего войска удалился в Ауд, ко двору тамошнего визиря Шуджи. На бенгальский трон был снова водворен прежний нуваб, Мир-Джафир, не без того, конечно, чтобы компании и ее служащим не перепало при этом немало богатых подношений.

Тем временем тяжелая афганистанская гроза пронеслась над Делийским государством и в битве при Панипа-те 6 января 1761 г., десять дней до падения Пондишерри, разгромила царство Моголов. В Дели господствовало полное бесправие; царь бросился искать убежища у

242

Шуджи-ад-дауля, Аудского нуваба. Оба они видели в быстро нараставшем могуществе англичан по Нижнему Гангу большую для себя опасность, и Мир-Касим со своим все еще значительным остатком войска встретил хороший прием при местном дворе. Соединенные армии выступили против англичан как раз во время мятежа сипаев; восстание было, однако, быстро подавлено, благодаря примененной строгости, и в битве при Баксаре (Бук-сар) 23 октября 1764 г. (а не 1761 г.) англичане под начальством Гектора Монро обратили в бегство превосходившие их силы союзных индусских князей. Мир-Касим умер в 1777 г. в Дели в бедности и забвении.

Победа при Баксаре имела для англичан еще большее значение, чем победа при Плассей, — она поставила их лицом к лицу с повелителем Индостана, достоинство которого все еще сохраняло свой ореол, хотя фактически его могущество было низведено почти до нуля: по мирному договору компания была официально признана вассалом Шах-Алема и феодальной владычицей Нижнего Бенгала, Бхара и Ориссы, а в 1765 г. она получила дива-нат, т. е. все гражданское и военное управление. Взамен этого она обязывалась платить ежегодно 5 млн марок МогоЛу, которому был гарантирован Нижний Дуаб (Аллахабад и Кора).

Шуджа удержал за собой Ауд, заплатив за это военные издержки в размере 10 млн марок; нуваб Бенгала, сын умершего в феврале 1765 г. Мир-Джафира, получил в возмещение потери своих доходов с Бенгала 12 млн марок ежегодной ренты и низамат, т. е. право уголовной юрисдикции.

Несмотря на большие доходы, компания не могла не смотреть с некоторой тревогой на дальнейшее развитие своего положения в Индии. В администрации многое, если не все, было гнило: начиная с высших и кончая низшими служащими, все были охвачены стремлением обогатиться наивозможно скорее какими бы то ни было дозволенными или недозволенными путями, чтобы остаток своих дней провести в Англии «набобах». Страна высасывалась самым ужасным образом: «В Калькутте быс-

243

тро накапливались громадные состояния, в то время как 30 млн человеческих существ были низведены до самых крайних степеней нищеты. Они давно уже привыкли к господству тиранов, но никогда они не переживали угнетения подобного этому. Мизинец компании тяжелее давил их, чем рука Шуджа-ад-дауля*». Даже войско было заражено дурным примером чиновников: алчность, страсть к наслаждениям, расшатанность дисциплины проникли и в него.

Последнее появление Клейва в Индии и его смерть. Таким образом, когда в мае 1765 г. Клейв вторично прибыл в Калькутту в качестве губернатора, он увидел перед собой трудную задачу. Ему приходилось бороться со злом, развитию которого он сам способствовал, служа компании; он накапливал огромные сокровища и колоссальными налогами, которыми он обложил правителей, сам положил начало высасыванию страны. Твердой рукой, несмотря на противодействие всех служащих, дошедшее даже до открытого возмущения, он устранил многие дурные стороны управления и наложил узду на всеобщую деморализацию. Служащим было строго воспрещено принимать подарки, и частная торговля стала менее процветать; зато в виде возмещения, хотя и недостаточного, он установил большие оклады, которые покрывались монополией на соль.

В январе 1767 г., вследствие расстроенного здоровья, Клейв вынужден был снова оставить Индию, с тем чтобы уже не возвращаться более. Неуважение, которое он вызвал к себе со стороны всех европейцев в Бенгални, передалось метрополии еще до его возвращения туда. Самые нелепые слухи циркулировали о

нем. Дело дошло даже до обвинения и парламентского расследования; оно окончилось тем, что палата общин признала, что Клейв «оказал своему отечеству большие и важные услуги».

* Слова принадлежат Томасу Бабингтону Маколею, лорду Клейву; 1840г.

244-

Тем не менее Клейв остался озлобленным; употребление опиума подорвало его здоровье, и во время одного припадка меланхолии 22 ноября 1774 г. он покончил жизнь самоубийством.

Первая война английской компании с Хайдер Али Май-сурским, с уходом Клейва положение дел в Индии стало еще худшим, чем было раньше. Первым политическим, шагом Клейва было заключение мира с Великим Моголом, который уступил компании такую обширную область, что для управления этой территорией ей недоставало европейских рук. Только высшие должности могли быть замещены англичанами, так как управление округами должно было быть предоставлено туземцам, что при различных с ними взглядах на законность и незаконность должно было повлечь за собой немало затруднений; между тем ответственной стороной являлись высшие европейские чиновники, совершенно в данном случае беспомощные. Среди низших чиновников индусов недобросовестность и хищения являлись как бы обычным правом, имевшим за собой вековую давность; со своей стороны и европейские служащие, как только перестали чувствовать сильную руку Клейва, вернулись к прежнему обычаю заниматься частной торговлей и принимать «подарки». Доходы компании стали самым тревожным образом уменьшаться; с другой стороны, военные дела на юге требовали все больших и больших расходов.

В XVI и XVII вв. Туземная династия Водяяр Майсура возвысилась из ничтожного положения и достигла относительно значительного могущества. Но во время борьбы британцев с французами мусульманский полководец Хайдер Али (род. в 1728 г.) хитростью и силой сверг с престола слабого Чикка Кришна, раджу Водяяра, и стал сам в 1761 г. во главе государственного управления; он расширил со всех сторон вновь приобретенное царство за счет своих соседей, не без помощи и французов. Когда в 1767 г. он стал грозить Низаму, последний заключил оборонительный союз с англичанами, уступив им при

• 245

этом северные циркары; но едва англичане вступили в войну с Хайдер Али, как хитрый мусульманин деньгами и разными обещаниями переманил на свою сторону Ни-зама. Британские войска были оттеснены майсурскими конными отрядами до Триномалаи; но здесь в сентябре месяце наступление Хайдера обратилось в поражение, и он должен был отступить со своими войсками к плоскогорью. Быстрое движение к западному берегу освободило его от Бомбейских отрядов и отдало в его руки Манга-лор. Борьба продолжалась с переменным успехом еще долгое время, пока 3—4 апреля 1769 г. не был заключен мир, для британцев далеко не почетный, по которому обе стороны должны были возвратить почти все завоеванные области.

Уоррен Гэстингс. Компании эта война ничего не принесла, но зато стоила дорого. Богатые источники разных вымогательств при переменах правителей в Бенгале иссякли; доход с торговли служащие клали большей частью в свои собственные карманы. К этому в 1770 г. присоединился ужасный голод, унесший треть бенгальского населения и приостановивший почти совершенно всякие доходы. Общество увидело себя в 1772 г. близким к банкротству; спасти его могла еще только значительная субсидия со стороны английского государства. Но действительную помощь могла оказать только радикальная реформа. Во времена Клейва с 1761 г. в калькутском совете выделился своей осмотрительностью, справедливостью и способностью к труду некий Уоррен Гэстингс (род. 6 декабря 1732 г. в Черчилле). В 1769 г., после нескольких лет пребывания в Англии, он был послан в Мадрас членом совета; в 1772 г. его поставили во главе совета в Бен-галии. Когда же вследствие упомянутых неурядиц в феврале 1773 г. весь строй индийского торгового общества был радикально преобразован *Regulating Act*, Гэстингс стал во главе всех индийских владений компании. По новому уставу президентство Бенгалии должно было занять привилегированное положение, так как его прези-

246

дент брал на себя в качестве генерал-наместника также и политическое руководство в обоих новых президент-ствах. Он имел при себе четырех советников, и, в случае равенства голосов, решающим являлось мнение президента; кроме того, независимо от совета, в Калькутте была учреждена высшая судебная инстанция.

Положение первого генерального наместника было очень тяжелое. Его задача очистить авгиевы конюшни от укоренившихся злоупотреблений во всех отраслях управления встречало повсюду самое сильное противодействие. Но еще хуже были препятствия, которые ставились ему самим советом: из четырех членов трое были его принципиальными противниками во всех вопросах администрации, особенно же энергичный, но честолюбивый и несколько завистливый Филипп Фрэнсис (предполагаемый автор писем «Junius» 1768—1772 гг.). Немало запутанности внесла в администрацию, кроме того, выясненность задач и прав совета и высшего суда. Все эти препятствия Гэстингс преодолевал своим умением, своей энергией и настойчивостью. Когда один брахман по имени Нун-Комар, занимавший видное положение, в своей ненависти хотел воспользоваться шаткостью положения в совете генерал-губернатора и ложным доносом свергнуть его, этот последний в свою очередь обвинил брахмана в подделке документов; расположенный к генерал-губернатору суд приговорил брахмана к повешению, — предостерегающий пример для всех индусов. От своего злейшего врага в совете, Фрэнсиса, он освободился тем, что вызвал его на дуэль и

пустил в него пулю; Фрэнсис должен был навсегда покинуть Индию, а Гэстингс, располагая теперь большинством голосов в совете, мог отныне без дальнейших препятствий с этой стороны, проводить свою реформу. Система собирания налогов была совершенно реорганизована; для администрации больших округов были назначены европейцы. Все служащие получили большие оклады и всякие побочные заработки были строго воспрещены; были введены окружные суды и т. д. При общей деморализации нельзя было ожи-

247

дать, чтобы реформы могли быть окончательно проведены в период управления одного человека; но основание которое и до настоящего времени не потеряло свое, силы, было заложено уже тогда, и этим была подготовлена почва для дальнейшего правильного развития.

На Уоррен Гэстингса была возложена задача не только устранить дурные стороны администрации, но главным образом, справиться с дефицитом и поставить компанию в возможность давать высокие дивиденды. Но из страны были уже выжаты все соки, и реформы требовали пока только денег, не принося непосредственного дохода. Тем не менее генерал-губернатор со своей растяжимой политической совестью и своей беспощадностью сумел блестяще справиться и со второй половиной возложенной на него миссии.

Уже Клеив в 1766 г., воспользовавшись сменой правителей, понизил ежегодную ренту, которую компания должна была согласно договору платить нувабу, с 12 млн марок на 8 млн, а в 1768 г. при таком же случае эта рента была уменьшена еще на 2 млн. Гэстингс в свою очередь уменьшил ее еще на 3 200 000 марок: несовершеннолетний нуваба бояться было нечего, а по поводу нарушения договора совесть не трудно было успокоить: ведь договор был заключен только с Мир-Джафиром, и его преемники могли быть довольны уже тем, что на их долю досталось хотя бы столько.

Второй неиссякаемый источник открылся генерал-губернатору, никогда не затруднявшемуся в выборе своих средств, в отношениях британцев к Великому Моголу. В 1765 г. царю Шах-Алему были обещаны провинции Аллахабад и Кора и сверх того еще 2,5 млн рупий из доходов с Бенгалии. Но когда в 1765 г. царь уступил обе эти провинции махраттам в обмен за свою прежнюю страну на столицу Дели, куда и переселился в 1771 г., — британцы не только удержали положенную сумму, но и продали за большие деньги обе упомянутые провинции, вовсе им не принадлежавшие, Шудже, Аудскому нувабу, так как царь не находится в зависимости от враждебно настроенных против англичан махраттов. Затем нува-

248

бу было предоставлено за известное вознаграждение британское войско, чтобы покорить Рохиллу у подошвы Гималаев, ничем решительно не провинившуюся против англичан. Когда же в 1776 г. нуваб умер, компания обвинила его мать и вдову (обеих бегам), которым он оставил в наследство 10 млн рупий, — присужденных затем в их пользу самим калькуттским судом в их процессе с Асаф-ад-дауля, наследником престола в том, что они будто бы подстрекали раджу бенаресского против британцев: обе женщины были посажены в заключение, где под угрозой всяких насилий они отказались в конце концов от своего состояния. Затем взоры британцев обратились на богатого раджу бенаресского, Чаит-Синга. После того, как его заставили не раз уплачивать громадные суммы денег, у него хотели еще незаконным образом вынудить выставить особый вспомогательный отряд наездников. Вспыхнувший было народный мятеж был подавлен, и дело кончилось водворением на трон более податливого раджи: это принесло компании увеличение ежегодного ее дохода на 200 000 фунтов стерлингов.

Первая война английской компании с махраттам; вторая война с Майсуром; возвращение Гэстингса. В 1761 г. в Пуне умер пешва Баладжи. Когда вскоре за ним последовал его сын и внук, брат Баладжи, Рагхнат Рао (в английском произношении — Рагоба), за неимением прямых наследников, объявил себя пешвой; когда же, уже после смерти последнего пешвы, у него родился сын, право Рагхната на престол стало оспариваться. Тогда последний обратился (1774 г.) за помощью к президентству Бомбей, обещая ему за это гавани Бассейн и Сальсетту, которые оно и поспешило занять. Когда затем на Рагхната напали махраттхи под начальством Синдиа и Холька-ра и он бежал туда, обе эти гавани были переданы Бомбею уже по договору, состоявшемуся в Бассейне (1775 г.). Президентство, однако, со времени Regulating Act не имело уже больше никакого права самостоятельно вести политические переговоры. Несмотря на это, оно посла-

249

ло войска под начальством Карнака; в 1779 г. при Вадга-; оно оно было наголову разбито махраттским военачальником Синдиа, и вся армия должна была сдаться победи-1 телю. Если Калькуттское правительство и не оправдывало поведения Бомбея, то для него все-таки являлось делом чести вступить за побежденных: в 1780 г. было послано на запад войско. Ахмедабад взят, а 5 августа майором Поггам взят штурмом и Гвалиор, считавшийся до тех пор неприступной твердыней махраттов; сам Синдиа был захвачен в ночном нападении врасплох и разбит. Предварительный договор, состоявшийся в 1781 г. в Салбае, освободил англичан от этого опасного противника, за которым было фактически признано предводительство в махраттском союзе. По заключенному в 1782 г. окончательному миру махраттхи получили Гуджерат, тогда как президентство Бомбей удержало Бассейн и Сальсет- | ту, а Рагхнат за определенную годовую ренту отказался | от своих притязаний на пост пешвы.

Еще за год до Вадгаонского поражения, в 1778 г., между Англией и Францией снова возгорелась война, и уже в октябре Пондишерри был взят (в 1783 г. по Версальскому миру он был снова возвращен Франции). Чтобы вырвать у французов также и лежавшее на западном берегу Магэ, из Мадраса было послано войско через область Майсура, не спросив на то предварительного разрешения его правителя. И без того уже раздраженный Али явился в июле 1780 г. с сильным войском в Карнатике и совершенно разбил 10 сентября при Поллилоре уступавшую ему

численностью и находившуюся под неудачным начальством Балли мадрасскую армию. Сам главнокомандующий водрузил белое знамя; несмотря на это, мусульмане, приблизившиеся без прикрытия, были встречены сильным огнем. В своем озлоблении, вызванном таким вероломством, они изрубили бы англичан на куски, если бы не были остановлены французскими офицерами. Предводитель второй английской армии, Томас Мурро, бросил свои пушки в пруд и бежал к Мадрасу под защиту его стен. Весь Карна-тик был опустошен с целью затруднить англичанам веде-

ние войны. Как только в Калькутту пришло известие о поражениях, Гэстингс тотчас же прервал войну с махраттами и послал новые войска под начальством сэра Эйр Кута, прибывшие в Мадрас в конце 1780 г.; 1 июля 1781 г. при Порто Ново была одержана над Майсуром победа. После продолжительного выжидания Кут разбил врага 2 июня 1782 г. при Читгуре; Хайдер Али умер в том же году (10 декабря) при осаде Беллора. Сын его Типпу-са-хиб продолжал войну с большим успехом (в апреле 1783 г. он запер генерала Маттью в Беднаре, а 20 июня одержал победу в морском бою при Куддалоре союзный с ним французский адмирал П. А. Сюффрен де Сент-Тропец); только 11 марта 1784 г. был заключен в Мангалоре мир при условии возвращения с обеих сторон завоеванных областей.

Весной 1785 г. Уоррен Гэстингс вернулся в Англию, где его финансовые мероприятия встретили одобрение компании, но далеко не нашли отклика в общественной совести. На основании проведенного Питтом 18 мая 1784 г. Индийского билля, по которому устройство индийских дел подлежало впредь министерскому Board of control (Контрольному совету), Гэстингс был обвинен парламентом в 1787 г. в нарушении закона и вымогательствах; процесс окончился в 1795 г. оправданием Гэстингса после того, как все его состояние было поглощено судебной волокитой. Компания обеспечила ему, однако, беззаботную старость, уплатив его долги и назначив ему годовую пенсию в 4000 фунтов стерлингов. Он умер 22 августа 1818 г. почитаемый королем и восстановленный во мнении народа.

Лорд Корнуэльс; третья война против Майсура. Джон Макферсон, управление которого (1785—1786 гг.) не было отмечено никакими значительными событиями, был смещен Чарльзом Манне графом Корнуэльс (Cornwallis; 1786—1793 гг.). Этот последний несчастливо боролся в Северо-Американской войне за независимость, но за ним оставалась слава честного и доброго человека; поэтому на него была возложена задача, провести в Бенгалии твердую по-

250

251

датную систему. Новый генерал-губернатор прежде всей определил, что поземельная подать должна быть установлена по норму прежних доходов на 10 лет; но уже в 1793 г. этот прием был объявлен действительным впредь на более продолжительное время. Мнения относительно значения этой реформы, установившей доходность с земельной подати в Бенгалии в 60 млн фунтов стерлингов, расходятся. Господствовавшие правовые отношения, с которыми нужно было согласовать податную систему, были очень запутаны, неудобопонятны и кроме того не повсюду одинаковы; таким образом избежать несправедливостей не было никакой возможности: в общем, крупные поземельные собственники (земиндары) были поставлены в слишком хорошие условия, крестьяне (райоты) — в слишком тяжелые. В других отраслях управления Корнуэльс предпринял реформы, которые указывали на прогресс. Офицеры компании были уравнианы с офицерами королевского войска, места уголовных судей замещены исключительно европейцами, оклады высших чинов администрации (коллекторы) и окружных судей повышены и т. д.

Во внешней политике лорд Корнуэльс не был избавлен от столкновений. Новый правитель Майсура Типпу-сахиб (Типу-султан) горячий и мстительный, храбрый, настойчивый и хитрый, отправил в 1787 г. посольство к Людовику XVI и вошел в сношения с губернатором Пондишерри, и кроме того с мусульманской державой на севере, Афганистаном; затем он напал на состоявшего в союзе с англичанами раджу траванкорского (в декабре 1789 г.), но не имел успеха. Таким образом, англичане Мадраса имели в нем опасного соседа, и Корнуэльс поспешил войти в союз с мах-раттами и с Низамом, чтобы свергнуть его и разделить между собой его землю. Но война велась в 1790 г. без всяких результатов. Тогда лорд Корнуэльс сам стал во главе английской армии, одержал в 1791 г. победу при Бангалоре и быстро двинулся к самой резиденции противника; но обманутый своими союзниками, Корнуэльс вынужден был отступить, потеряв при этом весь свой осадный парк. Только в начале 1792 г. он с увеличенными силами взял штур-

252

мом лагерь Типпу, атаковал его самого в Серингапатам и 24 декабря продиктовал ему мир. Типпу должен был уплатить 3 млн фунтов стерлингов военной контрибуции и уступить половину своей страны, Малабар и Кург (Coorg), союзникам, которые разделили их между собой.

Сэр Джон Шор и вынуждаемые «субсидиарные союзы».

Преемником Корнуэльса явился его главный сотрудник по податной реформе и один из лучших знатоков Индии, сэр Джон Шор (1793—1798 гг.; с 1797 г. — барон Тень-маус (Teignmouth)). Его, в общем, слабое правление ввело в индийскую политику британцев «субсидиарные союзы; о подобных же «открытиях» на скользкой почве отношений между компанией и индийскими государствами, Нуваб Асаф-ад-дауля Аудский умер в 1797 г., и вступление на престол его сына Визирь Али было сначала хорошо принято культаутским правительством. Но вскоре убедились, что молодой сосед не только не отказался бы добровольно от своей власти, но не прочь, пожалуй, даже присоединиться к врагам Англии. Шор поспешил в резиденцию Лакхнау, нашел, что происхождение Визирь Али не действительно, сместил его и посадил на трон более податливого брата Асафа, который в благодарность за это должен был уступить англичанам крепость Аллахабад, обещать не вступать ни с каким чуждым государством в политические сношения и ежегодно вносить 760 000 фунтов стерлингов на содержание 10 000 британских солдат; последние служили, конечно, больше для подавления поповозновений к

свободе со стороны субсидиарного союзника, чем для его защиты.

Идея **империализма** в эпоха крупных территориальных приобретений (1799—1828 гг.)

В то время как в Индии возрастало английское могущество, политические отношения в Европе были до основания потрясены. Из обломков французской революции поднялась гигантская фигура Наполеона Бонапар-

253

та, — сила, которая стремилась, казалось, к господству над всем миром. У англичан было основание тревожиться за свои колониальные владения: Бонапарт был уже в Египте, чтобы подчинить своей власти мусульманский мир; острова Маврикия (французские с 1715 по 1810 г.) и Бурбон (1646—1810 гг.) представляли отличные промежуточные станции на пути в Индию. Из различных индусских и мусульманских государств Индии французские офицеры и солдаты, остатки из времен Дюпле, состояли на службе раджей, армии которых они обучали по европейскому образцу. Так войско Низама было отлично сформировано Бюсси, а затем его преемником Йохи-мом Мария Раймондом; на службе майсурского султана и в армиях махраттхов находилось много французов, занимавших как высшие, так и низшие места, как например, П. Перрон, де Боань и др. Чем лучше были вверенные им войска, тем затруднительнее становилось для англичан укрепить свое могущество в Индии, где они были окружены столькими врагами. Уэллслей: смерть Типпа; вторая война с махраттхами. Никто не мог подходить для выполнения такой задачи более, чем преемник Шора, Ричард Коулей, барон Уэлл-слей (Wellesley), граф Морнингтон (1798—1805 гг.): человек «из материала, из которого создаются завоеватели», честолюбивый, не без эгоизма, полный широких замыслов. Близкий друг Питта, он был не менее него ненавистник французов, а великий враг Англии зародил в нем самую мысль о владычестве над миром. Так он сделался передовым бойцом за британский империализм.

Политическое положение в туземных государствах Индии пришло на помощь его планам. Предложенный Низаму Гайдерабадскому договор, по которому он вместо французских получал английские войска и обязывался заключить наступательный и оборонительный союз, был им принят после некоторого колебания 1 сентября 1798 г. После этого в феврале 1799 г. потребовали от Титту-сахиба Майсурского, чтобы он прервал все сно-

254

шения с французами и с махраттхами; это требование встретило с его стороны решительный отказ. Морнингтон, усилив английское войско и обеспечив себе нейтралитет пунского Пешвы, разделил свои военные силы на две части направил их против резиденции врага; одна часть под начальством генерала Стурта должна была выйти из Бомбея, другая под начальством его брата Артура (1814 г.; герцог Веллингтон) из Мадраса. 4 и 6 марта султан был разбит, а 4 мая 1799 г. генерал Гартис взял штурмом Серингапатам; Типпу пал героем на пороге своего дворца. Царство Майсур было значительно урезано с севера и востока и отнятая часть разделена между союзным Низамом и президентством Мадрас. На освобожденный трон был водворен трехлетний внук последнего индусского раджи из дома Водаяр, вытесненного Хайде-ром Али; сыновья Типпа получили пенсию, на которую они жили сначала в Беллоре, затем в Калькутте.

Империалистические стремления генерал-губернатора не удовлетворялись мелкими приобретениями. Между старыми владениями на побережье Карнатака и новыми приобретениями внутри страны лежали два царства, стоявшие поперек пути округлению мадрасского президентства. Раджу Ганджура попросту свергли; поставленный на его место один из простых титулованных князей дал свое согласие на уступку страны за пятую часть чистого с нее дохода. В Кариатике (Аркот) умер в 1795 г. престарелый, известный еще по первым подвигам Клейва Нуваб; когда его слабый преемник не мог удовлетворить высоким денежным требованиям англичан за оказанную ими помощь против махраттхов и Майсура, его стали так теснить, что он отказался от престола. Новый же «правитель» должен был в 1801 г. подписать договор, отдавший в руки англичан все управление, гражданское и военное.

Еще большие задачи, чем на юге, предстояли генерал-губернатору, получившему тем временем за свои заслуги в войне с Майсуром титул маркиза Уэллслея, в Северной Индии. Шах-Аллем, правда, по возвращении из Ал-

255

лахабада в Дели был ослеплен мятежниками, и значение его заключалось не столько в нескольких жалких квадратных милях, которыми он еще владел в окрестности древнего великолепного дворца своего предка Шах-Дже-хана, сколько в традиционном величии, связанном с именем Великого Могола, которое по всей Индии, смотря по выгоде или невыгоде различных претендентов на престол то признавалось, то совершенно игнорировалось. Более сильную помеху своим стремлениям Уэллслей видел в Махраттхском союзе.

Предположим, и здесь положение Пешвы как верховного руководителя, давно уже было только номинальное. Хотя отдельные раджи и опасались совершенно нарушить связь, тем не менее каждый из них стремился достигнуть возможно большей независимости, в то время как самые значительные из них прилагали все старания, чтобы хитростью или силой добиться опеки над Пешвой. Чтобы низвергнуть всю эту систему, необходимо было начать с самого Пешвы.

В Махраттхском государстве Индоре (династия Холь-кар) после смерти Тукай Холькара в 1797 г. начались распри из-за престолонаследия между двумя его законными и одним побочным сыном, Джасвант-Рао; несмотря на враждебность своего соседа Даулет-Рао Синдия (с 1794 г. в Гва-Лиоре), последний взял верх.

Его войска направились в Пуну, чтобы силой заставить Пешву перейти на его сторону. Теперь для Уэллслея, усилившего тем временем в ожидании предвидевшихся осложнений свои военные силы против воли компании, наступил момент, предложить слабому главе махраттхов оборонительный союз (1801 г.). Пешва, однако, вздумал прибегнуть к уловкам. И в следующем голю несколько предложений Уэллслея не привели ни к чему; Пешва скорее соглашался доверить свою судьбу Синдиа, чем англичанам. Однако, когда войско Синдиа было наголову разбито при Пуне храбрым Джансвантом, испуганный Пешва бежал на английскую территорию близ Бомбея. Снова ему было сделано предложение ввести у себя английские войска, для содержания которых он должен был уступить значительную область. Но Пешва все еще мед-

256

лил. Только, когда были отправлены две английские армии, и Уэллслей угрожал еще повысить требования, теснимый со всех сторон Пешва вынужден был подписать, наконец, 31 декабря 1802 г. в Бассейне договор, по которому англичане добились от него «оборонительного союза», иначе говоря, отказа Пешвы от политической независимости.

Как и следовало ожидать, договор с Пешвой глубоко взволновал всех махраттхских раджей, и больше всего Да-улет-Рао Синдиа, добившегося над Пешвой самого большого влияния; теперь у него «был сорван с головы тюрбан». Но Уэллслей не дал ему опомниться. Спешными переходами войска двинулись на Пуно, которую они заняли в мае 1803 г. Теперь Синдиа и Рагхуджи Бхонсла Берарско-му были сделаны те же предложения вступить в оборонительный союз; оба отказались. Тогда англичане отозвали своего уполномоченного при Синдиа и в то же время подкупами подстрекали к восстанию его окружающих и войско. Одновременно с этим против обоих махраттхских раджей двинулись две английские армии, одна в Индостане под предводительством индийского главнокомандующего Джерар-да, барона Лейка, другая в самих махраттхских государствах под командой генерал-майора Артура Уэллслея. Последний взял Ахмеднагар; особый отряд под начальством полковника Муррея штурмовал Бароч (Вгоач) в низовьях Нарбады. А 23 сентября 1803 г. сам Синдиа потерпел тяжелое поражение при Ассаре (Берар). Англичане двинулись тем временем также и против Рагхуджи Бхонслы Берарско-го: в Ориссе был занят Каттак, взяты сильный Бурханпур и считавшийся неприступным Асир, и, наконец, при Аргао-не Уэллслей наголову разбил самого Бхонслу. После нескольких дальнейших неудач Бхонсла в конце 1803 г. запросил мира. По Аргоанскому договору (17 декабря) он должен был отказаться от Махраттхской дани и уступить британцам Ориссу, а Низаму — Северный Берар.

Синдиа, однако, все еще медлил с заключением мира, надеясь на благоприятный оборот дела на севере. Ожидания его были напрасны. Уже 14 сентября Лейк взял приступом усиленную французом Перроном твердыню

9 История человечества

257

махраттхов Алигарх (Алигхур), а 11 сентября отр: Синдиа под начальством его второго военного руково; теля, де Буаня, были разбиты у Дели, и слепой Шах-Але! был навсегда освобожден от зависимости от махраттхо! Моголу были гарантированы англичанами ежемесячна пенсия в 90 000 рупий и доходы с древней резиденции ее ближайших окрестностей; сами же британцы остави- ли за собой весь Дуаб между Джамной и Гангом. Из Дели Лейк двинулся на Агру, мазраттхский гарнизон которой был вынужден сдаться 17 октября 1803 г. А 1 ноября при Ласвари была окончательно разбита последняя армия Синдиа, находившаяся под начальством Амбаджи, Теперь только Синдиа снизошел к подписанию договора в Анд-жангаоне (Берар), по которому он отказывался от всяких притязании на Индостан и обязывался никогда не прини- j мать на свою службу европейцев, отечество которых находилось бы в войне с Англией.

Что касается Джасванта Рао Холькара, то он до тех пор не показывал англичанам никакой враждебности. Тем не менее к нему было предъявлено Уэллслеем требование отказаться от махраттхской дани на том основании, что он незаконно владеет Индором. Так как Холькзр не согласился на это, то в течение целого года велась напряженная борьба, в которой и британцам приходилось тяжело (сопряженное с большими потерями отступление Монсона в Средней Индии, безуспешная осада Бхартпу-ра Лейком); Джасвант добился 10 апреля 1805 г. еще относительно благоприятных условий. Но вскоре после новых враждебных действий с его стороны против англичан, Холькар должен был окончательно покориться; по дополнительному договору, состоявшемуся в "декабре 1805 г. в Амритсаре, ему были оставлены город и округ Гвалиор, и границей назначена река Чамбал,

Сэр Джордж Барлоу. Ричард Уэллслей опередил свой век. Даже такие умы, как Питт, Давид Дендас, Кэннинг, Артур Уэллслей не могли примириться с быстрым увеличением британского могущества, да и политическая со-

258

весть большинства не доразвилась еще до того, чтобы не видеть никакой несправедливости в насилиях над чужими правителями. Боялись также опасностей, которые могло вызвать такое положение вещей. Но торгашеский дух, который характеризовал компанию, заставлял ее видеть в этом только большие расходы и ничтожные приходы, вызванные военным временем; словом, британское правительство отозвало Уэллслея. Когда лорд Кор-нуэльс в 1805 г. был вторично послан в Индию генерал-губернатором, ему было вменено в обязанность во что бы то ни стало держаться мирной политики.

Не прошло и десяти недель после его прибытия, как смерть его (5 октября) оставила снова вакантной эту

высшую должность; один из служащих по гражданской части, сэр Джордж Барлоу (Barlow) взял на себя ведение дел и возложенную на его предшественника миролюбивую миссию. Борьба с махратгхами не была к тому времени еще приведена к концу; дальнейшие же войны были воспрещены лорд Лейку (он умер виконтом и губернатором Плимута 21 февраля 1808 г.). По отношению к махратгским правителям была выказана уступчивость; переговоры с Синдха пришли к концу, а с Холькаром был заключен мир, довольно для него выгодный. И тому, и другому дана была полная свобода в отношении дружественных англичанам раджпутов, и они поспешили ею воспользоваться без какого бы то ни было заступничества со стороны англичан. При выраженной слабости правительства подстрекательства обоих сыновей Типпа в Беллоре нашли среди тамошних мусульманских мадрасских отрядов благоприятную почву: 10 июля 1806 г. дело дошло до серьезного восстания, которое могло быть подавлено только тяжелым кровопролитием. Барлоу был вследствие этого смещен и назначен губернатором Мадраса.

Лорд Минто: начало политических сношений с неиндийскими государствами. Вместо Барлоу бразды правления в Калькутте взял в свои сильные руки сэр Джильберт Эллиот барон Минто (1807—1813 гг.). Он прежде всего

259

поспешил устранить мелкие осложнения с разбойничьи ми шайками и незначительными раджами. Более серьезных осложнений опасались все еще со стороны французов. В соглашении с Португалией Минто занял Гоа, затем датские колонии (Гранкебар) и счел, кроме того, нужным завладеть французскими азиатскими островами, чтобы обезопасить Англии путь в Индию. Благоприятный к этому повод представился во все разраставшемся пиратстве в Индийском океане. Бурбон (Рейньон) был легко взят 8 июля 1810 г., а после тяжелой борьбы пал и Маврикий (Иль-де Франс), оставшийся на долгое время в руках англичан, тогда как первый был возвращен Франции 2 апреля 1815 г. после того, как уже первый Парижский мир 1814 г. вернул прежним владетелям все другие завоеванные Минто области. После этого Минто направил свои замыслы против отнятых у голландцев французских островов в Малайском архипелаге: небольшая английская экспедиция завладела в 1810 г. Амбоиной и Цейлоном; большая, предводительствуемая самим генерал-губернатором экспедиция взяла в 1811 г. Яву, усиленную посланными туда Наполеоном французскими отрядами; а в 1812 г. такая же судьба постигла голландские колонии на Суматре и Борнео. Начало политическим отношениям с индийскими государствами было положено все тем же опасением французского вмешательства; лорд Минто отправил посольство к своим северо-западным соседям. Больше всего успеха имело посольство сэра Чарльза Меткальфа, который благодаря своей спокойной уверенности, а отчасти и благодаря приближению британского войска, добился того, что 25 августа 1809 г. Ранджит-Синг, правитель сикхов подписал дружественный договор, долженствовавший иметь силу в течение 30 лет к обоюдной пользе и ко благу раджпутских государств. Моунтстuart, напротив, добился немногого в Кабуле (17 июня 1809 г.); точно также и логор с правителем Синдха, заключенный в Гайдерабаде 23 августа 1809 г., не мог иметь значения на продолжительное время. Также мало успеха добился

260

полковник Джон Малькольм при дворе Фатх-Али Персидского, где его предупредил посланный в феврале 1807 г. Наполеоном I генерал Матье Клод де Гардан; вскоре, однако, ход вещей в Европе заставил покинуть надежду на франко-русский союз с Персией: Гардан оставил страну 16 февраля 1809 г.; пять лет спустя Англия добилась заключения договора с шахом.

Предшественнику Минто Барлоу пришлось уже в бытность свою генерал-губернатором подавлять кровавое восстание войска; еще гораздо более опасным явился мятеж во время его губернаторства в Мадрасе. Распри между ним и высшим офицерством вызвали общее возмущение офицерского корпуса во всем президентстве, и даже в Майсуре и Гайдерабаде: более 1000 офицеров присоединилось к открытому мятежу; однако благодаря тактичности лорда Минто мятежников удалось снова вернуть к их обязанностям, Барлоу же был смещен со своего губернаторского поста.

Лорд Мойра (Гэстнинг): война с гурка, пиндари и мах-ратгхами. В то время, как лорд Минто придерживался в отношении непримиримого врага Англии строгой, даже самовластной политики, он оставил нетронутыми, согласно полученным инструкциям, внутренние политические условия Индии. Лишь Франсис Роудон граф Мойра (1813—1823 гг.) снова вступил на путь, избранный Уэл-лслеем, и открыто довел до известной законченности скрыто проводившуюся последним идею империализма. Благородный образ мыслей, высокообразованный, великодушный и приветливый, это был государственный человек, отличавшийся дальновидностью и одушевленный мыслью сделать Англию первенствующей державой в Индии (paramount).

Буря, которой в его правление суждено было привести навсегда к ногам Англии большую часть оставшейся еще свободной Индии, поднялась из уголка, откуда никто не мог бы ожидать ее, — из Непала (Нипал). В этой простирющейся по южную сторону Гималаев стране уже

261

в седой старине происходили смешения дравидов, монголов и арийцев; живущие в западной части Непала храбрые гуркхали, или гурка (goorkha), носят явные следы смешанного происхождения, хотя в своих преданиях они ведут свое происхождение от переселившихся туда рад-жпутов. Достигнув, благодаря своим энергичным предводителям, Притхви Нараяну (ум. в 1771 г.) и радже Бахадуру Сахи (1775—1806 гг.), господства в Непале, они почувствовали себя стесненными в старых пределах: сдерживаемые на западе

горными цепями и сикхами, достигшими сильной государственности, они, следуя по намеченным течением реки путям, продвинулись к югу и избрали Ганг своей границей. Это привело в 1814 г. к войне. Лорд Мойра двинул две армии, которые должны были соединиться в Катманду: западную — под начальством генерал-майора сэра Роберта Ролло Джиллеспи, восточную — под начальством генерал-майора Дэвида Охтер-лопи. Западная армия при первой же атаке при форте Калинге была отброшена гурка, вооруженными короткими ножами, а Джиллеспи убит; с этого момента на войска, предводительствуемые частью безрассудно храбрыми, частью опрометчивыми или трусливыми офицерами, сыпались удары за ударами. В армии Охтерлопи с самого начала был взят в плен весь авангард вместе с неосторожным предводителем. Но затем счастье обернулось. 12 000 гурка не могли долго продержаться, как против превосходивших их численностью англичан, так и против лучшего вооружения и большего совершенства в военном деле: одна за другой падали их крепости, и в мае 1815 г. большая их часть вынуждена была сдаться. Мир был, однако, заключен только 3—4 мая 1816 г. в Сигау-ли. Британцы приобрели Камаон, полосу земли на южной границе, Непала, где в начале XX в. располагались знаменитые Гангские санатории, дарящие европейцам отдых и здоровье (Симла, Дагошан, Раникхат, долина Наина и т. д.).

Со злорадством и вновь ожившими надеждами следили покоренные Уэллслеем махраттские раджи, как небольшая кучка храбрых туземцев наносила тяжелые удары самонадеянным англичанам и лишала их ореола военной славы, окружавшего их со времен Клейва. Сведения, которые получались от британских резидентов при дворах раджей, состоявших с компанией в оборонительном союзе, были самого тревожного характера. Кроме того, из армий Могольского царства, сила которого навсегда была сломлена, вышли целые орды разбойников, собиравшихся под предводительством отставных офицеров. Ведя бродячую жизнь в джунглях, эти пиндхари врывались время от времени в благоустроенные округа, жгли и убивали, грабили и похищали женщин. Махратти признавали это явление как бы законным, принимая от разбойничьих шаек своей собственной страны известную дань. Так шайки Эмир-хана составляли урегулированное учреждение в государственном строе Холькара, а пиндхари под предводительством своих атаманов Карим-хана, Дост-Мухоммеда, Читу и других опустошали страны Синдья и платили ему за это дань. Под конец они распростили круг своих действий и на английские области. В Лондоне оставались глухи к неоднократным представлениям генерал-губернатора. Только после того, как пиндхари нанесли британскому Карнатику убыток в несколько млн рупий, и в министерство в качестве президента индийской контрольной палаты вступил энергичный Джордж Кэннинг, генерал-губернатор, ставший после счастливого окончания войны с гурка виконтом Лоудоу-ном, графом Роудоном и маркизом Гэстингсом, получил разрешение принять строгие меры.

Дальновидный Гэстингс уже заранее приготовил две армии, численность которых (120 000 человек) далеко превосходила ничтожное число недисциплинированных пиндхари (23 000 человек). Его уму рисовалась более высокая задача: дело шло к тому, чтобы сломить раз навсегда, суверенитет всех индийских правителей. В своей прокламации Гэстингс впервые объявил общее первенствующее положение Англии: необходимо-де положить конец незаконности и восстановить мир «под эгидой все-

262

263

могущества английского правительства». Пешва Баджи Рао, несмотря на договор, заключенный в Бассейне, продолжал претендовать на управление и держать свои собственные войска, чего ему больше не разрешалось. Но бдительность и решительность резидента при его дворе, Моунтстурта Эльфинстона, заставили его в июне 1817 г. подписать новый договор, по которому он навсегда признал себя вассалом компании, отказывался от всяких политических сношений и уступал кусок земли, из доходов с которой в размере 2,5 млн рупий ежегодно должен был содержаться для его защиты английский отряд. Легче было добиться от Синдья обещания сохранять нейтралитет, а равно и согласия Аппасахиба (Муджаджи II) Берарско-го войти в субсидиарный союз.

Теперь наступило время пустить в ход обе большие армии, и в июле 1817 г. они двинулись с севера и с юга под главной командой самого генерал-губернатора; хотя целью их и были пиндхари, но они шли с таким расчетом, чтобы в случае надобности тотчас же можно было выступить против одного из махраттских раджей, если бы он вздумал восстать. И действительно, одним из первых в навязанном ему договоре раскаялся Пешва: он велел ежечь резиденцию и приказал своим войскам сделать нападение на сипаев-резидентов, окончившееся, впрочем, неудачно. На выручку резидентам явились тотчас же британские отряды, заняли Пуну и прогнали Пешву: последний бежал к Мудхаджи II в Берар и уговорил его поступить также с тамошним резидентом Иенкинсом. Дело окончилось такой же неудачей, и Мудхаджи был арестован. Подозреваемый Синдья был так блокирован английскими войсками в своей резиденции Гвалиоре, что не мог предпринять ничего враждебного; умирая, он в 1827 г. добровольно отдал в руки своего британского резидента вопрос о престолонаследии. Наконец, Пешве удалось поднять и Холькара — но и тут туземные войска были разбиты генералом сэром Томасом Гислопом при Махид-пуре. Последнее поражение было нанесено остатку отрядов Пешвы при Аште, недалеко от Сатары; ему само-

264

му удалось уйти* но спустя некоторое время после безустанного бегства, он попал в руки англичан. Впоследствии был занят и Нагпур, резиденция спасшегося из английского заточения Мухаджи; войска его были разбиты при Симагаре, и одна крепость за другой, в том числе и неприступный Асингхар, взяты

штурмом; бежавший раджа нашел убежище у раджпутского правителя Джодхпура и некоторое время спустя умер.

Так были свергнуты все три принимавших участие в борьбе против англичан махраттских правителя. Владения Пешвы (Пуна) были приобщены большей своей частью к президентству Бомбей; небольшой округ был сделан отдельным княжеством и его правителем назначен один из проживавших в забвении потомков Сиваджи, тогда как свергнутый правитель Пуны с пенсией в 800 000 рупий в год содержался в Бнттуре при Кахнпуре. Правителями Индора (династия Холькара) и Нагпура (династия Бхонс-лы) были провозглашены несовершеннолетние дети, к которым был прикомандирован британский опекун.

Одновременно с этими войнами была закончена и другая задача: уничтожение пиндхаров, — тревожная охота на зверя, которого во что бы то ни стало нужно было затратить до смерти. Разбойников уничтожали массами; часть предводителей гинла в безвестности (Читу, например, был съеден тигром); другая часть избегла преследования и закончила свой век мирными поселениями. Самый счастливый исход нашел Эмирхан, который заблаговременно подчинился англичанам и получил часть отнятой у Холькара земли в качестве вассала Англии.

Лорд Амгерст и первая война с Бирмой. Счастливый исход последней махраттской войны округлил границы британских владений и установил их более чем на четверть века. За этот период внутри Индии не произошло никаких сколько-нибудь значительных военных событий, хотя пронесшиеся над ней грозы еще долгое время находили отклик в небольших восстаниях. Зато уже в правление ближайшего генерал-губернатора, барона Вильяма

265

Питта Амгерста (1823—1828 г.), разгорелась большая война с Бирмой. В Ассаме, который присоединил к Бирме Шембуан, происходили уже некоторое время несогласия, с одной стороны, по поводу проведения длинной пограничной линии между обеими странами, с другой — из-за пошлины. Наконец — новый генерал-губернатор не пробыл на своем посту еще и двух месяцев, — бирманцы упразднили пост сипаев и на требование лорда Амгерста извиниться ответили нападением на лежащий у восточного из устьев Ганга остров Шапури и арестовали двух британских офицеров. Война сделалась неизбежной; велась она, впрочем, небрежно, необдуманно и вяло. Из Бенгалии и из Мадраса было послано по отряду; после соединения на Андамане войска под начальством Арчибальда Кэмпбелля высадились у устья Иравади и заняли 11 мая 1824 г. Рангун, основанный только за 70 лет перед тем, но успевший уже стать вторым по величине городом в Бирме. Британцы прибыли как раз в то время, когда начался юго-западный муссон: вся страна была превращена в одно дышащее лихорадкой болото, на котором немисливо было никакое движение; в Иравади же вода так поднялась, что нельзя было и думать о проезде на кораблях; солдаты умирали тысячами от малярии (45 % от общего числа), не успев увидеть ни одного врага. Только в декабре к Рангуну подошел самый храбрый из бирманских генералов, Бандула, и окружил город, в котором удалось поставить войска в лучшие условия и усилить их новыми подкреплениями; после продолжавшейся несколько недель осады Рангуна бирманские войска были отбиты. Тем не менее британцы отказались от первоначального плана проникнуть далее на кораблях вверх по реке; напротив того, две новые экспедиции должны были теперь двинуться сушей к столице противника из Ассама и Читтагонга. Первая из них, пробродив более трех месяцев в лесах пограничной области и не встретив врага, вернулась обратно. Вторую постигло несчастье еще до ее отправления: в октябре 1824 г. туземный бенгальский полк возмутился, убедившись, что ничего не было подго-

266

товлею к походу, — его истребили картечью и саблями. Когда затем экспедиция, направившись сушей к Читтагонгу, прибыла к Аракану и взяла главный город провинции, она была также захвачена малярией. В феврале 1825 г. военный совет тем не менее решил послать вверх по Иравади армию под начальством Кэмпбелля. После того, как добрый Бандула пал от пули при Данабеве и приведенные этим в замешательство войска были разбиты 1—3 декабря при Промэ и обращены в бегство, начались переговоры в Пагане; прерываемые несколько раз, они 24 февраля 1826 г. привели, наконец, к миру, заключенному в Яндабо в то время, как британские войска находились только в нескольких дневных переходах от Авы. Король Пхагий-дау должен был уступить компании провинции Ассам, Аракан и Тенассерим (две превосходные, богатые рисом страны) вместе с областью у устья Салве-на (где был основан Маулмейн); англичанам эта война обошлась в 5000 человек (72,5 % всего отправленного войска) и 130 млн рупий. Как это было при испанской войне, так и теперь, при бирманской, волны ее прокатились далеко вглубь Индии. За исключением самых ранних британских владений в Бенгалии и Мадрасе, повсюду господствовало брожение: и тут, и там снова появились разбрыничьи шайки; многие из мелких раджей не скрывали своей враждебности, другие же прямо восстали, пришлось прибегнуть к оружию. Неудачная осада столицы Бхартпура Лейком (1805 г.) распространила далеко за пределы этого мелкого царства славу ее неприступности; основательно искоренить такой взгляд являлось для англичан делом, не терпящим отлагательства. Умерший в 1825 г. раджа оставил несовершеннолетнего сына; когда регентство взял на себя Дурджан-Сал, брат покойного, англичане стали утверждать, что он имеет намерение устранить законного наследника, и потребовали от него, чтобы он за известную сумму оставил страну. Дурджан-Сал отказался, крепость была осаждена сильным войском и, после пятидневной осады, взята штурмом Стапльтон-

ном Комбермиром (1826 г.); Дурджан-Сал был захвачен во время бегства и заключен под стражу на английской территории в качестве государственного преступника.

Лорд Вилльям Бентинк (1828—1835 гг.). В промежуток времени между последней войной с махраттами и первой войной с сикхами, следовательно, в 1818—1845 гг., Индия, отчасти управляемая Англией, отчасти ей подчиненная, могла в общем наслаждаться благами мира. Значительными успехами во внутреннем строе она обязана прежде всего управлению такого государственного мужа, как Вилльям Генри Кэвендиш, лорд Бентинк (1828—1835 гг.); он сумел развить основы, заложенные лордом Гэстингсом. В правосудии были проведены значительные реформы (введение для второстепенных судебных дел более мелких судебных учреждений с составом служащих из туземцев, начало общего Criminal Codex и т. д.)- Индусы стали допускаться на судебные и административные должности в значительно большем числе и при лучших окладах, чтобы сделать их более надежными; были основаны особые школы для чиновников, чтобы образовывать людей для государственной службы (школа в Агре), и как официальный язык признан английский. Податная система в новых провинциях была поставлена на лучшие начала тем, что были приняты во внимание давние права земельных собственников; были сделаны кадастры и межевые карты отдельных деревень, поощрялось земледелие и т. д. Уже Гэстингс, несмотря на дорого стоившие войны, повысил чистые доходы, достигавшие при его предшественнике Минто 2 млн фунтов стерлингов ежегодно, на 3,5 млн; и хотя неосторожное управление графа Амгерста имело последствием значительные дефициты, тем не менее благодаря умным мероприятиям Бентинка (понижение % по государственным займам и т. д.), доходы скоро снова поднялись. Само собой — времена (1600—1800 гг.), когда предприимчивые европейцы черпали баснословные богатства в торговле с Индией, навсегда прошли; сказочную рос-

268

кошь двора Великого Могола, которая так занимала фантазию европейцев, и о которой давали такое необычайное представление иллюстрации к столь популярным описаниям путешествий Ольферта Дапперта и его подражателей, заменила теперь голая проза британского господства.

Парламентским актом от 28 августа 1833 г. привилегии Британской Ост-Индской компании, несколько раз уже возобновленные, были на этот раз значительно урезаны. По этому акту она с 22 апреля функционировала еще только как политическое учреждение, долженствовавшее управлять Индией под контролем Board of Control до 23 апреля 1854 г.; таким образом она с этого момента перестала существовать как снабженное различными монополиями торговое общество. Дальнейшим постановлением этого важного акта была учреждена амортизационная касса (sinking fund), чтобы в течение 40 лет выкупить акции по их курсовой стоимости (200 %); по истечении этого срока парламент по своему усмотрению может решить, должна ли быть возобновлена привилегия компании, или нет. Это последнее имело место, так как 4 мая 1854 г. право государства на контроль было расширено, и было постановлено, что дела компании могут быть во всякое время урегулированы законом — прелюдия к наступившему в 1858 г. концу. Постановления акта 1833 г. касательно пошлины были отменены уже 16 июля 1842 г. новыми постановлениями о торговле в британских владениях.

Среди результатов, которых Бентинк добился в Индии, нужно выделить особенно два, оставившие за ним навсегда славу великого ее благодетеля: отмена сожжения вдов (сати) и искоренение тхагов.

Предшественники Бентинка ограничились тем, что установили известный контроль над обычаем, который был введен брахманами, т. е. наблюдали за тем, чтобы ни одна вдова не была сожжена против ее воли.

Точные наблюдения привели к статистическим выводам, из которых явствовало, что обычай этот находился в несомненном упадке: в 1828 г.

269

в Бенгалии, насчитывавшей 60 млн жителей, было только 420 случаев самосожжения, тогда как еще в 1817 г. их было 700. На этом основании Бентинк решился, несмотря на сопротивление брахманов и на опасения европейцев, положить одним ударом конец обычаю сати. 4 декабря 1829 г. был издан указ, по которому каждый, кто на будущее время оказался бы участником в сожжении вдовы, должен был наказываться, как убийца. Этим действительно был положен конец страшному обычаю, против которого тщетно пытался бороться еще великий Акбар. Последний случай сожжения вдовы произошел уже вне сферы британского влияния в 1877 г., при смерти властителя Непала, Джанг Бахадура.

Вторым славным делом Бентинка было устранение тхагов, секты убийц. В той же области, которая прошла разбойничью школу пиндхари, в Средней Индии, уже несколько веков тому назад почитатели богини разрушения, кровожадной Кали (Бхавини) сплотились в наследственную секту, касту, которая сумела соединить служение богине с материальными заботами тем, что сделала своей жизненной задачей душисть и грабить всех путешественников, за исключением европейцев. Распространенные далеко по всей стране, тхаги имели однородную организацию, свои особые религиозные обрядности и свой собственный воровской язык (gamasVana); перед каждым предприятием они обращались к Кали с молитвой о даровании успеха, и часть награбленного имущества приносилась ей как жертва на алтарь. При нападении никогдла не проливалась кровь, тхаги убивали только при помощи петли (gumal, или phansi). Бентинк ревностно занялся искоренением тхагов. Он нашел такую отличную поддержку в своих служащих (Молани, Уордлоу, Бортвике), особенно в майоре Слимани, что до 1835 г. было схвачено не менее 1526 этих набожных раз-

бойников, остальные же вынуждены были отказаться от своего древнего варварского обычая. В остальных отношениях англичанам в правление Бентинка только два раза пришлось вмешаться в дела
270

отдельных государств Индии. В Майсуре избранный британцами и ими же воспитанный индусский правитель так плохо хозяйничал, что вызвал общее восстание своих подданных (1831 г.). Махараджа был свергнут, и правление отдано в руки европейца и трех к нему прикомандированных европейцев же. Впоследствии наследником был признан также и британцами приемный сын (с 1865 г.) свергнутого раджи, которого англичане сами воспитали для его будущего призвания и посадили на маймурский трон 25 марта 1881 г. В Курге отличались жестокостью последние три правителя, особенно же обуреваемый настоящей кровожадностью Вирараджаджендера Водеяр, что заставило первенствующую державу Индии-, озабоченную сохранением своего доброго имени, двинуть туда свои войска, занять резиденцию Меркара, а затем, по желанию самого населения, присоединить к своим владениям и саму страну (1834 г.). Отправленный в Бенарес с хорошей пенсией раджа переехал впоследствии в Англию, где и умер в 1868 г.

Ауклэнд, Элленборо у Гарднинг (1836—1848 гг.).

Период спокойной работы для внутренних преобразований пришел к концу вместе с временным управлением делами Индии бароном Чарльзом Теофилом Меткальфом (1835—1836 г.). Когда благодаря партийным проискам на место лорда Вильяма Гейтесбери генерал-губернатором Индии был избран Джордж Эден барон Ауклэнд (1838— 1842 г.), для нее начались 20-летние цепи военных предприятий. Первым делом он воспользовался переменой, происшедшей на одном из тронов, чтобы снова сузить права туземных властителей. В Ауде в 1837 г. был отравлен правитель, и мать его хотела возвести на трон его сына, назначенного самим отцом в наследники престола. Калькуттское губернаторство снова сделало открытие, что это незаконный сын; оно избрало в преемники дальнего родственника, от которого можно было ожидать большей податливости и, кроме того, — при его высоких

271

летах, — скорой смерти. Так как наследник, несмотря на это, все-таки приступил к коронации, британский резидент приказал своим войскам стрелять в народ, штурмовать тронный зал и посадить на трон своего кандидата: за это последний подписал в 1837 г. договор, предоставлявший резиденту полную власть «предпринимать всякие действия, какие он найдет необходимыми для устранения недостатков существующего управления». Даже в Англии были убеждены, что эти недостатки отчасти существуют только в воображении, отчасти сильно преувеличены и что они вызваны главным образом британским же вмешательством: поэтому в Лондоне этот договор отклонили. Лорд Ауклэнд, однако, не счел нужным сообщить об этом индийскому правителю, который продолжал считать себя связанным договором.

К концу 1838 г., при ближайшем рассмотрении, в Индии существовало шесть различных родов отношений англо-индийского правительства к туземным государствам. По различию заключенных договоров их разделяли в то время на следующие классы: 1) наступательный и оборонительный союз с правом вмешательства компании также и в дела внутреннего управления (Ауд, Майсур, Берар, Траванкор и Кочин); 2) то же, что и первый род договора, только без права вмешательства во внутренние дела (Гайдерабад, Гаикавар, Гуджерат и Барода); 3) то же, что и договор второго рода, но с платой дани и (в большинстве случаев) с военной повинностью (радж-путские государства); 4) оборонительный союз с гарантиями (сикхи); 5) дружественный договор (Гвалиор); 6) оборонительный договор с более или менее выраженным правом руководить внутренними делами (Дели, Са-гара и Колапур).

Первая война против Афганистана. Самым роковым событием правления Ауклэнда была война с Афганистаном, на который он также надеялся наложить руку водворением на престол правителя, который бы зависел от британцев. Как прежде боялись нашествия Наполеона,

272

так теперь пугалом служило возможное нападение России, все дальше проникавшей на юг Азии. Уже с прежних времен в этой стране произошло разделение на три части: северо-западная (Кабул) находилась главным образом под владычеством северных племен (моголов и др.), западная (Герат) стояла часто в зависимости от Персии, тогда как на юге бассейн Гильтменда с Кандагаром часто меняли своих властителей. После персиянина Надир-Шаха афганским тронм завладел вождь племени дурра-ни Ахмед-шах. Его внук Шах-Шуджа был вытеснен в 1809 г. младшим братом своим, который, в свою очередь, был свергнут в 1826 г. Дост-Мухаммедом, из племени баракзай; последние господствовали над Кабулом, тогда как Герат продолжал оставаться под владычеством дур-ранийских правителей. Руководители компании были довольны, что столь опасный прежде для Индии Афганистан теперь, благодаря внутренним распрям, распался и был ослаблен, и что к тому же между их западной границей и беспокойным соседом поднялось крепостной стеной окрепнувшее при Ранджите Сингхе сикхское царство. Тем не менее компании пришлось вскоре завязать с Афганистаном в более близкие отношения.

Когда персы послали в Герат войско, в котором находились и русские офицеры, и осадили тамошнюю столицу, а со стороны Лагора Ранджит овладел Пешавером, воротами в Кабул, Дост Мухаммед стал хлопотать о дружбе с англичанами, и Ауклэнд послал в декабре 1836 г. «коммерческую миссию» под начальством Александра Бернса в Кабул. В это же время и русский царь прислал туда собственноручное письмо. Дост-Мухаммед предложил англичанам прервать сношения с Россией, если они поддержат его планы относительно Пешавера; но Ауклэнд отверг это предложение. Последствием было то, что Дост-

Мухаммед обратился к русским, Берне же был отозван (весной 1838 г.). Ауклэнд, заключивший тем временем союз с пенджабским махараджой с целью водворить на трон прежнего правителя Кабула, Шах-Шуджу, и прикомандировавший уже наперед к будущему правите-

273

лю британского агента Вильяма Макнайтена (Macnaghten объявил 1 октября 1838 г. Дост-Мухаммеду войну. Что бы не обременять своего пенджабского союзника прохождением войска, англичане не только заняли проти! воли населения и противно прежним договорам стран; синдхов, образовавших на Инде союз мелких племен, и потребовали от них денежной субсидии. Затем начале поход, сопряженный со страшными трудностями, через Боланский горный проход, при постоянных нападениях? враждебных племен, при невзгодах и опасностях отвратительного климата, дурном продовольствии и плохом обставленном транспорте. В начале мая 1839 г. англичане достигли Кандагара, и Шах-Шуджа торжественно вступил в свое царство. В июне войско под начальством Джона Кина отправилось дальше в Газни; ворота были взорваны порохом, и город взят штурмом. Дост-Мухаммед вынужден был в конце концов бежать через Хиндукуш к узбекам, и новый властитель вступил 7 августа 1839 г. вместе с английским войском в Кабул. Население приняло навязанного ему правителя очень холодно; когда же (для личной безопасности последнего) была организована лейб-гвардия из самых неукротимых племен, недовольство народа выразилось в неоднократных восстаниях. В то же время белуджи стали грозить южной линии отступления через Боланский горный проход; с севера же в страну ворвался снова Дост-Мухаммед, но после безуспешной, само собой, борьбы он добровольно отдался в руки англичан и был доставлен в Индию как государственный* преступник.

Правительство не одобряло всего ведения войны командировало Вилл. Джорджа Кейт Эльфинстона, от жившего, расслабленного бригадного генерала, далекого от стоявшего на высоте своей задачи. Тщетно осмотревшие офицеры предостерегали и настаивали на возвращении; Макнайтен считал, однако, делом чести, чтобы войска не оставляли оберегаемого ими правителя. Сильно увеличившиеся расходы требовали экономии думали помочь делу тем, что отчасти урезали, отчасти!

274

совсем удержали суммы, которые были обещаны беспокойным племенам, если они будут вести себя мирно; это вызвало повсюду только новые проявления враждебности. Горные проходы Кхаибера были заняты мятежниками; опасность грозила также и другим проходам по всей линии отступления, 2 ноября 1841 г. в Кабуле был убит Берне, предназначенный в преемники Макнайтену; 24 декабря, при одном свидании с Акбар-ханом, сыном изгнанного Дост-Мухаммеда, был убит и сам Макнайтен. Форты Кабула, где находились все склады осадной армии, достались в руки врага; положение было отчаянное. Наконец 28 декабря пришли к решению снять гарнизон Кабула (4000 солдат и 12 000 обозной прислуги), оставив всех пленных офицеров, солдат и женщин. Зима уже наступила со всей своей суровостью, дороги были покрыты глубоким снегом, запасы людей и вьючных животных истощены; повсюду подстерегал беспощадный враг. Так тянулась эта таявшая с каждым днем колонна в январе 1842 г. через теснины Курд-Кабула и Джагдалака. На последнем привале у Гайдамака оставалось еще только 20 офицеров и 25 солдат. Под конец и этот ничтожный остаток не выдержал, и один только доктор Брайдон мог принести известие о полнейшем уничтожении всего отряда в Джеллалабаде, где гарнизон продолжал еще держаться под начальством генерала Роберта Сейля. Кроме этого отряда, стойко отстаивали себя еще только отряды Газни и Кандагара (под командой Вил-льяма Нотта). Приказания главнокомандующего (оставшегося заложником у Акбар-хана, но умершего вскоре от подагры) отдать все эти пункты афганцам не были исполнены храбрыми войсками; но в марте 1842 г. пал и Газни.

Тем временем в Индии произошли важные перемены: в 1839 г. умер махараджа Пенджаба, Ранджит-Сингх, и там воцарилась опасная анархия. В октябре 1841 г. и в самой Британской Индии на место Ауклэнда, ошибки которого были виной ее тяжелого положения, генерал-губернатором был назначен Эдвард Лоу, лорд Элленбо-

275

ро (1842—1844 гг.), человек с благими намерениями, но непостоянный, хвастливый и неосторожный. Он прибыл 21 февраля 1842 г. и увидел себя перед не терпящей промедления задачей прийти как можно скорее на помощь запертому в Афганистане остатку войска. Генерал сэр Джордж Поллок пробился через Кхаиберский горный проход и соединился в Джеллалабаде с генерал-майором Ноттом, который, следуя приказу Элленборо, очистил 10 августа Кандагар. После того как были взорваны укрепления Газни (6 сентября), он проник до Кабула (16 сентября); но он не нашел там больше британского ставленника: Шах-Шуджа был убит еще 5 апреля. Англичане поспешили возвести на трон его сына, освободили пленных и, в память своего пребывания, взорвали на воздух всю базарную площадь. 12 октября войска оставили Кабул, 24 числа того же месяца прибыли в Джеллалабад, разрушили его и 6 ноября 1842 г. достигли беспрепятственно Пешавара. Все предприятие было куплено ценой тяжелых потерь людьми, военных издержек в 240 млн марок и небезопасного умаления британского престижа. За драмой последовала комедия: генерал-губернатор велел сделать изображения ворот с могилы Махмуд Газни, похищенных этим последним в 1017 г. из храма в Сомна-те, и развезти их в торжественных процессиях по стране как «отомщение Сомната»; он издал напыщенную прокламацию и велел отчеканить медаль с надписью: «Pax Asiae restitute».

Смуты в Скидке и Гкалноре; первая война с сикхами.

Медаль мира еще не была готова, как уже снова разгорелась война. Печальные вести о неудачах англичан в Афганистане вызвали радостный отклик у Синдхского союза, испытывавшего на себе насилие англичан, и его эмиры вступили в тайные переговоры с Лагором. Англичане перебросили в Синдх еще больше войска, отдав командование над ними воинственному сэру Чарльзу Джемсу Напиру: эмирам был предложен договор, в котором к ним предъявлялись обширные требования; эмиры его

276

подписали, но народ поднялся против своих правителей. 17 февраля и 24 марта 1843 г. синдхи потерпели кровавое поражение при Миани и должны были подчиниться всем условиям, поставленным победителем: эмиры были отставлены и отправлены в изгнание, страна присоединена и Напир назначен губернатором. Напир сам называл все это дело «подлостью»; правление резко осудило присоединение области, издало соответствующее воззвание (в августе 1843 г.) и — удержало область за собой.

Тем временем в Гвалиоре умер махараджа, оставив после себя только малолетнего приемного сына. Британцы, само собой, потребовали для несовершеннолетнего наследника престола не того регента, которого желал народ, прибегли к угрозам, настаивая при этом на уменьшении туземного войска. Когда на это было отвечено отказом, дело дошло до войны: туземные войска потерпели поражения при Махараджпуре и при Панныаре и были уменьшены на две трети своего прежнего состава, а вместо этого в страну был послан британский отряд под начальством английских офицеров.

Еще большая опасность грозила англичанам с крайнего северо-запада со стороны царства сикхов, которые терпели от персидского короля Надир-шаха и афганского властителя Ахмед-шаха Дуррани (1762, 1763 и 1767гг.) самые жестокие преследования и были почти уничтожены. Но при их живучести их трудно было совершенно истребить. К концу XVIII в. сикхи снова основались в Восточном Пенджабе между Биасом и Сэтледжем. Глава клана Шукарчарья, часто уже упоминавшийся Ранджит Сингх, получил от афганцев в 1798 г. в ленное владение Лагор, а в начале наступившего столетия воспользовался распрями между внуками Ахмеда Дуррани из-за престолонаследия, чтобы сделаться совершенно независимым. Он превратил шаткий союз сикхов в прочную монархию, а дикие орды своих воинов преобразовал при помощи европейских офицеров (особенно французов Жана Франсуа Алларда, Вентуры, Авитабиле и Кур-¹а) в армию, соответствующую требованиям времени.

277

Когда же он вздумал распространить свое могущество далее на восток, по ту сторону Сэтледжа, ему пришлось прийти в столкновение с англичанами. Благодаря государственному уму британского агента Чарльза Меткаль-фа, он согласился 25 апреля 1809 г. отказаться от всяких притязаний на область по ту сторону Сэтледжа, британцы же, со своей стороны, признали его суверенитет в Педжабе. Этому договору он остался верен до самой своей смерти (27 июня 1839 г.), расширяя свое царство толь-¹ко к северу (Кашмир, 1819 г.) и к западу (Пешавер. 1829г.). Со смертью его, однако, началась ожесточенная борьба за престол. Во всеобщей смуте выдвинулись три партии: сикхская аристократия (особенно Гхула- Сингх и Пешора Сингх), затем жившие в Пенджабе р жпуты и, как самая сильная партия, военная. Считая до-; говор 1809 г. тяжелым насилием, военная партия больше других питала надежду, что после всех британских неудач в Афганистане ей удастся порвать его.

Таково было положение дел, когда Элленборо, в сполсобностях которого правление общества имело основЦние сомневаться, был смещен, и преемником ему казна-* чен генерал-лейтенант Генри Гардинг (1844—1848 гг.); отличившийся в войне с Наполеоном в Испании и при Линьи и бывший уже дважды военным министром (1828— 1830, 1841—1844 гг.). Британские войска на северо-западе были усилены еще его предшественником, когда поведение сикхов начало становиться все более и более угрожающим. Вскоре дело дошло до прямого столкновения. Сикхи, отстранившие в сознании своей силы европейских генералов, в числе 60 000 человек и с сильной артиллерией (150 пушек), перешли в декабре 1845 г. Сэтледж; 18 декабря при Мудки они неожиданно напали на английское войско во время завтрака, но были тем не менее отбиты. В сражении при Ферощахе (21 декабря), которым беспорядочно руководили сам Гардинг и сэра Гёг Гоу, британцы понесли тяжелые потери, но несмотря на это, сикхи были разбиты. Потерпев еще одно поражение 28 января 1846 г. при Аливале, они окопались при

278

•
1

«t
я
ч
4*
х
U

St		Г*
		fc
		г
Г* " й		3

«1 л §"
 *п 00
В* EY **
 *C *P *T
 ? *O 00
 O *A Я
 B¹ H
 X 22 H
 3 ^T S
 C S
 r? Is
 CJ
 rj S^M
 И
 к
 х
 о
 е
 с
 C;
 p.
 E п
 «Г «^ Ч
 А 3 r^ _
 L: Я в X ^ 00 1 t
 C V « ?5
 »
 fn i 5 * JI ^^
 во да oo
 П i
 Чa U
 H O 00
 " C иa(30нояб. • конец яна.
 4^ C 1
 ^ _ 27 июня
 Г | S
 С * Г у
 * P * Q
 £ Ж. Мсхтаб-Канва, Ж.
 Рвки-Шанда, р
 У ** ^
 H
 *E
 £ 3 §
 И X
 H
 X X
 И
 34
 4-
 Ж
 *
 *
 л X
 3 ^^ Д п

E
 8 U 1*1
 | r
 i 00
 | ^ 3
 H S
 E S
 Э _
 | ▽
 IN C O
 яx 2 §
 1 §
 ' C c
 X X
 X X
 O O
 a.
 s s
 3 3
 U X
 o o
 3 r^ _
 1 t
 ?5
 * JI ^^
 да oo
 ? S
 00
 ^
 * o
 1
 1
 Г3
 00
 X X
 X X
 И
 34
 4-
 Ж
 *
 *

Собраоне на Сэтледже. Здесь, 19 февраля сикхи оказали отчаянное сопротивление, и сила их была окончательно сломлена: потеряв 8000 человек, они должны были отступить за Сэтледж, и британцы вошли в Лагор. Были выработаны предварительные условия мира, но, в связи с тем что сикхи продолжали держать себя враждебно, эти условия были сделаны более тяжелыми: по мирному договору, заключенному 9 марта 1846 г. 10-летний Дху-лип Сингх был назначен раджей-соправителем; войско сикхов было ограничено определенным числом, и на средства побежденных (ежегодно 2,2 млн рупий) должен был содержаться в стране британский отряд. В Лагоре должен был с этих пор пребывать британский резидент (полковник Генри Лоуренс; затем сэр Фредерик Керри); вкх шие места в управлении должны были занимать главным образом англичане. Весь Джаландер Дуаб между Биасом и Сэтледжем был уступлен компании, точно так же как и Кохистан и Кашмир, который англичане тотчас же снова уступили за 10 млн рупий Гхулаб-Сингху, расположенному к англичанам радже Дусаммскому.

Гардинг, получивший титул виконта Лагорского, оправдал возложенные на него надежды и в отношении внутреннего управления. Это был человек, честно исполнявший свои обязанности, тепло заботившийся о благе вверенного ему народа, благоразумный и энергичный. При нем начал строиться большой Гангский канал, обеспечивавший существование млн людей. Были подготовлены устройства телеграфа и проложено большой сети государственных дорог, начаты тригонометрические съемки всей Индии, отлично урегулирована система налогов. Для войска были созданы различные благотельные гигиенические учреждения (климатические станции и т. п.). Правительство устраивало пробные плантации для культуры чая, цинхонина и т. д. Генерал-губернатор не меньше заботился и о духовной стороне жизни туземцев: был поставлен в лучшие условия школьный вопрос, и индусы массово устремились в правительственными школы, как только вышло постановление правительства, что на служ-

280

бу будут приниматься предпочтительно окончившие эти школы. В связи с устройством мастерских для сооружения великого Гангского канала было учреждено близ Рур-ки политехническое училище для туземцев. Начиная с правления Гардинга, отдельные индусы стали настолько эмансипироваться от своих кастовых предрассудков, что перестали бояться «черного» моря и являлись в университеты Англии. Как Бентинк поборол извращения индусской религии устранением сжигания вдов и религиозных убийств тхагов, так и Гардингу и его сподвижникам (сэр Колин Кампбел и Джон Макферсон) удалось искоренить обычай человеческих жертвоприношений кхондов.

Дальгаузи (1848—1856 гг.). Не прошло и нескольких месяцев после вступления в должность нового генерал-губернатора (13 января 1848 г.), Джеймса Эндрю Броун-Рамсае графа Дальгаузи (1848—1856 гг.), как ненависть сикхов, с трудом только сносивших свое подчинение, прорвалась с новой силой. В Мултани 19 апреля 1848 г. подверглись нападению и были убиты один офицер, Ване Агнью, и один гражданский служащий, Андерсон; диван (князь, платящий дань) Мулрадж объявил себя независимым. Несмотря на то, что два молодых капитана (Цжордж-Гаррис- Эдварде и Лейк) сумели достойно встретить неприятеля 18 июня при Ахмедпуре и 1 июля при Саджаме, восстание распространилось с ужасающей быстротой; к сикхам присоединились афганские наездники, жажда мести которых в отношении вторгшихся к ним англичан была сильнее религиозной ненависти сикхов. Начатая генералом Уншем 2 сентября осада Мултана должна была быть снята 14 сентября. Дальгаузи понимал, что полное покорение сикхов стало делом, не терпящим отлагательства. Британские войска, находившиеся в Пенджабе, были соединены в середине ноября в Лагоре под начальством лорда Гоу (Gough), но понесли под его неумелой командой тяжелый урон. Тем временем со стороны Синдха прибыла армия Унша и приступила 27 декабря ко второй осаде Мултана. Город после шестидневной бомбардиров-

281

ки был взят (2 января 1849 г.); цитадель же сдалась только 21 января. За восемь дней до этого Гоу, благодаря своим необдуманным действиям, проиграл кровопролитное сражение с мятежниками при Чиланвале (или Руссуре), но 21 февраля он проявил большую смелость и разбил наголову врага при городке Гуджерат.

Остаток сикхских отрядов, преследуемый по пятам генералом В. Р. Джиль-бертом, вынужден был сдаться 14 марта. Теперь англичане могли по своему похозяйничать в государстве сикхов: Дхулин Сингх, которого англичане три года тому назад сами признали, был свергнут 29 марта 1849 г. и отправлен с пенсией в Пуну, государственные сокровища с Ко-хи-нором и казенные земли конфискованы и вся область сикхов объявлена британским владением. Братья Генри и Джон Лоуренсы взяли на себя задачу заново организовать эту важную провинцию, Дальгаузи же был произведен благодарной королевой в маркизы.

Счастливо законченная война с сикхами расширила британские владения на крайнем северо-западе до ее нынешних пределов и привела их к естественным границам, вторая война с Бирмой присоединила к ним далеко на востоке еще одну новую провинцию. Король Паган Менг не мог примириться с потерей важных частей своей страны и пользовался случаем, чтобы ставить англичанам в своей области всякие затруднения. Когда, поэтому, купеческий союз в Рангуне подал в 1851 г. генерал-губернатору жалобу, этот последний, с целью расследовать дело, отправил в ноябре к устью Иравади военное судно. Дурное обращение с английскими офицерами дало повод к объявлению войны. В феврале 1852 г. туда было послано на пароходах 6000 человек, которые 14 апреля взяли штурмом Рангун и прогнали бирманские войска. Период дождей, сыгравший в первой бирманской войне такую роковую роль, прошел теперь при хорошей под-

готовке и достаточных средствах защиты без особого вреда; по окончании его английские отряды проникли далее по течению реки до Промэ (3 октября). Так как король окончательно отказался войти в мирные переговоры-

282

ры, то 20 декабря вся Нижняя Бирма (Пегу) была объявлена присоединенной к индо-британскому государству; благосостояние этого края и его торговля поднялись с этого времени поразительно. Внутреннее управление Дальгаузи; присоединение — инкорпирование — туземных государств по «выморочной» системе. Во внутреннем управлении Дальгаузи следовал по намеченному его предшественником пути. В его правление имели место окончание великого Гангского канала (1854 г.), открытие первой железной дороги (при его уходе были уже открыты 200 английских миль), учреждение пароходства на Инде и правильных рейсов к Красному морю (англо-ост-индский путь), продолжение тригонометрических съемок и нанесение на карту морских берегов, прокладка сети телеграфов, улучшение почтовых сообщений, учреждение центрального ведомства для публичных работ и т. д. Несмотря на дороговато стоившие войны, доходы снова настолько поднялись, что с четвертого года его управления они уже превышали расходы. В школьном вопросе он также действовал в духе своего предшественника. В Англии склонны преувеличивать заслуги Дальгаузи в области управления на счет Гардинга: большинство нововведений были намечены и подготовлены уже последним; тем не менее у преемника его нельзя отнять того, что он с осмотрительностью делал все, чтобы поднять благоденствие Индии. Если английские историки называют Дальгаузи «величайшим из всех индийских проконсулов», то ими руководит в данном случае преклонение перед достигнутыми Дальгаузи непосредственными успехами во внешней и внутренней политике. В войнах с соседними государствами он приобрел для британского могущества две богатые провинции, а способ его действия в отношении индийских царств значительно расширил владения Ост-Индской компании: мы имеем здесь в виду придуманный и проведенный им политический принцип (седьмой), теорию об «отчуждении» государств.

283

По этой теории при смерти правителя престолонаследие признавалось только в том случае, если имелся законный сын покойного. Если же его не было, то приемный сын не имел права, как это было до тех пор, на престол, и царство это становилось «выморочным».

Принцип этот был в восьми случаях проведен на практике. Впервые он был применен уже в первый год правления Дальгаузи к Сатара, последнему остатку некогда столь могущественного господства Пешвы. В 1853 г. были присоединены раджпутское царство Джанси и На-груп, где умер последний Бхонсла, не оставив законных наследников. В трех других случаях того же года дело касалось титулованных князей, не имевших своей области; их приемные сыновья были отстранены, а титул их и назначенные им пенсии отняты. Это имело место, когда умерли последний нуваб Карнатика, затем раджа Танд-жура и, наконец, бывший Пешва Баджи Рао, приемный отец Дундху Патха, более известный под именем Нана-сахиба, который спустя несколько лет так страшно отомстил британцам за свое устранение. Последним титулованным правителем, с которым должен был погибнуть слабый отблеск прежнего могущества и великолепия, был последний Великий Могол Мухаммед Бахадур-шах II; его заставили согласиться на договор, по которому его потомки должны были оставить царскую резиденцию Шах-Джехана и вести жизнь частных людей. Чуткая совесть Дальгаузи не смогла, наконец, дольше терпеть также и положение дел в Ауде, орашаемом бесчисленными никогда не иссякаемыми реками и являющемся первой в Индии страной по густоте населения. Правда, по договору 1837 г.) раджа являлся менее ответственным за все происходившее, чем резидент, снабженный особым правом принимать для устранения всяких зол, хотя они и были во многих случаях вызваны лишь британским вмешательством, всякие меры, какие он найдет необходимым; сама династия тамошних правителей оставалась, кроме того, всегда верной британцам доказывала им не раз неоценимые услуги. Но подобные соображения пред-

284

ставлялись генерал-губернатору, очевидно, ничтожными в сравнении с его долгом — сделать счастливым население Ауда, — когда 7 февраля 1856 г. он присоединил к британским владениям самую богатую из провинций Индии. Присвоение некоторых областей («assigned districts» в Бераре), принадлежавших другому союзнику, Низаму Гайдерабадскому, имело по крайней мере то фактическое основание, что Низам не мог заплатить недоимок, накопившихся по содержанию — к тому же еще навязанному — британских войск. Дальгаузи был набожным христианином. Никто так часто и так настойчиво не апеллировал к воле Всевышнего и так хорошо не знал этой воли, как он. Благоденствие подданных было у него на первом плане. А так как туземцы не могли же чувствовать себя такими счастливыми при варварском хозяйничаньи язычников, как Под христианским владычеством Англии, то для него было делом совести распространить благодать английской оккупации на все попадающие в реки британцев государства. «Я не могу себе представить, чтобы кто-либо мог оспаривать политику, пользующуюся каждым случаем, чтобы упрочить принадлежащую уже нам область присоединением лежащих на пути государств и распространить на всех них нашу систему управления и этим соблюсти их же высшие интересы... Миллионам человеческих существ будет дарована такой переменной свобода и счастье».

Восстание 1857 г. было страшной расплатой за такую свободу и счастье по британскому рецепту. Инкорпированные индийских царств в английские владения лишало туземцев всякого права на высшее положение в

государстве, но еще более важным являлось то, что топталось в грязи чувство преданности народа дому своих правителей, с которыми он был связан вековыми традициями. Народ не мог сразу освоиться с культурой, развивавшейся на чуждой почве; он мог только ненавидеть ее и бояться и предпочитал терпеть гнет от себе подобных, чем получать счастье из рук иноземцев, которые без малейшего понимания народного духа оскверняли самое

285

святое его достояние, смещали его царей и увозили неизмеримые богатства. Глубже всего было задето религиозное чувство. Прежние генерал-губернаторы по возможности щадили веру, законы и обычаи индусов; теперь же вдруг на сцену явились принципы и поступки, оскорблявшие самые коренные воззрения индусов. Каждый из них считает высшим благом для этой и для будущей жизни оставить по себе сына, который закрыл бы ему глаза и набожными делами поддерживал бы вечное блаженство предков. Кому же судьба отказала в прямом наследнике, тот мог продолжить свой род усыновлением и обеспечить себе этим в одинаковой степени вечное блаженство. Этой веры чужой народ коснулся грубой рукой под предлогом, что дело идет только о благе людей; успехи, которых британцы добивались, все более и более теснили индивидуальность индуса в то время, как они сами получали от этого одни лишь материальные выгоды. Подчеркивая то, что они преследуют угодное Богу дело, они вызывали в индусе только насмешку и лицемерие.

Лорд Кэннинг; восстание сипаев (1857 г.). От дальновидных людей не укрылось глубокое и получившее широкое распространение брожение среди туземного населения; правление компании не обращало никакого внимания на раздавшиеся голоса, а взоры виконта Чарльза Яна Кэннинга (1856—1862 гг.), преемника Дальгаузи, были сначала отвлечены персами, которые напирали на восток. Проявившаяся в Крымскую компанию слабость английского войска придала им решимость напасть на Герат и занять его; но когда в 1856 г. в Персидском заливе появился индо-британский флот, они вынуждены были после нескольких поражений очистить Герат и по Парижскому договору от 4 марта 1857 г. обязаться не вмешиваться больше в афганские дела.

В Индии тем временем продолжали оскорблять чувства индусов: были изданы законы, разрешавшие вдовам вступать снова в брак, запрещавшие брахманам многоженство, и постановление, что туземные войска могут

286

быть употреблены также для службы вне Индии. Озлобление народа достигло своей высшей точки, и нужна была только искра, чтобы пожар разгорелся. Поводом к восстанию послужила необходимость применения при введенных в 1853 г. энфильдовских шомпольных ружьях «смазанных жиром патронов». Среди магометанских войск распространился с быстротой молнии слух, что при откусывании патронов приходиться брать в рот жир самого нечистого из животных, свиньи; среди индусов же речь шла о жире самого священного для них животного — коровы; и тем и другим нововведение представлялось как высшее поругание их религии. В Мирате несколько сипаев отказались употреблять новые патроны, и их подвергли аресту. На следующий день, 10 мая 1857 г., они были силой освобождены своими товарищами; мятежная кучка, разраставшаяся подобно лавине, направилась 11 мая к Дели, где к ней присоединился гарнизон города. С быстротой урагана мятеж распространился по всей стране между Джамной и Патной и далеко за пределы ее: характерно при этом, что к движению пристали именно те «выморочные» области, которых коснулось дальгаузовское инкорпирование. Президентства Бомбей и Мадрас оставались спокойными; в государстве Низа-ма, озлобленном отнятием нескольких провинций, удалось, благодаря тактичности министра и присутствию мадрасских отрядов, уничтожить в зародыше начинавшуюся смуту. В присоединенном Нагпуре дело дошло уже до серьезных возмущений. Самое ожесточенное, однако, восстание произошло в присоединенном четыре года перед тем незначительном, но гордом раджпутском царстве Джханси, в Ауде, в резиденции царя, где его потомки вынуждены были отказаться от имени Моголов, и в Кахнпур (Cownpore) на Ганге, в ближайшем соседстве с которым жил Дундху-Патх, прозываемый Нана-сахибом, оскорбленный в своих наследственных правах приемный сын последнего Пешвы.

Некоторые обстоятельства, касавшиеся войска, пришлись очень кстати мятежникам. Потребность в служа-

287

щих для гражданского управления в новых провинциях лишала армию множества самых способных офицеров; в то же время офицеры, оставшиеся при своих прежних обязанностях, сочли себя униженными и продолжали вяло и с неудовольствием нести свою службу. Затем значительная часть войска была переведена во время и по окончании последней войны с сикхами в Пенджаб; с другой стороны, посылка европейских солдат из Индии в Крым вызвала такое несоответствие в составе войска, что на каждого европейского солдата приходилось пять индийских сипаев. Наконец самая важная часть — артиллерия — была предоставлена главным образом туземным солдатам.

В области, охваченной восстанием, выделялись три центра: Дели, Кахнпур и Лакхнау (Lucknow). В течение лета 1857 г. в столице Моголов собралось постепенно 50 000 мятежных сипаев, мечтавших о том, чтобы изгнать британцев и восстановить прежний блеск Индостана. Европейцы укрепились было в Кахнпуре под начальством генерала Уилера (Wheeler), но им недоставало решительного руководителя, и когда после 19-дневной осады Нана-сахиб пообещал им свободный пропуск, они ему поверили. Но 27 июня, когда они достигли Ганга и собирались уже отправиться в Аллахабад, 450 из них были расстреляны в лодках (только

четверо спаслось вплавь на другой берег), и около 150 женщин и детей было схвачено и привезено обратно в Кахнпур. С большим успехом держалась кучка европейцев в 1000 человек в Лакхнау под начальством Генри Лоуренса, превратившего старое ре-зидентство в маленькую крепость; даже после того, как он пал от пули 2 июля, они продолжали под командой полковника Джона Инглиса героически держаться, несмотря на все штурмы подавляющего своей численностью противника. Оставшееся верным британцам войско собралось в Аллахабаде под командой бригадного генерала генри Гавелока; он повел их сначала против Нана-сахиба, которого он преследовал по пятам после того, как тот 17 июля оставил Кахнпур. 25 сентября английский полководец соединился, наконец, с осажденными в

288

резидентстве в Лакхнау европейцами, но так как он не имел достаточного войска, чтобы освободить их, то он пока остался с ними в крепости. 24 ноября он умер от дизентерии в Алам-Багхе при Лакхнау, не успев узнать о своем производстве в баронеты.

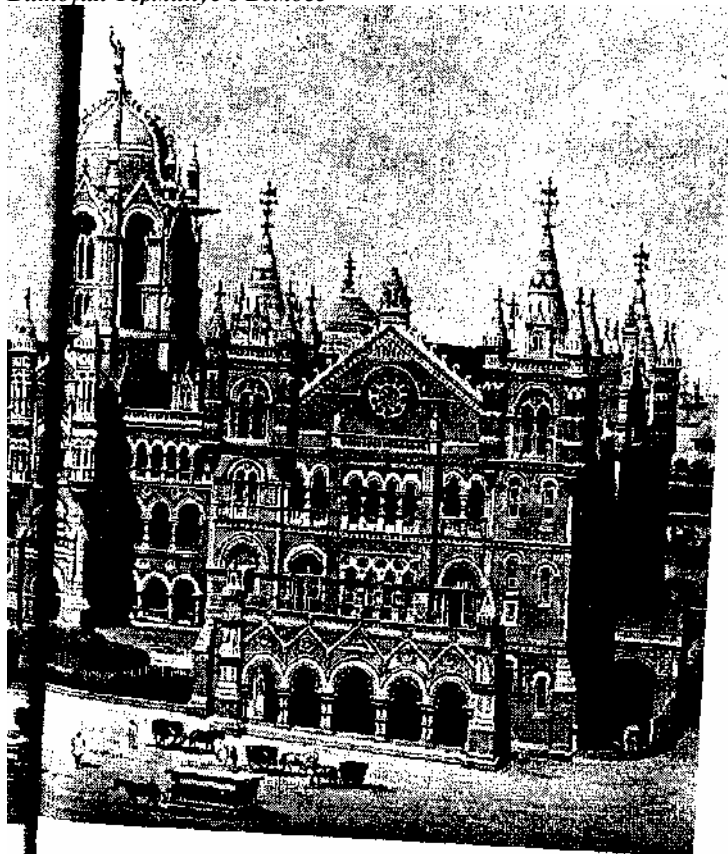
В Пенджабе сикхи не забыли ужасных преследований моголов: они остались верны своим новым британским гостеподам и дали возможность их главному дипломатическому агенту, И. Лоуренсу, отослать войска для усмирения Дели. При их приближении мятежники пали духом, и гарнизон царской резиденции сократился скоро до 20 000 человек. Тем не менее уступавшие в числе британские войска под начальством полковника Арчдейля Уильсона, принявшего на себя командование после смерти генерал-лейтенанта сэра Генри Вияпьяма Барнарда (22 июля), в течение шести дней вели отчаянную уличную борьбу, прежде чем взяли могольскую крепость (20 сентября 1857 г.). Мухаммед-Бахадур-шах II был схвачен со своими обоими сыновьями во время бегства; сыновья погибли от руки одного британского офицера, пристрелившего их, сам же царь был приговорен военным судом к пожизненному изгнанию в Рангун, где он и умер 7 ноября 1862 г.

Судьба восстания была решена с падением Дели. В начале октября в Индию прибыли английские войска с Капа и из Европы. Теперь для сэра Колина Кэмпбеля, произведенного в главнокомандующие (3 июля 1858 г.; лорд Клейд) явилась возможность начать правильные действия против Кахнпура (победа — 6 декабря) и Ауда. Встречая повсюду стойкое сопротивление (в Ауде дело приняло оборот настоящей народной войны), — Кэмпбель пробился 21 марта 1858 г. до резидентства в Лакхнау, откуда он еще раньше, между 17 и 22 ноября 1857 г., освободил храбро державшихся европейцев. Точно также были освобождены оставшиеся еще в живых в Кахнпуре женщины и дети и шаг за шагом вновь покорены Дуаб, Ауд и Рохильканд, причем соседний Непал со своими гурка оказывал отличную помощь. Нана-сахиб спасся в джунгли, где он, по всей вероятности, погиб от лихорадки.

10 История человечества

289

Витория Терминус в Бомбее

Борьба на юге мятежной области была закончена присланными из Бомбея войсками под начальством сэра

Гега Розе. Из Джханси была изгнана отчаянно защищавшаяся вдова правителя; в свою очередь она изгнала Синдиа, овладела почти недоступным Гвалиором и здесь, во главе своей армии, погибла 18 июня 1858 г. Еще в течение некоторого времени тут и там вспыхивали искры из почти потухшего очага восстания; но в общем к концу 1858 г. кровавую борьбу и критический период английского владычества в Индии можно было считать оконченным.

Присоединение Индии к Британской империи (1858 г.). Восстание сипаев было последней судорогой умиравшей независимости индийского народа: тяжелые потрясения зарождали новую эпоху. 3 августа 1858 г. королева Виктория скрепила своей подписью парламентское постановление, которое согласно актам 1833 и 1854 гг. закрывало Ост-Индскую компанию и назначало ее преемником Британское государство, передавая управление английской короне. Это случилось 1 сентября; лорд Кэннинг (с 1859 г. граф) в качестве первого вице-короля Индии благотворно управлял ею до 1862 г. Страна скоро была умиротворена; отдельные восстания (в 1863 г. в Патне) быстро подавлялись. Начавшаяся еще при генерал-губернаторах Гардинге и Дальгаузи постройка железных дорог деятельно продолжалась и способствовала распространению европейской культуры. Новые вице-короли* Индии, объявленной парламентским решением от 29 апре-

* Джеймс Брюс, граф Эльджин и Кинкардайн (1862—1863 гг.); Джон Лэирд Мэир барон Лоуренс (1863—1868 гг.); Ричард Са-усуэль Боурк граф Майо (1869—1872 гг.); Томас Джордж Бэ-ринг барон Норсбрук (1872—1876 гг.); Эдвард Роберт барон Бульвер-Литтон (1876—1880 гг.); Джордж Фредерик Самуэль Робинсон маркиз Рипон (1880—1884 гг.); Фредерик Темпил Блэквуд граф Дефферин (1884—1888 гг.); Генри Чарльз Кейс Петти Фитцморис маркиз Лэнсдоун (1888—1894 гг.); Виктор Александр Брюс граф Эльджин и Кинкардайн (1894—1898 гг.), Джордж Натаниель барон Керзон Кидлстон (с 1899 г.).

292

ля 1876 г. империей, посвятили себя отныне — наряду с охраной границ — сложным задачам внутреннего управления (урегулированию финансов, налогов и пошлины, развитию судопроизводства, горному делу, лесному хозяйству, заботе о больных и борьбе с голодом 1873—1874, 1877—1878 и конца 1890 гг.). Законом 1858 г. заканчивается самостоятельная история Индии, вошедшей отныне в состав великой Британской империи; все, что произошло там в последующее время, принадлежало уже истории Англии.

Цейлон

ПРИРОДА ЦЕЙЛОНА

Страна

НА ИСТОРИЮ Ост-Индии, насколько мы можем проследить ее с древнейших времен, имело сильное влияние положение ее на южной оконечности великого материка. Чуждые народности то и дело переходили ее пограничные, на первый взгляд столь неприступные горы, и эти вторжения имели самое различное влияние на судьбы этой щедро одаренной природой страны. Не то было на Цейлоне: как южный передовой оплот Индии, он настолько удален от остальной Азии, что до него не достигали нашествия азиатских племен. Все историческое движение исходило только от полуострова; отделенный от него узким, подобно реке, проливом, Цейлон и в отношении всей своей природы является непосредственным его продолжением. К Декану, круто ниспадающему в своих Восточных и Западных Гатах, примыкает на юге равнина Карнатика, на которой выделяются отдельные значительные плоскогорья (горы Сиварой, Пальни и т. д.) и бесчисленными маленькими островками группы гранитных и гнейсовых скал. На юге, на Коромандельском берегу, низменность едва заметной покатостью исчезает в море, а по ту сторону узкого Палкского пролива почва медленно поднимается над уровнем моря, образуя почти низменность на севере Цейлона (коралловая поверхность), а в широкой главной части острова принимая форму щита. Середина этого могучего щита, горная страна Малая, увенчана центральными цейлонскими горами, самым южным и самым величавым из отдельно стоящих

294

массивов первозданных пород Южной Индии. Мелководный пролив, к тому же еще усеянный наподобие быков моста многими островами (Адамов мост), более соединяет, чем разделяет остров и материк, и природа обоих, благодаря этой связи, почти одна и та же. И тут, и там скалистую основу почвы образуют одинаковые первозданные горные породы; одни и те же формы гор и скал встречаются по обе стороны Палкского пролива. Господствующие ветры также одинаковы; летом дожденосный юго-западный муссон, приносящий обильное количество влаги крутому гористому западу, а зимой, напротив, сухой северо-восточный муссон, дующий на восток.

Вследствие этого является тождество и в мире растительном: на западе обеих стран обилие и неиссякаемое плодородие; на востоке — растительность беднее, земля скупер в своих дарах; народонаселение, как и на равнинах северной части острова, может достичь значительной густоты только там, где труд человека собирает в искусственные водоемы плодотворную влагу в период долгой засухи. Мир животных — один и тот же как в Южной Индии, так и на острове. Слоны, большие тигры (только королевский тигр не переступал пролива), обезьяны", змеи, термиты, пиявки' — и здесь и там населяют леса; человек в обеих странах подвергается одинаковым эпидемическим заболеваниям от одних и тех же микроорганизмов. Смерть и гибель несет человеку холера, и в особенности, малярия, свирепствующая всего более по окраинам крутых гор и многих скалистых массивов с их нагроможденными друг на друга глыбами, а также в джунглях и по течению рек.

Коренное население Цейлона

Странно было бы, если бы сходство природы материка и острова не отразилось и на человеческой расе, которая населяла этот последний с древнейших времен. В настоящее время там обитают две главные расы, — различные, как в антропологическом, так и в этнологическом отношении, — одна более темная, другая, сравнительно

295

позднее явившаяся на остров, — более светлая. В первобытные времена Индия, как и Цейлон, была родиной одной только расы, отличавшейся темной пигментацией кожи, волнистыми волосами и маленьким или даже очень маленьким ростом: Геологические данные, так же как и факты касательно географического распространения животных и растений, говорят за то, что не в столь отдаленные времена материк и остров составляли одно целое. Но даже если предположить, что Палкский пролив существовал всегда в таком виде, как и теперь, — то и в этом случае перебраться через Адамов мост с равнин Южной Индии на заманчивый остров — не представляло бы больших затруднений даже, для людей, стоящих на низкой степени культуры. Мы имеем исторические сведения о вторжениях тамилы, имевших место более чем за 2000 лет, а обработка плантаций Цейлона еще и теперь привлекает тысячами дравидов; но остров был, несомненно, населен племенами, весьма родственными дравидам в этнологическом и антропологическом отношении, еще ранее исторически установленного вторжения. Упомянутые в преданиях дикие якка, обитавшие в лесах, являются, без сомнения, предками современных вед-дов; вероятно, первое вторжение арийцев столкнулось на Цейлоне с другими дравидскими племенами, которые, заняв места, более благоприятные для жизни, достигли и более высокой степени культуры. Цейлонские тамилы, правда, нынешние обитатели восточного и северного берегов острова, составляют большей частью потомство тех дравидов, которые наводнили север острова во время своих бесчисленных военных предприятий.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ЦЕЙЛОНА

Рядом с этой темнокожей, коренной индийско-цейлонской расой обитает еще народ — сингалезы, совершенно непохожий на своих соседей ни по культуре, ни по физическому строению и населяющий очень густо

юго-
296

западную часть острова, щедро одаренную природой. По происхождению они чужеземцы, телосложение их иное, иной язык, так же как и религия, нравы и обычаи. Где же родина этих пришельцев? Наверное не в Южной Индии, населенной в те времена чистокровными дравидами.

Вторжение арийцев

Географическое положение Цейлона делает вероятным то предположение, что исходным пунктом вторжения была Северная Индия. На юге острова вообще не противостоит никакой материк; на востоке и на западе материк очень удален и отделяется от Цейлона широким морем, переправа через которое требует уже высокой степени развития искусства мореплавания. Не то на северо-западе и на северо-востоке: извилистая линия побережья Индии указывает сама собой путь к Цейлону. Оставляя в стороне немногих малайцев, перевезенных на остров за последние столетия, мы не найдем и следа индонезийской или малайской крови и ничего, напоминающего африканские расы; напротив, следуя вышеуказанным морским путем вдоль побережий, мы найдем бли-жайшцх' родственников сингалезов среди арийцев, перешедших окраинные цепи гор Индии за два или за три тысячелетия до начала христианской эры, а также среди происходящих от них смешанных племен, населяющих Северо-Индийскую низменность; они схожи между собой строением тела, языком, обычаями и социальным устройством. По этим признакам мы можем даже указать приблизительно время их появления на острове, а также путь, которым они пришли.

Высшей кастой между сингалезами почитались всегда гоиванса, или хандуруво, что значит благороднородные; касты брахманов у них никогда не существовало. Там, где о них упоминается, — в хрониках, или исторических записях, — мы, или имеем дело с вымыслом составителя хроники, или же речь идет о чужеземцах-брахманах, как например в рассказе о введении буддизма

297

на Цейлоне; но никогда каста брахманов не является в действительности составной частью сингалезского общества. Поэтому выделение сингалезской ветви арийско-индийской группы следует отнести к тому периоду, когда брахманы еще не успели захватить в свои руки господства над организацией общества, над нравами и законами, чувствами, образом мыслей и действий народа, т. е. это событие должно было предшествовать образованию более крупных государств по среднему течению Ганга. Итак выселение сингалезов из Индии не могло произойти ни с востока, с устьев Ганга, ни из Ориссы: туда роникли арийцы уже после основания брахманского могущества, а дельта Ганга еще в нашем тысячелетии считалась опасной болотистой страной и избегалась переселенцами. Гораздо ранее арийцы проникли к морю на западе, от Пенджаба вниз по Инду вплоть до его устья, а позднее вдоль гор Аравалли до Гуджерата. Сам Инд не мог иметь большого значения в качестве торгового пути, также как его устье — в роли складочного пункта для заоканской торговли: течение его слишком бурно, дельта мелка и изменчива, а берега моря недостаточно защищены от бурь. Напротив, Камбейский залив представляет превосходный исходный пункт для заморских сношений: он далеко врывается в материк, хорошо защищен и за ним лежит богатая страна. С того момента, как арийцы проникли до моря, залив стал самой важной гаванью Индии и оставался таковой как в

дни расцвета великих арийских государств по Гангу, так и в эпоху мусульманского владычества.

Источники по истории Цейлона

Ряд выводов, из которых наиболее вероятное и даже единственно возможное, вытекает предположение, что арийское вторжение могло иметь место только через Камбейский залив, — находит поддержку в преданиях. В памяти жителей Цейлона исторические факты за период более чем двух тысячелетий сохранились яснее, чем на материке, и до некоторой степени тверже и надежнее.

298

Конечно, героическая эпопея «Рамайна», сингалезская переделка в сокращенном виде великого творения Валь-мики, прославляющая мифического покорителя Цейлона, — есть не более как поэтическое произведение. Нельзя назвать историческим документом рассказ о походах Рама, о похищении его верной жены Ситы, о его союзе с обезьянами (чернокожим населением Южного Декана), о его врагах ракшаса, об устроенном им мосте через морской пролив, о его чудесных военных подвигах и, наконец, о возвращении в Индию. Рама — это зеркало добродетели в брахманском духе; его вымышленные подвиги не более как канва, по которой художник строит свой идеал брахманского царского сына.

Имеются, однако, и более достоверные исторические источники. Царство, существовавшее более, чем 2000 лет, так же как и буддизм, находившийся под его охраной, казался более благоприятным для музыки истории, чем политические и религиозные перевороты, нарушавшие спокойное развитие Индии. В монастырских библиотеках по преимуществу сохранялось все, имевшее отношение к ордену и к его защитникам-царям; накапливавшиеся записи время от времени соединялись в сборники. Так в древнейшем из монастырей Цейлона Махавира («великий монастырь») в Анурадхапуре сохранилась хроника «Махаванша», повествующая о введении буддизма и рассказывающая историю «великого рода» 174 царей. Две книги на языке пали — «Дипованша» («история острова») и вышеназванная «Махаванша», написанная на 150 лет позднее, представляют две переработки, мало отклоняющиеся от оригинала; и та и другая обрываются смертью Дхатусены (479 г. н. э.)- К «Махаванше», однако, присоединялись впоследствии приложения, продолжавшие хронику до разрушения сингалезского царства и до захвата острова англичанами (1816 г.). Эти произведения, так же как и другие подобные им, долго покоились в монастырских библиотеках, и только в 1836 г. Георг Турнур сделал хороший перевод первой части «Маха-ванши» и тем пролил яркий свет на древнейшую исто-

299

рию буддизма. Другие хроники («Раджавали», «Раджа Ра' начари» и прочие) своими расхождением с главным источником указывают на существовавшие различные точки зрения монастырей, в которых они были написаны; события них изложены лаконично, менее точно и они переведены не вполне удовлетворительно. Третий ряд источников, как-то: «Пуджавали», «Никаясанграха» и другие, таится еще в хранилищах буддийских монастырей.

Сказание о заселении Цейлона

Все эти хроники являются исторически точными только со времени введения буддизма на острове, т. е. со времен Ашоки. Все, что говорится о предшествующих событиях на Цейлоне, есть по большей части не более чем вымысел буддистов, руководимых желанием возвеличить священные места острова рассказами о мнимом пребывании на них Будды или его двадцати трех предшественников. Но помимо этих выдумок, хроники в своих легендарных отделах дают нам рассказы о светских делах, имеющих для нас несравненно более важное значение. Все, что сохранялось в памяти народа из его древнейшей истории и передавалось в течение столетий из уст в уста, очень часто в приукрашенных и неверных рассказах, воплощавших работу целых веков в одной личности, но оставшихся верными в главных своих чертах, — все это мы находим записанным в хрониках. Даже первая фигура, появляющаяся в сингалезской истории, находит свое фактическое подтверждение в этно-исторических условиях. Вайджая («Победа») привел на остров чужеземное культурное племя, след которого мы находим еще до владычества брахманов у арийцев, проникших до моря.

Вайджая. В стране Лала (Гуджерат) — так повествует легенда в 7 главе «Махаванши» — лев напал на караван, в котором находилась дочь царя Ванга и принцессы ка-линг; лев утащил царскую дочь в свою пещеру и от их союза родился сын Сихабаху и дочь Сихасивали. Мать и

300

!

дети убежали из-под стражи льва; сын льва вырос, убил своего отца и стал наследником деда с материнской стороны — царя Ванга; впоследствии, однако, он возвратился на родину, Лалу, и основал города и деревни в пустыне, в местах, оказавшихся пригодными для орошения. Когда его старший сын, Вайджая, вырос, то был назначен помощником царя; но он явился «врагом закона» и его приближенные стали совершать бесчисленные вероломства и насилия. Ожесточенный народ пожаловался, наконец, царю. Царь, хотя и сложил главную вину на товарищей царевича, но и сына своего он подверг строгому порицанию. Та же самая история повторилась и во второй раз; когда же в третий раз народ стал кричать: «Накажи твоего сына смертью!» — царь велел обрить половину головы Вайджае и его семистам приверженцам, посадить их на корабль и отвезти в открытое море. Сначала Вайджая высадился в гавани Суппарака в Джамбудипе (Индия); опасаясь, однако, враждебного настроения туземцев, возникшего вследствие преступных действий его

окружающих, он опять отплыл в море. «Царевич, по имени Вайджая, умудренный опытом, высадился в области Тамбапанни, в стране Ланка (Цейлон). Так как царь Си-хабаху убил некогда льва (на языке пали: сиха; санскр.: синха), то его сыновья и потомки стали называться Сиха-ла (сингалезы), т. е. «убийцы льва», а остров Ланка, завоеванный одним из Сихала, а также и заселенный одним из Сихала, — стал называться Сихала-дипа («львиный остров»; по санскр.: Синхала-двипа; англичане произносят его имя Сейлэн; по-немецки — Цейлон).

Историческое ядро этой легенды приводит нас к исходной точке сингалезского заселения, к стране Лала, имя которой сохранилось еще в греческом Ларине (или Сурахтрене), современном Гуджерате: лев пустыни, живший в стране с самого начала, нападавший на соседей и разорявший их, означает древнейшее появление арийцев на берегах Камбейского залива, так как прозвище «Лев» было любимейшим и очень употребительным между воинственными арийцами и предводителями, и именно в

301

Гуджерате удержалось до позднейших времен славн династия «Львов». В то время арийские завоеватели еще не были подчинены строгим кастовым законам брахманов и им нечего было задумываться над вступлением в брак с туземными женщинами (царевна, калингов). Совершенно переселение на Цейлон относится к несколько позднему периоду. Цари-Львы превратили пустыню в населенную страну со множеством городов и селений. Но вот начались волнения. С точки зрения буддистов, которых индийские события дошли в передаче брахманов и которые вследствие этого признают за преступление лишь возмущение против их социальных постановлений, — неуважение Вайджай и его приверженцев означает не что иное, как сопротивление притязаниям брахманов. Властители стремятся умиротворить мятежников, но свободный дух воинственных арийцев снова и снова возмущается против опеки брахманов, пока, наконец, побежденные арийцы не садятся на корабль и не правятся отыскивать новую страну, где бы не стеснялась свобода духа. Отброшенные с Малабарского берега, куда, по-видимому, еще раньше проникли брахманские веяния, — они, наконец, находят на северо-восточном берегу Цейлона то, что искали: страну дос тупную культуре, куда не проникли еще брахманы.

Вайджая со своими спутниками высадился приблизительно около 543 г. до н. э. на Тамбапанни (по санскритскому названию реки Тамранарни; Тапробане у греков) Предание украшает его дальнейшую судьбу чертами, видно взятыми из «Одиссеи» (торговые сношения древне* европейских культурных стран с «островом Корицы») Чужестранцы попадают в руки волшебницы Кувени; она их держит в одном подземном месте; затем, как и у Гомера Вайджая возвращает им свободу с помощью благодетельного божества (Вишну), женится на царевне-волшебнице и при ее помощи овладевает страной, после чего покидает ее и вступает в брак с дочерью могущественного соседнего мадурского царя Панду; вслед за ним и его приближенные берут себе жен из знатных семейств царства Панду.

302

Преемники Вайджай. После смерти Вайджай, не оставившего потомства, наступило короткое междуцарствие («страна Ланка целый год оставалась без царя»); затем явилось новое вторжение арийцев из Лала, и племянник Вайджай, Пандувасудева, захватил престол сингалезского царства. Но уже после смерти сына его Абхая преемственность была нарушена и споры из-за трона продолжались в течение 17 лет. Наконец, замечательнейший из этих легендарных государей, Пандукабхая, победил и умертвил своих дядей и вступил на престол. При нем царство сингалезов достигло величайшего могущества: чуждые по крови племена, населявшие остров, примирились между собой («царь удовлетворил желания якка») и все вместе мирно зажили в столице Анурадхапура. Столица эта была основана еще первыми переселенцами; но только теперь она приобрела большое значение: прежний стоячий пруд превратился в большое озеро, воздвиглись дворцы и храмы для последователей различных сект и религий; по словам хроникера, столица стала «чудной и благоустроенной». Старший дядя царя, Абхая, бывший прежде государем, был назначен начальником города. Представителями каждого из четырех кварталов города сделаны были два якка и еще один якка был назначен хранителем южных ворот столицы. Племена, над которыми тяготело презрение, как, например, чандала, были поселены в предместье города и на них была возложена обязанность содержать в чистоте город, погребать умерших и исполнять должность ночных сторожей. Вне города были отведены также места для кладбищ и площади для пыток и казней. Царские егеря (ведда, еще и донныне боязливо сторонящиеся других жителей) получили для проживания особую улицу. Царь любил благотворительность: для больных воздвигались госпитали; к религиозным сектам он относился благосклонно: отводил им помещения, строил для них дома и воздвигал храмы.

Эти легендарные сингалезские государи не должны быть никоим образом принимаемы за исторические личности. Личность Вайджай так же мало выяснена, как лич-

303

ность основателя Рима, и существование законодателя Нумы. Черты выдающихся вожаков могли воплотиться в образах легендарных царей, — но в общем обозначают лишь ступени культурного развития. В Вайджайе олицетворяется первый наплыв арийцев, в Пандувасудеве — позднее их вторжение, в Абхое, его преемнике, — борьба за власть, в Пандукабхое — решительная победа новоявленной власти и начало благоустройства, примирения пришлых элементов с туземными, поднятие общественного благосостояния и расцвет государства. В общем развитие арийства на Цейлоне шло рука об руку с его преуспеванием в

стране Ганга; победа над коренным населением и его покорение, захват страны, междоусобия государей и, наконец, образование независимых больших государств, которые быстро достигают высокой степени культуры, благодаря богатым дарам природы, которые она рассыпала сама по себе или уступая труду человека, — а так- же благодаря мирному подчинению побежденных общему і государственному порядку. В одном только ход развития] арийцев острова уклонился от пути их собратьев на материке: никогда брахманы не могли получить у них такой громадной власти над умами обитателей.

Хронология эпических времен. Хронология эпических времен немало страдает от того, что все образование сингалезского царства сводится к жизни лишь немногих личностей. Хронологические данные в сингалезских хрониках становятся несколько точнее только со времени введения буддийского учения. Если придерживаться указаний этих хроник относительно периода царствования отдельных государей, то высадка Виджая имела место в 543 г. до н. э., прибытие Пандувасудевы — в 504 г. до н. э., время царствования Пандукабхай — между 437 и 367 гг. до н. э., а спустя 60 лет после его смерти трон занимает его внук Деванампия Тисса, который дружественно отнесся к первым буддийским миссионерам на Цейлоне. По этим данным все развитие государства совершилось в период каких-нибудь 236 лет. Разумеется, такая

304 культурная работа потребовала гораздо больше времени. Первые арийские завоевательные походы должны были совпасть приблизительно с заселением Гуджерата и борьбой между духовной и светской властью Индии; таким образом все эти данные, приводят нас к середине II тысячелетия до н. э.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЦЕЙЛОНА (от 300 г. до я. э. до 1500 г.)

Буддизм на Цейлоне

Лет за 300 до н. э. древняя история Цейлона принимает более определенные формы. В ней господствуют главным образом три влияния: буддизма, внутренних распри из-за престолонаследия и внешней борьбы с дравидскими материка.

Первой реальной фигурой сингалезской истории является Деванампия Тисса («Услава богов»), современник Ашоки. Время его жизни не совсем точно указывается в сингалезских хрониках: насколько о нем говорится подробно — настолько же скудны сведения о его трех преемниках, о которых сообщается только, что они царствовали каждый по 10 лет и строили монастыри и что они были младшими братьями Тиссы.

Царь Ашела (по хронике, сын царя Муташивы, умершего за 100 лет перед тем!), нарушивший престолонаследие во время первого вторжения тамиллов, также царствовал 10 лет. Данные эти относительно времени царствования, очевидно, совершенно произвольны. Величайшее событие в истории Цейлона — введение буддизма при Тиссе, должно быть, по этой причине отнесено к более позднему периоду, чем тот, на который указывают хроники: по их данным Тисса принял новое учение вскоре после вступления на престол в 307 г. до н. э.; в действительности же он вступил на престол в 251 год до н. э., по тем же

хроникам

История человечества

305

смерть его последовала в 267 лет до н. э., между тем к посылка Ашокой буддийских монахов на Цейлон имел, место лишь около 250 г. до н. э.

Разумеется, государь, столь радушно принявший м нахов, обрисован ими в самых радужных красках. Тиссе поставлен на одну ступень с Ашокой, который расширил свое царство от Афганистана почти до пределов нынешнего Майсура, и легенда готова искать причину «дружбы» в прежнем существовании их, когда оба царя были братьями. Но несмотря на все приукрашивание, является вероятным, что цейлонский властитель находился в некоторой зависимости от Ашоки. Хотя в своей XIII надписи на скале последний хвалится тем, что расширил Дхамму «до Танбапанни», но Тисса, после того как с великой торжественностью вступил на престол в 251 г. до н. э., велел короновать себя еще раз посланным Ашокой и привезшим богатые дары, предназначенные для торжества коронования. Следует отчасти отнести к сознанию этой зависимости также и необычайное радушие, с которым были приняты проповедники новой религии. Месяц спустя после своего вторичного коронования Тисса дружелюбно принял приехавшего к нему с шестью миссионерами Махинду, сына Ашоки от неравного брака его с купеческой дочерью Деви из Ведиса. Первыми дарами, переданными с величайшей торжественностью, явились великолепные земли (чудный парк Ма-гамега в столице и гора Четья), на которых монахи выстроили свои обители. Царь и 6000 его подданных приняли новое учение, которое давно уже оставило тотчас же особая депутация для перенесения с родины основателя религии реликвий. Так была отряжена сразу же особая депутация для перенесения с родины основателя религии двух величайших святынь: ключицы «Познавшего» и ветви священного дерева бо. Еще и поныне куполообразные хранилища святынь, тхупы (ступы) или дагобы (Дхатугарби), встречаются тысячами на острове, — иные громадных размеров и придают характерную черту его ландшафту. С первыми святынями явился и орден мона-

306

чинь Сангхамитта, в который также устремилось множество последователей.

Принятие буддизма имело великое значение для всего развития сингалезского народа: предки переселились на остров, чтобы избежать ига брахманов, — потомки сами водворили у себя буддизм. Только тяжелой борьбой достигли брахманы своего высокого положения в Индии; буддийские же монахи получили власть как дар из рук сингалезских властителей, которые с этих пор вместе со своими подданными становятся под их знамя. Хотя орден и принимал земли для основания монастырей, для летнего пребывания и для

постройки священ-нохранилищ, но во всем остальном он продолжал следовать заповеди нищенства, на которое Будда обрекает своих «биккху» («нищих»): монахи получали все необходимое для своих потребностей только посредством милостыни. Но уже 100 лет спустя основная заповедь эта была нарушена сначала царем Дутта Гамани, которого высоко чтит за его заслуги в отношении ордена, и затем его внуком Ваттха: монахи получили обширные поместья для своего содержания. Преемники их также передавали монахам лучшие поля, каналы, пруды, целые населенные деревни. С течением времени в качестве мертвого капитала скопилось в их руках лучшая, если не бульшая, часть всей культурной или годной к обработке земли.

Вследствие этого народ беднел во всех отношениях. Народонаселение возрастало соответственно с увеличением, благодаря орошению, количества культурной земли, но все доходы с нее шли по большей части в пользу праздных монахов. Жители многих деревень сделались монастырскими крепостными; остальные же не могли благоденствовать, обремененные, с одной стороны, податями, а с другой — подаяниями в горшочки «желторяс-ников». Значительная часть подраставшей молодежи исчезала и погибала в мужских и женских монастырях; другие под гнетом религии, признававшей всякую деятельность камнем преткновения к достижению истинного блаженства, впадали в отупение и деградировали

307

(в том числе и нравственно), лишались стремления к с боду и чувства собственного достоинства.

Благочестивый царь, насадивший буддизм на ос. ве, так же как и некоторые его преемники, с удовольствием могли взирать на богатства острова, на прирост населения, на развитие земледелия и на покорную реу гиозность подданных. Не только в восторженных опи* ниях сингалезских историков и китайских пилигрим находим мы свидетельства о великолепии столиц, — этом говорят и развалины дворцов и храмов, скрытые в пространстве целых миль в разросшихся первобытны лесах; об обширности культивированных земель, о гутоте населения гласят громадные, ныне высохшие пруды, по величине равные озерам, а о рабском подчинении народа громко свидетельствуют подобные горам священ нохранилища и бесчисленные, грандиозные водные со, оружия, которые могли возникнуть лишь при крепостном труде целых деревень и округов. Но в этом призрачном величии таилась слабость царственной власти, ибо царь господствовал над народом, состоявшим из расслабленных рабов. Только в горах сохранились остатки прежней народной мощи: там попадаетея, правда, мало развалин монастырей, но народ, живший там, отличался храбростью. Когда прилив тамиллов наводнял «царскую страну» Великой северной равнины и изгонял царя из столицы, его волны разбивались о горный оплот.

Почти все государи были, согласно буддийскому изображению, добрыми властителями, но в этом случае похвала сразмерна лишь величине даров, которые они расточали ордену. Как Махаванша в одно и то же время называет Ашоку, великого друга ордена, мудрейшим и лучшим из государей и рассказывает, как он убил 99 своих братьев, чтобы царствовать одному в Джамбудипе (Индии); так и впоследствии братоубийцы и цареубийцы причисляются к «людям, посвятившим себя всецело делам любви и милосердия», или же рассказывается, что после смерти они «вступили в общение с карем богов», разумеется, если только во время земного царствования они являлись щед-

308

рыми благодетелями относительно ордена. Некоторые места Махаванши в этом отношении чрезвычайно живо напоминают отрывки хроники Григория Турского. Буддизм не делал ничего для воспрепятствования убийства царей родственниками или честолюбивыми министрами; таким образом, точно чумой, истреблено немало царей, и стране пришлось переживать смуты. Личности, которые твердой рукой умели держать бразды правления и ограждать страну от нападения дравидов, редки среди царей, большинство же было слабовольным орудием в руках монахов, многие из которых, впрочем, делали добро народу в духе учения буддистов. Они заботились о расширении культурных земель, о насаждении плодовых деревьев, хлопотали об основании больниц (иные государи считались знаменитыми врачами); они покровительствовали искусствам и науке, драме и балету (некоторые государи были замечательными поэтами, учеными и художниками). Но о действительном поднятии благосостояния народа, о его воспитании, о создании в его среде людей мыслящих, с сильной волей, — обо всем этом цари заботились так же мало, как и монахи.

Число орденов возрастало с необычайной быстротой, возрастали также их богатство и влияние. В то же время и с такой же быстротой буддизм отдалялся от первоначальной чистоты учения и жизни. Сам Будда не оставил письменного изложения своего учения; уже вскоре после его смерти начались разногласия относительно того, чего именно желал «Познавший». Таким образом уже с самого начала буддийская церковь страдала склонностью к сектантству, а воззрение, признававшее всякое мышление и действие за страдание, вело к пустому формализму и поклонению внешней обрядности. Религиозная нетерпимость выродилась в ненависть и смертельную вражду, а жажда к богатству вызвала алчность и недоброжелательность. Таким образом история ордена наполнена тяжкими раздорами. Со времени царствования Ваттха Гамани братства монастырей Махавихара и Абхаягтри были исполнены взаимной зависти и злобы:

309

раскол усиливался сообразно с подношениями, которые царь делал той или другой стороне; когда царь становился на чью-либо сторону, возникала кровавая распря. Иногда энергичным государям удавалось добиться некоторого примирения враждующих сторон, но вскоре старая ненависть прорывалась ярким пламенем, нанося сильный ущерб значению буддизма. Недостатку внутреннего содержания в учении соответствовали и развращенность нравов среди монахов. Махаванша жалуется, «что монахи доказывали чистоту своей жизни в подаренных им де-; ревнях лишь тем, что развращали женщин и плодили де-зтей». Народ давно перестал уважать орден и становился : к нему все равнодушнее, поэтому во время тяжких и дол- • гих войн с тамилами орден оскудел до того, что с 1065 г. | не раз случалось, что на целом острове

нельзя было най-] ти четырех орденских монахов, которые могли бы составить, согласно церковному уставу, правильную монастырскую общину, которая бы имела право принимать к себе новых членов: приходилось выписывать монахов из Бирмы или Индии.

Первые исторически-подтвержденные вторжения тамилов. Ряд преемников Деванампия Тиссы дает нам образы более осязаемые, но зато и менее привлекательные, чем являющиеся в туманном освещении образы его предшественников. После трех царей, все еще довольно туманно представленных в хрониках, в 237 г. до н. э., как повествует Махаванша, тамилы ворвались в страну; ими предводительствовали два молодых государя, которые вели за собой множество кораблей и сильную конницу; они умертвили царя Сура Тиссу и царствовали, по сказаниям буддийских хроник, в течение 20 лет справедливо и милостиво. Затем Ашела победил и умертвил их. Но по истечении обычных 10 лет с севера ворвался в 205 г. до н. э. тамил Элара, из «знаменитого рода Уджу»; убив царя, он царствовал на острове 44 года и был беспристрастен как к друзьям, так и к врагам. Одна только гористая область Рохана, лежащая на самой южной окраине

310

острова, не подчинилась иноземному игу; ее властитель, потомок «великого рода», Дуттха Гамани, прогоняет снова тамилов: крепости тамилов, одна за другой, попадают в его руки. Наконец в 161 г. до н. э. он в единоборстве убивает в битве при Анурадхапуре царя тамилов Клара и вскоре затем также племянника его Бхаллука, который явился слишком поздно со свежим войском из Малабара. Это событие передано в Махаванше вдохновенными строками: недаром монахи прославляли благочестивого и щедрого победителя тамилов, — многочисленны основанные им обители! Тысячелонный дворец Лохапаса-да, дагобы Марикаватти и Руванвели остаются вечными памятниками Дуттха Гамани.

Внук Дуттха Гамани, Ладжи Тисса, убил в 119 г. до н. э. своего дядю Саддха Тиссу, чтобы самому завладеть престолом; его младший брат и преемник, Кхаллата Нага, был убит в 109 г. до н. э. своим министром Махараттака. Едва только младший внук Дуттха Гамани, Ваттха Гамани Абхая успел отомстить за это преступление, как, привлеченные дворцовыми распрями, в страну опять вторглись тамилы под предводительством семи военачальников (в 103 г. до н. э.); юный царь вынужден был бежать в горы и искать там защиты. О чистоте расы арийско-син-галезских царей уже и тогда не могло быть речи: недаром брахман Гири крикнул презрительно вслед убежавшему монарху: «Бежит большой «черный» Сихала!».

Подобно деду своему, и Ваттха Гамани нашел в горах людей, помогавших ему вырвать трон Виджаи из рук заклятых врагов (88 г. до н. э.). Он построил в течение своего 12-летнего царствования много монастырей и пожаловал монахам, жившим дотолу милостыней, как нищие, большие земли (патта), долженствовавшие поддержать их дальнейшее существование: за время господства тамилов народ настолько обнищал и милостыни стали поступать так скудно, что само существование ордена было поставлено на карту. На том месте, где царь был оскорблен, он велел выстроить монастырь и назвал его Абхая-Гири, соединив одно из своих имен с именем оскорбите-

311

ля. Древний монастырь Махавихара, полный зависти, легко нашел повод обесславить юного собрата.

Правда, распря эта имела хорошее последствие: святое учение, дотолу передававшееся из рода в род изустным путем, теперь было изложено письменно: три питака с объяснениями, аттхакатхи, были изложены на сингалезском языке; тем не менее в буддийской церкви произошел непоправимый раскол.

Последние цари из дома Внджан и их преемники (88г.дон. э.— 1164г.)

Мрачную картину рисуют нам историки монастыря Махавихара, рассказывая о ближайших преемниках Ваттха Гамаки. Сын его, Чола Нага, до вступления своего на престол изображается разбойником, грабителем на больших дорогах, а затем ярым преследователем монахов: очевидно, он стал во враждебные отношения к братству. Супруга же его Анула (47—42 гг. до н. э.) представляется настоящим позором царского трона, второй Мессалиной по своей развратной жизни и как отравительница. Чтобы достигнуть престола и невозбранно удовлетворять своим похотям, она отравила преемника своего супруга. С тех пор убийства не прекращались во дворце; сама Анула была умерщвлена в 42 г. до н. э.; 12 лет спустя пал под кинжалом своего младшего брата Аманды Гимани, а в 44 г. н. э. был убит Чандамукуха Шива.

Смуты на троне и в церкви. Буддхагхоша. У последнего потомка «великого рода» Ясалалака Тиссы, убившего собственноручно своего предшественника, имелся привратник Субха, чрезвычайно похожий на него наружностью. Царь забавлялся иногда тем, что переодевал его в царское платье, сажал на трон, а сам разыгрывал роль привратника. Однажды, переодетый таким образом, он позволил себе подшутить над лжецарем, но вдруг услышал в ответ: «как смеет этот раб смеяться в моем присутствии?» — закричал Субха. Ясалалака был наказан смер-

312

тью, а Субха продолжал разыгрывать роль настоящего монарха. Но не прошло и года, как он был убит Васаб-хой, членом касты ламбаканна; на престол вступил убийца. Ламбаканна еще ранее заявили себя мятежниками: когда однажды царь Иланага (38—44 гг.) оскорбил их кастовую гордость, они возмутились и изгнали его на 3 года. На этот раз они удержались на троне в течение трех поколений. Затем трон переходил из рук в руки, цари низвергались и убивались, пока в 248 г. царь Виджая II не был умерщвлен опять-таки тремя ламбаканна, которые и стали царствовать.

Для государства наступили тяжелые времена: шайки разбойников грабили страну и лишали ее безопасности,

уважение к трону было потрясено, а орден страдал от вражды между двумя главными братствами. Последний из трех вышеназванных ламбаканна, Готхабхая, заявил себя сначала ярким противником секты Абхьягири: 60 монахов, «принявших ложное учение Ветулы и сделавшихся шипами для религии победителя», были отлучены из Церкви и высланы на материк. Позднее, однако, Готхабхая подпал влиянию Сангхамитты, ученика изгнанного первосвященника, и даже поручил ему воспитание своих сыновей. Для старшего из них, Джетха Тисса I, воспитание это не принесло ожидаемых плодов: вступив на трон, он стал преследовать монахов Абхьягири и особенно своего воспитателя, который должен был бежать на материк. Но спустя 12 лет на престол вступил младший брат Махасена (277—304 гг.); он возвратил своего учителя из изгнания и под его влиянием воздвиг гонение на братство Махавихара; запрещением подавать монахам этого братства милостыню он сделал их положение «в царской стране» невозможным и заставил их бежать в горы. Древнейший почитаемый монастырь оставался в течение 9 лет заброшенным; приступили было даже к его уничтожению для того, чтобы дорогой строительный материал употребить на украшение враждебного монастыря Абхьягири, — как вдруг царь примирился с гонимыми им монахами. Его советник Сангхамитта был убит

313

во время народного мятежа, изгнанные монахи были снова призваны, и их монастырь отстроен с еще большим великолепием. Царь старался загладить свою несправедливость к братству щедростью и знаками уважения.

Следующие четыре государя оставались добрыми буддистами, щедрыми по отношению к Церкви и милостивыми к подданным. Сиримегхаванна, сын Махасены (304—332 гг.), прославляется, во-первых, как государь, которому обязан своим полным восстановлением монастырь Махавира, а во-вторых, как правитель, в царствование которого некая царевна из Дантапуры, главного города Калинги, принесла а дар Канди на Цейлоне величайшую святыню буддистов — зуб Будды (Датхадхату). Между следующими царями Дшетгха Тисса II прославился в качестве живописца и скульптора (332—341 гг.), а сын его Буддагхоша (341—370 гг.) — как врач и писатель по медицине («Краткое изложение общей медицины»). За ним следовал Упатисса II (370—412 гг.), убитый родным братом Маханамой. При Маханаме (412—434 гг.) имело место событие, получившее громадное значение для южного буддизма, а именно перевод «Аттхакатхе» на язык пали; до тех пор это произведение Махинды существовало только на сингалезском языке и в Индии еще не было известно. Монах Буддагхоша был послан своим учителем Реватой из Магадхи на Цейлон для того, чтобы перевести его «по правилам магадхи, корня всех языков», и он совершил свое великое дело в тиши монастыря Гантхакара в Анурадхапуре. Сиамский король Чулалонгкорн по случаю 25-летия своего царствования, повелел сделать новое издание этого труда в 39 томах (Бангкок, 1893/94 г.). Ослабление царской власти и нашествие тамиллов (434—1164 гг.) — Пример Маханамы, убившего брата, вскоре нашел себе подражателей. Затем снова появились тамилы, которые в царствование Панду и его сыновей (416—463 гг.) укрепились в северной части острова, но в конце концов были изгнаны Дхатусеной, владельцем обширных земель, происходившим, как полагают, из рода Ашоки

314

(династии Маурья); «он водворил мир в стране и возвратил религии, попорченной иноземцами, ее прежние права». Несмотря на это он был схвачен своим родным сыном Кассапой и заживо погребен (479 г.). За этим постыдным делом снова настали для страны тяжелые времена. В течение следующих двух столетий (479—691 гг.) около 12 царей погибли насильственной смертью. Братоубийства и восстания военачальников обуславливали быструю смену властителей, правители провинций приобретали силу и самостоятельность; Церковь раздиралась неослабевающей враждой между сектами. В прежние времена тамилы являлись для грабежей и завоеваний по собственной инициативе, теперь часто их призывали сингалезские князья и военачальники для свержения законных властителей. Храмы и сокровищницы царей были разграблены, религия претерпевала гонения, народ беднел с каждым днем. Еще в V и VI вв. во времена царя Кумара Даса (515—524 гг.), которому приписывается санскритская обработка Рамаяны (сохранившаяся только в сингалезском переводе), и царя Аграбхи I (564—598 гг.), известного еще как поэт, — китайские пилигримы описывают столицу, как блестящую резиденцию царского двора; даже от VII века сохранилось в сингалезском источнике свидетельство, подтверждающее красоту Анурадхапуры. Но Аггабодхи IV (673—689 гг.) оказался уже бессильным защитить свою резиденцию от исконных врагов своих и резиденция была перенесена сначала временно, а затем окончательно около 848 г.) подальше от гавани Мантотте при Манаарском заливе, представлявшей постоянный пункт высадки тамиллов, [эд именно в более отдаленную Полоннарува (Пулаттхи). Только внутренние междоусобия среди дравидских племен на материке, давали острову время от времени возможность вздохнуть свободнее. Однако Сена I (846—866 гг.) снова должен был искать защиты в непроходимых дебрях гор. Вся северная часть острова подверглась жестокому опустошению, столица была предана разграблению и все сокровища увезены в Индию. Но в это время

315

чолы, прельщенные богатой добычей, начали войну со своими соседями тамилами, благодаря чему внук Сены I, Сена II (866—901 гг.) имел возможность переправить сингалезское войско через Палкский пролив, чтобы убить царя Пандии, разорить вражескую столицу, Мадур, и привезти обратно на Цейлон похищенные отсюда сокровища. При Кассапе IV (912—929 гг.) сингалезское войско даже является на помощь царю Пандии (но помощь оказалась мало действенной), и повелитель тамиллов вынужден был искать

спасения на Цейлоне.

Однако такое могущество сингалезов продолжалось недолго. При Удае III (964—972 гг.) и Махинде IV (975—991 гг.) чола возобновили свои набеги на Цейлон. В правление своего царя Паракесаривармана (1052—1061 гг.), они проникли до самой южной провинции Цейлона, Ро-ханы, взяли в плен двух сыновей Манабхарана и убили царя Вира-Шаламега (около 1056 г.). Страна сильно страдала от грабительства и религиозной нетерпимости этих малабарцев. Только храброму Локе, человеку знатного происхождения, удалось в 1059 г. изгнать чола из своей родины Роханы, последнего оплота сингалезского царства. Его преемнику Виджае Баху I (1065—1120 гг.), прозванному Сирусангхабодхи, после нескольких проигранных битв, удалось пробраться снова к низменности, разбить 3 войска чола, захватить у них крепости, возвратить Анурадхапуру и окончательно сломить последнее сопротивление врага в кровавой битве под стенами Полонна-рувы, — после чего страна надолго освободилась от набегов чола.

Однако могущество Цейлона оказалось непрочным: когда Виджая Баху, желая восстановить дружеские отношения с врагами, послал царю чола богатые подарки, — его послам были отрезаны носы и уши. К тому же войско, которому пришлось идти на чола, возмутилось: весь юг восстал против царя, и он с великим трудом усмирил мятежников. Страна была совершенно истощена, и орден пришел в такой упадок, что на всем острове не оказалось ни одного принадлежавшего к ордену монаха, и их

316

приходилось добывать из Раманья (Мартабана в Нижней Бирме). В царствование Виккама Баху I южные провинции окончательно отпали и были разделены несколькими владетелями; с величайшим трудом удалось царю изгнать одного искателя приключений из страны Арья (Северная Индия), от которого он вынужден был сначала бежать в одну расположенную в скалах крепость, и возвратить Полоннаруву. Народ совершенно изнемог, подати выжимали из него «как из сахарного тростника выжимает сок мельница». Крайняя нужда заставила Вид- жаю Баху посягнуть на церковное имущество, но этим он восстановил против себя монахов, которые удалились в Рохану, унося с собой святыни: зуб Будды и его блюдо для сбора милостыни. Многочисленные войны привели в разрушение архитектурные сооружения и превратили плодородную страну в наполненную зловонными миазмами пустыню. Города и деревни были покинуты и запустели до того, что «не стало возможности отыскать следа их».

Параккама Баху I Великий. Из всех восседавших на сингалезском троне царей величайшим является Параккама Баху I (по санскр. Паракрама; 1164—1197 гг.). Чтобы достойно оценить результаты, достигнутые умом, волей и любовью к родине этого человека, которого история справедливо называет «Великим», необходимо ясно представить себе все бедствия, от которых изнемогала страна в дни его юности.

После смерти Виджайи Баху I сингалезское царство было почти на краю гибели. Хотя в Полоннаруве сидел еще какой-то призрачный царь, но большая часть страны распалась на мелкие владения, одна только провинция Розхана разделилась на 4 маленьких государства, в одном из которых правил Манабхарана, властитель крошечной страны «с двенадцатью тысячами деревень». Это и был отец Параккамы Великого, который вырос в горах и был «хорошо обучен основам религии, различным системам права, риторике, поэзии, танцам и музыке, верхо-

317

вой езде, уметь владеть мечом и луком и достиг во всем этом высшей степени совершенства» (Махаванша). Вступив после смерти дяди на престол своего маленького государства, он дал ему превосходный образ правления, ввел правильную систему взимания податей, позаботился о наилучшем использовании для искусственного орошения речной и дождевой воды, в особенности же трудился над образованием сильного воинства, могущего послужить к объединению всей обширной родины. Первым его военным предприятием был поход против гористой Малаи, которую он и покорил при помощи одного из генералов царя Гаджа Баху IV. Двор в Полоннаруве совершенно потерял национальную окраску: при нем проживало множество иностранцев, даже принцев карской крови с материка, и они вводили чужеземные обычаи, чужой язык и веру, «наполнив царскую страну, как терние покрывает ложе», Параккама объявил Гаджа Баху войну, победоносно и быстро достиг Жемчужной страны (берегов Манаарского залива) и в конце концов взял в плен как царя, так и принцев. Но победитель, как только достиг своей цели, отдал побежденному царю его царство. Один из вождей Роханы, Манабхарана младший, захотел воспользоваться войной между Гаджа Баху и Параккамой, но был также покорен и также снова восстановлен в своих правах. В обоих этих случаях, однако, право наследовать трон победитель оставил за собой. Таким путем Параккама сделался властителем всего острова, хотя вначале ему приходилось с усиленной суровостью подавлять восстания свободолюбивых жителей юга и западной провинции Махатитха.

Сильная рука могучего властителя скоро дала себя почувствовать даже за пределами собственного царства. Давнишние дружественные отношения связывали остров с Романьей (Нижней Бирмой). Виджайи Баху I выпросил себе оттуда монахов и обе страны были связаны между собой мирными торговыми отношениями. Но когда наступили бедственные времена последних сингалезских царей, Аримаддана, властитель Романьи, вздумал извлечь

318

пользу из печального положения страны: на вывозимых слонов была наложена такая высокая пошлина, что обедневший Цейлон едва мог выплачивать ее; сингалезских послов стали лишать подарков, запретили цейлонским кораблям приставать к берегам Бирмы и, наконец, послы из Полоннарувы были ограблены и

посажены в тюрьму. Тогда Параккама послал сильный отряд в Романью. Буря нанесла большой вред кораблям, но сухопутное войско разбило бирманскую армию, столица была взята штурмом, сам царь оказался убитым, а Параккама провозгласил себя верховным владыкой и даровал мир только после того, как получил удовлетворение за обиды и установил ежегодную дань.

Параккама отомстил и Южной Индии за обиды, нанесенные Цейлону в прежние годы. Со времен Виджай Баху I между чола и пандия (тамилы) войны не прекращались, чола в правление Кулашекхара сильно угрожали царю Панду в его столице Мадуре. Так как не в интересах Цейлона было образование большого государства дравидов вместо нескольких мелких владений, вечно враждовавших между собой, то Параккама послал на помощь царю тамиллов сильное войско под предводительством Ланка-пуры и Джагад Виджай Наяка. Хотя Мадуря сдалась и царь Панду был убит раньше, чем подросла помощь, все-таки войско сингалезов прогнало чола, вторглось в их страну и опустошило ее. Затворившийся было в крепости Раджина царь Кулашекхара мог спастись только с величайшим трудом и вынужден был заключить выгодный для врага мир: царство Пандия было восстановлено, принц Вира Панду провозглашен в Мадуре царем, а в память этого похода тамилы должны были отчеканить медаль с изображением Параккамы. Пленных же чола привезли на Цейлон и заставили работать над восстановлением тех самых священных зданий, которые были разрушены их предками во времена хищнических набегов. Верный своему девизу: «Чего не может достичь на свете настойчивый человек?», Параккама дал опустошенному острову небывалое дотоле благосостояние. Еще будучи

319

владельцем маленького клочка земли он говорил: «В стране, подобной нашей, ни одна капля дождевой воды не должна уйти в море, прежде чем ее не использует человек»; то же правило он всеми силами применял и к своему обширному государству: тысячи прудов, из которых самые большие достигали величины Фирвальдштетского озера (например, «Море Параккамы»), он отчасти копал заново, отчасти восстанавливал пришедшие в упадок; до пятисот каналов было вновь сооружено и много тысяч прежних исправлено; зеленые рисовые поля и фруктовые насаждения на целые мили протянулись по местностям, прежде занятым непроходимыми лесами и болотами, распростиравшимися лихорадки; из развалин возникли города и деревни с многочисленными счастливыми обитателями. Столица Полоннарува, пришедшая было в упадок, возсталла в новом великолепии, снабженная всем, что украшало и улучшало жизнь. Также и древнюю столицу Анурадхапуру властитель не обошел в своих заботах: дворцы, воздвигнутые основателями государства, места, освященные пребыванием на них Махиндры и его последователей, монастыри и хранилища реликвий были извлечены на свет Божий из своего запустения и вновь восстановлены. В управлении государством водворился порядок и введена справедливая и милостивая система податей. Церковные злоупотребления были устранены, а вместе с этим улучшились и нравы духовенства. В конце концов Параккаме удалось даже примирить между собой секты, враждовавшие целые тысячелетия и восстановить единство религии, а «подвиг восстановления этого единства был так трудно выполним, как было бы трудно приподнять гору Меру».

Упадок религии и государства (1200—1500 гг.)

Параккаме Великому наследовал его племянник Виджай Баху II (1197—1198 гг.), слабый государь, которого монахи прославили великим поэтом и ученым; уже через год после своего воцарения он погиб от руки убийцы.

320

Настали тяжелые времена неурядиц: за 18 лет, следовавших со смерти великого государя, сменилось не менее 15 царей. Один из них царствовал только день, другой — 9 дней, третий — 17 дней, четвертый — 3 месяца, пятый, шестой и седьмой — 7, 9 и 12 месяцев. Из них пятеро были убиты, а шестеро свергнуты с престола, причем иные подверглись ослеплению. Перед нами проходит пестрая вереница фигур: сингалезы сменяются ка-лингами (телугу), чола и пандия. Только Магха (1215—1236 гг.), князь калинга, завоевавший остров при помощи 20-тысячной армии, ввел некоторую устойчивость во владении тронном, но для несчастной страны он со своими войсками оказался настоящим бичом Божьим: никогда еще не приходилось ей переносить таких тяжелых испытаний, как от этих «дьяволов». Только на юге, где природные горные крепости, укрепленные еще искусственно, давали защиту, сохранилась независимость кучки храбрых людей. Из этих крошечных государств замечательнейшими может считаться Дамбаденья, в котором утвердился Виджая Баху III (1236—1240 гг.), ведущий свой род от Виджай Баху I. Отсюда он завладел целой провинцией Малая. Его сын Параккама Баху II (1240—1275 гг.) прогнал дравидов в 1255 г. и почти истребил их. Царь чола Сомешвара был убит. Но его ожидали еще другие войны, слабость Цейлона привлекла необычайно подвижных в то время малайцев. Под предводительством Чанд-рабхану они дважды нападали на страну и опустошали «всю землю Ланка». Однако малайцы не утвердились на острове. Параккама II ревностно подражал и мирным деяниям своего великого предшественника. Дравиды перевернули все имущественные отношения; отныне же земля была правильно разделена между светскими владельцами и орденом. Проводились дороги, сооружались пруды и каналы, почти совершенно разрушенная Полоннарува была вновь отстроена, а в Анурадхапуре предпринято исправление сильно пострадавших памятников. Между тем люди, называвшие себя монахами, погрязли в разврате, и ссоры между братствами разгорелись по-ста-

321

рому. Царь и здесь ввел улучшение: дурные монахи были устранены, враждующие секты принуждены к миру, „ орден обновлен притоком свежей крови, благодаря призванию монахов из страны чола. Но преемник Параккамы II Виджая Баху IV был дв года спустя умерщвлен одним из своих генералов, который также вскоре после этого был убит. Народ, лишенный твердого руководителя, впал в прежнее бедственное ее стояние. Страшный голод переполнил чашу страдания. Затем в страну снова вторглось

войско Пандиа и притом! так неожиданно, что даже не могла быть спасена величайшая святыня буддизма — зуб Будды, который вместе с *flurs* гой добычей был увезен в Мадурю. Только Параккама Баху] III (1288—1293 гг.), совершивший лично благочестивое! странствование ко двору пандиа в роли просителя, получил зуб обратно, конечно, уже на тяжелых условиях.

Этот разбойничий набег пандиев был, по-видимому, последним вторжением дравидов на Цейлон: несколько-лет спустя (1311 г.) мусульмане под предводительством Кафура проникли с севера до самого Палкского пролива; с середины XIV в. пандиа являются данниками царств Виджаянагара. Хотя в сингалезских хрониках, начиная с 1290 г. ничего больше не говорилось о битвах с дравидами, эти последние все-таки удержались на крайнем севере острова. Впоследствии здесь образовалось независимое царство тамилос с главным городом Джаффной. Внутренность северной половины острова, прежней царской страны (Пихиттиратта) превратилась в почти безлюдную пустыню. По причинам постоянных внутренних волнений цари отодвигали свою столицу все дальше и дальше в горы, и зуб Будды почти непрерывно странствовал вместе с ними. От буддизма сохранилось одно только название. Поэтому в монастырях почти вплоть до Параккамы IV (1300 г.) мы находим только скудные записи, а затеи почти до середины XVIII в. и вообще никаких исторических указаний. Только при Кирти Шри радже Синха (1747—1780 гг.) этот пробел был несколько пополнен скудными материалами и воспоминаниями.

322

Новая история Цейлона (с 1500 г.)

О 23 царях, управлявших страной в промежуток времени между двумя вышеупомянутыми государями, мы имеем сведения в общем незначительные и не всегда достоверные. Более определенными известия становятся начиная от раджи Синха I (1586—1592 гг.), вступившего на престол после убийства своего отца. Это был фанатичный почитатель Шивы и столь яростный гонитель буддийской религии, что многие монахи сбрасывали в его правление свои желтые одежды.

Португальцы на Цейлоне. «В то время некоторые купцы торговали в гавани Коломба и торговали долгое время, пока, наконец, не стали очень могущественными. Паранги (португальцы) вообще были скверные безбожники, жестокие и немилосердные» (Махаванша). В 1498 г. Васко да Гама бросил якорь у Калькутты. 17 лет спустя пала арабская монополия на торговлю драгоценными произведениями Азии, особенно кореньями (пряностями): Ормуз, Малакка и Гоа явились сильнейшими оплотами португальского могущества на Индийском океане. Португальцы показали у берегов Цейлона еще в 1505 г., но целый флот их отправился туда впервые в 1515 г. под начальством Лопеса Суареца из Калькутты; адмирал получил разрешение от царствовавшего тогда в Котта государя устроить укрепленный складочный пункт для товаров в гавани Коламба, в соседстве с самой резиденцией царя. Если царь предполагал, что приобретает себе таким образом могущественных друзей, то он должен был вскоре разочароваться: его заставили признать себя вассалом Португалии и наложили на него ежегодную дань, состоявшую из корицы, драгоценных камней и слонов. Скоро начались враждебные действия. Тщетно цари переносили свою резиденцию все дальше и дальше вглубь страны, сначала в Ситавака, затем в Канди; война продолжалась непрерывно, и португальцы проникали все Дальше и дальше.

323

Но тут возникли для них затруднения: их встретили крутые горы, непроходимые первобытные леса, вредный климат. Мужественная сила горцев, которые мало-помалу заимствовали у врагов многие сведения по стратегии; тактике и умению владеть оружием, а так как туземцы издавна славились искусной обработкой металлов, та скоро научились лучше изготовлять оружие, чем сами португальцы. Маядхана и сын его, раджа Синха I, нужен ственно отбили нападения португальцев; Махаванша таи отзывается о Синхе II: «Как лев, ворвавшийся в стада слонов, как клочок хлопчатой бумаги, подхваченный ветром, — так обезумевший от ужаса враг бежал от бесстрашного государя». Португальцам так и не удалось утвердиться внутри страны: они могли опираться только на крепости Негамбо, Коломбо, Галле, Баттикалао и Тринкомали с прилегающими к ним областями. Несколько счастливее оказались они в борьбе с тамилами, занимавшими северную оконечность острова и узкую полосу земли вдоль восточного берега. Столица Джаффна взята была приступом в 1560 г. и священный зуб Будды очутился в руках португальцев. Тщетно предлагал за него царь Пегу 400 000 золотых, — португальцы дороже оценили обладание кусочком кости и возможность уничтожить ее. Архиепископ Гоа, дон Гаспар, истолок зуб в ступке, испепелил его на жаровне и бросил пепел в реку. Конечно, от этого не исчезло поклонение священному зубу; очень скоро в Канди появился второй «зуб»; говорили, что настоящий зуб был скрыт от португальцев и зарыт в землю, а португальцами была уничтожена только подделка. После первого взятия Джаффны португальцы удовлетворялись захватом острова Манаара, всех сокровищ султана и наложением на него большой дани. Но в 1617 г. город был снова осажден за проявление будто бы сильной ненависти к христианам, султан обезглавлен и владения его объявлены собственностью португальцев.

История уничтожения зуба Будды ярко рисует религиозное рвение португальцев: действительно, с каждого корабля высаживались не только жадные к добыче солда-

324

ты, но и монахи, не стеснявшиеся никакими насилиями при распространении своего христианства.

Величайшим торжеством для них явилось приведение одного сингалезского царька в лоно единой истинной церкви: «Царь Дхарма Паула Раджа принял христианскую веру и получил при крещении имя Дон Жуана

Пандаура; с ним вместе крестились многие знатные люди из Копы. С этого дня португальские деньги заставили немало женщин из касты благородных, а также и из низших каст, как, например, жен рыбаков, цирюльников, хумавов и чальев обратиться в христианство и жить с христианами» (Раджава-ли). Царь-отступник назначил своим наследником Филиппа II, короля Испании и Португалии. С тех пор португальские короли присоединили к своим многочисленным титулам еще титул властителя Цейлона. Почва для обращения сингалезов в христианство была хорошо подготовлена, так как прежняя религия дошла до последней степени падения. Раджа Синха I, поклонник Шивы, преследовал своих подданных буддистов; неоднократные призывы монахов из чужих стран не могли спасти от гибели сингалезский буддизм; народом овладело глубочайшее равнодушие относительно религиозных вопросов. Становясь с новыми властителями в хороших отношениях, члены низших каст могли только выиграть, живя в португальских владениях. Поэтому народ массами переходил в католическую веру. Звучные португальские имена среди нынешних сингалезов являются наследием этих первых обращенных, принимавших с переходом в новую веру имена своих властителей.

Свою принадлежность к христианству португальцы проявляли в бесчеловечном притеснении жителей стран, подпавших их власти. Этим путем старались они наверстать сравнительно малую прибыльность торговли. В жгучей ненависти к себе туземцев португальцы встречали немало препятствий к обработке драгоценнейшего произведения острова — корицы, культура которой должна была ограничиваться небольшими пространствами в соседстве укрепленных пунктов Коломбо и Галле. «При-

325

ходилось собирать корицу с мечом в руке и вывозить под охраной крепостных пушек» (Дж. Эмерс. Тенне! Торговля все более и более приходила в упадок и не мешала военных издержек, которые португальцы не в течение полутора столетий.

Голландцы на **Цейлоне**. Уменьшение значения Цена для португальцев является лишь одним из частных признаков общего упадка их могущества. Дух предпр; имчивости, одушевлявший их в течение XV и даже в начале XVI в., — погас, силы маленькой страны истощались от постоянных войн в убийственном климате, : род обеднел и дух его сломился под давлением инквизиции. Роль Португалии в кругу колониальных и сударств была сыграна. На ее место на Цейлоне явила Голландия. В 1602 г. к острову пристали два корабля, Йорие фон Шпильберген предложил себя в союзню озлобленному против португальцев сингалезскому г сударю. Царь послал двух послов «в его прекрасную С ну», как писал Махаванша, и убедил тамошний н^ явиться на остров со многими кораблями. Обе держав заключили в 1609 г. союз с целью изгнания португальш с острова, но ни вялый царь Вимала Дхамма Сурья (1592—1620 гг.), ни голландцы еще не сознавали себя достаточно сильными для такого предприятия; только пр радже Синхе II могла начаться упорная война; португал: ские крепости одна за другой переходили в руки голландцев. Наконец, после десятилетней осады пали Джаффго и Коломбо (1658 г.). На место португальцев водворились голландцы.

С ними воцарился на острове другой дух; новые владетели крепостей, кольцом охвативших остров, оказались простыми торговцами, главной целью которых было избежать всего, что могло препятствовать торговле. С самого начала стали они отправлять ежегодно посольства к царю Канди, но царь отнесся к ним с ненавистью и презрением; посланников, случалось, били палками, сажали в тюрьму и даже убивали, — голландцы ни на что не]

326

обращали внимания. Только однажды при Кирти Шри Радже Синхе они решили наказать его и выступили в поход с малайскими солдатами. Канди был взят приступом, царь бежал, захватив с собой освещенный зуб Будды. Но между солдатами появились болезни, не хватало съестных припасов, а линии отступления были прерваны; много солдат погибло от нападения горцев, много также исчезло в негостеприимных лесах. Слабохарактерные преемники Синхи II, расположенные к монахам, не смогли, однако, поднять значение ордена. Шри Вира Параккама Наринда (1701—1734 гг.) построил для священного зуба Будды Далада Малигаву — храм, сохранившийся до наших дней, и украсил его наружные стены картинами, изображающими 32 джатаки (рассказы о рождении Будды), но уже при его преемнике, Виджаве Радже Синхе (1734—1747 гг.), опять не оказалось ни одного монаха. Сама религия обратилась в какую-то смесь индуизма, поклонения демонам и буддийских обрядностей. Сношения с Южной Индией (длинный ряд кандийских царей избирал в супруги исключительно царевен из Мадур) доставили на Цейлон право гражданства брахманским богам: их изображения носились во время религиозных процессий наравне с изображениями Будды, и царь, воздвигая хранилище для какой-либо буддийской святыни, тотчас же спешил выстроить храм, посвященный Шиве или Вишну. Только при Кирти Шри Радже Синхе (1747—1780 гг.) произошло очищение и возрождение буддизма, потерявшего всякое внутреннее содержание: два посольства доставили из Сиаму по капитулу монахов, из 10 человек каждый (первый под начальством верховного священника Упали). Терпимость голландцев и англичан дала с тех пор возможность буддизму снова возрасти и укорениться на Цейлоне, хотя он все еще сильно проникнут духом почитания брахманских божеств и дравидских демонов.

Голландцы вначале получали большие выгоды от торговли произведениями Цейлона. Не расширяя отнятых у португальцев плантаций корицы, они своей искусной

обработкой повысили качество коры коричневого дере! до степени небывалой, а установленные высокие це(поддерживали строгой монополией. Но та же моногй лия привела торговлю к упадку. Высокие цены подстре^ нули конкурентов заняться разведением корицы на гих островах; целая армия низших служащих поглоща большую часть дохода, в то же время маленький разме жалованья заставлял их прибегать к мошенничеству. То(говля корицей, дававшая вначале такую большую прі бль, перестала в конце концов окупать собственш издержки.

Британцы на Цейлоне. Более всего, однако, пост _ ла цейлонская торговля вследствие упадка значения Г<м ландии как морской державы; захват португальских вла дений обозначает кульминационный пункт ее величия, то время голландская торговля относилась к английской как 5:1. Но еще во время борьбы за Джаффну и КоломС Англия нанесла своей сопернице удар, от которого та сумела оправиться: актами от 1651 и 1660 гг. воспрещг лось иностранным кораблям всякое посредничество торговле Англии и ее колоний. В 1792 г. торговое знач< ние двух соперничающих держав выразилось отношением 2:5. А в 1794 г., когда французские войск^ были двинуты в Голландию, Англия не только захвата) голландский торговый флот, стоимостью до 10 млн, ж еще отняла у Голландии все ее колонии в Капской земле на Малакке, Кочине, Молуккских островах и прочиз Захват Цейлона не представил трудностей. Лорд Гоба(губернатор Мадраса, послал на Цейлон в 1795 г. флоч под начальством Бланкерта; тотчас же в его руки пер* шло несколько крепостей, а центр голландского правл* ния, Коломбо^ с остальными еще незахваченными креп< стями, со складами товаров, с кассами (2,5 млн) — был! без малейшего вооруженного сопротивления передан! англичанам, подкупленным голландским губернаторе! Йог. Георг. Фон Ангельбеком (15 февраля 1796 г.). Н< правление Ост-Индской компании оказалось еще хуже(голландского режима последних годов. Через год вспыхнуло восстание, и Англия, воспользовавшись этим пред- логом, забрала колонию и подчинила ее непосредственно английской короне.

Фредерик Норт был назначен первым губернатором в 1798 г. (позже Карл Гильдфорд). Норт не мог не следовать политике Англии на материке. Поэтому он прежде всего вошел в предательскую сделку с Пелемех Талавехом, первым министром сингалезского царя Шри Раджи Адхирад-жа Синха (1780—1898 гг.): значительный отряд английского войска под предлогом дружеского чествования должен был сопровождать посланника в Канди и там, если окажется неизбежным, силой заставить царя выполнить требования Англии. Однако встретив неодолимые препятствия как в природных условиях страны, так и во враждебном настроении туземцев, англичане явились в Канди лишь в незначительном числе и должны были ни с чем вернуться обратно. В 1802 г. прямым насилем совершилось то, чего не удалось добиться хитросплетенным планом: Мак-Доу-эль, имея под начальством 3000 человек, воспользовался благоприятным временем года, проник до самой столицы овладел ею, между тем как царь бежал. Войско майора Дави сильно страдало от болезней; остатки его были истреблены сингалезами в 1803 г. до последнего человека. Положение дел на европейском театре войны помешало англичанам тотчас загладить свою прежнюю ошибку, но Шри Виккама Раджа Синха (1798—1815 гг.) сам сыграл им на руку, так как после измены своего министра сделался до безумия подозрителен и жесток со своими подданными. Озлобление народа против него было так сильно, что в 1815 г. англичанам легко удалось овладеть Канди. Царь, захваченный 18 февраля в плен в селении Бомюри, был заключен в темницу в Мадрасе, где и умер в 1832 г. общий совет всех вождей передал в 1816 г. все сингалезское царство британской короне. С 1895 г. губернатором острова стал сэз Джозеф Уэст Риджуэй.

328

Индокитай ОБЩИЙ ОБЗОР

ИНДОКИТАЙ является самым восточным из трех больших выступов Южной Азии. По величине Индокитай не уступает Южной Индии (2 126 500 км) и граничит на севере с Китаем, на северо-западе — с Индией; его западную границу составляет восточный берег Бенгальского залива; южную — мелководное море между материком и островами Явой и Борнео; восточную — Китайское море (см. карту «Индокитай и Малайский архипелаг»). Не из-за моря, а от двух культурных соседних стран, Индии и Китая, заимствовал этот полуостров свою культуру и по праву носит поэтому название — «Индокитай».

Страна

На поверхности Индокитая доминируют параллельные горные хребты, которые перерезывают ее главным образом с севера на юг; эти хребты тянутся в южном направлении от горной страны, лежащей к северу от 25-й параллели между Восточным Тибетом и южными провинциями Китая: Юньнанем, Гуаньси и Квантуном. Близко теснясь друг к другу у своей исходной точки, они заключают в свои глубокие ущелья, достигающие иногда 100 метров в глубину, среднее течение четырех могучих рек, берущих свое начало в Тибете; прорвавшись сквозь теснину, эти реки затем расходятся веерообразно и устремляются к различным морям. На востоке течет Ян-цзы (Янцзыцзян), представляя как главнейшая артерия Небесной империи естественный путь для сношений; на западе, через широкую долину Ассама, направляясь к долине

330

Ганга, течет Брахмапутра; только Салуин (Сальвен) и Меконг, направляющиеся к югу, принадлежат вполне Индокитаю. С востока и с запада, а также и между ними текут параллельные им реки, но их истоки не доходят до вышеупомянутых теснин; самая западная из этих рек, Иравади, берет свое начало в горах, лежащих к востоку от Ассама, судоходна в верховьях на весьма далекое расстояние и с помощью своего притока значительно облегчает доступ к Юньнаню; орошая плодородные береговые равнины Читагонга и Аракана, она при впадении в залив Пегу образует одну из величайших дельт в мире. Салуин отделяется от

нее только низкими горными хребтами, направляющимися с севера на юг и под конец оттесняющими его от узкой береговой страны Тенассерима, направляя его в глубь Индокитая. Далее к востоку следует Менам-Чао-Прая, также всецело принадлежащий Индокитаю и являющийся главной рекой Сиам; его речная область не заходит далее 20° северной широты; затем идет вытекающий из Тибета Меконг, дельта которого простирается на восток к Китайскому морю. Все эти реки орошают плодородные долины и дельты, но неудобны в качестве путей сообщения, так как их пороги и мели обнаруживаются уже на близком расстоянии от их устьев и исключают возможность судоходства в обширных размерах. Цепь гор, направленная с севера к югу, образует на восток от Меконга резкую пограничную линию между Средним и Восточным Индокитаем: Кохинхиной*, Анна-мом** и Трнкином***. Сонгка, или Красная Река, протекает

* Кохинхина — название Южного Вьетнама в европейской литературе в период французского господства. — *Прим. ред.*

** Аннам — название Центрального Вьетнама (Чунгбо) в 1884—1945 гг. при французском колониальном господстве. —

Прим. ред.

* * * Тонкий — 1) европейское название северных районов Вьетнама в XVI—XIX вв.; 2) название французского протектората, территории северной части Вьетнама. Во Вьетнаме всегда именуется Бакбо («Северная часть»). — *Прим. ред.*

331

на севере по Тонкину, проходя по восточной трети Индокитая, вообще довольно узкой. Но будучи судоходнее других рек Среднего Индокитая, эта река представляет самый удобный путь к изобилующему минеральными богатствами Юньнаню.

Климат тропический, свойственный азиатской тропической стране муссонов. Наносная почва долин и речных дельт являет необычайную роскошь природы. Здесь с древнейших времен были центры индокитайской культуры. Горная страна к северу, не расточающая человеку так щедро свои дары, в течение тысячелетия являлась искусной воспитательницей народов: здесь издревле была родина полуварварских, но сильных племен, которые под давлением беспокойных номадов Средней Азии или по собственному желанию, прельщаясь богатствами южных низменностей, постоянно переселялись сюда и обновляли население свежим притоком способного к культуре народного элемента.

Народы Индокитая

Даже в настоящее время можно различить в антропологическом и этнологическом отношении происходившее мало-помалу постепенное наслоение племен. Прямыми потомками древнейших обитателей страны являются три антропологически различные группы: негроидная, малайская и индонезийская. Негроидные народы, приближающиеся по типу к обитателям Андаманских островов, к аэтам на Филиппинах и проч., населяют ныне под именем сакаев и семангов небольшие округа внутри полуострова Малакки. Малайцы, одинакового происхождения с туземцами островов, на которые они были вытеснены лишь в позднейшие времена, также занимают некоторые округа Малаккского-полуострова в виде чистокровных племен, а как племена, смешавшиеся с другими, позднейшими пришельцами (чам), занимают обширные пространства низменностей Сиам и Аннама; по-видимому, первоначально они обитали в индокитайских низменностях. Более высокие склоны гор заселены были индонезийцами, кровных

соплеменников которых мы встречаем на островах индонезийского архипелага, на Филиппинах, Борнео (даяки), Суматре, (батта) и т. д. Представители индонезийских племен в Индокитае в начале XX в.: наги, на границах между Ассамом и Бирмой, силонги (архипелаг Мергуи), мой (полудикие племена между Меконгом и берегом Ассам и между Юньнанем и Кохинхиной), куй (в Юго-Восточном Сиаме и Северо-Западной Камбодже), мой или талаинги (в дельтах британских рек, раньше распространенные по всей Нижней Бирме).

Высокая горная страна, лежащая далее к северу, между Восточным Тибетом и вплоть до южнокитайских провинций, с древнейших времен была заселена сильными племенами, родственными индонезийцам, которых всех вместе соединяют в одну народную группу тай (свободные). Оттуда вплоть до недавних времен совершались набеги на низменности: около 1250 г. они водворились в княжестве Цянь-Мас; при Рае Кхомхенге (1283 г.) встречается в надписях название царства Сукходая, лежащего далее к югу. Отброшенные вследствие сопротивления брахманских царей Камбоджи к западу, они являются в 1350 г. властителями Нижнего Менама (главный город — Аютя). Потомков этих завоевателей мы встречаем смешавшимися с туземцами как главную массу населения культурных государств Индокитая, дошедших до высокой степени процветания. Трудно точно установить, составляют ли чам древнейшую отрасль тай, или они ведут свое происхождение от индонезийцев; на низменностях они столкнулись с малайцами и усвоили их язык (близкий к семье современных малайских наречий), по физическим признакам они сильно отклоняются от малайского типа и скорее приближаются к индонезийцам. Первые исторические данные показывает их нам в качестве обитателей царства, занимающего Южный Тонкинг, Аннам и большую часть Среднего Индокитая. Вторая народная волна, принадлежащая уже к временам нашего летосчисления, привела кхмеров в эту плодородную страну; здесь они перемешались как с малайцами (брахоцефалы), так и с индонезийцами (волнистые

332

333

Будда и его ученики — каменные изваяния внутри храма сиамской пагоды Ват Сутхат в Бангкоке

Пояснение к рис. на с. 334—335

Когда вступаешь через ворота, находящиеся против пагоды Ват Сакет, в городе сиамских королей Бангкок, то прямая улица приводит к пагоде Ват Сутхат. Внутри этого буддийского храма (В61

Phra) мы увидим высокочтимого владыку трех миров (*tri loka them*; по санскр.: *sthavira*) и собрание слушателей Будды (*savaka sangha*) вокруг проповедующего сиамского Будды (*somana Khd dom*; по санскр.: *stapana Gautama* = Аскет Гаутама, или последний Будда, четвертый в настоящем столетии, словом: исторический Будда). Каменные изваяния в натуральную величину, одетые в платье низших буддийских священников (*talapoin*), установлены в четыре ряда. На заднем плане возвышается громадная статуя Шакия-Муни. Имя каждого из саваков (по санскр.: *§ravaka*; *poll: savaka*) высечено на мраморной дощечке, помещенной на нижней части статуи; эти надписи составлены на диалекте Сукходова.

(По Lucien Fournereau: **Le Siam ancien*», в XXVII томе «*Annales du Musee Gurnet*», Paris, 1895).

волосы племени куй) и возвысили свое царство Камбоджа до высокой степени процветания в ущерб царству Чампа, Позднейшие набеги тай ограничили их государство его нынешними пределами, уменьшенной областью Камбоджи и Южной Кохинхиной.

Новые племена все из той же колыбели народов проникают на юг и восток и теснят моев, малайцев и кхмеров: это были аннамиты. Они живут в настоящее время (начало XX в. — Прим. ред) от дельты Тонкий» до южной Кохинхины; в них заметна сильная примесь китайской крови, и они насквозь пропитаны китайской культурой. Та же самая народная волна, вероятно, принесла почти одновременно второй приток тай, лао, в горные страны теперешнего Северного Сиам; третий же — бирманцев, по языку стоящих ближе к обитателям Тибета, увлекла с горной страны, лежащей на востоке от Тибета вниз по течению Иравади, откуда они оттеснили к берегу осевших там монов, по языку родственных аннамитам. За ними последовали в начале нашего тысячелетия шаны (Сханы; ныне обитают в горных странах Верхней Бирмы), которые и теперь еще называют себя тай (свободные); далее на восток — сиамцы, которые сломали в Камбодже господство ранее пришедших туда кхмеров и основали собственное государство, доведенное ими до высокой степени процветания. Физические признаки всех этих племен говорят за то, что они не остались чужды смешению с другими народами.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА И ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИНДОКИТАЯ

Глубочайший мрак закрывает от нас далекие времена истории Индокитая; сравнительное изучение наречий, так же как и антропология, свидетельствуют о ранних сношениях с другими народами и а смешении племен между собой. По языку можно выделить несколько коренных групп. Наречия теперешних темных обитателей полуос-

336

12 История человечества

трова почти неизвестны; наоборот, особенности языка малайских племен указывают на их обособление еще с древнейших времен. Другие наречия народов Индокитая, принадлежащие к группе изолирующих языков, помогают различить уже в древнейшие времена два первобытных народа, которых мы можем определить соответственно с нынешним распространением их потомков как тибето-бирманцев и тайкитайцев. Но где именно обитали эти народы-родоначальники, мы не имеем никакой возможности указать. Утверждать можно только одно: отпрыски этих древнейших племен, имевших значение для истории Индокитая, очевидно, явились с севера. В более поздний период истории Индокитая чистокровные тхай жили в гористой стране на границах Индокитая и Китая, где сохранились в чистоте еще и по настоящее время (начало XX в. — Прим. ред.). Из сравнения языков мы можем заключить, что отпрыски тай еще в очень древние времена должны были образовать племена мон-аннами-тов; позднее эти племена были вытеснены надвинувшимися тай под именем монов (Пегу) и аннамитов (восточный берег Индокитая, местное название — Юон) в нынешние места их жительства, весьма отдаленные одно от другого. Чамы также образовали уже издавна отдельную ветвь и столкнулись с малайскими племенами, сильно повлиявшими на их физическое строение и на язык. За ними уже в более поздний период истории следуют кхмеры, лао, шан и сиамцы. Мы ничего не знаем о том, в какое время и каким образом произошли первые перемещения этих племен. Китайские источники, относящиеся к 1110 г. до н. э., сообщают, правда, о посольстве из Индокитая (вероятно, из Тонкина) к китайскому двору Чжоу; затем в 214 г. до н. э. и в 109 г. н. э. были основаны китайскими генералами особые династии в Тонкине. Ближайших же сведений относительно событий тех времен мы не имеем; местные легенды до того изукрашены фантазией, что мы не можем извлечь из них никакого пригодного для истории материала, хотя они и начинают свое повествование с сотворения мира.

338

В первые столетия нашей эры мрак мало-помалу проясняется: на северной границе и на востоке — беспокойства и волнения, борьба с переменным успехом между китайцами и туземными племенами, на юге и западе — победоносное вторжение индусской культуры. Важнейшим источником при изучении индокитайской истории того времени является «Описание земли» Клавдия Птолемея в первой половине II в. Герини («*Journal of the Royal Asiatic Society*», 1897) мы обязаны ключом к разъяснению многих его сообщений. Значительную часть юга занимало царство чамов, Чампо, со столицей Чампапура; на восток и на северо-восток от него поселились кхмеры, которые, по свидетельству древнего камбоджийского источника, продвинулись к югу от своей родины, лежавшей на севере, и пришли в столкновение с чампами. Птолемей утверждает, однако, что в его время все побережье Индокитая было заселено синдоями (индусами). Если уже в то время настолько было велико их значение в Индокитае, что александрийский историк говорит о

них как о многочисленном племени, то, значит, индусская культура, несомненно, должна была проникнуть в страну за несколько столетий до этого.

Введение брахманской культуры является просто победой немногих пионеров высшей цивилизации: индокитайское население в физическом отношении изменилось от этого весьма мало. Начало этого движения имело место не ранее заселения Ориссы брахманнами; отсюда брахманизм проложил свой путь в Индокитай, вероятно, через море. С одной стороны, брахманы проникли в Индокитай издавна закрытым, сухим путем через дельту Ганга и Ассам только во второй половине нашего тысячелетия, когда брахманство уже давно пришло там в сильный упадок; с другой стороны, мы можем сделать заключение в пользу перехода морским путем из того, что индусская культура развилась всего лучше в прибрежных местах (сравни выше указания Птолемея). Из Южной Индии не могло исходить движение в Индокитай уже потому, что в то время брахманство еще не получило

13*

там прав полного гражданства, и перенесение культуры с тех берегов едва ли вероятно; лишь гораздо позже стали развиваться сношения между этими странами, что можно проследить по появлению дравидских мотивов в архитектуре позднейших храмов Индокитая. В пользу того, что индокитайское брахманство было занесено с севера Индии, говорят, кроме того, не только санскритские названия почти всех главнейших городов Древней Индонезии, названия, заимствованные почти целиком от городов дельты Ганга, но также стремление тамошних государей производить свой род от мифических династий Солнца и Луны Мадхьядеша.

Морской путь привел прежде всего к Бирме; но индийская культура нашла для себя там, по-видимому, почву, не столь подготовленную, как в большом, более восприимчивом царстве Чампа, лежавшем к югу: Лигорийский залив и нынешняя Камбоджа в своей береговой полосе вместе с побережьями больших рек сделали вследствие своих хороших экономических условий, по-видимому, центром брахманского влияния. Это влияние оказалось менее значительным в восточных частях полуострова, более удаленных от родины брахманизма и находившихся под влиянием китайской культуры. Еще до сих пор на всем пространстве между Верхней Бирмой и Кохинхиной бесчисленные развалины храмов с их богатыми скульптурными украшениями и санскритскими надписями свидетельствуют о господстве, которое брахманы некогда имели над умами. Каждый год приносит важные открытия, особенно в областях, занятых французами. Е. Аймонье говорит, что по надписям можно восстановить в их санскритской форме имена многих царей Камбоджи от II в. вплоть до 1108 г., — имена еще сохранившиеся в народных преданиях; впоследствии санскрит заменился туземным письмом кхмеров. Судя по подписям, а также по памятникам зодчества и ваяния, Шива и сын его Ганеша с головой слона пользовались наибольшей популярностью; их изображения и символы (лингам) далеко многочисленнее, чем изображения других индусских

340

богов. Но и Вишну пользовался большим почитанием; ему посвящены самые большие и прекрасные из брахманских храмов Индокитая, например, Ангкор Тхом и Ангкор Ват, построенный, как можно видеть из надписей, в 825 г.

Уже в те времена, когда первые брахманы проникли в Индокитай, там же пустило корни также и буддийское учение, правда, под видом особого рода поклонения древним богам. Является, поэтому, весьма вероятным, что вместе с переселением брахманства в Индокитай были заронены и семена буддизма. Так же как Будда в кругу поклонников*Вишну считался за воплощение этого божества на земле, так и статуи его воздвигались и почитались в храмах Вишну или Шивы в дни процветания брахманства в Чампе и Камбодже.

Буддизм проник в Индокитай двумя путями: один вел сюда прямо из Индии и Цейлона; с этого острова, как гласит предание, Буддагхоша, по окончании им перевода священных книг на язык пали, принес в V в. буддийское учение в Индокитай, и некоторое сходство между камбоджийской рукописью и цейлонским пали, несомненно, говорят в пользу религиозно-культурных сношений обеих стран. Наряду с этим, однако, — а, по свидетельству Дао-Сянь-Ко, еще раньше — северное (санскритское) учение буддизма проникло в Индокитай через Среднюю и Восточную Азию. Буддизм прежде всего распространился между пол варварскими воинственными племенами горцев; они, по-видимому, сделали его ревностными последователями. По крайней мере, племена тай (лао, шан, сиамцы), продвинувшиеся впоследствии далее на юг, оказались ревностными буддистами. Вторжение этих племен в Индокитай на рубеже I и II вв. знаменует окончательный упадок брахманства в этой стране: боги исчезают, храмы рушатся; на их месте воздвигаются сооружения, по незатейливости своей вполне соответствующие простоте буддийского мирозерцания и представлений о божестве (см. прилагаемый рисунок «Будда и его ученики», каменные изваяния во внутренности сиамской пагоды Ват-Сутхат).

341

Только в Камбодже брахманство существовало долее, как о том свидетельствуют постройки и надписи, относящиеся к VI—XIII вв. Около 700 г. северный буддизм делает там первые робкие шаги, и царь Джаяварман (968—1002) является реформатором, вводящим его. Но только в 129 г. школы попадают в руки буддистов, и только в 1320 г. буддизм объявляется государственной религией Камбоджи. Около того же времени и южный буддизм (пали) нашел себе там последователей.

Но какие глубокие корни брахманизм пустил в жизни народа, доказывается не только многими словами санскрит-

ского происхождения, получившими право гражданства в наречиях современного Индокитая, это проявляется во многих особенностях народной жизни. Правда, Вишну, Шива и Ганеша уже не признаются богами, но их чтут как героев и их каменные и бронзовые изображения украшают храмы наряду со статуями Будды, как, например, в храме Ват-Бот-Пхрам в Бангкоке. Изображение Вишну все еще красуется на королевском знамени Сиам, и сиамские короли очень благоволят к тамошним брахманам, твердо придерживающимся своей религии: им одним предоставлено право приготовления святой воды, и они играют выдающуюся роль при многих церемониях во дворце. Аристократия Камбоджи до сих пор претендует на особые привилегии, ссылаясь на брахманский кастовый строй (кшатрии).

ИСТОРИЯ ИНДОКИТАЯ

Начиная с времен, когда мы, благодаря Птолемию, можем составить себе несколько более определенные понятия о соотношении народов Индокитая, мы замечаем во всей истории полуострова дифференцирование по трем намеченным самой природой его главным частям: западной, обращенной к Индийскому океану, средней, орошаемой реками Салуинном, Менам-Чао-Прая и Меконгом, и, наконец, восточной, доступной легче всего со стороны Китая и обращенной к Китайскому морю.

342

Западный Индокитай (Бирма)

Древнейшие источники истории Бирмы мы находим в Китае, летописи которого рассказывают о борьбе с туземцами Северо-Западного Индокитая в первые века до Р. Х., во время которой окончила свое существование древняя столица Таконг; далее говорится о других китайских походах между 166—241 гг. Очень смутное предание говорит о гораздо более отдаленных временах. С его помощью мы видим прежде всего непрестанные междоусобия маленьких государств, зарождающихся, доходящих до могущества и снова исчезающих. В этом водовороте выступает несколько более обширных государств, отличающихся большей живучестью, например, по северному побережью Аракан, заселенный бирманцами, но вследствие соседства с Индией сильно подпавшей ее влиянию; Аракан в 1133 г. при царе Гав-Лайя получил перевес над Бенгалией, Пегу, Паганом и Сиамом и еще в 1450 г. простирал свое владычество от Сандовеха через Акьяба до Читтагонга. На юге лежало государство Малая-Деша, получившее свое название от главного племени, заселявшего его. Но важнее этих обоих государств были два государства: Бирма и Пегу. Их история представляет непрерывную борьбу двух племен — бирманцев, явившихся с севера, и туземцев мой (талаинг, пегу).

Самые ранние мифы бирманцев указывают нам на Промэ (V в.) как на столицу древнейшего царства. Но позже мятежниками, бежавшими из Промэ, был основан Паган, средоточие нового царства, процветавшего от VII—IX вв. и еще в 1060 г. настолько сильного, что оно при Анурадхе или Анорат'асо могло покорить царство Талаинг; но в 1300 г. оно было уничтожено династией Пандья. Время, в течение которого Тагонг (Таунг-гу) является столицей старого бирманского царства, совпадает со временем процветания индийской культуры, насаждаемой брахманнами; их легенды рассказывают, что Тагонг на Иравади был основан за 500 лет до начала нашей эры царем Абхираджа. Во всяком случае властители Та-

343

гонга находились под сильнейшим влиянием представителей чужеземной культуры. Предание сохраняет длинный список династий, старавшихся произвести свой род от древнеиндийских государей; некоторые из этих царей прославляются как герои в бирманских народных песнях еще и доныне.

Насколько можно извлечь историческое ядро из народных сказаний, мы видим, что первое тысячелетие нашей эры прошло для страны в волнениях, борьбе отдельных государств то с сингалезами, то с китайцами, которые постоянно стремились подчинить Бирму своему владычеству, когда не мешали их собственные неурядицы. Позднее также повторялись китайские набеги; даже в 1284 г. еще происходили, по-видимому, сильные битвы с могучим соседом. Лишь в 1305 г. бирманцу Минти удалось освободить страну от китайского владычества, но затем она подпала власти шан. Туман, окутывающий отдельные эпизоды бирманской истории, начинает понемногу проясняться со второй половины XIV в. Но характер дальнейшего развития не изменяется; все та же кровавая борьба между главными племенами бирманцев и мой; жестокие и храбрые властители, сменяющимися слабыми и бессильными; вечные потрясения и перемены, которые захватывают также и маленькое государство не только Западного Индокитая, но и Среднего.

В 1364 г. царь Шатоменхин (Тхадоминбиа), властитель над страннами Сагоин (Сагани) и Пандья, основал бирманскую столицу Ава (классическую Ратнапуру), на долю которой выпало надолго стать центром исторических событий. Преемник Шатоменхина Менгьитсаукэ (Мин-Сав-Мун) усилил свое царство завоеванием Про-мэ. Он и его преемники с успехом отбили не только нападения араканцев (1413 г. и позже), но даже китайцев в 1424, 1449 и 1477 гг. Но затем центр тяжести перешел от Ава к Пегу, властитель которого Ментара подчинил своему владычеству Бирму и Аракан (1540 г.), затем взял приступом после отчаянного сопротивления столицу Сиам Аютхью и таким образом утвердил свое владыче-

344

ство также в обширном царстве Среднего Индокитая (1544 г.). Частые восстания сиамцев, подавлявшиеся с большим трудом, скоро освободили их от господства царя Пегу Буранкри Наунхан (1551—1581 гг.) (Баин Наунг, португ. Брангиносо). Однако зависимость Бирмы от Пегу была более продолжительной. Многие попытки к освобождению остались тщетными (1585 г.), и Ава как заброшенный провинциальный город скоро пришла в упадок. Но в начале XVII в. пегуанцы были изгнаны Нья-унг Мендарахом, Ава, вновь отстроенная, опять стала столицей в 1601 г., Пегу и соседние государства шанов на севере были покорены.

Но уже в 1636 г. Пегу не только освободилась от Авы, но и покорила ее, и Ава стала столицей обоих соединенных государств. Еще не раз счастье колебалось то в ту, то в другую сторону. Во второй половине XVII в. преобладание перешло на сторону Пегу, в начале XVIII в. — к Бирме. Однако после тяжкого разгрома в 1740—1752 гг. Бирма снова покорилась Пегу. В 1753 г. Бирма окончательно стряхнула власть Пегу, и с тех пор начинается последний период ее самостоятельной истории (до 1885 г.).

Прошло много столетий с тех пор, как нога европейца впервые ступила на землю Индокитая. Малакка, покоренная Альбукерком в 1511 г., явилась одним из самых главных оплотов португальского владычества в малайском архипелаге; товарные склады основались также и севернее, но в злополучные времена борьбы между Пегу и Бирмой они не могли приобрести особенного значения. Португальские рыцари и солдаты сражались то за ту, то другую сторону, смотря по обстоятельствам. Отдельные искатели приключений португальского (Фил. де Брито-и-Никотэ, 1600—1613 гг.) и испанского происхождения (Себастьян Гонзалес де Тибоа, около 1650 г.) достигали мимолетной славы, но всех их ожидал печальный конец. Все сношения европейцев с Индокитаем были лишены широкого размаха. Несколько позже англичане и голландцы также основали на бирманском берегу свои колонии, но были изгнаны, так как не смогли поладить

345

с бирманскими чиновниками. Только в середине XVIII в., когда англичанам удалось оказать помощь освободителю Бирмы Аломпре, они в награду за эту услугу, отчасти же благодаря низкой лести, получили дозволение вновь построить фактории на острове Неграис при устье реки Бассейне; некоторое время (до октября 1759 г.) эта колония вела значительную торговлю.

В 1740 г. пегуанцы под начальством Беинга Делла победили Бирму и истребили всю ее царскую фамилию. Но в 1753 г. Аломпра, человек низкого происхождения (Алаунгп'ая, Алунк П'Хура, «Охотник»; а в одной притче, заимствованной, как думают, из Буддагхоша, встречается такое презрительное заявление: «из 21 касты 19 могут добрыми делами заслужить отпущение грехов, но охотники и рыбаки, хотя бы они и посещали пагоды и исполняли закон и всю жизнь следовали пяти заповедям, все-таки не получают отпущения грехов»), собрав в деревне Моццо (Манхабу) толпу единомышленников, прогнал из своего отечества пегуанского правителя и брата царя, Апораца, явившегося с флотом перед Ава в 1754 г.; затем он проник в 1755 г. в Пегу и в 1757 г. овладел столицей неприятеля. В память победы при Си-ниангонге (21 апреля 1755 г.) был построен город Рангун, который благодаря удачному положению — на пути торговых сношений — скоро получил важное значение.

С 1757 г. царство Пегу, несколько столетий боровшееся с Бирмой за первенство, перестало существовать. Бирма же заняла бесспорно первенствующее положение на западе Индокитая; занятием Мергуи и Тенассерима она протянула руку даже за Сиамом. Преемникам Алом-пры (умер 15 мая 1760 г.) оставалась только задача тушить восстания, отбивать нападения китайцев, не желавших допустить возникновения юной могучей державы на своей южной границе, и подчинить себе маленькие государства Западного Индокитая, еще сохранившие свою независимость. Второй после Аломпры государь, Шем-буан (Синбьюин, Шанг-Пхра-Шанг; 1763—1776 гг.), успешно защищал свою страну от китайцев, почти со-

346

вершенно истребил их войско при Аве (китайцами командовал генерал Чин), покорил (временно: 1771 г.) Сиам и взял Ассам (Асам), ранее остававшийся независимым как по отношению к Индии, так и к Индокитаю. Третий сын Аломпры и шестой царь династии от 1757 г. Бходау Пхра (Бодавп'ая — царский дед; собственно Баден-тха-кен, также Ментарагьи или Манде раджи Прау), храбрый, но жестокий и своенравный государь, выстроил новую столицу (1783 г.) Амарапуру (Уммарапуру) и заставил переселиться туда всех жителей Авы. Он свирепо подавил восстания в Пегу, жестоко преследовал учение Будды и его священнослужителей; в 1784 г. он хитростью завладел Араканом и подчинил его себе. К концу его царствования (1819 г.) Бирма достигла высшей степени величия и могущества.

Царское безумие Бходау Пхра перешло к его наследнику и внуку Пхагьи-дау (Инг-Ше-Мен), значительно, впрочем, уступавшему ему в даровитости. Самомнение довело его до первой войны с Англией (1824—1826 гг.). Мир, заключенный в Яндабо 24 февраля 1826 г., лишил Бирму многих владений и отодвинул ее границы до бассейна Иравади; ее береговая полоса едва заходила за пределы дельты этой реки (с Рангуном). Но это тяжкое испытание ничему не научило государей Бирмы. Когда безумие Пхагьи-дау стало несомненным, он был свергнут с престола (в 1837 г.) и заключен в тюрьму. Столь же ослепленный и жестокий его преемник Тхаравади объявил, что договор в Яндабо не имеет для него значения; английские миссионеры подверглись такому обращению, что должны были бежать, и британское резидентство вследствие дерзких отношений к нему было отозвано в 1840 г. Но и после того как Тхаравади (1845 г.) окончательно сошел с ума и был низложен своим сыном Патан Менг, враждебные проявления не прекращались: британские капитаны были оскорблены и не получили требуемого удовлетворения; Бирма стремилась нарочно вызвать новую войну с Англией. Несмотря на значительные потери, британские войска заняли один за другим города:

347

Мартобан (Раманья, 5 апреля 1852 г.), Рангун, Бассейн, Проме и Пегу (21 ноября). 20 декабря Карл Дальгаузи провел новую границу, объявив Нижнюю Бирму (Пегу) британской провинцией; это было смертельным ударом для Бирмы, у которой таким образом отнимались богатейшие области для рисовой культуры и заграждался доступ к морю. Англия же приобрела этим односторонним миром в полное владение восточный берег Бенгальского моря, прежде принадлежавший бирманцам. Остальная часть

туземного царства обречена была на полную зависимость от британской Индии, должна была, следовательно, сохранять хорошие отношения с Англией. Но это оказалось невозможным для бирманских государей. Патан Менг был свергнут с престола в 1853 г., и ему наследовал добрый и любивший своих подданных Менг дан (дун) Менг (Менлунг-Мен, Миндон-мин); но и этот государь настолько мало понимал свое положение, что 18 месяцев спустя после занятия Пегу англичанками он отправил посольство в Калькутту с просьбой вернуть ему отнятые страны; долгое время он отказывался подтвердить потерю Пегу своей подписью. Тем не менее отношения между Бирмой и британской Ост-Индией были сносны при этом государе, перенесшем свою столицу из Амарapura в Мандалей. Аракан, Мартабан (Иравади), Пегу и Тенассерим были в 1862 г. объединены в одну Британскую Бирму, а Артур Файр назначен главным комиссаром. В 1874 г. присоединена к Тенассериму Кведа на Малакке, уступленная владетелем по добровольному соглашению. В 1871 г. Италия также заключила торговый договор с Бирмой, а за ней последовала Франция; Бирма со своей стороны также отправляла посольства (1872, 1874 и 1877 гг.), чем проявила желание установить правильные сношения с Европой.

1 октября 1878 г. умер Менг дан Менг, и ему наследовал Тхибау (Тхебау), государь, подобный Пхагьи дау и Тхаравати. Будучи заклятым врагом Англии, он уже в сентябре 1879 г. оскорблениями заставил резидента удалиться из Бирмы. Затем он вступил в сношения с Фран-

348

цией, границы индокитайских владений которой достигли к этому времени до государств чанов, плативших дань Бирме; ближайшей целью этих переговоров являлось проведение железной дороги из французских владений до Мандалея, основание там французского банка и т. д. 17 октября 1885 г. со стороны последовал Англии ультиматум, предписывавший Тхибау немедленное принятие британского резидента и отречение от всякой самостоятельной политики для Бирмы. Царю было дано всего 4 дня на размышление; он отверг ультиматум. Англичане воспользовались этим коротким промежутком времени, чтобы подвести к границам Бирмы 11-тысячный отряд под начальством полковника Гарри Норт Дальримпль Прен-дергаст. Тхибау, застигнутый врасплох, просил перемирия и предлагал начать переговоры; на это последовало согласие под условием выдачи англичанам всей бирманской армии и города Мандалея. Когда же это условие было доверчиво принято и 28 ноября приведено в исполнение, ничтожный монарх был объявлен государственным пленником и отправлен 1 декабря через Рангун в Мадрас. Эти все события англичане называют третьей бирманской войной; в действительности же некоторых жертв с их стороны потребовала только осада Минхласа (17 ноября); нападением врасплох они завладели свободным еще западом Бирмы, независимость которого была официально уничтожена 31 декабря 1885 г.; в апреле 1886 г. последовало восстание, усмирённое в ноябре генералом Робертсом (ср. III т.). В 1887—1888 гг. последовало присоединение государств шанов, и англичане стали властителями всего Западного Индокитая.

Средний Индокитай

Три царства последовательно занимали первенствующее политическое положение в Среднем Индокитае: Чампа, Камбоджа и Сиам. Первоначальная история Среднего Индокитая дошла до нас, но лишь в самых общих чертах.

349

Чампа и Камбоджа. Больше всего это относится к Чам-пе, древнейшему из трех вышеуказанных государств: самые ранние известия говорят нам о Чампе как о стране, обитаемой могучим народом. В дни своего величайшего процветания, — около середины I в., Чампа занимала пространство, равное приблизительно теперешней Камбодже, временами заходя даже за пределы Кохинхины, Аннама, до самой границы Южного Тонкина. Культура уже во времена Птолемея была брахманской: древнейшие санскритские надписи восходят до III в., а более поздние — до XI в. Позднейшие надписи сделаны на языке Чампа, особом языке с примесью санскрита. Религия, как и вообще во всем Индокитае, состояла главным образом в поклонении Шиве (лингам); можно найти также слабые следы буддизма, который пустил более глубокие корни лишь в дни падения царства Чампа.

Начиная с IV и кончая X в., история Чампы полна борьбы с китайцами, которые, завладев Кохинхиной, Аннамом и Тонкином, выгнали оттуда чампов. Вторым противником Чампы явился народ кхмеры, вторгшийся в страну, согласно с древнекамбоджийскими преданиями, с севера и живший во времена Птолемея в северо-восточной части царства Чампа. Уже в VII в. они клином врезаются между царством Чампа и государствами Аннамом и Кохинхиной, которые были подчинены Китаю. Они вполне обладают брахманской культурой: древнейшая санскритская надпись, заключающая данные относительно государства кхмеров, Камбоджи, относится к III в.; под 626 г. (по счислению Шака — 549 г.) упоминается в этих надписях некий царь Ишанаварман, о трех предшественниках которого; Рудравармане, Бхававарма* не и Махендравармане, мы можем судить из последующей буддийской надписи от 667 г. (по счислению Шака — 589 г.), а затем с небольшими перерывами можно проследить ряд царей до 1108 г. Свидетель, достойный веры, китайский пилигрим Сюань-Цзан посетил в 631—633 гг. оба государства — Камбоджу и Чампу и называет в них города: Деваравати, Чаматура и Чампапура. Около это>

350

го времени Камбоджа уже сделалась государством, равноправным со старым царством Чампа. Но на северной границе уже замечалось опасное движение народов. С пограничных китайских гор

надвигаются к югу племена тай и доходят до границы Камбоджи. Часть этих племен, Лао, еще в 574 г. достигла до 18° широты и основала государство с главным городом Лабонг; около них образовались другие, меньшие государства тай. В начале VII в. Лао (в китайских летописях, Ай-Лао) сильно теснят государство Камбоджа. Но тут их сила сломилась. Легенда связывает историю поражения тай с именем царя Пхра-Руанго; к его царствованию относится начало летосчисления, первый год которого — 638-й принят и поныне во всем Среднем Индокитае за исходную точку. Побежденные впали в глубокое культурное рабство: они приняли камбоджийские письмены и камбоджийские законы. Но юная мощь народа недолго сдерживалась. По свидетельству древнекамбоджийских и сиамских источников, тай освободились в 959 г. Быть может, представляя из себя отзвук татарской народной волны тхитанов, нахлынувших в Китай в 937 г. они под предводительством царя по имени также Пхра Руанга, направились к югу и основали самостоятельное царство за счет царства кхмеров; из этого семени выросло впоследствии государство Ксиенг-Маи, а несколько позднее — современный Сиам*.

Сиам. В 1253—1254 гг. китайский генеральный наместник Мангу-хан Кублай внезапно напал на тай; царство Рамчао, основанное одним из их племен, было разрушено, и шаны оттеснены на места нынешнего жительства (начало XX в. — *Прим. ред.*). Не столь сильно пострадало тай Сукходая на Менаме, в котором царствовал Рама Кхомхенг и которое простиралось от Лагора до Вингчау и до большого Камбоджийского озера. Все далее и далее продвигались сиамские тай, тесня царство

*Сиам—официальное название Таиланда до 1939 и в 1945—1948гг. —*Прим. ред.*

351

чамов и угрожая кхмерам: в конце XIII в. они достигли уже до устья Менам-Чао-прая. Таким образом, Сиам достиг в общих чертах своих теперешних границ (Муонг-Тай, земля тай). Царство Чампа было ограничено небольшой областью на юге, царство же Камбоджа отодвинуто к юго-востоку.

Первый период истории Сиамы (1344—1556 гг.)* Первый период новой истории Сиамы начинается с воцарения в 1344 г. царя Раматхибоди (Пхра-Утонга), который быстрым и победоносным походом увеличил свое царство на юге значительной частью Камбоджи, а на юго-западе — полуостровом Малаккой. Согласно измененному центру тяжести в царстве, столица Чалианг была в 1350 г. перенесена южнее, в Аютью, возникшую из развалин древнего Даона. В 1353 и 1357 гг. Камбоджа снова была вынуждена воевать и была побеждена; пленных поселили в новой столице, и ослабленное соседнее государство должно было уступить Сиаму провинцию Чан-табум. Преемники великого Пхра-Утонга должны были сдерживать северных соседей (Лао, 1382 г.), оказывать сопротивление насилиям Чампы (1385 г.), которое сделалось царством морских разбойников, снова подчинять отпавшую Малакку верховному владычеству Сиамы и наказать в 1385 г. Камбоджу за восстание полным разрушением ее столицы; вследствие этого кхмеры перенесли свою столицу в болотистые низменности прибрежья.

Затем следуют государи, мало выдающиеся, употреблявшие все усилия, чтобы удержать государство в прежнем положении. При них начались первые сношения с европейским миром, что имело глубокое значение для новой истории Индокитая. В 1511 г. царь Боромма-Рад-жа снова завоевал отпавшую Малакку.

Сиам столкнулся с португальцами, занявшими в том же году город и крепость Малакку. Между обеими державами завязались сносные отношения: был заключен торговый договор. В остальном влияние европейцев на Снам было пока незначительно. Внутри Снам» происходили беспорядки,

352

споры за престол, господство любимцев и женщин. Пока сохранялся внешний мир, слабость государства не была очень заметна. Но как только усилившееся государство Пегу, получившее господство над Бирмой, напало на Сиам, слабость его тотчас обнаружилась: царь Ментара явился с огромным войском; камбоджийцы тотчас воспользовались удобным случаем, чтобы вмешаться. Столица Аютью сдалась, несмотря на отчаянное сопротивление, в 1544 г., и Сиам превратился в вассальное государство, платившее дань Пегу. Едва страна начала оправляться, как уже стала помышлять о независимости, что вызвало новое нападение Ментары в 1547 г. Португальские рыцари защитили столицу, она устояла, и Ментара вернулся ни с чем; но уже в 1556 г. преемник Ментары, Чумигрен, взял Аютью штурмом, увел в плен почти все население и обратил Сиам в пегуанскую провинцию.

Второй период истории Сиамы (1556—1767 гг.). Чумигрен выказал мало политической дальновидности, назначив наместником зятя последнего сиамского царя. То был человек даровитый, умевший вдохнуть в своего высокоталантливого сына Пхра-Нарета (род. в 1542 г.) чувство любви к родине и свободе, одушевлявшее его самого. При Пхра-Нарете (Абхираджа Прамерит, 1558—1593 гг.) начинается все разрастающаяся волна движения в новой истории Сиамы; до сих пор его почитают в Сиаме как великого национального героя. Уже в 1564 г. он разбил наголову пегуанцев и заселил пленными все еще малолюдную столицу (1566 г.). В течение двух последующих лет он подчинил себе Лао на севере, а в 1569 г. заставил Китай признать себя полновластным государем Сиамы. Обширные замыслы Пхра-Нарета шли далее: он хотел распространить владычество Сиамы на весь Индокитай. Однако прежде всего было необходимо раздавить исконного врага Сиамы — Пегу- Для этого похода ему предложил свою помощь царь Камбоджи. Но как только сиамские войска ушли на Пегу, властитель Камбоджи изменнически ворвался в плохо защищенное государство

353

своего союзника. Это нападение было отбито, но война с Пегу вследствие этого затянулась и только в 1579

г. окончилась полным подчинением Пегу Сиаму. В отмщение за измену властитель Камбоджи был в 1583 г. побежден, взят в плен и столица его Лавек разрушена до основания. Волнения в Камбодже и Пегу в 1587 г. снова вызвали туда Пхра-Нарета. Но когда он, наказав зачинщиков, захотел в 1593 г. подчинить себе также царство Ава (Бирму), скоропостижная смерть положила предел его победоносному шествию.

После смерти великого царя настали времена упадка, и почти полтора столетия прошли в волнениях, кровавых переворотах (в 1627 г. произошло истребление династии Пхра-Нарета министром Калахомом, начавшим новую династию под именем Пхра Чау Пхрасаттхонг), в народных восстаниях и мятежах провинций (особенно в 1615 г.), так же как и в нападениях извне. Только однажды Сиам имел надежду на лучшую судьбу. В 1656 г. из Кефалонии явился некий греческий авантюрист Константин Фаулкон (по-сиамски: Пхра-Кланг). Своей ловкостью и даровитостью он приобрел милость тогдашнего сиамского царя Нараи (Чау Норага, или Нарая), который осыпал его почестями, возвел на высшие должности и, наконец, предоставил ему полную свободу распоряжаться почти во всех отраслях правления. Явились голландские, английские, португальские и французские колонии, сообщение облегчилось устройством дорог, каналов и проч., согласно строго обдуманному плану, и благосостояние заметно росло. Особенно Фаулкон благоволил к французам: им было разрешено иметь католическую церковь в Аютью и дано позволение устроить миссии под управлением Ламот Ламберта (1663 г.). Король Людовик XIV и папа Климент X послали в 1673 г. посольство в Сиам для того, чтобы содействовать преуспеванию христианства. На эту любезность Фаулкон ответил тем же в 1684 г. В 1685 г. Франция отправила в Сиам флот и в 1687 г. он получил по договору Бангкок и Мергуй, которые и укрепил; но излишнее вмешательство

354

экипажа в дела государства скоро сделало его ненавистным народу. Нововведения, ломавшие старые основы, вводились слишком быстро: Фаулкон пал в 1689 г. во время народного восстания; его реформы, насколько возможно, были уничтожены, французы изгнаны в 1690 г., миссионеры и туземные христиане подверглись притеснениям.

При последующих слабых государях (Пхра Пхет Рача, Пхра Печарача, или Питра Сена, 1689—1700 гг.; затем при его сыновьях и внуках) могущество Сиам склонялось все более и более к упадку. Величайшее унижение пришло снова с запада. В соседней Бирме Аломпра увлекал свой народ от победы к победе и растоптал исконного врага государства — Пегу. Затем он захотел подчинить себе также Сиам и, почти не встречая сопротивления, дошел до Аютью; но тут его сразила внезапная смерть (1760 г.). Однако преемник Аломпры, Шембуан, снова в 1766 г. вторгся в государство; столица Сиам была в 1767 г. взята и сожжена, а раненый царь погиб в пламени.

Третий период истории Сиам (с 1767 г.). Гибель столицы и смерть царя сделали страну легкой добычей победителя. Этот последний оставил там, поэтому, только незначительный гарнизон; на севере, где мощь тай все еще глубоко коренилась в родной им почве, был оставлен сиамский наместник, родом китаец, Пхая Так (Пхиатак, Пиатак). Он собрал вокруг себя, сколько мог, людей, способных носить оружие, прогнал бирманцев и, когда династия в 1627 г. угасла, добился от Китая признания себя царем. Аютью была разрушена до основания, и резиденцию вследствие этого пришлось перенести к устью Менама в Бангкок (Банкасей), скоро развившийся в оживленный торговый город. Сила растет с успехом: Пхая Так в том же самом году покорил Камбоджу и другие менее значительные государства на юге; затем он покорил на севере Лао (1777 г.) и окончательно отбил бирманцев, не желавших примириться с потерей Сиам. В

355

конце концов Пхая Так сошел с ума, бежал в монастырь от народного восстания и был убит.

После Пхая Така бразды правления перешли к его первому министру Чакри (1782 г.), основателю ныне царствующей династии (начало XX в. — *Прим. ред.*). Это совпало со временем, когда французский епископ Бехен приобрел решительное влияние на наследника престола соседней державы — Аннама; в ту пору началось деятельное вмешательство Франции во внутренние дела Восточного Индокитая. Там побоялись европейцев и их церковных представителей; в Сиаме при новом государе и его преемниках к чужеземцам относились тоже неблагоприятно (Пиру-синг до 1809 г.; Пхендингганг 1809—1824 гг.; Кром Чиат, или Крома Мом Чит, 1824 — 3 апреля 1851 г.). Миссионерам при исполнении ими своих обязанностей ставились затруднения и издавались не раз указы, направленные против христианской религии. И только когда в сороковых годах XIX в. воспитание сиамского наследного принца было вверено попечениям французского епископа Д. И. Б. Палле-гоа, была дарована по вошествию принца на престол полная свобода вероисповеданий (апрель 1851 г.). Еще со времени блестящей карьеры Фаулкона в Сиаме удержалось известное, хотя часто и смешанное со страхом, восхищение французами; молодой государь Чау-Фа-Монгкут (происходивший от ветви царственного дома, вытесненной в 1824 г.) постарался завязать в 1851 г. более близкие сношения с императором Наполеоном, отправив к нему посольство; его брат и наследник, Сомдет Пхра Параминдр Маха Монгкут (с 1852 г. до 30 сентября 1868 г.), заключил торговый договор с Францией в 1856 г. (с Англией — в 1856 г., с Германией — 7 февраля 1862 г., с Австрией — в 1868 г.). При царе Параминдре Маха Чулалонгкорне (лай-кара), который вступил на престол пятнадцатилетним мальчиком 1 октября 1868 г., а в 1873 г. 16 ноября взял бразды правления в собственные руки от доверенного министра Чау Пхрая Шри Сурьявонгсе, дружба с Францией продолжалась по-прежнему. Когда в 1844 г. Франция взяла под свое покровительство Аннам, а Англия в 1886 г. овла-

356

дела Бирмой, из всех больших государств Индокитая только один Сиам оставался независимым. 8 мая 1874 г. форма правления в Сиаме несколько изменилась: законодательная власть делится между государем, великим государственным советом и советом министров.

Мелкие государства шан на севере представляли собой очаг постоянных осложнений между двумя западными державами, борющимися за влияние в Сиаме. Государства шан на восточном берегу Меконга, государство Ки-енхонг, в разные времена подпадали власти или верховному покровительству своих более сильных соседей: в дни своего процветания и Сиам, и Бирма, и Аннам называли их собственностью и никогда не отказывались от своих мнимых прав над ними. К довершению всего Китай с давних пор также претендовал на верховное владычество не только над этими государствами, но и над всем Индокитаем. Когда в 1886 г. Англия заняла Бирму, а в 1887—1888 гг. и государства шан и вместе с тем заявила притязания на левый берег Меконга, Франция заявила протест, потому что таким образом ей заграждался доступ в Юньнань, в качестве же покровительницы Аннама она желала присвоить себе среднее течение Меконга как древнюю границу Аннама. Англия выдвинула прежде всего Сиам и заключила с ним в 1892 г. договор, по которому Сиам, по праву прежнего владения, должен был получить Киенхонг, лежавший по обе стороны Меконга. Ожидания Англии сбылись: в 1893 г. дело дошло до столкновений между Францией и Сиамом, которые, впрочем, 2 октября закончились тем, что Сиам отказался в пользу Франции от всей страны к западу от Меконга. Англия опять не захотела стать лицом к лицу со своей сильной соперницей: она спряталась за спину Китая и вместе с ним установила пограничную черту, которая отдавала во власть Китая государства Монгленг (Муанг-лем) и Киенхонг, причем с Небесной империи было взято обязательство не уступать этих провинций без согласия Англии какой бы то ни было державе (Франции) ни частями, ни целиком. Таким образом и со своей стороны Франция вынуждена была начать с Кита-

357

ем переговоры касательно границ: 20 июля 1895 г. она разрешила ему значительно выдвинуть к югу свои владения по Меконгу и за это обеспечила за собой различные привилегии в торговле с Южным Китаем. Только договором от 15 января 1896 г. уладились кое-как (временно) англо-французские интриги. Относительно Сиамы было решено следующим образом: обе державы охраняют неприкосновенность средней части государства*, около двух третей прежнего пространства. Не подлежит охране треть Сиамы, полоса, обращенная, с одной стороны, к французскому Аннаму на востоке, с другой, — к британской Бирме на западе: обе державы пришли к безмолвному соглашению не становиться друг другу поперек дороги при позднейших предприятиях относительно не стоящей под их защитой частью страны. До сих пор, однако, Сиам еще владеет своими прежними областями.

Восточный Индокитай

Китайский период. Природные условия издавна тесно связали судьбы Восточного Индокитая, прилежавшего к Китаю, с этой сильной страной, уже очень рано достигшей высокой степени культуры. Старинные предания сообщают о посольстве из Тонкина к императорскому двору, имевшем место за два тысячелетия до начала нашей эры, о возникновении китайских династий за 214 лет до н. э. и 109 лет н. т. Но на этом не остановилось стремление китайской культуры к распространению; она пустила корни также в Аннаме и Кохинхине и сделала там большие успехи к тому времени, как из Камбоджи

* «Покровительствуемая» по договору область Сиамы охватывает низменности рек Печабури, Меклонга, Менам-Чоупрая, Банг Пакана с его притоками; затем береговую полосу Муонг Банг Талана до Муонг Пасе и бассейны рек, к которым примыкают эти местности; наконец, область к северу от бассейна Менам-Чоупрая между англо-сиамской границей, Меконгом и восточной границей бассейна Ме-Инга.

358

брахманское движение начало направляться, к северу. Прежняя культура удержала там первенство и дала направление характеру развития аннамитского народа. Брахманская культура имела сколько-нибудь значительные успехи только в Кохинхине, тогда как в Аннаме можно найти лишь незначительные следы брахманизма, в Тон-кине же он почти незаметен.

С отдаленной эпохи основания первых династий в Тон-кине Китай владел Восточным Индокитаем более или менее прочно в течение тысячелетия до 968 года в зависимости от ситуации в Небесной империи. Если в нем происходили внутренние неурядицы, перемена династий, нападения сильных внешних врагов и он оказывался в затруднительном положении, тогда и в Индокитае сохранялась лишь тень его власти. Так, например, в период с 222 по 618 г. его власть в Аннаме была весьма ограничена, и наместники пользовались тяжелыми обстоятельствами империи, чтобы стать почти независимыми. Временами же Китай держал твердой рукой скипетр над Восточным Индокитаем; так, в первой половине I в. он усмирил восстания в Кохинхине (которая в 263 г. также приобрела на короткое время независимость), а когда в 618 г. в Китае воцарилась сильная династия Тан, Аннам и Кохинхина скоро снова подпали в большей своей части строгой зависимости.

Стремление к национальной независимости. Стремление Аннама к независимости снова увенчалось победой в 968—981 гг., когда в X в. Китай был потрясен внутренними неурядицами, и успех на этот раз был более прочен. Один из китайских наместников, Ли, основал в то время в Аннаме династию, названную по его имени (1010—1225 гг.); в 1164 г. Тонкий сбросил китайское владычество, а за ним в 1166 г. последовала и Кохинхина. Китай на короткое время снова подчинил себе отпавшие провинции: император Кублай Хан не только покорил весь Тонкий, но также Аннам и Камбоджу. Но обе последние державы скоро

снова освободились, а в 1288г. и Тонкий изгнал китайцев. Правда, в XIV в. и начале XV Китай снова утвердился в Восточном Индокитае: Аннам должен был платить дань при династии Мин (в 1368 г.), Тонкий и Кохинхина были китайскими провинциями до тех пор, пока в 1418—1427 гг. национальное движение в этих государствах до того усилилось, что с тех пор китайцы навсегда потеряли фактическое господство над ними.

Вожак движения Ле Ло явился основателем династии Ле, которая долгое время царствовала в Аннаме и Тонкине, основала в 1427 г. столицу Ханой и признавала верховную власть Китая тем, что посылала ленные посольства и почетные подарки, но не позволяла вмешиваться в свои внутренние дела.

Появление европейцев на востоке Индокитая сначала имело так же мало последствий, как и на юге и западе. Хотя с 1511 г. были заложены сначала португальские, а затем и голландские фактории, а с 1610 г. появились миссионеры, а затем и маленькие христианские общины из туземцев (миссии: в 1610г. в Камбодже, в 1615 г. в Чам-пе и Тонкине, 1631 г. в Хайнанае, в 1632 г. в Лаосе), страна и ее повелители относились к иностранцам сначала равнодушно, а затем враждебно. В XVIII в. торговые сношения почти прекратились, миссионеры и христианские общины возбуждали недоверчивость, часто подвергались ненависти и преследованиям и, наконец, были вынуждены лишь втайне влачить свое жалкое существование.

Сильных правителей из дома Ле сменили в XVI веке слабые государи. При них некоторые области Аннама стали независимыми (1558 г.), и династия Ле угрожала бы гибелью, если бы не помогли способные министры, которые получили такое влияние, что установили в 1545 г. должность наследственных домоправителей (дом Тригне, или Тринх; ср. Пешвов в государстве махраттхов. В 1570 г. Кохинхине освободился от власти как их, так и призрачного государя Нгуйен-Хоанг <Тиен-Вуонг; до 1614 г.): это был предок теперешних властителей Аннама. Его преемники увеличили свое государство остатками Чампы и Южной Камбоджи (шестью провинциями теперешней нижней Кохинхины) и основали резиденцию в Хуе. Таким образом, в XVII столетии и в большей половине XVIII в Восточном Индокитае |

360

господствовали довольно запутанные политические отношения. Хотя Китай и не вмешивался во внутреннюю политику страны, но потребовал признания своего главенства. В Аннаме только по имени продолжала царствовать династия Ле; в действительности же Аннам (с Кохинхиной) и Тонкий являлись двумя различными государствами, часто сильно враждовавшими между собой. В Аннаме господствовали фактически потомки Нгуйен-Хоанга, а в Тонкине — фамилия домоправителей Тригне.

Эпоха французского влияния в Восточном Индокитае.

Сношения с Европой прекратились в XVIII веке. Попытка Англии при Катчпуле в 1702 г. основаться на острове Пуло Кондорэ окончилась в 1704 г. убийством поселенцев туземцами и разорением колонии. Только в конце XVIII-го века Аннам вошел в более близкие сношения с Францией.

Всеобщее народное восстание, организованное в 1765 г. одним из трех братьев низкого происхождения, Тай Соном, сразу изменило политическую картину Аннама: старая династия Ле и князья дома Тригне совершенно исчезли, почти исчезли и Нгуйены. Один только внук последнего царя этой фамилии, Нгуйен Ангнэ, спасся бегством в Сиам и здесь был воспитан французским епископом Пинье де Бехен; впоследствии он снова приобрел самую южную область царства своих предков (Пху-куог). В 1787 г. он послал своего сына вместе с епископом во Францию для заключения с Людовиком XVI оборонительного и наступательного союза, что и было совершено 18 ноября, причем Франция взамен бухты и полуострова Турон обещала помощь при завоевании остальной части Аннама. Хотя великая французская революция значительно уменьшила размеры государственной помощи, ожидавшейся от Франции, тем не менее Нгуйен Ангнэ при содействии епископа Адрана получил французских офицеров, обучивших его войска по-европейски и принявших руководство военными операциями. Таким образом, он подчинил себе не только Средний Аннам

361 (1792—1799 гг.), которым владели Тай Соны, но и Тои кин (в 1802 г.), сбросивший с себя тем временем иго, даже присвоил верховное владычество над Камбоджей,]

Это государство уже давно сохраняло только тень вселенной, озарявшего его до вторжения сиамских тай, С те! пор как Пхра Нарет омыл ноги в крови обезглавленного царя, — Камбоджа уже не могла освободиться от Сиамского владычества. Несчастную страну терзали и внутренние волнения, и внешние войны с Сиамом, Лаосом и Аннамом, цари все далее отступали перед своими сильными соседями и несли, наконец, свою столицу на побережье в Сайгон, построенный на месте прежнего Тхияна, упоминаемого Арианом. Не удалась Камбодже и попытка воспользоваться борьбой Сиамом с бирманцем Аломпрой: в наказание вассала Сиамом Сомратх Пхра Нарай должен был в 1794 г. отдать Сиаму Баттамбонг и Сиамрат. А с 1806 г. страна должна была платить дань как Сиаму, так и Аннаму; она получила две печати по одной от каждого из соседних государств, государи Камбоджи являлись ленниками обеих стран.

Нгуйен Ангнэ при помощи французов достиг больше успеха, и с тех пор он к своему титулу императора (царя) Аинана прибавил еще эпитеты Гиа Лонг (т. е. Л1 мец счастья). Достигнув власти, он стал опасаться инсинуаций, значение которых мог понять яснее всякого друг индокитайского государя; он им не оказывал милостей, но зато избегал также всяких враждебных проявлений по отношению к ним. В 1788 г. министр просвещения и религии Нгуйен Ду-Хуан-там-три в угоду царю представил ин-1 тересный для изучения местной культуры роман «Ким Ван | Кьеу Тан Труэн»: черта, показывающая уровень нравственности и образования при тогдашнем аннамском дворе.

Его преемник Мигне Мегне (Минхманг; 1820—1841 гг.) вначале выказывал терпимость относительно чужестранцев. Но политические происки французских и испанских миссионеров сделали из него ожесточенного врага европейцев: в 1833 г. миссионеры подверглись жестокому преследованию; в 1838 г. он запретил доступ в свою страну всем европейцам; исповедание христиане-]

362

кой религии было объявлено достойным такого же наказания, как государственная измена; в том же году стали жертвой этого указа 33 французских священника. Сын и наследник Мигне Мегне Тхиеутри (1841—1847 гг.) смягчил преследования и ограничился заключением миссионеров в тюрьму; угрозы Франции заставили в 1843 г. освободить четырех из них. Но так как гонения не прекращались, то Франция через коммодора Лапьерра потребовала в апреле 1847 г. полной свободы вероисповеданий; после истребления аннамитского флота обещание было дано. Император скончался в том же году.

Ему наследовал его сын Тудук (Тюдкж только или Дук-дук; первоначально — Хоонг Нхам) до 17 июля 1883 г., вначале благосклонно относившийся к христианам. Но миссионеры своим вмешательством в вопрос о законности престолонаследия сделали молодого государя непримиримым врагом христиан и чужеземцев: в 1848 и 1851 гг. произошли жестокие гонения на христиан. Наконец, Франция, смотревшая на себя как на опору христианства в Азии, послала туда в сентябре 1856 г. корабли и войска под начальством капитана Лелье де Виль-сюр-арк. Турон был взят приступом в 1856 г.; но как только корабли отплыли, Ацнам отвечал новым гонением на христиан и умерщвлением испанского епископа Диаца (1857 г.).

Тогда при содействии Испании Франция произвела более сильное давление. Коммодор Шарль Риго де Жену-льи снова взял Турон 1 сентября 1858 г., а в 1859 г. — Сайгон. Но затем план военных действий был изменен. В 1860 г. Наполеон приказал войскам удалиться из Аннама и занять только вассальное государство Аннама — Кохинхину. В то же время вспыхнувшая война с Китаем парализовала военные действия, и только по заключении мира в Пекине продолжились прерванные военные операции. В начале 1861 г. вице-адмирал Теожен Франсуа Паж разорил укрепления по берегам Меконга, а адмирал Луи Адольф Бонар, к которому в декабре 1861 г. перешло командование войском, одержал победу при Лонглапе 19 января 1862 г., покорил всю провинцию Сайгон и взял почти

363

все важнейшие города Камбоджи. Тудук был вынужден 15 июня купить мир ценой потери трех провинций — Сан-; гона, Биенхоа и Митхо. Но в декабре того же года произошли волнения, заставившие возобновить переговоры и только 15 июля 1864 г. приведшие к окончательному мирному договору, по которому Франция возвратила вышеуказанные провинции, удержав, однако, Сайгон, и, не взирая на заявления Сиама, приняла под свое покровительство Камбоджу, что было снова и еще определено подтверждено договором от 17 июня 1884 г.: истинный властитель есть не царь Нородом I (с 1860 г.), а французский верховный резидент в Пном Пенхе. Новые восстан в Аннаме в 1867 г. опять призвали Францию к оружию последствием чего для Аннама была потеря вышеозначенных трех провинций, нынешней французской Кохинхины

Тем временем один из потомков династий Ле, Л Пхунг, стал властителем Восточного Тонкина и прови* ций Бак-Нигнэ (Бакнинх); но как только Тудуку был развязаны руки, Ле Пхунг был зверски убит (1864 г.). Н Тонкий еще не успокоился. В 1850 г. обширное соседнее северное царство было потрясено таипингами, и лишь в 1865 г. был подавлен мятеж в южных провинциях Гуан с и Гуан дун. Многие мятежники бежали под предводительством Уа Тсонга в аннамитскую провинцию, где они по именованию «Черных флагов» подвергали страну многим опустошениям в качестве разбойников и морских пиратов.

Но утверждая свое владычество в Аннаме, Франция преследовала цели более широкие, чем простое увеличение своих владений. Уже давно ходили слухи о баснословных богатствах южных провинций Китая, в особенности же Юньнани. И французы и англичане наперебой стремились хорошенько исследовать эти провинции. Подчинение Бирмы передало в руки англичан обладание водным путем, который доставил им возможность проникнуть ближайшее соседство к Юньнани. Но и французы при устье большой реки Меконга, текущей с севера; нужн было исследовать ее судоходность: оказалось, что она этой цели непригодна. Капитан Донтар де Лагрэ (18'

364

1868 гг.) установил, что пороги уже близ самого устья представляют непреодолимые препятствия. Сонгка (Красная река) в Тонкине представляла лучшие условия. Предприимчивый француз Дюпюи направил сюда экспедицию на собственные средства: в 1870 г. он проник на корабле до Юньнани и завязал сношения с китайскими мандаринами. Враждебные действия аннамитов вызвали в 1873 году отправку лейтенанта морской службы Мари-Жозефа-Франсуа Гарнье. В течение нескольких месяцев этот последний подчинил в Тонкине страну, население которой насчитывало миллионы, а пространство было вдвое больше Бельгии.

Но тонкинские успехи не встретили во французском парламенте должной политической оценки. Войска были отозваны назад (Гарнье был предательски убит Черными флагами в схватке 31 декабря 1873 г.), и весь выигрыш сводился к тому, что 15 марта 1874 г. был заключен договор, по которому Аннам открывал еще 3 гавани (Нинхай при Хай пхонге, Ханой и Тхи най или Куй нхон) для европейской торговли, обеспечивал свободу вероисповеданий и в случае восстаний обязывался обращаться за помощью только к Франции и ни к какой другой державе. 31 августа был заключен также торговый договор, Аннам хотя и подтвердил его (26 августа 1875 г.), но условий его не выполнял и вообще проявил такое враждебное отношение к Франции, что она, наконец, потеряла терпение. Ханой был бомбардирован в 1882 г., и французы проникли далее в Тонкий; здесь Черные флаги наделали им много хлопот (майор Генри Лоран Ривьер был 19 мая 1883 г. убит¹ из засады). Медленно, один пункт за другим брал контр-адмирал А. А. Курбэ и в конце концов завладел занятым китайцами Сонгаем (16/17 декабря 1883 г.), а генерал Шарль Теодор Милло занял Бак Нигне (10/12 марта 1884 г.) Аннам, где с июля 1883 г. царствовал

Хиепхоа*,

* Император Хиепхоа, дружелюбно расположенный к французам, отравился 28 ноября 1883 г. За ним царствовали три племянника Тулука, братья Киенпхук (до 1 августа 1884 г.), Хам-Нгхи (бежал в июле 1885 г., в 1887 г. захвачен в плен и

365

Оглавление

введение.....	3
4ндия.....	14
Природа Индии.....	14
Страна.....	14
Ландшафт.....	15
Положение страны.....	20
Население.....	22
Этнические особенности.....	24
Распространение индийских религий.....	28
Кастовый строй.....	31
История Индии.....	32
Древняя история Индии.....	33
Доисторический период.....	33
Первая ступень арийской иммиграции в Пенджаб.....	47
Распространение арийцев в области Ганга.....	56
Период от похода Александра Великого до вторжения ислама.....	129
Мусульманская эпоха Индии (1001—1740гг.).....	158
Религиозная борьба между исламом и индуизмом (1001—1526 гг.).....	158
Могольское царство Тимуридов до Аламгира II (1526—1759гг.).....	175
Открытие европейцами доступа в Индию и борьба за экономическое преобладание (1498—1858гг.).....	215
Открытие западно-восточного морского пути в Индию и последовавшие за этим открытием торговые предприятия европейских государств (1498—1740гг.).....	215

367

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **МОСКВА**
5-89173-229-7 (45) (2 - 4) 2012
Шмидт. м/ф. История человечест

1192463

49.00

Книга представляет собой обзор истории Индии, Цейлона, Индокитая до начала XX века. Методология автора строится на базе антропогеографии и этнографии, что представляет особенный интерес.

Издание предназначено студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся историей.

ISBN 5-89173-229-7

9 785891 732292